

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, В. М. Жирмунский,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
И. Г. Ямпольский*

Большая серия

Второе издание

**РУССКАЯ
СИЛЛАБИЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ
XVII-XVIII В.В.**

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
А. М. Панченко*

*Общая редакция
В. П. Адриановой-Перетц*

Настоящее издание — первый широкий свод памятников русской поэзии, написанных силлабическим стихом. Книга дает ясное представление о литературном языке XVII — первой трети XVIII века, знакомит с духовной жизнью этой эпохи — ее нравственными и эстетическими идеалами. Многие тексты извлечены из старинных рукописей и впервые появляются в печати.

ИСТОКИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

1

Существует убеждение, что древнерусская литература до XVII века была исключительно или почти исключительно прозаической. «В русской феодальной книжности не было специально стихотворных жанров, и если встречались в прозе ритмичность, рифмование или «напевность» — это шло от эпоса. Русских «книжных стихотворений» как самостоятельного литературного рода не выработалось, по-видимому, до эпохи Московского государства». Это утверждение А. С. Орлова¹ не поколеблено ни исследованиями так называемых «стихов покаянных»,² метрическая природа которых пока не ясна, ни обнаружением в рукописях конца XV века, выполненных известным иноком Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином, единичных стихотворных текстов.³ Попытки найти метрическую константу в «Слове о полку Игореве», «Слове о погибели Русской земли», отдельных

¹ А. С. Орлов, Древняя русская литература XI—XVII веков, М.—Л., 1945, с. 342.

² Известны также под названиями «прибыльных», «умиленных». См.: В. Перетц, К истории древнерусской лирики («Стихи умиленные»). — *Slavia*, роč. XI, seš. 3—4, Praha, 1932, с. 474—479; В. И. Малышев, Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии». — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 5, М.—Л., 1947, с. 142—148; А. В. Позднеев, Стихи «прибыльные» в списке XVI в. — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 18, М.—Л., 1962, с. 309—310 (в последние годы А. В. Позднеев опубликовал несколько работ на эту тему в зарубежных изданиях).

³ См.: Я. С. Лурье, Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 17, М.—Л., 1961, с. 130—168. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: ТОДРЛ.

фрагментах летописей (в частности, Ипатьевской и Галицко-Волынской) и т. п. наукой приняты не были, поскольку они имеют налет дилетантизма. Очевидно, что новые разыскания не скомпрометируют в целом тезиса о «нестихотворности» старинной русской литературы.

Некогда этот факт толковался как следствие и показатель «отсталости» культуры русского средневековья. Такая интерпретация, разумеется, ненаучна — она страдает оценочностью, не подкрепленной достаточной аргументацией. Сейчас никто, по-видимому, не решится утверждать, что русский народ в феодальную эпоху не обладал развитым эстетическим чувством. Противное доказывают замечательные памятники изобразительного и словесного искусства, и между прочим постоянное внимание и вкус к слову, которые несомненно присущи и ораторской прозе Кирилла Туровского, и изощренному литературному орнаменту Епифания Премудрого. Следовательно, объяснение «нестихотворности» древнерусской литературы нужно искать в иной плоскости. Нынешний уровень филологии не позволяет дать исчерпывающий анализ этой проблемы; лишь некоторые моменты могут быть очерчены более или менее достоверно.

В своей книге «Поэтика древнерусской литературы» Д. С. Лихачев напомнил, что «древняя русская литература не только не была изолирована от литератур соседних — западных и южных стран, в частности от той же Византии, но в пределах до XVII века мы можем говорить о совершенно обратном — об отсутствии в ней четких национальных границ. Мы можем с полным основанием говорить об общности развития литератур восточных и южных славян. Существовала единая литература, единая письменность и единый литературный (церковнославянский) язык у восточных славян (русских, украинцев и белорусов), у болгар, у сербов, у румын... Больше того: общность литературы существовала не только между восточными и южными славянами, но для древнейшего периода она захватывала и западных славян (чехов и словаков, в отношении Польши — вопрос спорный)».¹

С нашей точки зрения это высказывание интересно тем, что в сконструированном Д. С. Лихачевым культурно-историческом «круге» господствовали прозаические формы. Исключения, конечно, были — в частности Дубровник, испытавший длительное влияние соседней Италии. Общая черта различных культур, поскольку они составляли определенную общность, — не сознание племенного родства (иначе

¹ Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, М.—Л., 1967, с. 6—7.

как быть с так называемой молдаво-славянской письменностью), каковое не помешало западным славянам после падения славянской литургии искать в литературе свои пути, а вероисповедные моменты, то обстоятельство, что восточные и южные славяне находились под церковной юрисдикцией Константинополя.

Трудно сказать, по каким причинам книжность православных славян оказалась «нестихотворной». Византия создала развитую поэзию, и если в киевскую пору Русь заимствовала произведения греческих авторов IV—VI веков (в новой школе, по словам И. П. Еремина, приходилось начинать «с азов»), то затем переводческая практика, если можно так выразиться, «синхронизировалась», — и все же поэзия не привлекла внимания русских книжников (немногие переводы из византийских поэтов выполнены в прозе). Однако стоит подчеркнуть несколько фактов: «нестихотворность» книжности и пышный расцвет эпоса характерны для южных и восточных славян и нехарактерны для славян западных. В России книжная поэзия развилась в XVII веке, когда ослабли связи с южными славянами и, напротив, усилился культурный обмен с Польшей — и непосредственно, и через Украину. Разграничительная линия между фольклором и письменностью в православном славянском мире была существенно сдвинута сравнительно с Чехией и Польшей, что, по-видимому, и определило тенденции литературной эволюции. Только на самом начальном этапе существования церковнославянской письменности возникла группа поэтических текстов, составлявшая общее достояние сначала западных и южных, а потом и восточных славян.

Первым эти памятники ввел в научный оборот А. И. Соболевский. Он опубликовал их в журнале «Библиограф», в «Трудах XI археологического съезда», отдельными брошюрами. Так стали известны «Проглас» (предисловие) к Евангелию, ныне уверенно атрибутируемый Константину-Кириллу, «Похвала царю Симеону», «Азбучная молитва Константина Преславского» и др. В 1923 году Р. О. Якобсон прибавил к ним один из текстов «Порфирьевского листка», кондак св. Симеону, стихиру Дмитрию Солунскому.¹ Спустя несколько лет Н. С. Трубецкой восстановил метрическую схему похвалы Григорию Назианзину,² включенной в паннонское житие Константина-Кирилла.

¹ Р. О. Якобсон, Заметка о древнеболгарском стихосложении. — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. 14, № 2, 1923, с. 351—358.

² По данным паннонского жития, похвалу составил сам первоучитель славянства. См.: N. S. Trubetzkoy, Ein altkirchenslavisches Gedicht. — «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XI^{1/2}. Leipzig, 1934, S. 52—54.

Вскоре Д. Костиц определил стихотворную природу «памяти» Константину и стихиры из службы Мефодию,¹ расшифровав акростих, указывающий автора этой службы: «Добро, Методи, та цом, Константин(ъ)» (Преславский).

Зарубежные исследования последних лет весьма расширили объем ранней церковнославянской поэзии.² Публиковались новые памятники, анализировалось соотношение текста и напева, метрические схемы построения текста, как такового. Если А. И. Соболевский в своих реконструкциях исходил из предположения об обязательной равносложности строк, то теперь ясно, что изосиллабизм выдерживался редко. Господствующим был принцип силлабической симметрии. Употреблялся двенадцатисложный стих с цезурой после пятого или шестого слога; одиннадцатисложник; такие, например, сложные схемы: 5—6—8 | 8—6—5 | 7—7—4—5—3—5 (12 стихов ирмоса «Земьнь къто слыша таковая. . .») или 8 | 5—5—5 | 8—8 | 5—5—5 (9 стихов ирмоса «Вьсь еси желание. . .»), схемы, где число слогов в каждом стихе было кратным трем (от св. Троицы, священного для христианина числа «три»), и проч. Как видим, техника церковнославянской поэзии — и литургической, и более или менее светской — была развитой и даже изощренной.

Для историка русской поэзии, однако, важно прежде всего то, как воспринимались такие памятники в древней Руси. А. И. Соболевский о «Похвале царю Симеону» и «Азбучной молитве» Константина Преславского писал следующее: «Последние дошли до нас в русских списках конца XI — начала XIII веков, сделанных русскими писцами, не понимавшими, что они — переписывают стихи. . .»³ Это суждение после новейших работ следует — по крайней мере частично — признать несостоятельным. До падения редуцированных («полугласных» *ь* и *ѣ*) «порча» текста могла быть лишь исключением. А в том, что церковнославянские стихотворения проникли в Киевскую Русь ранее падения этих звуков, не приходится сомневаться, — это доказывается и «Изборником» Святослава 1073 года, и тем, что во всех 74 отрывках новгородского Ирмология по списку XII—XIII веков есть лишь

¹ Dragutin Kostić. Бугарски епископ Константин — писац службе св. Методију. — «Byzantinoslavica», VII, Praha, 1937—1938, с. 189—211.

² Общее представление об этих исследованиях дает доклад Р. О. Якобсона: Roman Jakobson, The slavic response to byzantine poetry. — XII-e Congrès international des études byzantines. Ochride, 1961, Rapports VIII, с. 249—265.

³ А. И. Соболевский, Церковнославянские стихотворения конца IX — начала X века. — «Библиограф», СПб., 1892, с. 4.

два (!) случая отсутствия слабых редуцированных, и, наконец, таким соображением: поскольку эти стихотворные памятники в большинстве своем так или иначе связаны с первоочередными обрядовыми потребностями только что отошедшего от язычества русского народа, «языка нова», говоря словами Константина Преславского, то не будет никакой натяжки, если мы свяжем время их усвоения Русью с самым ранним периодом введения и распространения христианства, когда редуцированные выполняли слоговую функцию.

Напомню также о достаточно аргументированной гипотезе, согласно которой одной из праславянских метрических систем была система силлабическая, реализованная, по мнению Н. С. Трубецкого, в русских «прабылинах». ¹ Конечно, после исчезновения слабых еров эти силлабические стихотворения в метрическом отношении претерпели радикальные изменения. Впрочем, искусственное произношение редуцированных могло сохраняться (хотя бы под влиянием мелодии), и мы действительно знаем такие факты.

Церковнославянские стихотворения какое-то время оставались на Руси живым явлением, и, видимо, не стоит третировать их как нечто случайное и третьестепенное, ² тем более что они были замечательны и с точки зрения поэтической техники, основывавшейся на многовековых достижениях христианской культуры, и — иногда — с точки зрения идейной (напомню о славянских «нотах» в «Прогласе» и «Азбучной молитве»). Конечно, всякая служба строится по определенному трафарету. Кроме того, ее эстетическое воздействие подчинено чисто практическим целям. Однако не нужно смешивать «два разных явления: штамп и канон... Средневековый художник сознательно пользуется канонами. Он творит в пределах канонов. Это известные нормы, которым он подчиняет свое творчество... Блестящий мундир, который всегда один и тот же по форме и надевается в приличествующих случаях, — это канон. Искусство средневековья подчинено этикету, и оно обряжается канонами, оно *нарядно*». ³ Стилистическая отделанность, поток сравнений и перифраз, строгая архитектоника, торжественность напева и самой храмовой обстановки — всё это перебрасывало мост между обрядом, выполнявшим практическую функцию, и искусством, затрагивающим чувство прекрасного.

¹ N. S. Trubeczkaj, W sprawie wiersza byliny rosyjskiej. — В кн.: Prace ofiarowane Kazimierzowi Wóycickiemu, Wilno, 1937, с. 100—110.

² Ср.: Л. И. Тимофеев, Очерки теории и истории русского стиха, М., 1958, с. 206.

³ Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, с. 125 (сноска 4).

Не какие-то органические художественные пороки литургической гимнографии повинны в том, что она не положила начала национальной поэтической традиции. (Кстати, при внимательном рассмотрении многие «покаянные» стихи оказываются простым заимствованием из богослужебных книг; влияние последних в огромной степени испытали также стихи духовные, которые до сих пор бытуют в фольклоре, особенно старообрядческом. Но это уже более поздние явления.) Церковь долго не могла установить контроль над национальным, языческим по своим корням русским искусством. Само огромное количество церковных обличений скоморохов, этих «глумотворцев», «веселых молодцов», летописные и иные свидетельства, говорящие о том, что даже русские князья пренебрегали этими обличениями (народ в киевском цикле былин сохранил память о пирах Владимира, где ценили скоморохов), — эти и другие факты подтверждают гипотезу М. Д. Приселкова о светлом и радостном характере раннего русского христианства, исходившего из постулата: «крещение есть спасение». Церковь, как кажется, вынуждена была смириться с тем, что искусство осталось в большой мере привилегией «глумцов».

Памятники устно-поэтического творчества той далекой поры дошли до нас в очень поздних записях, со множеством наслоений. Современные реминисценции в летописях весьма немногочисленны. Поэтому с формальной точки зрения изучение народной поэзии этой эпохи представляется чрезвычайно затруднительным, тем более что нас интересует в первую очередь поэзия книжная. Ясно, впрочем, что большая часть метрически организованных жанров фольклора существовала в неразрывной связи с напевом (одно из самых распространенных названий для скомороха — «гудец»), хотя нет оснований сомневаться и в наличии говорного стиха, «бахарского», отголоски которого ощутимы в «Молении Даниила Заточника».

Вся история древнерусской поэзии — это история сложных взаимоотношений, взаимовлияний, взаимопроникновения литературы и фольклора. Пока фольклор удовлетворял потребности русского народа — и низших его слоев, и верхушечных, и деревенских, и городских — в лирической и сатирической поэзии, литература не «обслуживала» эти области или затрагивала их слабо. Нет ничего удивительного в том факте, что первые записи русских лирических песен были сделаны для иностранца Ричарда Джемса. Русский человек до поры до времени не испытывал в этом потребности, потому что фольклор был достоянием всех слоев населения.

В связи с этим следует напомнить также о другом примечательном явлении: об иерархии отдельных слагаемых словесного искус-

ства; представления об этой иерархии были в официальной идеологии вполне определенными. С конца XV века в русской литературе идет настоящая дискуссия о «полезных» и «неполезных» произведениях, или, пользуясь современной терминологией, идейных и безыдейных. «Полезным» признавалось «душеполезное» чтение, разрабатывающее «вечные» темы христианства. «Неполезным» — занимательное: беллетристика, сатира, наверное и светская лирика. Если в сборниках упоминавшегося выше Ефросина мы находим рядом с беллетристическими памятниками фольклорные тексты, то это объясняется не тем, что фольклор «ушел» из города: так получилось лишь в XVII веке, после жестоких гонений на скоморохов, организованных первыми царями из дома Романовых, причем исторический парадокс состоял в том, что эти «благочестивые» преследования лишь ускорили процесс обмирщения и автономизации светской литературы. В ефросиновские же времена причина заключалась в относительном свободомыслии, вполне естественном для периода широкого распространения ересей. При Иване Грозном ничего подобного быть не могло: тогда, по крайней мере внешне, правительственная и церковная цензура безраздельно господствовала в литературе.

2

Сказанное выше объясняет ту мнимую внезапность появления русского стихотворства в начале XVII века, о которой столь часто пишут. Не отрицая очевидного влияния польской и украинно-белорусской силлабики, мы должны считать это влияние результатом внутренней потребности. С другой стороны, никак нельзя согласиться с концепцией о «самозарождении» русской силлабики. По этому поводу цитируют одно из высказываний В. Н. Перетца (отмечу кстати, что новейшие работы по истории русской книжной поэзии так или иначе продолжают разработку положений этого замечательного ученого): «Общей основой... ритмической речи, снабженной рифмой, могло служить синтаксическое расположение предложений, в которых сказуемое или же вообще наиболее значащие с точки зрения автора слова — выдвигались вперед или ставились в конце предложения. Естественное замедление перед новым предложением-мыслью породило уже вполне последовательно известного рода ритмичность, которую мы наблюдаем и в несомненно прозаических памятниках старинной славянорусской литературы. Рифма — первоначально глагольная или прилагательная — кажется нам результатом такого расположения

предложений и явилась, думается, независимо от намерения автора, как и в народном эпическом стихе, обыкновенно безрифменном». ¹

Действительно, в русской прозе эпохи Смуты примеры таких рифм необычайно обильны. ² У Авраамия Палицына, в «Ином сказании», «Новой повести о преславном Российском царстве» встречаются не только суффиксально-флексивные рифмы (результат синтаксического параллелизма), которые, разумеется, количественно преобладают, но и коренные рифмы и рифмоиды: хвост — возраст, прут — труп, торг — горд, дров — гроб. В. М. Жирмунский определил это явление как эмбриональную рифму, одновременно заметив: «Как бы то ни было, искусство рифмы в книжной русской поэзии восходит, как известно, не к этим явлениям эмбриональной рифмы в прозе древнерусской, а также — не к аналогичным элементам народного песенного стиха, но к стороннему воздействию уже сложившегося в юго-западной Руси искусства силлабических виршей, возникшего, в свою очередь, под польским влиянием». ³ В. Н. Перетц и В. М. Жирмунский, таким образом, уверены, что здесь мы имеем дело с прозой, а не стихом.

Л. И. Тимофеев, напротив, видит в этих явлениях «первоначальные формы стиха»: «Мы... говорим уже об эмбриональной форме стиха в целом, а не только об эмбриональной рифме... В процессе развития чрезвычайно свободной вначале ритмической структуры, довольствующейся, так сказать, минимумом симметричности в расположении повторяющихся элементов речи... постепенно начинают накапливаться дополнительные признаки, усиливающие сходство строк». «Процесс формирования русского речевого стиха тесно связан с процессом формирования рифмы — первоначально в прозаическом тексте — и постепенной концентрации около рифмы других речевых элементов, усиливающих соизмеримость ритмических единиц». ⁴

¹ В. Н. Перетц, Историко-литературные исследования и материалы, т. 3. Из истории развития русской поэзии XVIII в., СПб., 1902, с. 14—15. Ср.: Л. Майков, О начале русских виршей. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1891, № 6, с. 445.

² См.: Л. И. Тимофеев, Очерки теории и истории русского стиха, с. 205—235 (здесь и литература вопроса); см. также работы А. А. Назаревского: «Очерки из истории русской исторической повести начала XVII столетия», Киев, 1958; «О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века», Киев, 1961.

³ В. Жирмунский, Рифма, ее история и теория, Пг., 1923, с. 259.

⁴ Л. И. Тимофеев, Очерки теории и истории русского стиха, с. 221—222, 187.

Подоплека этой гипотезы, по-видимому, — стремление ослабить и ограничить концепцию прямого переноса силлабики из Польши и с Украины (сам факт украинно-польского влияния Л. И. Тимофеев, естественно, не отрицает). В суждениях Л. И. Тимофеева есть рациональное зерно: в литературной системе начала XVII века и вирши, еще не выработавшие принципа изосиллабизма, и рифмованная проза могли восприниматься как близкие и даже взаимосвязанные части определенной системы, противопоставляемой прозе. Однако в категорическом виде гипотеза неприемлема. На Руси рифмованная проза известна и раньше, хотя бы то же «Моление Даниила Заточника»: «Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбиво, а мне горе лютое». Это — афористическая, пословичная рифмованная речь, идущая затем через весь XVII век и дальше, когда силлабика не только достигла расцвета, но и уступила место силлабо-тонике. Вообще нас не должен смущать сам факт появления ритмической и рифмованной прозы: подобные образования известны в литературах различных европейских народов, причем ритмическая и рифмованная проза появляется вслед за «поэтическими» этапами в развитии литературы, в частности после безраздельного господства феодальной эпической поэзии. Это вполне соответствует общепринятой концепции, согласно которой проза «младше» поэзии: на ранних этапах развития словесного искусства требовалась ощутимая дистанция, отделяющая его от речевого акта. Отсюда — метрическая организация речи, «насилие над языком». Проза — более поздняя и более «сложная» форма, поскольку внешне она близка к обыденному языковому общению.

В XVII веке, повторяю, впервые появились регулярные записи устно-поэтических текстов. Одновременно усилилось личное, авторское начало. Эта эпоха подняла русскую национальную поэзию до высокого уровня. Произведения, образующие корпус так называемой «демократической поэзии»,¹ часто отмечены признаками подлинного совершенства. Русская силлабика в сопоставлении с ними явно проигрывает, хотя ее создатели, как увидим ниже, были в высшей степени образованными и часто талантливыми литераторами; силлабика в целом может быть названа стихотворством, а не поэзией. И в этом тоже есть своя закономерность, о которой в дальнейшем пойдет речь.

¹ См.: «Демократическая поэзия XVII века». Вступ. статья В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. Подготовка текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц, «Б-ка поэта», (Б. с.), М.—Л., 1962; А. С. Демин, Демократическая поэзия в письмовниках и сборниках виршевых посланий; А. М. Панченко, Скоморошина о чернице; Н. С. Демкова, Незданное сатирическое произведение о духовенстве. — ТОДРЛ, т. 21, М.—Л., 1965, с. 74—79, 89—93, 94—95.

Древняя Русь, с ее развитой и сложной системой прозаических жанров, не знала литературной теории и критики, риторик и поэтик. Разумеется, русские проповедники были знакомы с правилами греческого красноречия. Еще «Изборник» Святослава 1073 года включал в себя статью «Георгия Хуровьска о образех» — трактат Херобоска о тропах, сообщавший о метопимии, метафоре, просопопее, иронии и т. д. Однако этот из ряда вон выходящий случай ничего не меняет в общей картине, равно как и стиховедческие замечания Максима Грека (XVI век), дающие представления о греческой метрике и акростихе: Максим Грек, боясь, что «по его умертвии» на Руси не сумеют разобраться в достоинствах «пришельцев-философов», завещал на предложенных им примерах греческих стихов испытывать этих «пришельцев». К русской литературе его рассуждения не имели никакого отношения. Только с конца XVI века в украинно-белорусских грамматиках появляются особые разделы о стихосложении, ставшие широко известными и в Московском государстве.

В. Н. Перетц суммировал и проанализировал эти разделы¹ — в львовском «Адельфотесе» 1591 года, в виленской «Грамматике словенской» Лаврентия Зизания 1596 года, наконец в знаменитой грамматике Мелетия Смотрицкого (1619), по которой училось несколько поколений украинцев, белорусов и русских. Мелетий Смотрицкий пишет: «Заеже возможну стихотворну художеству в словенском языке и аз быти судив, по силе въкратце правила его по мне тожде искуснее творити хотящим, божиею помощию, предлагаю». ² Следовательно, цель статьи «О просодии стихотворной» — создать некую применимую для восточных славян метрическую систему. Однако эта статья, составленная по латинским и греческим руководствам, в основном же по популярному учебнику латыни иезуита Альвара, не годилась для практического применения или, во всяком случае, на практике почти не использовалась. Она основана на неверно приписанных русскому языку долготе и краткости слога, причем деление гласных и «двогласных» на долгие, краткие и «двовременные» — произвольно. Я не буду здесь останавливаться на частностях просодии Мелетия Смотрицкого и других грамматик XVII века, скажу только, что проверка стихотворных пассажей в *этих же грамматиках*, проведенная с учетом деления на долгие и краткие слоги, бесспорно свидетель-

¹ В. Н. Перетц, Историко-литературные исследования и материалы, т. I. Из истории русской песни, СПб., 1900, с. 5 и след.

² Мелетий Смотрицкий, Грамматика, М., 1648, с. 331.

ствует о полном игнорировании авторами стихотворений собственных правил.¹

«Позднейшие... издатели его (Мелетия Смотрицкого) грамматики, — пишет В. Н. Перетц, — понимая трудность предложенной теории или признавая превосходство распространившейся уже повсеместно — и в Киевской и в Московской Руси — силлабической теории, в заключение рассуждения прилагают такое предисловие: „Сия зде о художестве пиитическом вкратце предложишася не толико ради употребления, елико ведения. Ибо аще у древних еллин и латин и в велицем почтении бяше (по свидетельству многих историков), обаче ныне за трудность многими едва не оставлена, на лучший плод иных художеств нужнейших время золотое жития своего определившими. Изволяяй же о сей пространнее изведати, да читает греческих Омира и Исиода, латинских Овидия, Вергилия и прочих, и оными может удовольствоватися до сытости“». ² Во второй половине XVII века в России уже знали польские руководства по версификации, в которых теория вполне соответствовала практике.

Первые русские стихотворные опыты XVII века последовали вслед за украинскими и белорусскими, которые относятся к 1581 году, когда в Остроге, знаменитом центре православия и просвещения, издаются первая у восточных славян Библия и «Хронология». Эти издания намечают различные линии в развитии стиха. Герасим Смотрицкий, отец Мелетия, незаурядный литератор и полемист, в виршах на герб князей Острожских и в предисловии к читателю пользуется неравносложным стихом, причем амплитуда слоговых колебаний достаточно велика (от 6 до 16):

Въсияла звезда ясно от востока,
 последуя пръвой, возвешеней от пророка,
И приводит от Пръсиды трех царей съ дары,
 поклонитися с верою цареви над цары.
Твоя звезда ныне тому же последуе цареви,
 хотя всех сътворити жители раеви,
И убывает луна ветхаго завета,
 сияет бо солнце неприступнаго света,
 В нем же ходя не поткнется,
 но паче спасется.

¹ Исключение составляют лишь немногочисленные примеры, сопровождавшие иногда отдельные разделы статей о просодии.

² В. Н. П е р е т ц, Историко-литературные исследования и материалы, т. 1. Из истории русской песни, с. 21.

Напротив, автор «Хронологии» Андрей Рымша — «литвин» (то есть белорус), как он подписался под панегириком Федору Скумину в «Апостоле» 1591 года, — придерживается изосиллабизма:

Жидове сухо прошли Чирвоное море,
кормил их бог на пуши, не было им горе.

(Вирша к апрелю, по-гебрейску нисан).

Это различие тем любопытнее, что и Смотрицкий, и Рымша принадлежали к одному просветительскому кружку. Стоит отметить, что первый писал на церковнославянском языке (с примесью полонизмов), второй — на языке народном. Трудно сказать, была ли здесь сознательная творческая полемика. Во всяком случае, Герасим Смотрицкий и Андрей Рымша положили начало различным тенденциям в украинно-белорусской стихотворной практике. Авторы «Просфонемы» (1591) и «Ламента дому княжат Острозских» (1603), Кирилл Транквиллион в «Перле многоценном» (1646) усваивают принципы Герасима; у Памвы Берынды в виршах на рождество Христово (Львов, 1616), в эпитафии Кассиана Саковича на смерть Петра Конашевича-Сагайдачного (1622) и в других, не говоря уже о стихотворениях самого Рымши, написанных после «Хронологии», — находим выдержанный изосиллабизм.¹

В Московском государстве книжное стихотворство начинается уже в XVII веке, его возникновение связано с именами И. А. Хворостинина, И. М. Катырева-Ростовского, С. И. Шаховского и других авторов. В отличие от Западной Руси здесь в первые десятилетия века безраздельно господствовала, если можно так выразиться, «линия» Герасима Смотрицкого. В качестве примера приведу «Молитву» Хворостинина:

Призри на мя, боже, в сна времена,
и да смирятся гордости моей рамена.
Ты моя сила и ограждение,
ты крепость моя и утвержение.
Аз создание руку твою,
сокруши кости мои верою моею,
Да не скоростна будет ко греху душа моя
и да пребудет во мне благодать твоя.

¹ Об особенностях и хронологических границах процесса «изосиллабизации» польского стиха см.: В. Е. Холшевников, Русская и польская силлабика и силлабо-тоника. — В кн.: «Теория стиха». Сборник статей, М.—Л., 1968, с. 24—58.

Однако было бы неверным сводить истоки раннего русского стихотворства к какому бы то ни было влиянию — украинско-белорусскому или польскому. Дело в том, что среди национальных метрических систем XVII века обильно представлен раешный стих, причем его древность не вызывает сомнения. Раешный стих, может быть генетически связанный с праславянским так называемым «безразмерным» стихом, снабжен регулярной рифмой. Подсчеты показывают, что удельный вес различных рифм — мужских, женских, дактилических и гипердактилических (последние являются исключением) в раешных памятниках и в «досиллабических» стихотворениях, подобных приведенной «Молитве» Хворостинина, примерно одинаков.¹ Следовательно, в литературной системе первой половины XVII века раешник и первые опыты книжного стихотворства как-то влияли друг на друга.

Это подтверждается, между прочим, следующим. В «досиллабический» период книжные вирши обслуживали сравнительно узкий жанровый круг: богословскую полемику (Хворостинин, Иван Наседка) и в особенности жанр посланий. Здесь подвизались князь С. И. Шаховской и большая группа авторов, принадлежавших к служилому сословию и низшему духовенству, иногда связанных с Книжной справой Московского печатного двора.² Л. С. Шептаев отметил, что эти авторы «пишут преимущественно на бытовые темы. Это и просьба, и стихотворная челобитная о покровительстве... о материальной помощи, и дружеская отповедь, и перекоры между книжниками по различным чисто житейским поводам... Тут же назидательные нотации ученику и поэтически оформленная просьба домашнего учителя выдать ему полагающиеся припасы к празднику».³ Напомню, что нам известны многочисленные послания раешного типа — сатирические, как «Послание дворянина к дворянину» и «Послание дворительное недругу», как недавно опубликованное А. С. Деминым «Послание сына, „от наготы гневного“, к отцу», бранчливые послания знакомым и т. п. Показательно, что эти послания сопровождают «Азбучный письмовник» — сборник «образцовых» текстов жанра.

Вполне естественно, что образованные справщики Печатного двора предпочли новую стихотворную систему как более «высокую».

¹ См.: А. М. Панченко, О рифме и декламационных нормах силлабической поэзии XVII в. — В кн.: «Теория стиха». Сборник статей, М.—Л., 1968, с. 280—293.

² Л. С. Шептаев, Стихи справщика Савватия. — ТОДРЛ, т. 21, с. 5—28.

³ Там же, с. 5.

Кстати говоря, их послания часто по тону напоминают челобитные: в числе адресатов справщика Савватия были и царь Михаил Федорович, и дядя царя Иван Никитич Романов, брат патриарха Филарета, и учитель царевича Василий Сергеевич Прокофьев, и духовник царя Никита.

Интересно, что послания выглядят «досиллабическими» и позднее, на рубеже XVII—XVIII веков, когда в России уже господствовал изосиллабизм. Промежуточным между раешным и «досиллабическим» стихом пользуется Каменевич-Рвовский в письме к Кариону Истомину, где он отговаривает последнего от намерения жениться. Эти соображения, как мне кажется, свидетельствуют о довольно значительной роли национальных традиций в «досиллабическую» пору московского стихотворства.

Культурные связи с Украиной и Белоруссией при царе Михаиле встречали неприязненное отношение со стороны высшего московского духовенства. Еще Авраамий Палицын называл многих украинцев еретиками, а в 1620 году по инициативе патриарха Филарета было решено перекрещивать «белорусцев». Спустя семь лет московские власти сжигали как еретическое «Учительное евангелие» упоминавшегося выше Кирилла Транквилиона, тогда же отысканы были католические ноты в Катехизисе Лаврентия Зизания и т. п.¹ Эти тенденции впоследствии подхватили идеологи старообрядчества. Однако уже Никон резко изменил направление церковной политики. Он оказывал постоянное покровительство южнорусским книжникам, завел партесное многоголосное церковное пение, в издательской деятельности ориентировался на киевские и черниговские традиции. В «Раю мысленом», выпущенном иждивением Никона в 1659 году, читаются 12-сложные вирши на герб патриарха:

Егда печать сию вернии смотряем,
велика пастыря всем уподобляем,
Десницу, Светильник, Ключ, Евангелие,
образ Спасов, Крест, Жезл, Венец, Началне.

Более того: как выяснено А. В. Позднеевым, в любимом монастыре Никона Новом Иерусалиме, основанном им в 1656 году, существовала своеобразная песенно-поэтическая школа.² После добро-

¹ См.: И. А. Шляпкин, Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709), СПб., 1891, с. 99—101.

² См.: А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). — «Ученые записки Московского гос. заочного педагогического института», т. 1, М., 1958, с. 5—112.

вольного ухода с патриаршего престола в 1658 году строптивый патриарх прожил в Новом Иерусалиме больше двенадцати лет. Этот деятельный и образованный человек, устранившись от руководства церковными делами, по-видимому решил сделать Новый Иерусалим своеобразным просветительским центром. Здесь была заведена школа, работали хорошие иконописцы, подобралась превосходная по тем временам библиотека. Из поэтов никоновской школы наиболее плодовитым и недюжинным был Герман, в юности келейник патриарха, а впоследствии (с перерывом) строитель (игумен) Нового Иерусалима. Ему достоверно принадлежит 14 духовных песен и несколько эпитафий — две Никону и одна самому себе.

Герман использовал различные, иногда сложные и даже изощренные метрические схемы; однако особенно он любил акrostих. Известны следующие его акrostихи: «Герман монах моляся писах» (по начальным буквам стихов сверху вниз); повторяющийся акrostих «Радуйся» в песне «Радуйся, дево, сына бога смело. . .» и здесь же — его продолжение «Благодатная господь с тобою Герман вопию»; «Воскресением и обновлением писа веселяся Герман моляся монах у Христа тем и не преста» и «типикарь» (монастырская должность) в песне на воскресение Христово «Веселия день и спасения днесь. . .»; «Во печали воспою Николая похвалю ему Герман монах уповая восписах» и «строитель» в песне, обращенной к Николу; «Плавающая водою омываема тобою зря ту умерша писаша вирша Герман ридая поя и вздыхая» и «Маия месяца болезнен» (о себе) в песне «Память предложити смерти» и др.¹ Технически эти акrostихи строятся очень изящно. Для примера укажу на духовную песню «Радуйся, благодатная, аггел царю дарованная. . .». В рукописи² песня, как обычно снабженная нотами, написана в 7 столбцов, так что повторяющийся акrostих «Радуйся благодатная» читается слева направо вниз под прямым углом, снизу вверх налево также под прямым углом, зигзагом и т. д. Внизу по трем строкам слева направо — дополнение акrostиха: «господь с тобою Герман пою».

Акrostих в русской книжной поэзии был известен и прежде Германа (им пользовались Хворостинин, Шаховской, Савватий), и после него. Так, акrostих встречается в одном из «приветств» Кариона Истомина царевичу Алексею Петровичу:

¹ См.: А. В. Позднеев, Рукописные песенники XVII—XVIII вв. (Из истории песенной силлабической поэзии). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1956 (машинопись), т. 1, с. 125—132.

² Список Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Музейное собрание, 9498, № 124.

Аминь буди слава,
Любовь чиста, права
Единому богу,
К себе в слогах многу.
Исраиль нелестный,
Избранный и честный
Царев сын, царевич
Алексий Петрович,
Радуйся блаженно,
Емли жизнь спасенно,
В госпoде изрядствуй,
Известно отрадствуй,
Человеком в ползе,
В златых летах долзе.
Езди умне в книгах,
Чти мудрость в веригах:
Носит она златы,
Общит в любовь браты.
Жити с нею благо,
Имство всем предраго.
Взрасти ты бог в славе,
Имети ю здраве! ¹

Здесь акrostих — «Алексии царевич вечно живи» (в четвертом стихе в оригинале первая буква — славянское «кси»). Однако в зрелый период силлабики акrostих употреблялся довольно редко.

Песни Германа — творение человека, овладевшего всеми секретами тогдашней школьной версификации. В них заметен несомненный талант, сильна патетическая и лирическая стихия, что, впрочем, естественно для автора, который ориентировался на Псалтырь и литургию. А. В. Позднеев показал, что духовные песни были вообще чрезвычайно популярны в России второй половины XVII — начала XVIII столетий. Впрочем, несколько неоправданными кажутся его постоянные утверждения, что виршевое стихотворство «не имело читателя», потому что вирши не включались в песенники, — тогда как и в наши дни песенники составляются, конечно же, только из песен.

Никоновская школа положила начало длительной и устойчивой традиции. Духовные песни прочно вошли в русский обиход. В данном

¹ С. Н. Браиловский, Один из пестрых XVII-го столетия. Историко-литературное исследование в двух частях с приложениями, СПб., 1902, с. 132, 266.

случае нельзя также забывать о польском и украинском влиянии: в московских песенниках часты и простые транслитерации, и переводы польских песен. Симеон Полоцкий, выпуская свою «Псалтырь рифмотворную» (1680), писал о том, что в Москве любили «согласное пение польской псалтыри» и т. п.

При всей важности творчества Хворостинина, Шаховского, Ивана Наседки, Савватия, Германа, выразивших новые тенденции в русской культуре, их опыты можно считать лишь подготовкой к расцвету силлабического стихотворства последней трети XVII — первых десятилетий XVIII века.

4

До XVII века литературные памятники распространялись через монастырские скриптории. В Смутное время они вышли из монастырских стен. Попытки первых Романовых восстановить жесткий контроль над книжной продукцией оказались безуспешными. Литература этой эпохи существует как бы в разных слоях, которые редко смешиваются, а иногда и не соприкасаются друг с другом. Наряду с традиционными жанрами культивируется позднерыцарский роман и новелла — как переводная, так и оригинальная; наряду с силлабическим стихотворством развиваются национальные поэтические формы, воплощенные в «Горе-Злочастии», духовном стихе и раешных памятниках. Силлабика, естественно, не отражает многообразия литературной жизни кануна и периода петровских преобразований. Поэты-силлабисты, творившие в рамках придворного барокко, стремились внести в ортодоксальное православие некоторые новые черты. Традиционное русское «обрядовение» казалось им недостаточным. Они хотели соединить его с западной схоластической наукой, пытались примирить истины веры и доводы разума, используя для этого схоластическую диалектику и логику. Приступая к строительству новой культуры, силлабисты выступали не только как стихотворцы, но и как проповедники. Они возродили в Москве личную проповедь, угасшую в России давно и замененную в храмах чтением святоотеческих текстов. В известном смысле их поэтическое творчество также было проповедью, составляло как бы религиозно-нравственный кодекс, иногда очень далекий от практических запросов эпохи.

Расцвет русской силлабики связан с именем Симеона Полоцкого. Это был первый русский поэт-профессионал, первый литератор в современном смысле этого слова. Он олицетворяет собою тот тип писателя, который господствовал в России кануна преобразований и еще удержался в петровскую эпоху. Если мы присмотримся к его совре-

менникам и последователям, то легко обнаружим черты, которые характеризовали эту группу интеллигенции, легко установим многообразные связи, объединявшие — или разъединявшие — членов группы. Все они стояли близко ко двору. Симеон Полоцкий был наставником сначала царевича Алексея Алексеевича, потом — будущего царя Федора. Последний состоял в переписке с любимым учеником, душеприказчиком и наследником Симеона — Сильвестром Медведевым, который затем стал одним из ближайших сподвижников Софьи. Карион Истомина, приходившийся Медведеву свойственником, пользовался расположением и Софьи, и двух последних патриархов — Иоакима и Адриана (он выполнял при них секретарские обязанности). Для царевича Алексея Петровича Карион составлял учебники. Димитрий Ростовский-Туптало, друживший с Карионом, — один из высших иерархов церкви, митрополит, впоследствии причисленный к лику святых. Стефан Яворский — местоблюститель патриаршего престола и президент Синода. Его антагонист и вице-президент Синода Феофан Прокопович — любимец Петра I.

Члены этой группы — почти сплошь монахи. Симеон Полоцкий, Димитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович учились в Киево-Могилянской академии, центре православной образованности. Двое последних к тому же прошли выучку в западных иезуитских коллегиях и потом долго преподавали в Академии. Симеон учил в Полоцкой «братской» школе и в основанном им училище Заиконоспасского монастыря, которое затем возобновил Сильвестр Медведев. Димитрий Ростовский завел школу в своей епархии. Даже Андрей Денисов, «белая ворона», лидер старообрядчества, слушал курс в Киеве, что ему несомненно пригодилось в преподавании в Выголексинском общежительстве. Другой «отщепенец», поляк Андрей Белобоцкий, посещал многие европейские университеты — в частности Вальядолидский в Испании, а в Москву приехал для того, чтобы претендовать на руководство в имеющей быть академии. Здесь его пытался скомпрометировать Медведев, сам вынужденно уступивший академию грекам Лихудам.

Все они были присяжными библиофилами: библиотеки Симеона, Стефана Яворского поражают продуманным, широким подбором книг по богословию, истории, красноречию, особенно латинских и польских авторов. Самой замечательной библиотекой владел Феофан. Все они легко писали по-польски, большинство по-латыни, некоторые по-гречески. Медведев, Истомина, Поликарпов и Мардарий Хоников одновременно служили в Книжной справе. Медведев редактировал сочинения Симеона Полоцкого, а вместе с Карионом написал известные «Записки о стрелецком бунте».

В бурную эпоху стрелецких мятежей, схваток между Нарышкиными и Софьей, новых бунтов и постоянной оппозиции при Петре, старообрядческих самосожжений, разорительных войн трудно было оставаться нейтральным. Сильвестр Медведев, близкий к Шакловитому человек, сложил голову на плахе. Карион тоже мог в 1689 году попасть в Троице-Сергиев монастырь, где Борис Голицын, Лев Нарышкин и другие опекуны семнадцатилетнего Петра чинили «розыск», и спасся только потому, что был близок к патриарху и предал своего «дядюшку» Сильвестра (известно, что Карион так его называл). Умиравшего Стефана Яворского допрашивали Сенат и Синод, номинальным главою которого он считался. При Петре II Феофану Прокоповичу грозила судьба Меншикова, и только помощь Анне Ивановне против «верховников» снова дала ему в руки власть.

Несмотря на различие в судьбах русских поэтов-силлабиков, на неприязненные отношения, которые существовали между некоторыми из них и которые подчас принимали весьма резкие формы, их объединяло нечто общее — просветительская программа. Удивительна плодовитость писателей того времени. Симеон Полоцкий, например, написал антистарообрядческий трактат «Жезл правления» (издан в 1667 году), сборники проповедей «Обед душевный» и «Вечеря душевная» (изданы соответственно в 1681 и 1683 году), сочинял пьесы, составил проект московской академии и т. п., а главное — оставил колоссальное поэтическое наследие. По подсчетам И. П. Еремина, оно достигает пятидесяти тысяч строк, причем в последнее время отыскиваются новые и новые тексты. В эти годы Симеон находил время на воспитание царских детей, на преподавание в Заиконоспаской школе, выполнял разные поручения царя — выступал как переводчик, «стязался» с протопопом Аввакумом и т. д. Сильвестр Медведев, живший с ним чуть ли не в одной келье, утверждал, что Симеон «на всякий же день име залог писати в полдесть по полу тетради, а писание его бе зело мелко и уписисто», то есть Симеон Полоцкий каждый день исписывал мелким почерком восемь страниц нынешнего тетрадного формата. При всем том нельзя счесть Симеона графоманом: тогда в графоманстве пришлось бы обвинить чуть ли не всех литераторов этой поры. Плодовитость — следствие определенной творческой установки, стремления к созданию новой словесной культуры.

Для Симеона Московское государство было страной, где «в простоте богу угодяют», не зная и поэтому не ценя «грамматических и риторических хитростей», правильного школьного образования. Насколько непримиримым был антагонизм между «старомосковской», грекофильской партией, с одной стороны, и «латинствующими», с дру-

гой, показал знаменитый спор о пресуществлении святых даров — этот, по словам современников, «сицилийский огонь», разгоревшийся уже после смерти Симеона. С нашей точки зрения вопрос о том, когда хлеб и вино «претворяются в кровь и тело господни» — при словах ли иерея «и сотвори убо хлеб сей», при словах ли Христа «примите, ядите», — второстепенный богословский вопрос. Впрочем, ведь и в расколе спор, на первый взгляд, шел о мелочах: креститься двумя перстами или тремя, возглашать сугубую (двукратную) или трегубую (трехкратную) аллилуйю, на скольких просфорах служить и т. п. Между тем раскол отразил глубокий кризис древнерусского феодального общества, боязнь перемен — поскольку всяческая перемена основательно воспринималась низами как направленная против них. Исторический парадокс состоял в том, что идеологи раннего раскола — по всем признакам консерваторы — представляли позицию крестьянства и посада, которым цивилизация и сближение с Западом несли новые беды.

Борьба же «латинствующих» и «старомосковской» партии велась внутри церковной и светской верхушки. Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Димитрий Ростовский, Стефан Яворский, не выходя в общем за рамки ортодоксального православия, пропагандировали современную схоластическую науку — во главе ее стояли иезуиты, которые учили некоторые уроки реформации и пытались приблизиться к практическим запросам эпохи. Поверхностному наблюдателю может показаться, что грекофильская партия патриарха Иоакима была «прогрессивнее» партии «латинствующих» — в 1689 году последние оказались сплошь на стороне Софьи, а патриарх поддержал Петра. Но тогда никто еще и не думал о реформах, не угадывал в юном царе будущего преобразователя. Собственно, победил не Петр, а Нарышкины — для них распря с Софьей и князем В. В. Голицыным была простой борьбой за власть, без какой бы то ни было идеологической подоплеки. «Латинствующие» подготавливали реформу, хотя Петр впоследствии и ориентировался на протестантизм.

Просветительская программа определила некоторые основные характеристики поэтического творчества Симеона Полоцкого и его учеников. Это, во-первых, стремление к энциклопедичности. Огромный «Вертоград многоцветный», составление которого было закончено Симеоном за два года до кончины, по композиции подобен энциклопедическому словарю: стихотворения расположены здесь в алфавитном порядке.

«Вертоград» собирался из материала, подготовленного в разное время. Когда оказывалось, что ту или иную букву кирилловской азбуки заполнить нечем, Симеон специально писал новые стихотворе-

ния, чтобы у будущего читателя («Вертоград» предполагалось выпустить в Верхней типографии, бывшей в бесконтрольном ведении Симеона, но смерть его оборвала эту работу) не создалось впечатление неполноты.

Автор «Вертограда» не заботился ни о жанровом, ни о тематическом единстве: его целью был охват всех сюжетов, которые должен был знать просвещенный человек. Здесь и концепция идеального правителя в противовес тирану, и обличение общественных пороков, и размышления о «гражданстве». В связи с этим Симеон немало стихотворений посвятил моральным проблемам. Вообще дидактика, назидание — постоянный мотив «Вертограда». Покажу это на примере стихотворной обработки религиозной легенды, где все заранее predetermined, где нет места размышлению и тем более сомнению:

Отец некто изрядно сына воспиташе,
жене его сочетав, наследие даше.
По мале обнищав сам, нача приходити
в дом сыновень, еже бы алчбу утолити.
Питаше кратко время сын отца своего,
потом нача косвенно смотрети на него.
И ял есть бобом токмо онаго питати,
сам же сладная тайно с женою кушати.
В един день убо отец к нему прихождаше,
а он печена певня с женою ядыше.
Сын, восхитив то брашно, во скров сохранил есть,
отцу по обычаю бобы представил есть, —
Иже насыщся иде, идеже бе требе,
а сын потщася взяти ово брашно себе.
Прииде к скрову, и се иже сохранися
петел на снеть во жабу страшну преложися
И в ненасыщенныя злаго мужа очи
и на лице безстудно неизбежно скочи;
Ему же тако силно чревом прилепися,
даже никим образом того отлучися.
И тако всескаредно на лица лежаше,
то гризущи, ядом си всего исполняше, —
Даже от того яда оному умрети.
Кайтеся, не чтущии родителей дети!
Инии пишут, яко бысть ему ослаба
за слезы: прежде смерти отпаде та жаба.

В этом стихотворении («Казнь сыну за отца») находим все конструктивные компоненты «прикладов», которые в прозаической форме

русский читатель XVII века находил, например, в переводных сборниках «Римские деяния», «Звезда Пресветлая», «Грешных спасение» и особенно в «Великом Зерцале», перевод которого был осуществлен в 1677 году (инициатива перевода принадлежала царю Алексею Михайловичу). Конфликт легенды, переложенной 13-сложным стихом, определяется тем, что герой не соблюдает заповедь «чти отца своего». Следовательно, должно случиться нечто, что докажет истинность этой заповеди. За прегрешением следует наказание. Последние стихи «Казни сыну за отца» дополняют сюжетную схему еще двумя необходимыми элементами духовного «приклада»: покаянием («слезы») и отпущением греха. Иногда конструкция укорачивается, некоторые ее элементы отсекаются:

В еретичестей стране жена една бяше,
яже во рождении болезни страдаше.
Стекошася другини, в них же бе едина,
яже чтила есть мать бога отца сына.
Та раждающей рече: «Аще ся вручиши
деве Марии, помощь скорую узриши».
Она скверными усты хулу отригаше,
деву чисту именем свинии назваше,
Глаголющи: «Не хошу свинии призвати,
не имам ся во веки аз оней вручати».
Оле скверная уста! Что не онеместа,
како толику хулу глаголати сместа!
Но не стерпе ей господь буйства изреченна,
ибо блядословица тужде бысть казненна:
Ибо в место младенца прасята родила,
черная и мертвая; тем же ся явила
Сама быти свиния, мерзкая душею,
и вепрь адский живяше в супружестве с нею.

(«Казнь хулы»)

В этом стихотворении с католическим оттенком (гипертрофированное почитание богородицы; благая сила богородичной молитвы — тематический стержень «Звезды Пресветлой») есть лишь два элемента схемы: грех — наказание. Прегрешение неискупимо, это «смертный грех», поэтому покаяние и прощение невозможно. Религиозная легенда, независимо от ее сюжетных достоинств, не принесла ничего нового в русскую литературу. Оригинальный вклад Симеона Полоцкого заключался в другом.

Прежде всего необходимо отметить, что Симеон Полоцкий хотел дать читателю широчайший свод знаний из разных отраслей науки:

истории византийской и римской, включая исторические анекдоты о Цезаре и Юстиниане, Диогене и Аристотеле, Александре Македонском и Сципионе Африканском (в XVII веке они были популярны и в прозаических жанрах, в частности из сборника «Фацеций»): природоведения (в данном случае использовалась «Естественная история» Плиния Старшего). Подобно распространенному на Руси сборнику «Физиолог», «Вертоград многоцветный» обнимает сведения о вымышленных и экзотических животных (птице феникс, плачущем крокодиле и т. д.), драгоценных камнях и проч.; здесь мы найдем изложение космогонических воззрений, экскурсии в область христианской символики, многочисленные реминисценции из античной мифологии. По словам И. П. Еремина, стихотворения Симеона Полоцкого «производят впечатление своеобразного музея, на витринах которого расставлены в определенном порядке («художественно и по благочинию») самые разнообразие вещи, часто редкие и очень древние. . . Тут выставлено для обозрения все основное, что успел Симеон, библиофил и начетчик, любитель разных «раритетов» и «куриезов», собрать в течение своей жизни у себя в памяти. . .

Этот его стихотворный парад вещей иногда принимал форму настоящего зрелища — зрелища в буквальном смысле этого слова: стихи можно было не только читать, но и рассматривать, как рассматривают здание или картину. . . В помощь к слову Симеон привлекал живопись, графику и даже отдельные архитектурные мотивы. . .»¹

Действительно, Симеон располагал стихи в форме креста, звезды, лучей солнца, сердца. Форма стихотворения — форма внешняя, не поэтическая — для него имела самодовлеющее значение. Симеон коллекционировал формы; «стихотворение под метры» превращалось у него в игру. Он любил *carmina curiosa* («курьезный стих», например палиндромон), владел сложнейшими типами акростиха, писал макаронические вирши. Его «Вертоград» и «Рифмологион» — поистине «разноцветные сады», созерцание которых должно было радовать глаз. Все это — типичные черты того направления в искусстве, которое принято обозначать термином «барокко».

5

Д. И. Чижевский несколько лет назад предложил «всеобщую» концепцию эволюции словесного искусства. Согласно этой концепции, происходит правильная смена литературных направлений двух типов.

¹ И. П. Еремин, Поэтический стиль Симеона Полоцкого, — ТОДРЛ, т. 6, М.—Л., 1948, с. 125—127.

К первому типу относятся романский стиль, ренессанс, классицизм и реализм; ко второму — готика, барокко, романтизм и символизм. Признавая справедливой критику концепции Д. И. Чижевского, у которого «смены литературных направлений совершаются... наподобие качания маятника»,¹ не учитываются национальные традиции и проч., тем не менее следует отметить, что в этой концепции правильно подчеркнута известная хаотичность барокко по сравнению с ренессансом. Разумеется, Русь не знала ренессанса — до нее дошли только слабые его отголоски, и поэтому барочный музей Симеона Полоцкого, построенный по польским и западнорусским чертежам, не воспринимался как реакция на ренессанс или его отрицание, а явился в Москве почти внезапно.

Начало славянского барокко связывают с выходом в первые годы XVII века известного латинского сочинения Мавро Орбини «О империи славян».² Кроме Франка Волльмана, из авторов, писавших о славянском и русском барокко, назову А. Андьяла и А. А. Морозова. Здесь пока еще больше неясного, чем ясного. Очевидно, во всяком случае, что русское барокко — видоизменение барокко польского и украинско-белорусского; что оно не связано с контрреформацией и вообще не может быть охарактеризовано как реакция или прогресс. В глазах «старомосковских» идеологов православия еретиками были и латинствующий Медведев, и толерантный Белобочкий, в своей компилятивной поэме «Пентатеугум» предложивший целый арсенал барочных приемов. Сын В. В. Голицына, открывшего Россию иезуитам, его ближайший клевет Ф. Л. Шакловитый и их непримиримый враг патриарх Иоаким равно отнеслись к крайнему протестанту, представителю позднего немецкого барокко поэту Квирину Кульману, сожженному в Москве вскоре после победы Нарышкиных, причем московские власти нашли дружную поддержку как иезуитов, так и лютеранских пасторов Немецкой слободы. Политическая борьба в это время не связана прямым образом с противоборствующими или сосуществующими течениями искусства. Барочное «визионерство», например, использовалось и католиками, и протестантами. Очевидно, следует отказаться от распространенного мнения о барокко как порождении феодальной реакции и контрреформации; лучше говорить о нем как о «стиле эпохи».³

Чем же примечателен этот стиль, по крайней мере в русском его варианте? Барокко, как и ренессанс, охотно черпает темы и героев из

¹ Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, с. 69.

² Frank Wollman, Slovanství v jazykově literárním obrození u Slovanů, Brno — Praha, 1958, s. 27—33, 70—77.

³ Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, с. 36.

античного мира. Но если для писателей ренессанса античность была средством борьбы со средневековым мировоззрением, орудием познания мира, то в барокко она превращается в драпировку, пышные декорации, на фоне которых прстекает действие. «До какой степени безразлична была для Симеона античная природа его поэтического Олимпа, красноречиво свидетельствуют... выступающие у него в... «Орле Российском» Аполлон и музы... музы у него нередко забывают о своем происхождении и говорят вещи, в устах муз более чем странные, — допустим, муза Клио...

...се зрите, роды, прилежно смотрите,
яко Российский Орел ся вселяет
Верою в солнце, в Христа облакает...»¹

Талия цитирует библейскую «Песнь песней», Аполлон произносит монолог, в котором звучит неуверенность в способностях муз воспеть царевича Алексея Алексеевича. Это типичная для барокко перестановка мифологии «с ног на голову».

Барочный ансамбль безразличен к тем «кирпичикам», из которых он построен; как в орнаменте, здесь мирно уживаются люди и вещи. Автор не стремится к художественному единству, он демонстрирует читателю героев как некие восковые фигуры. Это — цепь, звенья которой могут быть наращены или исключены. Ансамбль подчинен одной идее — дать как можно больше информации и истолковать ее в назидательном духе.

В системе русской литературы XVII — начала XVIII века барочная поэзия занимала вполне определенное место. На фоне демократической поэзии и фольклора она выглядела официальной и помпезной. В сравнении с «покаянными» и духовными стихами становилась очевидной ее холодность, «умствование». Между тем живое поэтическое чувство в переложениях псалмов, в виршах на темы страстей Христовых, в переводах «Песни песней», в силлабических молитвах возникает часто за счет оригинала.

Таков плач богородицы по Христу в «Вирше в великую субботу» Сильвестра Медведева:

Точат (слезы) вси сердца верных, но наипаче мати
не хочет от слез горких и мало престати.
Реки слез в стенании горких изливает,
а от умиленна сердца сице припевает:

¹ И. П. Еремин, Поэтический стиль Симеона Полоцкого, с. 138—139.

«О всесладкий мой сыне, сыне возлюбленный,
без мужа зачатый, без болезни рожденный!
Како сия изволил страсти ты терпети,
тварь своего убила творца, отца — дети.
О чадо всесладкое, чадо божественно,
в радости зачатое, весело рожденно!
Вскую днешь сердце мое горесть исполняет,
Симеоном сказанный мечь ей прободает.
Мертва ты зрящи, како жива могу быти,
без живота моего аз не хошу жити.
Свет очию моею, како зашел еси,
вскую мя в гроб и во ад с тобою взял еси.
Без тебе со(л)нце — тма мне, тма же — свет при тебе,
с тобою аз на земли пожих яко в небе.
Утоли слезы, чадо, имам бо рыдати,
доколе не имаши от гроба востати!»¹

Энциклопедичность, стремление вместить в «мерные» строки возможно большее количество информации были, несомненно, положительными свойствами барочной поэзии. Однако эти свойства — при относительной легкости сложения силлабических виршей, при чрезвычайном обилии суффиксально-флексивных рифм (возьмем подряд несколько рифм из девятого «Приветства» «Гусли доброгласной» Симеона: царствоваше — бяше, соружити — быти, богатый — златый, держасте — утверждасте, пристояста — устрашаста, бяше — содержаше, устрашаху — знаменаху), при безусловном допущении рифмы тавтологической (типа: монах — ермонах, многа — премнога), при неразвитом еще сознании личного авторства, когда допускалось заимствование из других поэтов (Медведев, например, часто пользовался кусками из Полоцкого), при широком использовании метафорических архетипов вроде полюсов «свет — тьма» и обязательного сравнения высокопоставленного адресата с солнцем, — эти свойства в таких условиях оборачивались всеядностью.

Если в грамматике Мелетия Смотрицкого стихи занимают в общем скромное место, то в «Букварях» Кариона Истомина они преобладают. Тот же Карион пишет «Полис», где в стихах описывает двенадцать «школьных обучений» — грамматику, синтаксис, пиитику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, философию, астрологию,

¹ См.: А. М. Панченко, Придворные вирши 80-х годов XVII столетия. — ТОДРЛ, т. 21, с. 70—71.

теологию, музыку, врачевство, затем четыре времени года, четыре стороны света, затем Европу, Азию, Африку и Америку. Мардарий Хоников сочиняет 3824 стиха к миниатюрам Библии Пискатора (по мотивам этих миниатюр в 1680 году была украшена фресками ярославская Ильинская церковь). В 1707 году черниговский архиепископ Иоанн Максимович печатает книгу «Богородице дево» в 24 000 стихов; несколько меньше объемом его виршевой алфавит святых. Много стихов в «Арифметике» Магницкого (1703).

Этот стихотворный недуг, как известно, вызывал «тошноту» у Феофана Прокоповича. Силлабические стихи настолько распространились, что ими не брезговали даже старообрядцы, и среди них такие видные, как братья Андрей и Семен Денисовы, вообще очень щепетильно относившиеся к «антихристовой» культуре. Влияния силлабики не избежала и демократическая сатира — это безусловно ощущается в одной из редакций «Повести о куре и лисице». Более того: силлабика проникала и в богослужебные книги, например в святцы; в некоторых списках этого насущно необходимого для каждого верующего текста силлабическими стихами описаны времена года. Абсолютное большинство «виршеписателей» не имело никакого представления о поэзии. Они, вслед за Кириллом Транквиллионом, исповедовали идею, что «сладкая мова под метри» украшает мысль — и ничего более. Пожалуй, только Стефан Яворский и Феофан Прокопович осознали, что поэзия и стихотворство — разные вещи. Феофан отождествлял художественную литературу и поэзию, считая, что лишь последняя может быть названа «искусством изображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни».¹ Однако Феофан скорее принадлежит к новой эпохе развития русской литературы; с классиками силлабики егс, как и Антиоха Кантемира, сближает только общая для всех их метрическая система. Стефан же был скорее новолатинским (и притом несомненно выдающимся) поэтом, чем русским. Его известная блестящая «Элегия к библиотеке», от которой, по мнению Филарета Гумилевского, не отказался бы и Вергилий, которую И. Кулжинский сравнивал с вдохновенными гимнами Григория Назианзина, была написана по-латыни, и многочисленные прозаические и стихотворные (силлабические и силлабо-тонические) переводы XVIII века показывают, насколько трудно было тогда создать адекватное художественное переложение.

Среди жанров, особенно обильно представленных в силлабическом стихотворстве, наряду с эпитафией было «приветство», или

¹ Феофан Прокопович, Сочинения. Под редакцией И. П. Еремина, М.—Л., 1961, с. 346.

панегирик, если пользоваться современной терминологией. Панегирические ноты звучат уже в посланиях авторов «досиллабического» периода, но заслуга в оформлении этого жанра принадлежит также Симеону Полоцкому. Уже в 1656 году, во время посещения царем Алексеем Михайловичем Полоцка, Симеон выступил перед ним с двумя декламациями, имеющими одинаковое название — «Метры» (как установил Н. И. Прашкович, первая — вернее наиболее известная из них — почти наполовину «не принадлежит Симеону Полоцкому и почти буквально копирует «декламацию» «Просфониму», изданную во Львове в 1591 году. Симеон Полоцкий ограничился здесь лишь заменой имени митрополита Михаила Рогозы, которому посвящена «Просфонима», на имя царя Алексея Михайловича и некоторыми другими незначительными изменениями текста»¹). В 1660 году в Москве он преподнес царю «Диалог краткий», написанный в форме «эха» — разновидность леонинского стиха; тогда же ученики полоцкой Богоявленской школы, которой руководил Симеон, выступили перед Алексеем Михайловичем со «стихами красогласными», написанными их учителем. Переселившись в Москву навсегда, Симеон стал первым русским придворным поэтом: он регулярно писал «приветства» на именины членов царской семьи, на рождение царевичей и царевен и т. д. «Рифмологион», второй и незаконченный сборник стихотворений Симеона Полоцкого, объединил его многочисленные панегирики. Эта традиция была продолжена Сильвестром Медведевым и Карионом Истоминым и широко культивировалась в первые десятилетия XVIII века.

Кроме «простого панегирика... — приветственной и поздравительной речи в стихах»,² в петровское время было создано немало так называемых «панегирических песен» (еще в 1654 году неизвестный автор сочинил «Песнь о взятии Смоленска», но тогда это был факт исключительный) — таких, как известная песнь о взятии Азова, в которой следует отметить батальные сцены; незаконченное стихотворение подобного рода о втором крымском походе князя В. В. Голицына сохранилось среди черновиков Кариона Истомина. По данным А. В. Позднеева, от петровской эпохи сохранилось около 60 панеги-

¹ Н. И. Прашкович, Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий»). — ТОДРЛ, т. 21, с. 29 (сноска 1).

² Н. Петров, О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 г. — «Труды Киевской духовной академии», 1866, № 11, с. 343. Наиболее выдающимся образцом «приветственной речи в стихах» был «Епаникион» Феофана Прокоповича, написанный и опубликованный в 1709 г., непосредственно после Полтавской победы.

рических песен. Они посвящены Полтавской битве, различным сражениям Северной войны, взятию Нарвы, Шлиссельбурга, Ништадтскому миру и т. д. В центре этих песен, как правило, стоял царь. Однако они могли быть посвящены и другим лицам — царевичу Алексею, Меншикову, что также освящалось традицией: еще Симеон Полоцкий обращался с «приветствиями» к тестю царя Алексея по первой жене И. М. Милославскому, любимцу царя Б. М. Хитрово, будущему «князю-кесарю» Ф. Ю. Ромодановскому. Панегирическая поэзия предшествовала оде XVIII века не только хронологически. Многие словосочетания, которые уже в эпоху Симеона и его учеников превратились в устойчивые формулы, дожили в одической поэзии чуть ли не до Пушкина.

В XVII веке русская литература осваивала широкий круг новых тем и сюжетов. Переводной псевдорыцарский роман принес на Русь, между прочим, любовную тему. Однако силлабическая поэзия допетровской поры эту тему вообще игнорировала. Любовь в ней трактовалась с традиционной православной точки зрения — как дьявольское искушение (источник — христианское дуалистическое противопоставление плоти и духа; в послании апостола Павла галатам среди «дел плоти» на первом месте называются «прелюбодеяние» и «блуд»). Секуляризация русской культуры при Петре вызвала усиленный, даже гипертрофированный интерес к любовной теме. Любовные стихи писали миряне и духовные лица, цесаревна Елизавета Петровна, камергер Виллим Монс, неудачливый любовник императрицы Екатерины I, его секретарь Егор Столетов — люди, стоявшие на самых различных ступенях иерархической лестницы. Новостью было и то, что среди поэтов появились женщины. В архиве Монса, например, сохранились три песни, сочиненные 11-сложным и 13-сложным стихом неизвестной поэтессой. Приведу один из вариантов первой из них:

Ах, свет мой горки моей молодости!
Печално терпеть, не маю радости.
Мои роскоши во свет залетели,
мои потехи во плач пременили,
Мое гуляние во скорби пребывает,
тяжкая туга сердце засмушает,
Мои бо очи покою не знают,
слезные реки зрак мой заливают.
Хоть пойду в сады albo винограды,
ни маю в сердца ни жадной отрады.
Некому мене за ручку водити,
некому мене жаль мой утолити.

Где роскош давно, где гулянье славно,
что было тогда всему миру явно.
Отшло во поле, во глубокое море,
свет пременяла несчастная доля...¹

Уже по этому тексту можно судить о поэтике любовной лирики первых десятилетий XVIII века: слезы, нарекания на горькую судьбу, вздохи и жалобы — обычные аксессуары любовной лирики. Впрочем, эта чувствительность не мешала снабжать тексты весьма эротическими и даже скабрёзными акростихами.

* * *

Литература не может непрерывно развиваться по восходящей линии. История русской силлабики подтверждает это положение. Если «досиллабический» период — творчество Хворостинина и Шаховского, Ивана Наседки и Германа — можно считать подготовкой к деятельности Симеона Полоцкого, хотя прогресс здесь кажущийся, поскольку между ними не было генетической связи, то произведения последнего остаются вершиной русского «виршеписательства». Ни Медведев, ни даже Карион Истомин, который превосходно владел стихом, ни тем более Андрей Белобоцкий, чей «Пентатеугум», при всей его философской глубине, написан плохим русским языком и сразу выдает иностранца, не достигли уровня Симеона Полоцкого. Еще слабее были Мардарий Хоников, Федор Поликарпов и другие стихотворцы, известные и неизвестные. Если при Симеоне поэзия по преимуществу выполняла просветительские задачи — в этой функции у нее не было достойного конкурента, — то в петровскую эпоху просветительство нашло другие каналы; силлабическое стихотворство, утратив всякое поэтическое начало, вообще лишилось права на существование. Все это, видимо, и обусловило поиски новых форм. Кризис, наметившийся в «самую «нелитературную» эпоху за все время существования русской литературы»,² был преодолен только во второй трети XVIII века.

А. Панченко

¹ Рукопись Государственного исторического музея, Муз. собрание № 3134, № 154; приведена А. В. Позднеевым в его диссертации (т. 2, с. 477—478).

² Д. С. Лихачев, *Поэтика древнерусской литературы*, с. 20.

СТИХОТВОРЕНИЯ

О Евстратии, одном из писателей эпохи Смуты, известно очень мало. Скучные сведения о нем можно извлечь из «Повести о некоей брани», написанной им, по-видимому, в 1613 году. Даже имя автора зашифровано в заключительных строках «Повести» тайнописью: «Аще восхощеси имя уведати писавшаго сия, се ти поведаю: пятерица полководцов и под ними четыреста пешец, и двесте конник и оруженосцов триста, крепких же воин сто со единым сильным, и паки триста и пятнадесять оружников, и всего в сем имени двсять письмен»¹. Подставляя по славянской азбуке буквенные значения чисел, получаем: 5 — Е; 400 — У, 200 — С; 300 — Т; 100 — Р; 1 — А; 300 — Т; 15 — ЕІ (ЕУСТРАТЕІ).

Евстратий был приверженцем царя Василия Шуйского, имя которого в «Повести» окружено венцом восторженных эпитетов и уподоблений. В 1608 году, когда Лжедмитрий II сел в Тушине и осадил Москву, ведавший Посольским приказом дьяк Василий Телепнев послал Евстратия и «толмача немецкого языка» Григория Крокольского собирать ополчение. Он поручил им доставить царские грамоты в Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Кострому и Галич. Окольными дорогами, избегая встречи с казачьими отрядами, пробирались они на север. На пути от Александровской слободы к Переяславлю, в июньский полдень («в пост верховных апостолов Петра и Павла») Евстратию и Григорию, если верить «Повести», предстало на облаках «чудное и ужасное знамение»: они увидели льва и змия, готовых биться друг с другом. Потом облака разошлись и «устроишися в своем естестве». Спутник Евстратия истолковал видение так: «обоим царям будет изменение и прекращение, а ни един кождого не одолеет». После убийства Лжедмитрия II и смерти

¹ О. А. Белоброва, К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия. — ТОДРЛ, т. 25, М.—Л., 1970, с. 161.

Василия Шуйского Евстратий, понуждаемый настоятелем какого-то монастыря, решил описать этот случай.

По мнению большинства историков, Евстратий — монашеское имя. Может быть, автор «Повести о некоей брани» действовал в Смутное время под своим мирским прозвищем в качестве подьячего или даже дьяка Посольского приказа. Однако для отождествления его с каким-либо историческим персонажем материала пока нет. Ясно, впрочем, что он был довольно образованным человеком, начитанным в древнерусской литературе и знавшим схоластическую поэтику, хотя и не особенно твердо, как показывают ошибки в «куръезном стихе» единственного его поэтического произведения.

1

Сей стих римляне нарицают серпентикум версус, с греческого языка
 ἕρπυς ἐπὼ¹

Еди́но бо́гу в Трои́
 му цы
 Слави́мо в еди́ни

Безнача́ль но́му от без без не ро́жденну
 Сы́ну сна́чалъ ...цу от без матери по

Отцо́у же и сыно́ви духу́ живо́творя шу́
 Бо́гу равнопресто́ль свято́му все́святыя

¹ Единому богу в Троицы,
 Славимому в единицы;
 Безначальному отцу, без отца, без матери не рожденну,
 Сыну сначала, ...цу, от отца без матери порожденну;
 Отцю же и сыновину, духу животворящу,
 Богу равнопрестольну, святому всясвятыщу;
 Богу в бозе, свету от света,
 В простом слове в вечная лета
 Воспевание и слава, честь, поклонение,
 Величание, держава, благодарение,
 Благословившему начати сей Алфовит
 И способившему скончати и сословит.

Богу в бо — зе — свету от све — та
В простом сло — зе — в вечная ле — та

Воспева — ние — и сла — ва — честь поклоне — ние
Велича — ние — держа — ва — благодаре — ние

Благословив — шему — на — чати — сей Алфо — ВИТ
И способив — шему — скон — чати — и сосло — ВИТ

Жизнь князя Семена Ивановича Шаховского-Хари исполнена внезапных перемен и превратностей, столь характерных для эпохи Смуты. Представитель многочисленной отрасли ярославских удельных князей, мало пострадавших в опричнину, но особенно высоко не поднимавшихся, Шаховской отнюдь не отличался склонностью к интриге. Это был скромный и прямодушный человек, образованный и очень непрактичный в мирских делах. Тобольский дьяк Третьяк Васильев, хорошо его знавший, называл Шаховского «человеком предивным, шествующим путем правды».¹ Шаховской, по-видимому, не кривил душой, считая себя невиновным в собственных злоключениях: «Напасти ... за грехи постигают мя, а иного не вем в себе ничего же».²

В 1606 году, когда северские города восстали против царя Василия Шуйского, Шаховской служил под Ельцом. Здесь его постигла первая опала: его увезли в столицу «за приставом» и без объявления причин сослали в Новгород — «в мор», однако с дороги повернули в деревню.

В 1608—1610 годах он снова был на службе в Москве, сражался с тушинцами, потом перешел на их сторону. В 1611 году Шаховской был под Москвой в ополчении. По избрании на царство Михаила его посылали под Смоленск на поляков, где он был ранен. Вторая и опять недолгая опала Шаховского — ссылка на Унжу

¹ Письмо Третьяка Васильева к С. И. Шаховскому. — А. Н. Попов, Переписка дьяка Третьяка Васильева с исследованием о времени переписки, а равно о самом дьяке Васильеве и о лицах, к кому писал («Временник общества истории и древностей российских», кн. 9, М., 1851, с. 9).

² Письмо С. И. Шаховского к Третьяку Васильеву. — Там же, с. 5.

(1615 год) — результат его собственной челобитной, в которой он жаловался, что «заволочен со службы да на службу».

В конце 1619 года, после смерти третьей жены, Шаховской женился в четвертый раз, что противоречило установлениям церкви. Это навлекло на него гнев патриарха Филарета. В своем «Молении» Шаховской оправдывается тем, что с первой женой он прожил три года, со второй — полтора, а с третьей — всего лишь 19 недель. В довершение всех бед в 1620 году несколько князей Шаховских были уличены в «великих винах» политического характера. Князя Семена, отсутствовавшего в то время в Москве, подозревали в укрывательстве; в 1622 году его сослали в Тобольск, разлучив с женой и конфисковав имение. Вскоре, впрочем, его опять вернули в Москву. В 1625 году патриарх даже поручил ему, как признанному авторитету в словесности, составление послания к персидскому шаху. В 1628—1631 годах Шаховской снова в опале: он воеводствует в Енисейске, потом живет в Тобольске. Позже, в середине 30-х годов, он возвращается в Москву, участвует в посольствах в Польшу, бывает у государева стола.

В 1638—1639 годы он на воеводстве в Крапивне, а весной 1644 года без видимой причины в который уже раз попадает в немилость и едет на воеводство в Усть-Колу, а оттуда в Устюг и Сольвычегодск. В 1648 году его отпускают в галицкую вотчину, а весной следующего года снова ссылают в Тобольск. Позднее он попадает в Москву, и след его теряется в 1653 году.

2. (ПОСЛАНИЕ КНЯЗЯ С. И. ШАХОВСКОГО КНЯЗЮ Д. М. ПОЖАРСКОМУ)

Твое же, государь, писано словенъски по краегранесни
Аще умом своим вонмеша, тогда да увеси
Наше же убогое, не весма ти объявлено,
Зане же многими и безмерными грехи обременено.
Нестъ ползы во многогрешном нашем нарицании,
Аще не пребудем в добродетельном деянии.
Ваше же бы явно и славно было везде,
Чтоб враги царева боялись во всякой орде.
Подобает паки светлым и благоплеменитым ражати
И против сопостат мужественне вооружатися,
Без таковых бо земля крепко и славно не может стояти,
Вящи же всего всесилна бога достоин на помощь
призывати.
Яко не силою бывает брань, но божиим поможением
И богоносных и чудотворных отец к нему молением.
Зане же всего сильнее бывает чистая к богу молитва,
И на невидимыя враги, аки некая изощренная бритва.
Ей, ей, тако не ложно,
Без нея быти невозможно.
И сще ми много слово недостало рещи о твоём мужестве
и храбръстве,
И о совершенной твоей добродетели к богу, и душевном
паки богатъстве,
И о божиих к нам великих щедротах, и о долгом
терпении,
И о нашем к нему жестосердстве и всегдашнем
неисправлении.

И хотим воспомянути твою к себе милость и рещи
о своей скорби и недостатце,
Не мощно бо великия ради нужды преминути сего
въкратце.
И еще без лености хочу потружатися чернилом и пером
И убогою своею мыслию и недостаточным своим умом,
Поне же мысль моя разгорается во мне, аки пламень
в печи,
Нудит мя о всем твоём добродеении доволне рещи.
Аще и без нас недостойных идет о тебе предобрая
слава всюду,
Яко всегда имеши на враги мечь свой остр обоюду,
Да не из лиха будет и наше малое сие к тебе, государю,
прошение,
Поне же отняли есте тогда от всех поношение.
Что же рцем, и что возглаголем, но воспомянем
вышереченное слово.
Было же врагов наших зияние на нас, аки рыкание
львово,
И мыслили во уме своем владети во веки землю
Российскою,
Яко же поганья богомерзкия турки и ныне владеют
Палестинъскою,
И господь бог совет их разорил
И гордость их до конца низложил.
А ведомо есть, стояли на нас, аки острия ножи.
И паки господь бог не дал им того сотворити и по их
умышлению не учинилося,
И все великое государство на них, врагов, въкупе с вой
собралося.
И дал нам бог вас, крепких и нелестных по вере
побарателей,
Что отгнали от нас таких злых и немилостивых
наругателей,
И что учинил такову славу и похвалу в нынешния
роды,
Яко же вы избавили всех православных христиан
от конечныя той незгоды.
Неложно паки пред всем государством правда ваша
изошла,
Яко же прежде помянутая Июдив всего Израиля спасла,
Яко же тогда от единыя жены все асириане ужасилися,

Тако жѣ и наши враги от крепкаго вашего сражения
 смесилися.
 И побегоша кождо их с страхом и трепетом и придоша
 неправу,
 И не возмогоша урядитися к многокозненной своей
 справе,
 И объят их весь страх и трепет от вашего против их
 воополчения,
 Паче же от божия и от пречистыя его матери и наша
 заступницы поможения,
 А и ныне надеемся на божия его щедроты и пречистую
 царицу,
 И ея ради молитв являет нам победительную свою
 десницу,
 И на государевы праведныя молитвы, яже самому
 всесильному богу,
 Да преткнет их, окаянных и богоборных, нечестивую
 ногу,
 И на вас, крепких его, государевых воин и неизменных
 воевод,
 Да разсеяни будут с своим умышлением, аки древний
 исполин Неврод,
 Поне же без вины хотят нашу православную веру
 на разорение.
 Обаче рещи, есть и наше пред богом велие
 и согрешение,
 Сего ради подобает о том бога молити и просити
 со слезами,
 Поне же всегда за грехи наша смиряет нас всякими
 бедами.
 Аще учнем ему с верою молитися, не предаст своего
 создания
 И не презрит и ныне по-прежнему нашего к нему
 стенания.
 Милостив и премилостив есть, утолит свой гнев
 и ярость
 И даст нам над ними, над враги, по-прежнему велию
 радость.
 Яко же и сам инде глаголет: «Обратитесь ко мне,
 и обращуся к вам
 И учиню вас страшны и грозны многим окрестным
 ордам,

Аще ли не послушаете мене, чюждия землю вашу
 поедят,
 И жены ваша, и дети, и богатъство все пленом пленят».

И по сему его святому речению вся над нами за грехи
 наша збылося,
 И великое государство во многих концах от них, врагов,
 разорилося.
 Милуючи, господь бог посылает на нас таковыя скорби
 и напасти,
 Чтоб нам всем злых ради своих дел въконец от него
 не отпасти.
 Свойственно бо есть християном в сем житии скорби
 и беды терпети
 И к нему, своему творцу и богу, неуклонно всегда
 зрети.
 Аще бы не посылал на нас таковых бед, отпали б его
 вконец,
 И никто тамо получил бы нетленный венец.
 И никако же бы удерживалися от зла и шли б вси
 в муку вечную,
 И ни един бы сподобилъся внити в радость
 безконечную.
 Сего ради премудрым своим промыслом и правдою все
 устрояет,
 И аки коня браздою, тако и нас тацями бедами от грех
 возражает.
 Аще бы не тако нас возражал, и зверей бы дивиих
 горше были,
 И паки бы вконец друг друга и брат брата не любили.
 Что же нас и так лютее и жестосердее? Кое естество
 в безсловесных?
 И кто может исчести, колико бывает над нами смертей
 безвестных?
 И зря над собой такови скорби и никако же от зла
 отвращаемся,
 Но и паче друг на друга, аки враг на врага,
 завистию вооружаемся.
 И милосердный господь, еще терпя нашим грехом,
 ждет нас на покаяние,
 Того ради посылает на нас таких лютых врагов
 в наказание,

Некли приидем в чювьство и принесем к нему
сердечную веру,
Да воздаст нам и во оном своем веце сторичную меру.
Аще ли и тем не накажемся, что́ нам будет от него,
от свого творца,
Поне же никакo же не можем смиритися преже конца.
Писано есть: «Отраднее будет Содому и Гоморе,
неже тому роду».
Приличны же и мы к сему речению, поне забываем
прежнюю свою незгоду.
Сего ради не на тщету, но на ползу дает нам таковы
казни,
Чтоб нам жити пред ним, своим творцом, не без боязни,
Яко же негде пишет: «Ползует пелынь злопитающих
утробы»,
Тако и мучением грешным полза, зане възбраняет
от всякия злобы.
Тем не люто нам прияти язва, люто по язве
не наказатися,
Ей, подобает нам всем от злых своих дел отвращатися,
Да не сами себе будем враги и уготоваем вечныя
муки;
И zde не впадем врагов наших нечестивых руки.
Положим же паки надежу на всемилостиваго
в щедротях,
Он же избавил своего Израиля, бывъшаго
во многих работах.
Его святая воля, что хошет, то по своей воли и сотворит,
Аще не захошет предати нас, то врагом нашим
конечно възбранит.
Ты же, государь, буди всегда чист душею своею
и телом,
Поне же во оном веце всяк восприимет по злым
и добрым делом,
И держи храбрость с мужеством и подание с тихостию,
И господь бог будет к тебе с великою своею милостию.
Обаче рещи, и так дела твои аки труба вопиют всегда,
Не щадиши бо лица своего противу сопостат никогда.
К тому же присовокупил еси велие милосердие ко всем,
Всякаго приходящаго к тебе не оскорбляеши ни в чем,
Яко некая великая река неоскудно всех напояет,

Тако твоя прещедрая душа таковым подаянием всех
утешает.
Ей, воистинну не имеем себе ныне такова
благоутробна дателя.
Да будет ти за то мзда от всех творца и создателя,
Зритель тебе господь, вси людие дивятся твоей
велицей милости,
Никто же бо оскорблен бывает, приходя к твоей
благонравной тихости.
Ты же, государь, во уме своем не скорби, ниже
паки стужай,
Но на мздовоздателя всю надежу свою и упование
полагай,
Той бо воздаст ти во оном своем веще стократное
воздаяние,
Зрит бо в сердцы твоём неоскудное,
ни тщеславное ко всем подаяние,
Яко же и сам глаголет: «Блаженни милостивии, яко
тии помиловани будут»,
А немилостивии и жестосердии вечных мук не избудут.
Ничто же есть вящи милости, та бо множество грехов
прощает,
И не токмо до небеси, но и до самага престола божия
душу провожает.
И паки: велик человек милостив, и хвалится милость
на суде,
Того ради слава твоя добрая и хвала идет ныне везде.
И уже не вем, како конец сказати твоей велицей
щедрости,
Яко помогаеши многим людем в конечной бедности,
Поминаючи божественное писание, яко «дающего рука
не оскудеет»,
А удержаваяй богатство и ничто же себе успеет.
Того ради многое православие за тебя, за государя,
молят бога и владыку,
Еже бо еси много православных прекормил и учинил
славу и похвалу великую,
И ныне не пременил еси своего добраго обычая
и нрава, всех утешаешь,
И всякаго приходящего к тебе никогда не оскорбляешь.
И не презрел еси, государь, и нашаея тогда великия
скудоты,

Прекормил еси нас с супругником нашим и с родшими
от нас сироты.
И потом не въменил еси себе в тягость нашего же
к тебе стужения,
И не видя от нас никоторого к себе рабъского
послужения,
Пожаловал нас своею великою милостию и нищих нас
не отпустил,
Но человеколюбец бог добрая тебе, государю, на ум
положил,
И довольно время твоим великим жалованием
и с червишками питались,
И всегда поминаючи твое милосердие к себе, утешались.
Паче же плачу и рыдаю и, горкими слезами землю
омакая,
И к твоим государским честным ногам главу свою
подъклоняю.
Буди ми помощник и заступник в сей моей беде
и напасти,
Чтоб ми бедному и с червишками вконец не пропасти.
И во веки бы за тебя, за государя своего, бога молити,
Чтоб тебе, государю, вся желанная от него получитьи.
Сам, государь, веси, напрасно стражу и погибаю,
Помощника и заступника себе в таковой сущей беде
не обретаю.
Рад бы был, иж(е) бы жив въшел во общую мать
землю,
Поне же на всяк день смертное биение от спекуляторей
приемлю.
Но не мощно ми сего сотворити, что самому себя
смерти предати
И многогрешная душа своя и тело во ад низпослати.
И паки веси, государь, стою всегда не на лепом
том позоре,
Аще бы не Христово имя, гонзнул бы живота въскоре.
Тем укупаю себе живота от того тления смертного,
Не хитро и не славно осудити и погубити мужа
безответнаго.
А не имею милующаго ни ущедряющаго отнюд никого,
Мню же, яко всякому злато и серебро милее бывает
всего,
Или рещи: немилосердие и презорство всех обдержит,

Отнюдь просто рещи: чужая беда и напасть никому
 не болит.
 И вержен есмь аки камень в море, никим изъвлеком,
 Аще бог человеколюбец не пощадит праведным своим
 судом.
 Разве вижу в твоём сердце есть сияет истинный свет,
 Поне бо даешь ми, государь, всегда благоутешный ответ.
 И паки умилися сердце твое о нашем убожестве
 и сиротстве,
 Но избран еси сосуд уродился во своём
 благочестивом родстве.
 И вижу, чтоб ми еси, государь, и помог, но не возмет
 твоя мощь,
 А уже нам, грешным, в скорби сей и день, аки темная
 ночь.
 И на том тебе, государю, много челом бью, падая
 на ниц земли,
 И ты, государь, душею своею и сердцем себе внемли.
 И то тебе, государю, вѣменится в самую истинную
 правду,
 И всегда помышляти таковое дело твоему разсудному
 измарагду.
 Ничто же бо таковыя милости вящи у бога не бывает,
 Кто в скорби и беде поне малым чим помогает.
 Писано есть: «Аще не можешь помощи делом, и ты поне
 словом,
 Яко утвердит кто непокрыту храмину твердым кровом».

Аще ли, государь, не возможешь тем ныне помощи,
 Не прогневайся, иже о чем тебе, государю, дерзнем
 изрещи.
 Что же реку и что възглаголю и како еще дерзну
 к твоему величеству?
 Не вем бо числа сказати твоему милостивому
 количеству.
 Велик студ и зазор обдержит к тебе, государю,
 стужати,
 Но презельныя ради скорби и беды не могу в себе
 молчати.
 Поне же нужды ради весь страх и срам в сердце
 отлагается,
 И кто на страсть не дерзает, той желанного своего
 не сподобляется.

Общая наша госпожа и всех томительница свойства
 своего желает,
 И для ради прирожденного своего естества весь срам
 отлагает.
 Яко некоторый голодный пес или волк на вся человеки
 шибается,
 Подобно же тому и голодная утроба никого
 не срамляется.
 И паки: ничто есть тако зло всякому человеку, яко же
 голод,
 Его же ради некогда взят бысть не один великий
 и применитый град.
 В лепоту реченно: голод уязвляет не менее меча,
 От него же и самых крепких и сильных немощны
 бывают плеча,
 И всякому человеку начало животу хлеб и вода, риза
 и покров.
 Ей, ей, не мы глаголем, но сама наша великая нужда
 и кровь.
 Аз же грешный за премногия грехи своя всего того
 пуст,
 Но токмо мало нечто имею из многгрешных своих
 уст.
 Тем убогую свою душу и тело питаю и утешаюся
 на всяк день и час,
 И еще не презре нас до конца своими щедротами
 всемилостивый Спас.
 И что было ваше жалованье, государей моих, то все
 изошло,
 А ныне, государь, и сам веси — по грехом по нашим
 понужное время пришло.
 А се, государь, особная великая скорбь и беда за грех
 мой постигла,
 И без черного одеяния и без самовольного обещания
 до конца постригла.
 А не имею милующаго, ни ущедряющаго искренно
 в нынешнее время,
 Зане, по апостольскому речению, уродилось все
 немилосердное семя,
 И злым немилосердием и скупостию одержими, аки
 слепотою,
 И самохотно гнушаемся душеспасительную нищетою.

Сего ради презираем есмь от всех, аки трава, растящая
 в засени,
 Поистинне нелепо рещи: от великая тоя печали подобен
 есмь стени,
 Или яко руб при пути повержен, от всех ногами
 попираем,
 Тако же и аз грешный и недостойный от всех человек
 презираем,
 Или яко некий сосуд непотребны изметаем бывает вон.
 А ведомо есть, и всяко земное житие пара есть и сон.
 И что ми о том много вещей к твоему благородию
 приводити,
 Подобае же на всеилнаго бога вся надежа возложити.
 Той всем нам надежа и упование, и промысленник
 и кормитель,
 И на вся видимыя враги наша непобедимый
 прогонитель.
 И еще мышлю в сердца моем, надеюся на тебя,
 государя моего милосердаго,
 Вем бо тя верую к богу и правдою аки адаманта
 твердаго.
 Яко же и преже рех, не имею милующаго,
 ни ущедряющаго отнюд,
 Вем бо паки, многих свела лютая скупость
 и немилосердие в незазорный студ,
 Не поминающе апостольскаго речения: «Не брашном
 брата своего погубляй,
 Но егда в нужди и беде есть, тогда ему всячески
 помогай».
 И паки пишет: «Брат от брата помогаем бывает,
 Яко град тверд, и презирающии и немилующии и сами
 своим душам вечныя муки проуготовляют».
 Ты же, государь, не внимай, не ревнуй таковому злomu
 обычаю и нраву,
 Да получишь себе не токмо zde, но и тамо у Христа
 бога вечную славу.
 Еще молю твою премилостивую и многощедрую ко всем
 утробу,
 Да не прежде времени предадимся бездушной вещи
 гробу.
 Ущедри свое благонравное сердце и буди въместо бога,
 Да сподобишься стати у самага его небеснаго чертога.

И паки: укупи благородной души своей и телу спасение,
 Да будеши имети у владыки Христа бога велие
 дерзновение,
 Поне же всех добродетелей вящи у него вменяется
 И у самого его страшного и неприступного престола
 поставляется,
 Иже кто в скорби и беде сущей другу своему поможет,
 Той воздуха и облаки и солнечныя луча пройти
 возможет,
 Яко же и выше рех, стати у самого его престола божия,
 А мы, грешнии, плачемся, стоя у твоего государева
 подножия,
 З горкими слезами и болезненным сердцем к тебе,
 государю, вопием,
 Поне же по грехом своим преданы есмы злым
 и немилостивым змием,
 Иже на всяк день и час тянут сердце аки клещами,
 И злым умышлением измождают жилы, аки
 огненными свещами,
 Для ради своего тленного прибытка и кровавыя
 корысти,
 Поне же извыкли, аки червь, древо православных
 христиан грысти.
 Пожалуй, государь, что на искупление от того тления
 смертного,
 Да сподобит тя господь бог со избранными своими
 венца нетленного.
 И на препитание многогрешной души и телу и з горкими
 сиротами,
 Да украсится душа твоя добрыми делы, аки драгими
 пестротами,
 Как тебе, государю, вышняго промысл известит
 и пречистая его мати,
 Да даст ти всегда силу и помощь враги царевы
 побеждати.
 И молю тя, государя, в гнев не положиши,
 Ни в великую тягость и паки не позазрити,
 Поне от нужды и от беды тако дерзаем
 И твоему достойному величеству и добродее докучаем.
 Аще бы не в таковой скорби и беде, не так бы тебе,
 государю, и скучали,

Разве бы милосердаго слова и сладкаго ответа от тебя
 ждали.
 Вем бо, что уже тяжко ти, государю, от нас вменится,
 Да зритель господь, что не к кому, кроме тебя, государя,
 приклонится.
 Многи бо, аки аспиды глухия, затыкают своя слухи
 И забывают, яко неимущих ради дает бог
 благорастворены воздухи.
 Аще помилован еси, государь, от небеснаго царя,
 и земнаго
 Сам помилован будеши. Не погуби самовластным
 изволением шесточисленнаго камени драгаго,
 Пожалуй нас грешных и призри в конечной сей беде,
 Да даст ти господь благая и полезная получитьи везде.
 А мы должны за тебя, государя, его молить,
 Дондеже и душа в теле, чтоб тебе, государю,
 и до смерти правда творить.
 Кто словом и делом последний невежа, въсе в его
 божией и всемогущей безсмертней деснице
 содержится,
 И кто на него уповае, той во всем врагов своих
 не убоится.
 Его святая воля буди, что хочет, то по своей воли
 и сотворит,
 И за твою великую правду и кровь сугубо тя воздарит.
 И аще ти, государю, будет и негодя, не вели ввергнути
 в подножие,
 Зане царево и рождышаго тя именуется ту лице божие,
 Тако же и свое честно брегий, яко славно и хвально
 во всех,
 Поне же бо еси, государь, не бывал никогда побежден
 на бранех,
 Паче же самаго бога и пречистыя его матери, общя
 наша заступницы,
 Сам, государь, веси, та посрамляет вся
 законопреступницы,
 Чтобы божию имени, его матери, купно и цареву
 не было бранно,
 Веси паки и сам, что християньское имя от всех
 родов презбранно.
 Паки здравствуй, государь, о всещедром Христе,
 И побеждай враги царева о пречестнем его кресте,

Еже бо тем бывает на них победа и одоление,
И некли услышит господь наше к нему моление,
И чтоб вам, государем, дал бог на них, супостат наших,
победу,
Отнюд просто рещи, не осталось бы их в земли нашей
следу.

Мнози бо людие дивятся мужественному твоему
храбръству

И радуются, что бог тебя принес к великому государству.

Поне всегда против сопостат лица своего не щадишь,
К богу и царю и ко всем человеком правду творишь,
И сподобил тя владыко видети образ пречистыя царицы,
Та бо всегда подает победу на враги.

Потом же в светлости и радости лице цареву,

Его же роди и воспита благодное чрево.

Тако же и свою рождышую и супругу с чады,

Вси бо от бога и от вас чаем отрады.

Еще же ближних своих приятелей и добродеев.

Да побьет врагов правда твоя, аки огонь сирских
халдеев.

Потом же паки виде все православное множество,

Желали же видети твоего зрака и наше убожество.

Мнози бо паки жаждали видети в радости твоего лица,

Аки дети, долго не видючи своего отца.

Свидетель на то бог,

Иже возносит христианьский рог. Аминь.

Между 1613 и 1645

Иван Васильевич Шевель-Наседка, родившийся в 1570 году, был двадцати четырех лет посвящен в сан дьякона и служил в церкви родного своего села Клементьева близ Троице-Сергиева монастыря. Наиболее драматические события Смуты он пережил в Москве. Вернувшись весной 1611 года в Троице-Сергиев монастырь, он сблизился с игуменом Дионисием Зобниновским, впоследствии причисленным к лику святых, и вместе с ним рассылал по русским городам патриотические грамоты.

С середины 1615 года он вместе с Дионисием и Арсением Глухим занялся исправлением Требника и других служебных книг. Церковный собор, состоявшийся три года спустя в столице, счел поправки еретическими. Несмотря на яростное сопротивление Наседки, который, по выражению Арсения Глухого, «спираючись, очи слинами забрызгал» самому митрополиту Ионе, местоблюстителю патриаршего престола, справщиков отлучили от церкви и сослали «под крепкий начал» в монастыри. Наседка же, хоть и отлученный, сумел остаться на свободе и продолжал оспаривать соборное постановление.

Сторону справщиков приняли вскоре патриарх иерусалимский Феофан и вернувшийся из польского плена Филарет Никитич. Став 24 июня 1619 года патриархом Московским и всея Руси, Филарет назначил на 1 июля новый собор для пересмотра дела. За неделю Наседка сочинил полемический трактат из тридцати глав, а затем — новый, из сорока. Собор оправдал справщиков. Благосклонный Филарет приблизил Наседку к царской семье, сделав крестовым попом Благовещенской церкви, «что у государей в сенях». Когда царь Михаил решил посватать племянницу датского короля Христиана IV, шлезвиг-голштинскую принцессу Доротею-Августу, Наседка поехал в Данию и прожил там с русским посольством с февраля по май

1622 года. Это дало ему материал для самого известного его сочинения — антипротестантского «Изложения на люторы».

В 1626 году Наседка был назначен ключарем главного храма России — Большого Успенского собора в Кремле. К той поре он получил общее признание как виднейший богослов-полемист. Ему поручили рассмотреть уже дважды осужденное, но тем не менее популярное «Учительное евангелие» Кирилла Транквиллиона. Наседка подал резкий «Свиток укоризнен» — и книга была предана публичному сожжению 4 декабря 1627 года.

Наседка был типичным ортодоксальным начетчиком, равно неприязненным и к украинскому богословию, и к греческим «шатаниям», не говоря уже о католицизме и протестантстве. Громадная эрудиция и недюжинное литературное дарование составляли его силу, слепая вера букве писания и святоотеческих текстов — слабость. Эти его качества проявились в устной и письменной полемике с пастором Фельгабером, которая возникла в связи с несостоявшейся женитьбой датского королевича Вольдемара на царевне Ирине Михайловне. В публичных диспутах Наседка выглядел весьма неуверенно.

Полемическая деятельность Наседки оставила заметный след и в продукции Московского печатного двора, где он служил со второй половины 1638 года. Редактируя чин (ритуал) присоединения к православию иноверцев, подготавливая знаменитую «Кириллову книгу» (1644), Наседка включает в эти издания отрывки из «Изложения на люторы». В 1649 году его ставят во главе Книжной sprawy Печатного двора. Тогда же он овдовел и, принужденный расстаться со священнослужением, вскоре принял монашество с именем Иосиф. В 1651 году патриархом стал грекофил Никон, который отставил Наседку от Печатного двора и сослал его в северный Кожеезерский монастырь. По некоторым данным, Наседка умер в 1660 году.

3. (ИЗ «ИЗЛОЖЕНИЯ НА ЛЮТОРЫ»)

Дива убо есть велика та палата видети,
Христианом же истинным зело ю достоин ненавидети.
Златом убо и сребром много устроена телеснаго та,
В них же тайна блудная вся открыта срамота,
Их же блудным рачителем в виде зрети утешно,
Конец же зрения есть мучение вечно безутешно.
В толику убо гордость король он Христианус произыде,
Яко же и сатана на северныя горы мыслию взыде:
Горé убо устроил двоекровную палату,
Долу же под нею двоеимянную ропату,
И по-лютерски нарицают их две кирки,
По-русски же видим их: отворены люторем во ад две
дирки;
Горé убо устроен в палате блуда и пианства стол,
Долу же под ним приношения пасения их на божий
престол;
Горé бо в палате бесование земное,
Долу же в кирке приношение, по их, небное.
Многих же вводят в кирку ту смыслу королевску
дивитися,
Велеумным же мужем не подобает безумию их дивитися:
Явный бо той есть враг божий,
Иже возвысился на образ божий.
Нигде убо в них и инде не видети написанных образов
божих,
Яко же дивным письмом в тех дву кирках не божих,

И не на поклонение святыя иконы добротою в них
воображены,
Но в урок христианом, святых икон поклонником,
предложены.
Поне же в выспрь убо над самом тем престолом
королевское место,
Долу же под ним образу божию отнюдь быти не место.
Аще бо горé бесованию быти пиршественному,
То отнюдь невозможно быти доле возношению
божественному.
И естеством Благий вся терпит до конца,
Не кающихся же о сем имать мучити без конца.
И о сем не бывшим тамо православным христианом
греческаго закона несть ведомо,
Ныне же буди всем православным христианом о их
злочестии сведомо,
Яко во всем господне учение отвергоша.

Между 1622 и 1625

Князь Иван Андреевич Хворостинин происходил из рода ярославских князей Ухорского удела и состоял в родстве с Курбскими, Прозоровскими, Троекуровыми, Шаховскими. Его отец Андрей Иванович, по прозванию Карло или Старко, умерший в 1604 году, был, как и дядья И. А. Хворостинина, в опрочине и, по-видимому, пользовался постоянным расположением Ивана Грозного. При царе Федоре Андрей Старко дослужился до чина окольничего; два его старших брата умерли боярами.

Юный Хворостинин был близок к Лжедмитрию, который пожаловал его кравчим и, по свидетельству современника Исаака Массы, «держал этого молокососа в большой чести, чем тот весьма величался и все себе позволял». ¹ Известно, что Лжедмитрий и Иван Хворостинин находились в тех же отношениях, что и Иван Грозный с Федором Басмановым. Царь Василий Шуйский сослал Хворостинина в Иосифов-Волоколамский монастырь, откуда последний вернулся к моменту освобождения Москвы от поляков. В 1613—1619 годах он служил на воеводстве в Мценске, Новосили, Переяславле-Рязанском — здесь он успешно выдержал осаду польских войск и казаков.

В конце 1622 или начале 1623 года Хворостинина сослали вторично, на этот раз в Кирилло-Белозерский монастырь, чему предшествовали два обыска. Оказалось, что князь, который еще при Шуйском и патриархе Гермогене был уличен в еретичестве и склонности к «латынской» вере, не переменил своих взглядов. Этот «вероотступник» запрещал своей дворне ходить в церковь, считая, что «молиться не для чего и воскресения мертвых не будет», не постился в страстную неделю (царская и патриаршая грамота укоряет его за

¹ Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII века, М., 1937, с. 145.

«беспременное питие»), разговлялся до Пасхи и т. д. Убежденный «западник», Хворостинин заявлял, что «на Москве людей нет, все люд глупой» и хотел «отъехать» в Литву. У него были отобраны рукописи, содержавшие «про всяких людей Московского государства разные укоризны», между прочим стихи, из которых до нас дошла лишь одна «вирша»: «Московские люди сеют землю рожью, а живут все ложью».

В монастыре Хворостинина содержали строго: книг, кроме церковных, не давали. Жил он в «особой келье» под неусыпным присмотром «крепкого житьем старца» и должен был неукоснительно выстаивать все службы. В ноябре 1623 года монастырский «собор» испытал его в вере по специально присланному патриархом Филаретом «учительному свитку». Князь покаялся и свиток подписал. Два месяца спустя ему позволили вернуться в столицу. Хворостинин стал монахом и 28 февраля 1625 года умер в Троице-Сергиевой лавре.

Дошедшие до нас сочинения Хворостинина, как прозаические («Словеса дней и царей и святителей московских», «Повесть слезная о Листриском, сиречь Феларском и Флорентиском разбойническом кровопролитном осмом соборе», источником которой была «История о листрикийском... синоде» Клирика Острожского 1598 года, и др.), так и стихотворные, вопреки его религиозной «шатости», характеризуют их автора как присяжного противника «римской прелести». Эти сочинения, очевидно, писались в последний год его жизни с целью внушить царю и патриарху, что раскаяние монастырского узника было чистосердечным. Василий Шуйский не успел сломить беспокойного князя, который, по словам его родственника и тоже поэта С. И. Шаховского, отличался «высокоумием» и небывалым самомнением. Первому царю из рода Романовых и его отцу, занимавшему патриарший престол, это вполне удалось.

4. МОЛИТВА ХРИСТУ БОГУ,

иже во христанех многу неволю от царей
и от правителей неразумных злобы приемлют многи,
еще же и от еретик и чревоугодных человек;
таков есть глагол прискорбных,
краестрочие имуще по буквам, на римские ереси

Полки обнищавшие, Иисусе, вопиют к тебе,
Речение сие милостивное прими, владыка, в слух себе.
Еже на нас вооружаются коварством сего света,
Всегда избави, господи, нас от их злаго совета.
Оне убо имеют в себе сатанину гордость,
Да отсекут нашу к тебе душевную бодрость.
И твой праведный закон по своей воли изобразают,
Злочестивых к совести своей приражают,
Лестными и злыми бедами погубляют нас, яко
супостаты,

А не защитят от твоего гнева их полаты.
Желаю бо аз единого тя, спаса истиннаго,
Еже верую в тебе, творца милостиваго.
Не предаждь нас, раб твоих, точию,
И посещай своих благочестивою мочию.
Яко безсловесных скотов нас имеют,
Коварствы неправедными укоряют.
Но мнози убо на себе клятвы наложили,
Яко злыми, лукавыми нас обложили.
Злой прибыток себе утверждают,
На нас души злостью вооружают.
Владыка вседержитель, ты нашу беду видишь,
А глаголющая поистинне молитвы наши примешь.
Не дай врагом вознестися злостию на ны,
А злостныя да не будут на нас их раны.

Каин со Авелем две церкви знаменуют,
 Но из Адама два естества именуют,
 Яже богу всесожженную жертву принесли,
 За нь же молитвы свои к тому вознесли.
 Яко Каин грешный богу не угоди
 И лукавым сердцем к нему приходи,
 Веселый Авель от бога милость принял,
 А его же господь дары и всесожжение внял.
 Но вегда молитвы Авель богу воздал,
 А Каин его тщательно убити помышлял.
 Но потом брата оного умертвив
 И тыщаньми своими себе окаянный показив
 И жертвы оного омерзив,
 Мерзостным убийством сам ся погубив.
 Родоначалие убийством первые погубися,
 Иже кровь праведнаго, яко вода, пролиася.
 Иже таковы Каиновы внуки,
 Выникше во останшныя веки,
 Иже снопы злобы на жертву возлагают,
 Часто души неправедно погубляют.
 И похвалою людскою себе уллучили.
 Христово величество имя себе уллучили,
 Злыя далеко суть от святаго пути,
 От беззаконник навыки пребыти.
 Радостную славу на земле коренят,
 О божественный славе радети не хотят.
 Собою нарекли на земле славы имяна,
 Та и память им смертная не может быти имена.
 И грады и села тыщяцми собрали,
 За Христовы рабы дерзостна себе нарицали,
 И хотением болшую земную славу наследили,
 Но во дни и в нощи мамону стяжали.
 И люди божиа от них, яко класы, ся пожинали.
 Иже своя враги во веки погубили,
 И от нас любят приняти частую оферу
 И повелевают держати свою веру,
 Без ереси и греха ему являти
 И послушанием оного почитати.
 За послушание царство нам даруют,
 За преслушание ж муки уготовуют,

Яко Авель терпит от убийцы брата,
И будет молитва наша пред вышним прията,
Да лубомудрия держит с Каином Рим,
И будут оне яко скоро шедший дым.
Авеля восточную благую церковь именуем,
Каина ж губительную западную церковь нарекуем.
Да того ради нас за Христа избивают,
Против закона и канона писание издавают.
Сего их учения прекословна отвращаемся,
Во благочестивой вере утверждаемся.
Слышите сия, боголюбивыя народы,
Не принимайте словес еретических в своя роды.
Ложь бо человечья с богом не царствует,
И леность неправедных скоро погибает.
Кто любит Христа, на прелесть не ходит
И терпение свое к нему принудит.
Но в остатний век спасайся
И к папскому собору не прилучайся,
И страхом уловляемь не буди,
И доброту Христову в сердца своем нуди.
Веси, кто тя кровию своею откупил,
Да бых к противному от него не отступил.
Цену крови своей истинно за тя дал
И за избавление наше и душу свою отдал.
Аще и от единых святых соборов прияша,
Но много благолепия благословнаго отъяша.
Онаго ж бога чтут и в него веруют,
Но не подобна бога в Троицы разумеют.
Поминай милость твоего гроба,
В нем же изтлевет твоя земная оздоба.
Украшенных бо словес не принимай в слухи,
Да не бы твое врази не имели утехы.
И красная сего мира мудрость богу неприятна,
Но истинно зело злостию превратна,
Ее же латинские учителя имеют,
Зло(к)ознием души наши ловитвою веют.
Изволим, братие, держати святую простоту,
Восточныя церкви божественную доброту.
Аще богословнейшии житие преходят,
Но по воле Его умы своя водят,
А человек мудрость богу противна,
Превратна течением и злолствишна.

Но святы́й Павел, буйством ея нарекше,
Косну и всестрастну ея в делесах обретше,
За нею же жидовское и агарянское племя ходит,
Яко жено в безумие их множицею приводит.
Латина ею всех прелщают,
А от божией мудрости всех обольщают.
Но, любимии друзи, все благоверныя,
Аще и творят вам многия пакости зловерныя,
Не напивайтесь от горкаго студенца,
Хвалите бога даже и до конца,
Восточныя церкви разуму учитесь,
От тоя же любви благоразумия научитесь.
Рачители вы есте сего мира света,
Отрицайтесь папезскаго злокозненнаго навета,
Сих же училища ересь разсевают,
Тако благочестиа еретичеством насевают.
Избави нас, господи, и не дай во многия беды, в напасти,
И сокруши римския гордыя власти.
Аще и согрешившаго спасл если Лота,
Изсуши праведным солнцем греховныя болота.
Умиление же есть божественное писанис,
Поздно любомудрецем прочитание.
Писмо богодухновенно,
И любящим его благо и спасенно.
Книги духовныя — разумныя цветы
Научают воздати Христовы обеты.
Книги, аки солнцем, душевныя мысли освещают,
Чистое писание грехов темности убеляют.
Книги юных премудроственно творят,
Простых в страх божий приводят.
Ни Платон, ни Пифагор, ниже Аристотель —
Не обретається из них духовный сказатель,
Ис которых латини хвалению поучают
И безумную ересь в себе полагают.
Христа ради, молю вас, на прелесть не ходите,
А ни чада своя на зло не водите.
О господе братиа, христианския чада,
Избавите себя от темнаго ада!
Не в научениих латинских веру разумевайте,
Их вредами от православия не отступайте,
Не погубите святую боголепную веру,
Не принимайте латинскую сугубую меру.

Много злата на прелесть дают
И душевное благоразумие муками растерзают.
Егда вознесся бог на небеса,
И тогда яви нам многия чудеса.
З горы масличныя ко Отцу взыде,
Тако же с плотию судити нас приидет.
Тогда ученицы во вселенную проповедаша,
Народом и царем о нем возвестиша.
И в страны мира слово пронесся,
И от лести к богу народное множество обратися.
Всю землю на части себе пределиша
И Евангелием людей осв(е)тиша.
В них же бысть святыи Андрей Первозванный,
От числа полка ученик Христовых избранныи.
Из Иерусалима в Византию дойде
И оттуду паки в Россию прииде.
Таже в град Киев по Днепру ходяше
И посреде поган крест знаменоваше.
На горах Киивских молитву сотворил,
Дабы там господь благодатию одарил,
Дабы было в России имя его величано,
Христианство им живущим даровано,
Иже о идолех были упражнены
И во зловерии бесовском ослеплены,
Дабы бездушным престали служити,
Но в православии благолепно сподобимся жити.
Вострубив начало, проповедь святую,
И проповеда в России святыню благую.
Честныя быстрины Христова учения на полуношь
принесе
И имя Христово пред всеми ясно изнесе.
И ныне хвалится полунощная страна,
Поне же их беззаконная вера предрана
Христом, избавителем нашим.
Уже конец приведшим бывшим,
Яко красуешся святыми церквами
И богови служиши чистыми жертвами.
Поминайте жертвы апостол славных
Просвещенны от веков давных:
Святое начало от них нам явлено,
Яко от самого бога повелено.

Честный граде Киев! в тебе вера возсия,
В тебе же и богомудрыя зело просия.
Возлюбим непревратное благоразумие
И отринем от себе суетное суетумие,
И будем прѳсти работати,
Нидохматы вечныя от себе отринути.
Не наши суть пастыри западныя отцы,
Но римские святители быша волцы.
Не мы быхсм отметницы святыя веры,
Но еретицы творят присныя богу оферы.
Не наши пастыри церковнии сопостаты,
Иже прелазят, а не входят истинными враты.
Не таков бысть господь, иже наш Спаситель,
И Андрей апостол, российский учитель.
Не таковы римские учителя,
Но всему миру великия мучители,
Нестъ бо их дух з богом над земными,
Начало з богоненавистными убийцами.
Мы же возлюбим Христу угождати
И святое имя его величати,
И сохраним твердо гонимую веру,
И отмещем мерзскую оферу.
И беды и страхи их скоро минуют,
Которые ныне на вас воставают.
Ибо господь наш много за нас пострадал
И нам терпения свой образ предал.
Таже святой Андрей крестную смерть приял,
В Патрех Ахайских за Христа пострадал,
Благих всемирный ловец,
Неложный пастырь Христовых овец.
Не бе в нем гордости, ниже златолюбьства,
И научив бо всех братолюбства.
Всему христианьству и Кииву граду,
Богом избранному верному стаду,
На вечныя лета церковь стоит
И добрым утверждением всех боголюбивых учит.
Бог бо нас к себе благоверием приблизит
И милость паче первородных к нам умножит
И мужи и жены и дети и старцы,
Все православныя братолюбцы,
Лукавых лихоимцев сих зрите
И в пути их тщателно не грядите.

ДВОЕСТРОЧНОЕ СОГЛАСИЕ,
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ, К ЧИТАТЕЛЮ

Зри, читателю, римския нравы,
Ты убо держися великия божиа славы.
Не ищи истинны от чужаго закона
И не пременяй святых отец канона.
Виждь заходныя церкви уставы,
Наших телес разрушены быша составы.
Западная ж церковь темна во дни и в нощи,
Горки бо бе их зело израстуют овощи.
Осмой собор не по истинне совершиша
И многих святых томлением предаша,
Муками и злыми томленьми осудили
И вои множественныя на них вооружили.
Велика бысть гнева их волна.
Аз обличитель бых ереси их издавна
И хотех убо нечто оставити народу,
Христианскому священному роду,
Но злы быша сопостатныя породы,
Смутили наши блаженныя роды.
Прострох руку мою на спасение,
На еретическое известное потребление,
И въместо чернил быша мне слезы,
Зане окован бех того ради железы.
В темницах пребых многа,
Время тамо бых долга.
И бегах неправеднаго злата,
Аки сквернаго поганаго плата.
Скрывахся крамолныя ради злости,
Не протрах своей писание трости.
В полконачалии не дах хрепта врагом,
Не сотвори ничто же мана своим другом.
Время печално бе внегда,
Уповах на сердцевидца всегда.
Той моя крепость и утвержение,
Того помощника имех от рождения.
Закона его никакже отринух
И многих ереси губителныя изринух
Учительными блаженными словесы,
Божественных отец правыми делесы.
Сыноположение стяжах,
Восточныя церкви веру держах.

Не обыкох с неучеными играти,
Ни обыклости нрава их стяжати.
Бедою многою изнемогах,
И никто ми помогох,
Точию един бог,
А не народ мног.
Писах на еретиков много слогов,
Того ради приях много болезненных налогов.
Писанием моим мнози обличишася,
А на меня, аки на еретика, ополчишася,
Отревая мя от святого писания.
То было мне от них воздаяния:
Яко еретика мя осудили
И злости свои на мя вооружили.
Зрите наши злыя нравы,
Будите душами своими здравы;
Но и рабы мои быша мне сопостаты,
Разрушили души моей полаты,
Крепость и ограждение отъяша
И оклеветание на мя совещаша.
Злы бо их зело беззаконныя злобы,
Творили на мя смертныя гробы,
Зла бо быша их порода,
Аки аспидскаго рода.
Пущали на мя свои яды,
Творили изменныя ряды,
Вопче на мя приносили
И з(л)очестем меня обносили.
Владыка господи! Ты им суди
И с ними мя разсуди,
Ты веси мое чювство,
Ты зриши их буйство.
Хлебы мои же вскормиша,
И благость моя на зло их обратиша.
Слава быша в руце господня
Краше сладчайшаго крина.
Проклято рабское господство,
Скоро и отменно бо его коварство!
Не сыпте злата пред свиниами,
Да не осквернят своими ногами.
От раб приях многи налоги,
Сотворили на мя злыя прилоги.

Не помянули Христова слова,
И не избегнул аз от них злаго лова.
Они не боятся небеснаго бога,
Иже всем дает добра многа.
Словеса их верна, аки паучина,
И злоба их — злая паучина.
Аз бых един над ними,
Над изменники своими,
Господином им поставлен
И от бога паче их прославлен.
Но быша ми зелныя врази
И осквернили клятвою душевныя прازی
Ради часовья своей воли,
Хотяше отбегнути господския неволи.
Они бо, яко стрелу, на господина своего мерят.
Дивно о тех, которыя им верят.

Ноябрь 1623 — февраль 1625

Катыревы — виднейшая отрасль ростовских князей — принадлежали в XVI — начале XVII века к верхнему слою государева двора. Князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский, возможно, начал служить еще при царе Федоре Ивановиче. На грамоте об избрании Бориса Годунова стоит его подпись. По первой жене И. М. Катырев приходился зятем будущему патриарху Филарету и шурином первому царю из рода Романовых, Михаилу Федоровичу. Василий Шуйский, его свойственник, сослал Катырева в Тобольск за «шатость» в борьбе с Лжедмитрием II, который в 1608 году подходил к Москве. Только в 1613 году, как раз к воцарению шурина, Катырев снова явился в Москве.

При царе Михаиле ему давали важные поручения. Он ходил на Тулу против татар воеводой в большом полку, не раз оборонял Замоскворечье. Впрочем, Катырев долго оставался в стольниках. В 1622 году его повысили до дворянина московского и в перечнях дворян всегда писали первым. До 1630 года у него не было постоянной службы. Катырев жил в Москве, сопровождал государя в походы и богомолья, присутствовал на первой и второй свадьбах Михаила Федоровича, часто обедал за царским и патриаршим столом.

В 1630 году его назначили начальником Владимирского судебного приказа, который, должно быть, ведал исковыми делами жителей Владимира с уездом (кроме дел об убийстве, разбое и воровстве с поличным). Прослужив здесь до сентября 1632 года, Катырев едет первым воеводой в Новгород и остается там три года. Остаток жизни он провел в Москве. Год его смерти не установлен.

5. НАЧАЛО ВИРШЕМ, МЯТЕЖНЫМ ВЕЩЕМ

Сих же разумом прочитаем
И слагателя книги сея потом уразумеваем.
Изложена бысть сия летописная книга
О похожении чудовскаго мниха,
Поне же бо он бысть убогий чернец
И возложил на ся царский венец,
Царство великие Росии возмутил
И диадиму царскую на плещах своих носил.
Есть бо то во очию нашу дивно,
Предложим писанием, чтоб во веки незабытно.
И наши приклады в книги сей имаем,
И того в забытии не оставляем.
Тогда бо мятежные времена были,
И славные роды отечества своего отступили.
Мы же сему бывшему делу писание предлагаем
И предидущий род воспоминанием удивляем.
По сем предние строки углядаем
И трудолюбца дела сего познаваем.
Есть же книги сей слагатай
Сын предиреченнаго князя Михаила роду
Ростовскаго сходатай,
Поне же бо он сам сие существенно видел
И иные его вещи от изящных безприкладно слышел.
Елико чего изыскал,
Толико сего и написал,
Всяк бо что разумевае
И дела толикие вещи не забывает.
Сие писание в конец преити едва возмогах
И в труде своем никоея ползы обретох.

Сведения об этом монахе-книжнике крайне скудны.¹ Стихотворец второй трети XVII века Савватий служил в Книжной справе Московского Печатного двора. Судя по приходо-расходным книгам Книжной справы, он был принят туда в сентябре 1634 года и пробыл справщиком восемнадцать лет: последнее упоминание о нем приходится на сентябрь 1652 года.

Другие столь же отрывочные данные можно извлечь из его стихотворных посланий (они обычно атрибутируются Савватию по акростихам, иногда испорченным). По-видимому, еще до зачисления в Книжную справу Савватий был известен при дворе (в одном из посланий к царю он называет себя «преже бывшей у тебя, государя, служитель олтарев»), иначе трудно объяснить раннюю просьбу о покровительстве, обращенную к учителю наследника Алексея Михайловича дьяку В. С. Прокофьеву. Затем Савватий сумел снискать дружбу и других влиятельных людей: Ивана Никитича Романова-Каши, духовника царя Михаила Федоровича Никиты и других.

Савватий, наверное, принимал какое-то участие в известных полемических «прениях» с лютеранскими пасторами в 1640-х годах. В то время московское правительство предполагало издать антилютеранский трактат Ивана Наседки (это намерение не было осуществлено), и Савватий также надеялся напечатать свои стихотворения на ту же тему. Эту просьбу он высказал в послании к царскому духовнику, прося его «о том слово царю-государю предложить», но

¹ Иногда его неверно отождествляют с дьяком Посольского приказа Третьяком Васильевым, принявшим в 1654 г. постриг с именем Савватия в Чудовом монастыре и шестью годами позже за неприятие Никоновых реформ сосланным на Белое озеро.

в печать «грешные трудишки» Савватия так и не попали. Впрочем, стихотворения Савватия пользовались успехом. Испорченные акrostихи свидетельствуют о том, что его сочинения многократно переписывались, а замена имени автора на слово «имярек» в послании царю Михаилу, испортившая рифму, — что некоторые из его произведений считались «образцовыми» и поэтому достойными включения в письмовники.

Еже бы тебе по-прежнему милостию своею на нас
призирати.

Цветут по юдолиям и по горам крины селныя,
Свет же некогда дают видети и други неизменные.
Аще еси приступен к царскому величеству,
Вспомоги же и нашему недоразумичеству.
Аще паки помилован еси от бога отца,
Того ради не забуди нас, предстоя у того царского лица.
И ничто же тако ползует ближним царевым
предстоятелем,

Иже бы им быти к царем о неприступных помогателем.
Щит во время рати защищает от телеснаго уязвления,
Есть же и друг верен — помогает во время царскаго
непризрения.

Честь и милость царева красит всякого человека,
Ей, не мощно весма отбыти настоящаго сего века.
Люто воистинну и прелюто жити человеку без призора,
Поне же сломляется сердце его от великаго позора.
Мнит ми ся такову человеку и во дни аки в нощи
пребывати,

Буйством же и юродством самому себе облогати.
Иже бо никто же может много соли зобати,
Есть же и смущенным умом не мощно изящно
разумевати.

Тако же конец краегранесии zde стал,
А ум наш убогий еще не устал,
И понуждает нас еще рещи
И благодравие твое на милость к себе привлещи.
И паки еще хотим к тебе, государю своему, написати,
Да не вем, како разсеянный ум свой собрати.
Поне же от скорби и печали рассеивается
И быстро разумевати не поострется.
Писано есть: ум смущен немощен бывает от забвения,
Поне же не имеем к себе крепкаго царскаго призрения.
Аще в мале званейце и пребываем,
Но болшаго радования себе не обретаем.
И паки не имеем о себе к царю крепкаго ходатая,
И по разумишку своему и по смыслишку истиннаго
поборатая.

Того ради припадая ко общей нашей матери земли,
Ты же, государю мой добродею, о сем внемли,

По премногу твоей честности челом ударяем
И совесть свою тебе объявляем.
Буди подражатель самому Христу богу
И паки да подаст ти милость свою по премногу.
Яко он повелевает друг друга любить,
По Соломону — аки граду твердую быти.
Писано есть: друг верен — покров крепок,
А не верен — аки плот лепок.
Оперетися об него крепко, и он поволитися,
А о добром друге аки о потпоре человек держится.
И паки друг верен паче злата и сребра,
Не забудем и мы прежняго твоего к себе добра.
И паки другу верну измены несть,
А все наши мысли и сердца един господь весть.
И паки земныя плоды от лета до лета рождаются,
А добрии друзии по вся дни пригождаются.
Сего ради буди сему словеси подражатель
И к нам грешным истинный приятель.
Аще еси великою честью пред нами и почтен,
Буди же и к нам своим жалованием присвоен.
И тако милости твоей всегда до нас много,
Да по грехом нашим воздароваися тебе от нас немного.
Чем бы тебе противу того отплатити?
Токмо должны всегда о тебе бога молити,
Чтобы тебе и паки подоровал господь свою милость,
А нам бы твоею молитвою получитьи кротость.
И мнози дивуются твоему доброму нраву,
И за то вышел еси в великую славу.
Яко же и выше рекох — самому царскому величеству
предстоиши
И доброрасленную отрасль от него учиши.
В благополучный же час буди от нас царю-государю
слово заложити
И таковою милостию нас грешных одарити,
Как тебе невидимый бог о нас известит
И сердце твое благоразумие озарит.
И да воздаст ти господь многократную сторицею,
И да всегда будеши покровен невидимую его десницею.

1634 (?)

7. (ПОСЛАНИЕ МИХАЙЛУ)

Мудрого убо речение: яко в злохитру и лукаву душу
премудрость не вселится,

И еще аще кто братем своим возгордится.

Христос и бог наш всех нас учит,

Аще кто и всю землю премудрость изучит,

И не повелевает ему хвалиться,

И лестными и лукавами словесы кому з другом своим
любитися.

Утаити ли кто хошет лукавое любление,

Человеколюбец же бог зрит всех нас сердечное

мышление.

Есть бо лукавство и не утаится,

Развращенными словесы лестный друг объявится.

Ныне же слышим от тебе про себе поносныя глаголы,

Еже бо и всякому творят сердечные расколы.

Цена убо велика и неизменна нелестну другу,

Сопричтенна будет отчасти солнечному светосиянному
кругу.

А злохитрому и лестному ни едина будет цата,

Всегда бо недобрым словом поносит своего брата.

Аще еси и всех человек зовешися мудрее быти,

Но обаче божественнаго писания не мочно никому
до конца изучити.

Яко же силна кладезя не мощно ведром изнести,

Тако и божественнаго писания количеством не изчести.

Аще кто похвалится вся ведети, той солжет,

И сам на себе зазорное слово несет.

И кто тебе научил таковому злomu коварству?

И мнози люди зазирают твоему нелепому лукавству,

Что хупишися и хвалишися выше своя меры,

А мы и все христоименитыя своя веры,

И не подобает нам мудростями своими хвалиться,

Токмо достоин всем о кресте Христове возноситься.

Свидетеля самого себе на тебе постовляем,

И всесилнаго бога с молением зрети призываем.

Яко вси в чем от тебе не скривахомся,

И во всем к тебе сердечне простирахомся.

Ты же льстил нам тогда аки некий злый, лукавый лис,

И всегдашний убогаго нашего дому вис.

Хотя от нас грешных слышати многих божественных
словес,

Мы же, убозии, предподавахом тебе не в век.
Аки некий тщий сосуд пшеницею предполняли,
Теми божественными словесы ум твой напояли.
А того злаго лукавства и лести в тебе не знали,
Аще бы и ведали, и мы тебе отнюдь тако
и не открывали.

А есть и тогда проныречение твое в тебе зрели,
Да во очи тебе глаголати не посмели,
Что не хотя тебя раздражати
И духовнаго союза с тобою разрушати.
И яко некоторый младенец от сосцу матерню питался,
Тако и ты от наших многогрешных божественных словес
насыщавался.

И еще не смеем дерзо рещи, яко некоторый
от безсловесных,

От крупиц, падающих от нас, грешных, принимал
И всякое речение радостне начертывал.
Сам веси, что глаголем все неложно,
А с лукавым и с пронырливым в любви жити невозможно.
И ныне за наше благодеяние
Воздаешь нам зло воздаяние.
Себе выше всех людей похваляешь,
А нас кабы и не по делу оуждаешь.
И наши грешныя труды своими нарицаешь,
Не явственно ли сам свое безумие объявляешь.
В лепоту тако безумнии и несмысленнии творят,
Что сами себе всех мудрее мнят.
И кормихом тебе аки клушу или врана яглами,
А ты колешь нам сердце своими словесы, аки некими
иглами.

И всегда источавах тебе божественная словеса,
Не могут бо прямо смотрети развращенныя очеса.
Всегда смотрят розвратно,
А злому и доброе дело бывает неприятно.
Мы же, грешнии, зрехом тебе всюду всего,
Что еще при нас, грешных, не знаешь ничего.
Аще и не в смех и в поношение сие слово поставишь,
Но тем у нас благодати не убавишь.
Еще у нас по божию дарованию останется,

А твоя любовь за твое лукавство с нами до конца
разстанется.
И кроме тебе знают нас, грешных, в велицем сем
государстве,

Аще и много людей в российском царстве.
И тебе от нас тем из всех людей не отвести,
И всего от нас, грешных, не отнести.
Аще будет последи по нас и поскорбишь,
Но ползы себе и приобретения не получишь.
Поне же досадительныя словеса аки раны вменяются,
А добродетельныя глаголы аки медвенныя сотове
гортанию вкушаются.

Аще ли будет и в презорство нас положишь,
Но ни тем нас, грешных, не оскорбишь.
Учнем убо жити всяки по себе,
А мы были не злодеи тебе.
Яко же и выше рехом, всем сердцем тебе открывались,
И чем нас Христос бог наш одоровал, тем с тобою
здеялися.

А ты сам себе тем нарутил,
И духовный союз меж нами нарушил
Теми ныне досадительными своими словесы,
Аки некоторыми развратными колесы.
Раби бо есми и холопи вси царевы,
Подобает нам и всем примати дары алтаревы.
И кождой из нас по себе живет,
И утроба наша данный нам урок жрет.
Еще же и ина была наше к тебе помажение,
И ты все то положил в забвение.
И днесь еще в написании лежит,
Нам же всегда торопом претит.
И ты паки всего того нашего добра тебе забыл,
А нас теми своими поносными словесы оскорбил.
Бог тебе судия да пречистая его мати,
А впредь тебе за твое злохитрство не мощно веры яти.
И усты своими, что ни глаголешь, все лжешь,
И сам на себе недобрую славу зовешь.
И многие люди знают твою ложь,
А и нам есть ныне стал ты аки острый нож,
За таковое твое словесное досаждение,
За наше к тебе сердечное радение.

И уже нам вящши того писати к тебе несть треба,
Подобает нам желати нужных тща (?) хлеба.
Аще и аер словес кому счинити,
А лукавого и лестнаго добру не научити.
Сам о себе ответ богу даст,
А по делом его тако ему господь и воздаст.
Прости нас, грешных, во всех сих наших к тебе словесех,
А гордость и лукавство никого не поставит при небесех.
Аще же ти и тягостно сие наше речение возмнится,
Но последи радостно явится.
Поне же несть друг, иже на друга своего гнев держит,
И совести своя ему не объявит.
Мы же совесть свою тебе объявляем,
И твое лукавство и лесть тако же пред тобою полагаем.
И в том нас не позазри, что пишем к тебе простовато,
Сам ты горазд писать мудровато.
Слышал, что хвалишися своими усты,
И никого не поставишь против своя версты.
Мы же, грешнии и убозии, елико возмогаем,
Тако по своей убозей силе и начертаваем.
И несть треба писать сего витеино,
Добро тому, кто живет благоговейно
И ни к кому нравом своим не лукав,
И того ради душею и телом бывает здрав.
И сие наше писанейце, аще изволишь, блюди,
А сам себе в своей совести суди,
Что таковыми еси своими словесы пред нами виноват,
А явился еси к нам аки некий супостат.
Но обаче бог тебе простит во всем,
А не простая реку, что не оскорбляли тебе ни в чем.
Прочее здравствуй всегда о Христе бозе,
И да сподобит тя стати при небеснем своем чертозе.
И во веки веков аминь,
А тот нелепый нрав свой от себе отринь.
Аще ли такова нарава от себе не отринешь,
То и паки многим людям постынешь.
Вящши паки того не имам, что писати,
Токмо достоин молчанию предати.
Во веки аминь.

8. (ПОСЛАНИЕ КНЯЗЮ АЛИПИЮ НИКИТИЧУ)

Сие послание списано рачительно,
Пожаловати почести тако же любительно.
Государеву-цареву именитому ближнему его
предстоятелю,
О божественных догматах крепкому приложателю.
Спочтенному убо от бога пречестным отечеством,
Порожденному же законным венечеством.
От благого паки корене происшедшему,
Добрым же тем разумом и смыслом процветшему.
Афинейския убо премудрости сладко есть слышати,
Разумна же мужа и везде дивно есть видети.
Юхают убо в полях и наслаждаются благово князя цветы,
Како же наудивляются мудрых мужей советы.
Ничто же бо их есть честнейши,
Яко самыя красоты бывают дивнейшии.
Зрети убо красота и лепота прелестно,
Юже зряй с похотию умирает безвестно.
А мудромна мужа разум живот и свет,
Людие же призывают его в добрый совет.
Источник сладок беседа с премудрым,
Подобает будет и слышатель мудрым.
Юродство есть воистинну премудрым мужем досаждати,
Не умеющему ничего же самому себе мудра и разумна
вменяти.
И паки: муж неискусен ни единому слову достоин,
Како же убо ум сего и премудрым будет пристоин.
И ничто паки неразумному и горделивому будет
свойство,
Токмо бы сотворити ему клевету своему завистное
братоубойство.
И тебе бы, государю, таковому злomu обычаю
не ревновати,
Чист бы разум свой и смысл от того держати.
Юза убо крепка мудра мужа свой добрый ум,
Много же умиляет и самый нелепый шум.
Ничто же паки разумна мужа дражайши,
О еже бо бывает некогда и самага богатства множайши.
Глагол убо багатаго всем людем сладок и приятен
является,
Обаче и мудра мужа разум от многих восхваляется.

Глаголание убо свое почаству к нам простираеши,
Ревность же убо и жалованье свое к нам недостойным
являеши.
Есть же вкратце слово к твоему благо разумию рещи,
Что широты божественного писания никому же
не претещи.
Но токмо по твоему великому жалованью тако нас
нарицаешь,
А свое умение и разумение уничтожаешь.
Хрусалиф убо камык яко злато есть видением,
Сприличился же тому и ты своим разумением.
Аще ли будет и не до конца премудрости научен,
Но воистинну благоутробием и смирением от бога почтен.
Аще ли ты, государь, возмнитца, что лестно изрековаем,
Творец наш и бог зритель, что всю правду изрицаем.
И еще к тебе, государю своему, притецем,
И к твоему благо разумию рцем.
Щедрый государь наш бог Иисус Христос зрит,
Что милость твоя и жалованье всегда нас бдит.
Паки же повсегда нас, грешных, своею милостию
присвояешь,
Аки сладкою водою благоутробием своим напаяешь.
Дивно убо паки крота и доброта руки кому зрети,
А вящши всего лучьши любовь и негордение ко всем
имети.
Поне же бо любовь покрывает множество грехов,
А творяй же ю возможет избыти от великих врагов.
Аще нам своими усты претит,
Зрит господь мой бог, добродетель творити велит.
Еже бы нам, грешным, и малого нашего разумейца
в себе не скрыватьи,
Мы же, грешнии, можем ли противу того тебе, государь,
ответ дати.
Любяй нас и милуяй к таковым глаголом ходишь,
И к божественному писанию приводишь.
Человеколюбец убо бог всякой души зритель,
Ей не хошу быти потому скрытель.
Люта убо есть гордость,
Поне же бо много погублет и самую умную острость.
Много же убо видим гордостию превозносимых,
Буестию же и завистию одержимых.

И того ради же желается и малаго своего разумейца
дати,

Еже бо и не подобает таковым преподовати.

Токмо повелевает о таковых язык свой удержевати,

Чтобы им не на льсти и не на гордости взимати.

Аминь.

Тимофей Демидович Акундинов (также Акиндинов, Анкидинов, что объясняется различиями в церковном и народном произношении этого имени) — авантюрист, последний из девятнадцати самозванцев первой половины XVII века, объявивший себя потомком царя Василия Шуйского (его сыном Семеном или внуком Иоанном-Тимофеем).¹

Тимофей Акундинов родился в Вологде в октябре 1617 года в семье стрельца Демида и воспитывался в хоромах вологодского архиепископа Варлаама, а потом служил подьячим в Москве.

Этот самозванец в разное время выдвигал разные биографические версии. Согласно одной из них, он попал в плен к запорожцам, когда свергнутого Василия Шуйского везли в Польшу; согласно другой — он остался в Москве, и царь Михаил дал ему в удел Пермь Великую; наконец, по третьей версии, ему угрожала смертная казнь, но он сумел скрыться, а его мать (дочь Василия Шуйского) была сослана в Сибирь.

В 40-х годах XVII века Тимофей Акундинов оказался в Польше, где и объявил себя гонимым царевичем. Место и обстоятельства его «признания», по-видимому, навеяны историей Лжедмитрия. Акундинов был представлен королю и взят на дворцовое содержание, однако после вмешательства русских послов ему пришлось уехать в Турцию.

¹ См.: Қ. В. Ч и с т о в, Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв., М., 1967, с. 70—78; Е. Ф. Ш м у р л о, Римская курия на русском православном Востоке в 1609—1654 гг., Прага, 1929, с. 174—180; В. А. М о ш и н, Из истории сношений Римской курии, России и южных славян в середине XVII в. — В сб.: Международные связи России до XVII века. Под ред. А. А. Зимина и В. Т. Пашуто, М., 1961, с. 491—511; В. А. М о ш и н, Из переписки самозванца Тимошки Акундинова. — ТОДРЛ, т. 24, Л., 1969, с. 309—313.

В Константинополе он старался заручиться поддержкой султана и одновременно вступил в переговоры с русскими дипломатами, которым, между прочим, 11 декабря 1646 года вручил стихотворную декларацию. В Турции Тимофей Акундинов принял магометанство, но от султана ничего не добился. С помощью сербов самозванец перебрался в Рим, где ходатайствовал перед папой о признании своих прав на московский трон, взамен обещая обратить русских в католическую веру (сам Акундинов здесь перешел в католицизм). Когда и этот план потерпел крушение, он через Австрию, Венгрию и Польшу уехал на Украину.

Хотя Богдан Хмельницкий отказал новому царю Алексею Михайловичу, просившему о выдаче самозванного претендента на престол, тем не менее Акундинов побоялся остаться на Украине и отправился в новые странствия. В Стокгольме он стал исповедовать лютеранство, встречался с канцлером Оксеншерной, затем жил в Нарве, Ревеле, Кенигсберге. Выдала его Голштиния, выговорив для себя некоторые привилегии в торговле.

В 1653 году Тимофей Акундинов был четвертован в Москве.

9. (ДЕКЛАРАЦИЯ МОСКОВСКОМУ ПОСОЛЬСТВУ)

Пять камней Давид имел в пастуше тоболе,
коли, не стерпев от неприятель сердечнов боле,
шол смело против страшного Галиада
израильтянского верне бороняти стада.

.
Галиаду спясю дух и гордости забила.

Тако и мы во имя божие имеем с пяти смыслов готовых
на неприятеля пять вершей сложных.

1

Хвала милостивому святому богу!
От неприятеля бежав через осьмь земель, не приткнули
мы о камен свою ногу,
а не нарушили здоровья и чести и сана,
и ныне есте мы под крылами милости турсково Ибрагим
султана,
дву цесарств и сту царств и двухсот пятидесяти
кролевств трех частей света монархи,
той может стереть неприятеля и моих карки;
его же слава по то ся на земли пусть сладит,
поки в небе звезды и месяц светит.

2. НА ПОНОСИТЕЛЕЙ ОТВЕТ

О Москва, мати клятвопреступления,
много в тебе клопотов и нестроения!
И ныне ты, не иставшия, и крови жаждаеш
и на своего господина клеветный лук напрязаешь.

Хто тебе што милой отчизне здавна послугует,
на того твоя ненависть все негодует.
Тех древних своих княжат уставы отверзаешь,
а новых выродков, мнимых князей, приямляешь
и их, наскокателей, почитаешь и обогащаешь,
а чужими бедами отнюдь ся не наказуешь.
Хочешь или льстивое жалованье с их познати, —
советую ти и разуму их и любви внимати.
Изрини от себе тех митрополитанчиков окаянных,
наших и отца нашего государя царя врахов

непостоянных,

и послушай Христа и Спаса твоего,
а прими мене в дом достояния моего.

Я естем мнимый подьячей, а истинный царевич

Московский,

яко же иногда крал Аполон Тирский.

Я естем здесь непознанный князь Шуйский,
яко же иногда и Овиан, цесарь Римский.

Его свои, ему познавши, на престол звездоша,
тако ж и ты, Москва, не презри мене, изнемогша.

А коли будут твои детки поносить нас чем,
мы с образца своих родитель на винник хврастия

не будем жаловать ни в чем.

3. НА ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА

У трех товарищев был один хлеб заветный:
тому из них съест, кто сон увидит хвалебный.

А сами были розными обычи товарищи:

один горд, другой лукав, третий вран на нырыщи.

Но лукавый гордого и враноподобного обманул,
их в бучи лукавством потопил и сам в нем утонул.

Царствовать ж устроил сына своего митрополитанского.
А гордому королевичу польскому царствование

Московское яко во сне ся снило,
враноподобному ж тушинскому вору на ево безголовье
не долго власти было.

А все те от Филарета были злых браней дела,
хотя Польска благословенной Москвы не овладела.

На устье меча народ весь был пояден
и от конца до конца земли огнем поपालен.
Почто, Москва, зло все забываешь,
а мне, природному своему, повинности не воздаваешь?

4. НА НЫНЕШНИЙ РОЗРЯД МОСКОВСКОЙ И МИТРОПОЛИТАНЧИКОВСКОЙ

Что ся ныне в нашем веку сотворило, —
то много ся злых дел расплодило.
Яко едва ж ести и нам у бога милости место,
коль тяжко от бояр народу и тесно.
Только умножися гордостии и кривды,
яко ж и отнюдь не знают суда и правды.
Древних бо княжат уставы отвергоша
и вся древняя судебники обругаша,
новья ж своя вся суетне поставляют,
и тем бесчисленно народу укривжают.
Яко великия рыбы малых поглатают,
так ои их и имения их снедают.
Еще ж и гради мнози суетне згубиша,
а широкими поместья и царство обнищиша.
Только сами ся изобильно обогатили,
военный ж чин ни во что наменили,
но хотят те отором и прочим соседством
грозны и страшны быти своим богатством,
счастье свое в немецких питиях полагающе,
гради ж земля своя немцом и поляком раздавающе.
И татаром пустошить земли своя не возбраняют,
аще от них и безчисленно человек, яко скоту,
отгоняют.

Но еще им же за то выходы дают и дани,
чтобы могли от них целы пробыть сами.
Москва руце угрызает и оных ненавидит,
от них же приношения пенязей не видит.
Кто даст, того послушают от всей веры,
кто не даст, — затворятся от него двери.
Что ж ты в том, Москва, добре оплошилась?
Блюдись, чтоб дверь милосердия божия

не затворилась.

Христианское есть — пад, востати,
а дьявольское есть — пад, не востати.
Сам, христороубче, разумеваешь,
мой ласковый читательнику, узнаешь,
кому воздать честь и верность,
помнячи природных государей давность.
К тому не будешь их поношати,
но, и о прежнем каюсь, прощати.
Поне же кто ся власти протявляет,
тот, по апостолу, богу ся противляет.
Мой верне милый читательнику,
не дивись настоящему враждебнику,
что он в наследии нашем господствует —
так ему мир, а не бог дарствует,
Который злых возвышает,
а благих отнюдь уничижает.
Смотри же не начала, но конца,
да будешь мудр до конца.
Хто сначала скачет,
тот напоследок плачет.
А так найдешь корысти не мало,
что ся тут кратко собрало.
Само бо доброе себя хвалит,
а злых лукавство палит.
Здоров же, любимиче, буди,
а своего государевича не забуди.

Инок Авраамий (в миру Афанасий, год рождения неизвестен) — один из ярких деятелей раннего старообрядчества. С юных лет он скитался по монастырям, потом вел жизнь юродивого в Москве, где одно время жил на подворье боярыни Федосьи Морозовой. «До иночества, — писал о нем в «Житии» Аввакум, — бродил босиком... в одной рубашке и зиму и лето... Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт, и у него слово тихо и гладко, яко плачет».¹ В Москве Авраамий сблизился с Аввакумом и стал его духовным сыном.

Как ревностный защитник старой веры Авраамий стал известен во время и после собора 1666—1667 годов, осудившего и сославшего вождей раскола. Недавний юродивый, которого хорошо знали и любили в Москве, боролся с никонианцами и пером, и устным словом. Сидя в заточении у Николы-на-Угреше, Аввакум писал своему верному ученику: «Любо мне, что ты еретиков побеждаешь, среди торга их, псов, взущаешь. Аще бы я был с тобою, пособил бы тебе хотя немного...»² После собора Авраамий составил полемический сборник «Христианоопасный щит веры», куда, кроме его собственных прозаических и стихотворных писаний, вошли сочинения протопопа Аввакума, дьякона Федора, Ивана Неронова. Судя по этому сборнику и более поздним произведениям, Авраамий был образованным книжником и отличным стилистом. Он разделял Аввакумово неприятие «риторических и философских хитростей» и широко использовал просторечие. Интересно, что, подобно другим

¹ А. Н. Робинсон, Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты, М., 1963, с. 167.

² В. И. Малышев, Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем. — «Доклады и сообщения филологического факультета Ленинградского университета», Л., 1951, вып. 3, с. 263.

старообрядцам, Авраамий признавал стихотворство как особую форму литературной речи.

Авраамий тайно переписывался с пустозерскими узниками (Аввакум и другие), и это его погубило. В феврале 1670 года духовные власти взяли его под стражу и при обыске нашли письма Аввакума и другие «возмутительные» бумаги. Авраамий был заключен на Мстиславском дворе; допрашивали его в патриарших палатах. На допросах Авраамий держался твердо, отговаривался «беспамятством», а если и называл имена, то это были имена умерших людей, которым он не мог повредить. Несколько раз его увещевали митрополит Крутицкий и Коломенский Павел, архимандрит Чудова монастыря Иоаким (будущий патриарх) и другие иерархи, уговаривая принять новые обряды. Авраамий не скрывал своих взглядов, в глаза обличал Павла и Иоакима, так что иногда дело доходило до рукоприкладства. «И Павел митрополит, — вспоминал некоторое время спустя в челобитной царю Авраамий, — сего ради моего малаго речения яко зверь разпыхался, и не усидел на месте своем, и, пришед близ мене, взял мя левою своею рукою за бороду, правую же нача мя по ланитам бити, и збил с меня на пол клобук, и камилавку, и мантию, и простовласа водя мя за бороду по полате. . .»¹ Видя, что от уговоров мало толку, иерархи приказали расстричь еретика.

В заключении Авраамия держали строго. Окно чулана, где он сидел, заколотили досками, чтобы он не мог сноситься со своими доброхотами. Но Авраамий, по его словам, скоро «с караульщиками попризнался»² и установил связи с единомышленниками. В тюрьме он написал несколько сочинений, в частности трактат, известный под названием «Вопрос и ответ старца Авраамия», и упомянутую челобитную царю. Он не прекратил и переписку с Аввакумом: даже после смерти Авраамия московские старoverы переслали в Пустозерск какое-то его послание.

Непримиримый и резко обличительный тон челобитной, по-видимому, решил судьбу Авраамия. Весной 1672 года на Болотной площади — против Кремля за Москвой-рекой, куда выходил государев сад, где казнили еретиков и преступников и устраивали кулачные потехи, — Авраамий был сожжен.

¹ «Материалы для истории раскола за первое время его существования», под редакцией Н. Субботина, т. 7, М., 1885, с. 267.

² Там же, с. 412.

10. СТИХИ, ИЛИ ВИРШИ К ЧИТАТЕЛЮ

1

Аще кто от вас, возлюбленнии, учнет сию книгу
с прилежанием прочитати,
Ревность же имея по бозе, имать разумевати:
Воистинну не туне богодухновеннии отцы наши
потщяхусь таковое писание на них,
злодеев, изложити,
Расколы же их на церковь Божию и на самого святого
духа низложити,
Еже ныне узрите в настоящих сих глаголах,
Содетель же наш и творец повелел нам жити
в божественных его законах.
Юза воистину протяжена еретическое их учение,
Большую часть людей соотвела божественного закона
на отвержение.
Нам же стояти бы крепце в православном нашем
символе,
Яко вера наша от всех неверных вер на благочестии
стоит, аки высокоем престоле.
Развратиша бо, окаяннии, у себе христианская наша
законы,
И ни во что, злодеи, намениша божественныя и святыя
иконы.
Стоят бо, окаяннии, на Никонове учении, аки на твердем
камени,
Того ради не имеют на себе божественного Христова
знамени.

Како ж их, злодеев, достоин нареши в человецех?
Яко от злых сосудов зли сосуди учинишася
в нынешних последних вещех,
Яко всякия расколы в православной вере учиниша,
Всуде вси самосмышлением от нашего христианскаго
закона отступиша.
Радуется сатана з бесы о такомем их отступлении,
Рыдати ж и плакати с ним будет в вечном мучении.
Ей, прогневан еси, Владыко, нашим к тебе жестосердием!
Честнаго ради креста своего помилуй нас своим
милосердием,
Не помяни наших безчисленных грехов по твоей милости,
Да не посрамлени будем от тех врагов наших буести;
И лютых сих врагов наших шатания разори,
От лестных же и прелестных их учений в правость
претвори,
О еже бы им познати нашу христианскую веру,
Вси бо до конца уклонишася в свою прелестную меру.
А ты, владыко господи Иусе Христе, всех царю, силен
и крепок во всем,
Паче да не сопротивни тебе будем ни в чем,
И тебе славу и благодарение возсдем со Отцем
и со святым духом,
Да осияни будем благорастворенным воздухом.
Во веки веком аминь.

2

Всякаго чина православных к читателю:
Господу богу благодарение воздай яко благодателю,
Яко сподоби нас в последок летом
Познати волю его со благим ответсм.
В сие время лютое и плача достойное
Ужасается сердце богобойное,
Яких много сопостатов и хищных волков,
Бесовских наводжений, еретических полков.
Тем, аще хоцещи правую веру познати,
Советую ти божественному писанию внимати:
В том бо положи бог сокровища благая,
Открывает же ищущим стези своя правая —
Святая восточная церкве право в русском народе,
Ея же светлость сияет во многопрелестной незгоде.

Слово божие ни в чесом же переменится,
Правоверие же между зловерием светится.
Восточныя церкви правда яко солнце сияет,
Благоустроенными действо блистает,
Западнаго костела — яко тма ноши,
Разумети древо по его овощи.
Сего ради zde открыся истинная радость,
Всесветлых писаний неизглаголанная сладость.
Аще хочещи в правоверии Христу угодити,
Потщися без разленения сия проходити.
Вечный и всесилный божия всякоя благодати,
Благоволи нам, недостойным, сие даровати,
Да правоверие светло распространится на многая
лета,
Да не оскудеет истина твоя до скончания света!

Аминь.

1667 или 1668

Биографические сведения о Германе крайне скудны. Известно, что в молодости он был келейником патриарха Никона и потом оставался одним из самых близких к нему людей. В то время, когда Никон покинул патриарший престол и поселился в своем любимом Воскресенском монастыре (Новом Иерусалиме), Герман пребывал там в сане иподьякона. Здесь он последовательно занимает должности уставщика (регента хора), строителя (в 1673—1675 годы и — после перерыва — с 1678 года), архимандрита (с 1681 года). Временная отставка Германа с должности строителя воспоследовала из-за учиненного им «с товарищи» какого-то «бою и срыва казенной печати», за что Герман в мае 1676 года публично, на глазах всей братии, был подвергнут телесному наказанию.

В 1680 году Герман — в числе подписавших челобитную о возвращении опального Никона в Новый Иерусалим; патриарх Иоаким, как известно, не дал на это разрешения. 25 августа 1681 года Герман в присутствии царя Федора Алексеевича участвовал в отпевании тела Никона, который, получив наконец разрешение воротиться в основанную им обитель, умер по дороге туда, близ Ярославля.

Герман владел неплохой библиотекой, составленной из книг и рукописей на церковнославянском, русском, польском, греческом и латинском языках. Здесь находились польская «Хроника европейской Сарматии» Александра Гваньини — книга, которой в свое время живо интересовался Никон, учебник латыни Альвара, какой-то несомненно рукописный лечебник, книги «киевского простого пения» и польские псалмы. Между прочим, в завещании Германа, умершего в 1682 году, названа и лютия.

Судя по акростихам, Герману безусловно принадлежит 14 духовных песен, две эпитафии Никону и, по всей видимости, заранее заготовленная эпитафия самому себе.

Ангелскую днесь вси радость,
человеческую сладость,
Приидите, возвеличим
и о дни сем вси услышим.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Сей святой нареченный день,
в он же Христос возврати плен,
Прежде лестию плененный,
ныне же крестом спасенный.
¹⁰ Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Сына едиnorodного,
отцу сопрестолнаго
И святому духу купно,
пребывающу несмутно.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Воскресшаго днесь от мертвых,
не разрушшаго уз тленных,
Радуйтесь вещавшаго
и печаль всю разрушшаго.
²⁰ Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Тем новаго винограда,
елика добрая чада,
Духовно возвеселимся,
агнцем святым учредимся.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Пиво новое пиюще,
Иисуса вси поюще,
Пребывший сперва в деле
и недоспевший к тех мере.
30 Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Постившийся достойно,
примите мзду безмолвно,
Яко раби усерднии,
ко владыце любезнии.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Елицы же умедлиша
и с первыми недоспеша, —
Не бойтесь медления,
своего закоснения.
40 Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Благодаряще празднуйте
и со всеми торжествуйте,
Не лишаящеся манны,
от небес нам поданны.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Радостию вопиюще,
песнь веселую поюще,
Светися, светися новый
Иерусалиме добрый.
50 Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

И возведи очи своя,
Сионе, виждь чада твоя,
Издаlechа приидоша
и в радость твою внидоша.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

От запада собранная,
от севера избранная,
И от моря и от юга
стояща окрест ти круга.
60 Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Господа славяще ясно,
елико мощно и гласно,
Рай нам ныне отверзшаго,
мертвых всех воскресившаго.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Аггелов царя поюще,
на слышание зовуще,
Еже вняти молитвы глас,
свободити отца всех нас.
70 Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Иже в житии сем сущих,
его пастырства жаждущих,
Напасти zde избавити,
а онде мук свободити.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Пастыря и всех пасомых
извести в место питомых,
Со святыми купно быти,
аггелом вечно сожити.
80 Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

12

Господи! Возвах к тебе, услыши мя,
егда воззову к тебе, сам призри мя.
Руку мою милостивно приими,
молебная воздеяния вонми,
Аще бо не ты мене услышиши,
на моления моя сам призриши,
Мне к тому несть прибежища инаго,
о тебе сокрушаю врага злаго.
Накажи меня, праведный, сам в милости,
аггельский и всех царю, во благости.
Христе, туне мук вечных свободи мя,

Мое моление да исправится,
от тебе в кадило да ухается
Любовию, яко жертву приятну
яви милость яко и презрядну.
Спасителя нигде же обретаю,
яко тя единого бога знаю.
Прегрешенми бо аще и связяхся,
ибо веры никогда отлучахся,
Со гневом бо аще назриши наш грех,
абие мал обрящется во всех спех.
Христе, воскресением обнови мя.

13

Радуися, благодатная,
аггел царю дарованная
Дево, мати божия сына,
умн(ы)х творца зачен вместила
Избранием духа со отцем,
слово носи творца всем концем
Явно ти в чреве, преславная,
радуися, благодатная.

Алфа перва и последняго,
10 денми ветха безконечнаго,
Утробю яко носила,
изряднейши ты породила.
Сопрестолна отцу и духу,
яко пророк познася слуху,
Бисер светлый, дево красная,
радуися, благодатная.

Драгоценен яко родила,
у сосец ти свет воздоила,
Из Персиды волхвов пришедших,
20 смирну, злато, ливан принесших,
Яко зряще поклон творящих,
бога, сына и тя блажащих,
Любве гласом сим возванная,
радуися, благодатная.

Усмотрила еси в радости
источника всея благодати,
Седящаго среде учител,
яко мудра между рачител,
Болезненно, его же дни три
30 людей обшед искав усмотри,
Аки дѣтя взя всеславная,
радуися, благодатная.

Им же зраком з брачна чертога,
сына зряше воскресша бога,
Ядом лести падших возставлша,
бога того чтущих прославна,
Лучезарно вшедши в небеса,
апостолом явлша чудеса,
Гласом давши обещанная,
40 радуися, благодатная.

Сама взята материю си
яве к богу, сущу в небеси,
Болезненный оставша живот,
лет к сыну благодати живот,
Ангелов всех взыде превыше,
горних чинов в чести излишше,
Облак света, богоданная,
радуися, благодатная.

Ясным девством ангел честнее,
50 блаженством всех святых славнее,
Ликуй, дево, радуися выну,
ангел болши имущи к сыну,
Горé в небе дерзновение,
общий земли мир, смирение
Даеши всем, многославная,
радуися, благодатная.

Без всякаго прекословия,
любовию богословия
Архангели и вси жители,
60 горних небес сопребытели,

О господе тебе послушни,
 девством твоей власти подручни,
Адама дщи прежеланная,
 радуися, благодатная.

Любимаго Христа, едина
 агнца блага, своего сына,
Господа всех нас умолити,
 обилие благ испросити
Дерзновенно и вся можеши,
70 аще что сама хочеши,
Таиннице светозарная,
 радуися, благодатная.

Голубице златоперая,
 облеченна в драгоценная,
Дево, мати беды терпящих,
 алчущых всех помощь молящих,
Аки мати царю свободна,
 тройцы сести близ бысть достойна,
На век века достохвалная,
80 радуися, благодатная.

Архаггелов превозшедшая,
 горé область всех приемшая,
Отца, сына купно со духом,
 держаша всю тварь и с воздухом,
Тело и ум услаждаеши,
 недуг и бед избавляеши
Аки мати благоправная,
 радуися, благодатная.

Обилие радости вечны,
90 дево, прияти бесконечны,
Аггелскаго владыки в славе,
 тебе, святей, в век быти яве,
Некончима радости в свете,
 арамат всех лучших и в лете,
Ясне вечнем богокрасная,
 радуися, благодатная.

Господь с тобою, пресвятая,
осенивый тя, всеблагая,
Святым духом благодатно,
100 приуготовав ти приятно
Объяти чревом содетеля,
дево, и тебе содетеля,
Си с речи благих таковою,
радуися, господь с тобою.

Тем, владычице всех, царнице,
отча невеста и девице,
Богородице, спаси от бед,
облекши в покров радости всех
Юных и старых, тя поющих,
110 глас радостен тя в млеко ссущих
Един песнию сицевою,
радуися, господь с тобою.

Радости твоя обносящих,
молбу тебе в тех приносящих,
Аки благая творца мати
нетление всем даждь прияти,
Проси твоего сына бога,
общны явити нас чертога,
Юнеиша в век свободою,
радуися, господь с тобою.

Самуил Емельянович Ситнианович-Петровский, который двадцати семи лет принял монашество с именем Симеона и которого в Москве прозвали Полоцким — по его родному городу, родился в 1629 году. Изучив «семь свободных художеств» в Киево-Могилянской академии, он возвратился в Полоцк, где стал учительствовать в тамошней братской школе. Летом и осенью 1656 года молодой «дидаскал» имел случай обратить на себя внимание царя Алексея Михайловича: царь ездил к войскам, стоявшим под Ригой, дважды останавливался в Полоцке проездом и слушал здесь приветственные вирши Симеона. В 1660 году Симеон побывал в Москве и снова поднес царю стихотворения. Год спустя Полоцк захватили поляки. В 1664 году Симеон уехал в Москву — на этот раз навсегда.

Ученый белорус попал сюда в беспокойное время. Шел шестой год, как властный Никон самовольно оставил патриарший стол. Его враги, нашедшие союзника в гостившем в Москве митрополите Газском Паисии Лигариде, успели окончательно склонить царя на свою сторону. 18 декабря 1664 года Никон, внезапно оставив Новый Иерусалим, явился в Успенский собор. Поднялся переполох, и царь обратился за советом к Паисию Лигариду. Для перевода его латинской речи пригласили Симеона Полоцкого. С этого времени он стал при дворе нужным человеком и был взят на дворцовое содержание. Еще раньше, в первые месяцы по прибытии в Москву, Симеон стал обучать молодых подьячих латыни, грамматике, поэтике, риторике в Заиконоспасском монастыре. В ту пору в Москве много говорили о заведении правильного образования, и тот же Паисий Лигарид поддерживал эту идею перед царем. Когда в ноябре 1666 года в Москву прибыли вселенские патриархи — александрийский и антиохийский, они поручили Симеону составить от их имени и произнести поучение, главной мыслью которого была мысль о необходимости просвещения.

Симеон Полоцкий деятельно включился в борьбу с приверженцами старой веры. 7 мая 1666 года освященный собор постановил составить и выпустить в свет обличение челобитных расколотчиков — суздальского попа Никиты Добрынина (Пустосвята) и романовского Лазаря. Симеон Полоцкий и написал этот трактат («Жезл правления»). Год спустя, уже при участии восточных патриархов, собор осудил Никона, избрал нового патриарха и определил сослать главных вождей раскола. Попробовали было их напоследок разубедить. К Аввакуму (22 и 25 августа) царь присылал Симеона Полоцкого. «Зело было стязание много, — вспоминал потом Аввакум. — Разошлись яко пьяни; не мог и поесть после крику».¹ Для западника Полоцкого было характерно высокомерное, насмешливое отношение к самоучкам-раскольникам, как и вообще пренебрежение к русской «неученой» культуре.

Кроме раскольников, Симеон нашел себе антагонистов среди книжников — людей грекофильского направления, которые группировались вокруг Чудовской школы Епифания Славинецкого. Грекофилы до самой смерти Симеона подозревали его в еретичестве, в уклонении в «латинство».

Однако царь явно отдавал ему предпочтение. Во второй половине 1667 года он назначил Симеона учителем наследника Алексея Алексеевича. После его смерти он стал обучать второго сына царя — Федора. Вообще все царские дети в той или иной мере пользовались наставлениями Симеона Полоцкого — вплоть до царевны Софьи и малолетнего Петра.

Симеон также занял и, можно сказать, учредил еще одну должность при дворе — должность придворного поэта. Еще в начале 1665 года он поднес царю «благоприветствование» по случаю рождения царевича Симеона. Любое событие в царской семье — кончины, браки, именины, рождения — давало ему повод для сочинения панегириков, эпитафий и т. д., равно как и для произнесения речей. Стихотворения на случай он собрал к концу жизни в огромном сборнике «Рифмологион, или Стихослов». Когда в 1672 году в царских палатах стали давать театральные представления, Симеон стал писать и для сцены.

Симеон Полоцкий не занимал высоких церковных постов и не искал их. Этот просветитель поставил своей целью создать в России новую словесную культуру и усердно трудился над осуществле-

¹ «О последних увещаниях Аввакума». — «Памятники истории старообрядчества XVII века», кн. 1, вып. 1 («Русская историческая библиотека»), Л., 1927, стлб. 703—704.

нием этой цели. Что касается бытовой стороны жизни, то Симеон устроился в Москве очень неплохо. У него была богатейшая «келья» в Заиконоспасском монастыре, лошади и прислуга. Царь щедро жаловал его, а когда забывал об этом, Симеон не стеснялся прямо напоминать о невыплаченном гонораре. Это был первый профессиональный писатель в Московском государстве.

Симеону Полоцкому принадлежит огромное литературное наследие, большей частью оставшееся в рукописях. Он написал несколько учебных пособий, проповеди собрал в два обширных сборника — «Обед душевный» и «Вечеря душевная», создал огромную стихотворную энциклопедию «Вертоград многоцветный», переложил силлабическими стихами Псалтырь.

14. ДИАЛОГ КРАТКИЙ

Рцы, щасте, кому служиш, кто ест сей? Алексей.
Чья кров? Сын Михайлов, государев, царев.
Кто саном? Царь розанам. Коли дуж? Храбрый муж.
Буди ж царь на премнога крепок лета света!
Что в нем благозрыши еси? Лепоты, доброты.
Кия? Всякия; дажд едину милостыню.
Кую любов имеет ко богу? Премногу.
Ближних любих ли своих инака? Ей, всяко.
Что му бояре, рцы ми ответом? Советом.
Како на враги творих победы? Без беды.
Ест ли победным отец милосерд? Ен усерд.
Вем, не крве хошет в бране, но веры без меры.
Земль му пространства тако ж не треба, но неба.
Тем молим: буди помощ ему бога многа.
Царствуй же здрав, о царю всим концем под солнцем,
И милостив всегда на твоя люди буди.
Подажд на державныя си грады отрады,
Да тако славен будеш повсюду отсюду.
Кому свет ест царица Мария? Россиам.
О царевиче повежд ми, исполнь надеждми,
Что с ним будет? Страх людем, известно нелестно.
Сут ли царевны светила чловеком? Всим веком.
Тем да всегда сияют во вси концы света,
Единодушно поем многа оным лета.

Зима 1660

15. ПРИВЕТСТВО

благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему
великому государю царю и великому князю
Алексю Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья
России самодержцу о вселении его благополучном в дом,
великим иждивением, предивною хитростию,
пречюдною красотою в селе Коломенском новосозданный

Добрый обычай в мире содержится:
в дом новозданный аще кто вселится,
Все друзи его ему приветствуют,
благополучно жити усердствуют
И дары носят от сребра и злата
и хлеб, да будет богата полата.
Нищ ли кто в злато, руце воздевает
к богу и молбы теплы возсылает,
Да подаст здраво и щасливо жити,
им же даде в дом новый ся вселити.
Аз сей обычай честный похваляю
и сам усердно ему подражаю,
Видя в дом новый ваше вселение,
в дом, иже миру есть удивление,
В дом зело красный, прехитро созданный,
честности царстей лепо сготованный.
Красоту его мощно есть равнати
Соломоновой прекрасной полате.
Аще же древо zde не есть кедрово,
но стоит за кедр, истинно то слово.
А злато везде пресветло блистает,
царский дом быти лепота являет.
Написания егда возглядаю,
много историй чюдных познаваю:
Четыре части мира написаны,
аки на меди хитро извааны;
Зодий небесный чюдно написася,
образы свойств си лепо знаменася;
И части лета суть изображены,
яко достоит, чинно положены.
И ина многа дом сей украшают,
разумы зрящих зело удивляют.
Множеством цветов живонаписанных
и острым хитро длатом изваанных

Удивлятися всяк ум понуждає,
правый бо цветник быти ся являєт.
Едва светлее рай бе украшений,
иже в начале богом насажденный.
Дом Соломонов тым славен без меры,
яко ваанны име в себе зверы.
И zde суть мнози, к тому и рикают,
яко живии лви глас испуцают.
Очеса движут, зияют устами,
видится хошут ходити ногами.
Страх приступити, тако устроени,
аки живше лви суть посаженни.
Окна, яко звезд лик в небе сияет,
драгая слюдва что сребро блистает.
Множество жилищ градови равнится,
вся же прекрасна, кто не удивится!
А инех красот не леть ми вещати,
ум бо мой худый не может объяти.
Едином словом, дом есть совершенный,
царю велику достойне строенный;
По царстей чести и дом зело честный,
несть лучши его, разве дом небесный.
Седмь дивных вещей древний мир читаше,
осмый див сей дом время имать наше.
В стране Египта пирамиды бяху,
зданием дивным весь мир удивляху.
Тамо и Форос пирг пречюдный бяше,
иже огонь в себе выну содержаше,
На нь же корабльми пловущии зряху
и в Нил безбедно в пошный час вхождаху.
Третие чюдо Олимп содержаше,
с кости слоновы Диев образ бяше,
Толико чюдно хитрцем изваанны,
даже подобной в мире невиданны.
Четвертый миру див колос реченный,
мужь в граде Родис с меди сотвореный,
Толь велий, даже корабли хождаху
между ног его, а щегл не спрятаху.
Пятый в Ефесе бяше храм Дианны,
в двесте двадесят лет едва созданны.
Шестый в Кариин гроб Маузолов бяше,
иже ценою всяк ум удивляше.

Во Вавилоне окрест града стены
в седмое диво от мудрых сочтены.
Осмое ныне на Москве явися,
егда сей царский твой дом совершися,
Всячески дивный, красный и богатый,
велелеп извне, внутрь нескудно золотый.
В он же ти ныне вшедшу, еже жити,
всем подобает приветство творити.
Достоит дары драгия даяти,
любовь и верность тако проявляти.
Кто убо богат, да идет со золотом,
с серебром, с собольми к царским ти полатом.
Аз тех лишенный, дерзнух приходити
с приветным словом, тем верность явити.
Слово из сердца исходно бывает,
что в чьем сердце, то светло являет.
Не тако золото, убо яко цату
приношу слово в царску ти полату.
Христос царь цату изволил прияти,
ты, царю, прими слово в место цаты.
Слово же мое сияти вещает,
их же благ сердце мое ти желает.
Здравствуй, пресветлый царю, многа лета,
живи век долгий в любви Христа света,
В доме сем новом, в нова человека
облечен, живи до кончины века.
Новый человек есть Христос царь славы,
он же и венец царския ти главы.
Его благодать тя да осеняет,
от бед и скорбей тя да защищает;
Его десница буди в помощь тебе,
царю пресветлый, во всяцей потребе.
Яко без света солнце не бывает
и море водми не оскудевает,
Тако ты Христа бога не лишися,
яко в одежду в него облещися.
Да препояшет тя любовь Христова
и да поженет тя милость Спасова.
Он, Адам новый, ветхость обновляя,
печаль на радость в сердцах прелагаяй.
Им твоя ветхость вся есть обновленна,
им тебе радость буди совершенна.

Радость в сем мире, радость же и в небе,
радость о твоих и о самом тебе.
Радость ти буди о светлой царице,
выну хранимой в божией деснице.
Здрава с тобою та да пребывает,
выну ти сердце да возвеселяет
Добродетельми, любезными богу,
ими же светла она попремногу.
Буди ти радость о богом ти данных
пресветлых сынех, в доброте избранных.
О благородных сестрех веселися,
о светлых дщерех пресветл проявися.
Они бо дар суть богом ти врученный,
вертоград, Христом тебе насажденный.
Радость ти буди и о всей державе,
бог да приложит славу ти ко славе.
Желаемая вся ти да дарует,
их же в мире сем сердце ти требует.
А по доволстве жизни века сего,
да тя призовет до дому своего,
Дому вечности, царствия радости,
исполнит дух твой райския сладости
И даст с собою вечно царствовать,
с царьми святыми вечно ликовати.
Сих сердце мое благ тебе желает,
а слово сие верно извещает,
Еже изволи в милости прияти,
на мою худость светло призираати.

1672, 1679

**16. МОЛИТВА СВЯТАГО ИОДСАФА,
В ПУСТЫНЮ ВХОДЯЩА**

Боже отче всемогущий,
боже сыне присносущий,
Боже дүше параклите,
многозарный миру свете,
В триех лицах пребываяй,
существо си тожде знай!
К тебе грешный притекаю,
многи слезы проливаю:

Благоволи мя прияти,
еже тебе работати.
Донеле же даси жити,
хощу твой раб. выну быти.
Тебе ради мир лишаю,
царство други оставляю.
Честный венец мне в ничто же
тебе ради, Христе боже.
Несть ми воля царствовати,
много богатств содержати.
Во уметы вся вменяю,
тебе, Христе, подражаю.
Нищ и убог хощу быти,
да с тобою могу жити.
В лесы темны из палаты
светлы иду обитати.
С града гряду во пустыню,
любя зело в ней густыню,
Да ту един обитаю,
едину ти работаю;
Да мя сей мир не прелщает,
любве к тебе не лишает.
Ты ми изволь помощь дати
во пустыни обитати.
Яко твоя воля будет,
даждь, да твой раб в ней пребудет,
Тебе выну работая,
в совершенство поступаю.
Кроме тебе мне ничто же
леть творити благо, боже.
Ты сей путь мой сам направи,
да живу ти, — сам настави.
Вся надежда моя в тебе,
ты спаси мя, живой в небе.
Ты же, дебри и пустыни,
приими мя во густыни,
Безмятежно в тебе жити,
богу живу послужити.
Иду внутрь тя обитати
ты ми буди яко мати,
Питающи древес плоды
и дивими былий роды.

ыхъ и' пгглесныхъ пггчныхъ и' пре-
ихъ присно истинный желатель.

Благослови Двоемъ времени
и вѣны блгъ истинн бл
Джатель
Смесь Палций
Иеромона нестойный.

Сладки чаши оставляю,
токов твоих вод желаю,
Да возмогу от тех пити,
ток от очес слез точити,
Грехи моя омывая,
бога в милость преклоняя.
Мира славу, серебро, злато
ценно имам яко блато.
Точию то есть ми тебе,
что нам господь хранит в небе,
Того хошу аз искати,
скорби, нужды, зло страдати.
Труды многи положити,
токмо дабы в небе быти.
Тесным путем ити тщуся,
да в пространстве водворюся
Светла неба, в нем же сладость
безконечна и вся радость.
Зверей дивих аз боюся,
но на Христа надеюся,
Яко имать укротити
и подаст ми мирно жити.
Тех ми паче умни звери
страшни, иже зли без меры,
Ибо душу убивают,
егда ону в грех прелщают.
Но и от тех мне Спаситель
Христос будет защититель,
На нь же весма уповаю,
всего ему мя вручаю.
Желаю же Варлаама
зрети, дабы жити нама
Купно, да им наставляюся
богу жити и спасуся.
Он мя богу примирил есть,
светом правды просветил есть.
Он ми жизни вождь да будет,
с ним дух выну мой пребудет.
С ним век жити zde желаю,
с ним по смерти быти чаю.
О, даждь, Христе, получитьи
с Варлаамом zde мне жити,

И по смерти, да с ним тебе
пою славу в светлом небе,
Бога отца величая,
духа свята прославляя.
Аминь.

(1680)

ВЕРТОГРАД МНОГОЦВЕТНЫЙ

*ползы ради душевныя православных христиан,
божиим наставлением и пособием, а трудоположением
многогрешнаго во иеромонасех Симеона Полоцкаго
утяженный и насажденный в лето от создания мира
7186, а от рождества же по плоти бога слова 1678,
совершися августа в день...*

17—18. А Л Е К С А Н Д Р

1

Александр Макидонский елма услышаше
многи миры вне сего быти, въздыхаше:
«Горе ми есть, — глаголя, — яко ни едина
доселе сотворих мя мира господина!»
Земный от земных плака, нам же подобает,
да о небесном мире сердце въздыхает,
Яко в нем обители душам не стяжахом,
яже многи в небеси от Христа познахом.
Небесный он человек, тем же нам о небе
возвестил есть, амо же достигати требе.

2

Александр Леонида в нравех подражаше,
его же учителя в детстве си имяше.
И хождение его того подобися
ступанию; никогда того отлучися.
Нрави же злии бяху. Отсюду да знаем,
како чада пестуны злые развращаем.

1

Октавиан Август в Риме кесарь бяше,
 шед ко Аполълону лжебогу, прошаше,
 Кто по нем на престол имат наступити
 и скиптрадержатель хошет в Риме быти.
 Лжебог же словесе не даде едина,
 а кесарь молит: «Есть кая того вина?»
 Он же даде ответ: «Не могу вещати,
 противу малому отроку стояти.
 Отрок мя еврейский, бог сам пребогатый,
 правитель отселе велит уступати.
 И во ад плачевный нудит отходити,
 и ты молча тщися отселе отити».
 Он убо возвращся, жертвенник создал есть
 первородну богу, напис тому дал есть.
 Бысть же сие, егда Христос бог родися,
 от бога истинна лжебог обличися.

Августа кесаря людие любяху,
 в число написати богов ѿ хотяху.
 Но явися ему близ солнца стоящи,
 в крузе злате дева младенца держащи,
 И та есть жертвенник во пресветлом небе;
 нача помышляти оттоле сам в себе,
 Яко болей его той младенец бяше,
 его же та дева на руках держаше.
 Абие возбрани себе нарицати
 господа, дондеже в мире обитати.
 Бысть и сие, елма Христос бог родися,
 се поганым приход его возвестися.

3

Август преславный тогда царствоваше,
 егда Христос бог, спасение наше,
 Изволил телом в мире ся родити,
 еже бы люди своя искупити.

Сей божественных дел рачитель бяше,
с прилежанием тех испытоваше.
Слыша же, яко книги в мире бяху,
яже Сивиллы мудрыя писаху,
Тех по всем странам велел есть искати,
велику цену злата за ня дати.
Сивиллы паки девы чисты бяху,
дар пророчества от бога прияху,
Многия тайны веры написаша,
яко един есть бог в мире, сказаша,
И яко хоте бог человек быти,
от девы чисты телом ся родити.
О волной страсти его прописаху
и смерть лютую писмены предаху,
И яко хощет вселенней судити,
то даде им бог мирови вестити.
И многи ины составы писаху
нашея веры, яже богом знаху.
Сицевы книги Август си стяжал есть,
с прилежанием оны прочитал есть,
Из них же изчерп, яко хощет быти
царь новый в мире, с девы ся родити.
Образ оному изрядный создаше,
сый в нечестии, Христа почиташе,
Написав сице: «Первородна бога
жертвенник сей есть». Честь се Христу многа
От царя, веры правыя не знавша,
но в службе идол скверных пребывавша.
Возбудися же той образ ставити
знаменем, еже сподобися зрети:
Возвед он очи на небесну страну,
зрит на воздусе деву преизбранну,
Лучесы солнца предивне светящу,
во объятии младенца держащу.
Ту се разумел есть того царя быти,
иже от девы име ся родити.
Сице движесе образ соружити,
от бога данну честь царю творити.
Сей же царь Август Аполлона чтяше,
идола скверна, и за бога знаше.
Отцем ѱ своим выну нарицал есть,
храм ему в своей полате создал есть.

В некое время тому поклонися,
да будущая скажет, помолися.
А демон, иже в идоле живяше,
силою бога нудим, ответ даше:
«Детищь еврейский — бог, богов правитель,
манием своим бысть ми повелитель, —
Из места сего днешь ми уступити
и во ад мрачный возврат сотворити.
Ты же отселе молча да идеши,
ответов моих не к тому возмеши».
То царь услышав, сице удивися
детища, иже от еврей родися.
Обаче веры правы не прияше,
в идолстей службе жизни конец взяше.
Пятьдесят шесть лет царство содержаше,
паче всех царей римских блажен бяше.
Восток и Запад, паче вся вселенна
его началству бяше покоренна.
Мир во дни его толик даровася,
колик от всех век едва в мире зная.
Се же бысть, яко царь мира хотяше,
в царствие его спасение наше
Строити в мире, Христос наш спаситель,
рода нашего падша возставитель.
Мир бысть, да слово его разширится
и сила чюдес везде прославится,
Да тако роди вси к богу влекутся,
во нь веровавше, душевно спасутся.
Ибо в дни мира удобно ходити
и слово благо мирови вестити;
И людем спона к слову не бывает,
егда мир сладкий в мире пребывает.

22. БДЕНИЕ

Полезно выну бдети, не много же спати,
ибо силен сон делом злым пищи даяти.

23. БЕЗКАЗНИЕ

Иже злобы злобником без казни прощает,
сам есть тать ли разбойник,
яко попускает,
И зело люте богом сужден имать быти,
яко мог — не хотяше злобы истребити.

24—25. *(ИЗ ЦИКЛА «БЕСЕДА»)*

1

Юже кто пищу во стомах впускает,
тоя он воню усты отригает.
Тако что в сердце свое кто влагает,
о том словеса часто составляет.

Беседуя со други, да ся не хвалиши,
но о немощех твоих умно да тужиши.

26. БЛАГАЯ МИРА ПРЕЛЩАЮТ

Безгласну рыбу пища услаждает,
юже на уде она похищает,
не знаючи, что внутрь тоя таится,
бедная лстится.

Ибо абие рыбарь ю терзает,
удою тую к себе привлекает;
так в болезни бывает ловленна,
таже сненна.

Подобный случай есть в мире живущих,
благая его в блаженство имущих:
ибо егда та тщиво собирают,
уду глощают.

Егда же о них сердцем веселятся,
в житейстем море с удою носятся,
ею же потом бывают влачими,
врагу ловими.

В то убо время светло познавают,
како благая мира я прелщают,
но уже несть леть тогда пособити,
в снедь аду быти.

27. БЛАГОДЕНСТВИЕ

В благоденствии не превозносися,
в злоклучении терпелив явися.

28. БЛИЗОСТЬ

Близ царя еси; честь ти сотворися,
но тощно вины всякия блюдися:
Ибо тяжко есть отгуду падати
и неудобно есть паки востати.

29. <ИЗ ЦИКЛА «БЛУД»>

Аще блуда гонзнути желателно тебе,
времени же и места гонзати есть тебе.
Ибо время и место и святых прелстиша,
светилники чистоты, увы, угасиша.

30. <ИЗ ЦИКЛА «БЛУДНИК»>

Краль Наварры Каруль всеблудно живяше,
тем тепла природна скоро лишен бяше,
Еже врачи ему хотяше целити,
судиша Карула в сукно впеленити,

В водце горящей добре моченное,
по хитрости врачей на то строенное.
Един убо от раб сукном обвиваше
и, яко велеша, на нем обшиваше.
Приключися нужда обрезанной быти,
ею же обвива сукно, овей нити.
Не случися же нож, свещу раб хитил есть
и нить помяненну огнем запалил есть,
От нити же сукно, в водце моченное,
яко же молние бысть запаленное.
Вопль велий врачеве и вси сотвориша,
но горящу кралю ничто пособиша:
Згоре огнем, яко похотми горяше
чрез всю юность свою, а не угошаше.

31. (ИЗ ЦИКЛА «БОГАТСТВО»)

Еллином богатств бог бе, нареченный Плутон.
Аз его именую: воистинну плут он,
Плутает бо излиха и зело вплетает
в сети диавольския, яже уловляет.
Хрома же писааху, егда в дом вхождаше,
и крилата, отгуду елма исхождаше,
Знаменати хотяще косно стяжание
богатств быти, скоро же тех исчезание;
Яко зело медленно стяжанна бывают,
а многажды в един час вконец исчезают.
Аще же и послужат до кончины кому,
но по смерти нужда есть лишити иному.

32. БОГАТЫЙ

Земля, злата и сребра жилы держащая,
не обыче та быти плодоносящая.
Точне, иже богати сокровищем многим,
неплодни суть богови и людем убогим.

33. БОГАТЫХ ОБЫЧАЙ

Богатым есть обычай щедро раздаяти
сребро тым, иже ведят кощунства деяти,
И на суеты мира. А где подобает
в ползу нуждную дати, богачь скуп бывает.

34—37. (ИЗ ЦИКЛА «ГОРДОСТЬ»)

1

Говор на воде вмале исчезает,
гордый во мире тако погибает.

2

Яко же вино пиюща прелщает,
подобне гордость мужа изумляет.

3

Гордии в небо очы возношают,
яко же демон высоты желают.

4

Пустынный некто чудотворец бяше,
но о святости горд быти начаше.
Усмотрев демон, в деу претворися
и, аки блудяй, к нему прилучися.
Нача со плачем онаго просити,
да во келию изволит пустити
Пренощевати, да не расторжеться
зубами зверей дивых, но спасеться.
Прояви милость пустынный блудящей,
именем бога онаго просящей,
Впусти в келию. Оле люта врага!
Егда преступи предел храма прага,
Нача беседу честную творити,
потом блудныя глаголы вносити,

Ими же разжже мужа пустынного,
иже сложи мысль до дела блудного
И нача себе к тому устроить,
со заблуждшею блудодействовати.
Тогда диавол смех велий содея
и ко прелщенную глаголаше сия:
«Камо, монаше, уже ныне еси
непщевавый тя жити на небеси.
Уже днесь даже сшел еси до ада,
идеже быти не имать отрада».
То слышав монах, нача отпадати
надежды в бозе, умысли бежати
В мир; и сотвори, еже смыслил бяше,
прочее жизни во блуде живяше.
Оле, что гордость людем содевает!
Даже во адску бездну низревает.
Всяк убо ея верный да блюдется,
зане же с нею ни един спасется.

38—39. ГОСТЬ

1

Гостя чредит радость
паче, неже сладость.

2

Аще косвенно зриши,
зле ты гостя чредиши.

40. ДИОГЕН

Диоген философ егда умираше,
от друг обстоящих вопрошаем бяше,
Где изволит телу погребенну быти.
«Изволте мя, — рече, — в поли положити
На версе земленном». Они отвещают:
«Тамо тело твое звери растерзают».

Он рече: «Палицу при мне положите».

Они: «Что ти есть в ней, друже нарочите?
Не почюеши бо, сый души лишенный».

Он же: «Вскую убо бываю смущенный:
Аще не почую, звери не досадят,
егда растерзавше тело мое снедят.
Где-либо хотите, тамо погребите,
мне во ин век с миром отити дадите».

41. ДОВОЛСТВО

Кто малым доволен, есть муж богат зело,
жителствует честно и присно весело.

42. ДОЛЖНИК БЕЗПЕЧАЛНЫЙ

Гражданин некто во Риме живяше,
иже премного должен злата бяше,
обаче мирно век си проводил есть,
весело жил есть.

Концу пристигшу, иже вручствоваху,
должнаго сребра судом поискаху.
Судия веле сущыя ценити,
долги платити.

Все имение ни во что вменися
противу злату, им же одолжися.
Тогда град римский почудися зело,
что жил весело.

Август же кесарь веле одеяло
его купити, аще бяше мало.
Приглагола бо: «Благ сей покров бяше,
под ним же спаше

Толикий должник. Мощно и мне спати
под тем покровом, печали не знати».
Дворски то рече, но печали знаше,
дондеже бяше.

43. ДУШИ ЦЕНА

Хощеши ли твоя души цену знати?
Христос на ню изволи кровь свою отдати.

44. ЕХИДНА

Ехидна, елма ся самцу совокупляет,
главу его, в уста вземши, огризает.
Но чада смерть отца матери отмщают,
ибо в чреве сущи, оно пригрызают.
Тако в зачатии чад отец мертвится,
в рождении тех же зла мати губится.

45—48. ЕВАНГЕЛИСТЫ

1

Род Христов по плоти Матфеем писася,
яко от Ессея в чине не прервася.
Имат же юношу себе прилученна,
сия есть честь, слава мужа божественна.

2

Марко благовестник глас нам провещает,
иже путь господень строити вещает,
Глас вопиющаго во пустыни мира,
тем же при ногу си имеет два зверя.

Лука божественный имать тучна телца,
 яко начат книгу от законна жреца,
 Иже в жертву богу принесе кадила,
 егда во храме многа сияша кандила.

Орел выше всех птиц под небом летает,
 тако Иоанн всех сверстник превыжшает.
 Ибо извести нам слово божественно,
 яко благоволи быти воплощенно.

49. ЖАТВА

На ниве мира сего демон севбы жатель,
 бог же токмо оставших класов собиратель,
 Их же не може демон серпом си зайти,
 тыя бог благоволит в гумно си взимати.

50. ЖЕЛАНИЕ ДВИЖЕТСЯ ЧИМ

Зелену лву траву аще появиши,
 алчбы во сирици его не взбудиши,
 Яко по естеству к траве не сложися,
 но мяса зверь лютый ясти научися.
 Противне чрез мясо, телцу предложено,
 алкание в чреве не будет рожденно,
 Яко не обыче он мяса снедати,
 но травую токмо чрево си питати.
 Сице плотским людем глагол о небесных
 несть в сладость, но слово сладко
 от телесных.
 Духовну же мужу мерзка телесная,
 желание родят, еже небесная.

1

Соль из воды родится, а егда сближится
 к воде, абие в воду сама растопится.
 Тако муж сый от жены, к жене приближенный,
 зело скоро бывает ею растопленный
 От крепости во мягкость, мужества забудет,
 яко едина от жен во слабости будет.

2

Железо каменеви егда приразится,
 огонь с того, а не вода действия родится.
 Тако аще муж жене будет приближенный,
 не вода слез, похоти огонь будет рожденны.

3

Честный муж честней да ся не сближает
 жене: тако бо честность исчезает.
 Ибо лен с огнем не может терпети,
 нужда сгорети.

Друг другу лен есть, огонь взаим бывает,
 демон углие плоти разжизает,
 да пожар душам обою сотворит,
 грехом уморит.

4

Хотяй чистоту свою сохранить,
 должен есть с полом противным не жити,
 Сожитие бо похоть возбуждает,
 девства лишает.

55. ЖИВОПИСАНИЕ

Бе живописец добре изученный
в Роде, именем Протоген реченный.
Сей рябку тако живо написаше,
даже к ней живых множество леташе.
Инде змий тако живописан бяше,
яко же в птенцех пение держаше,
Иже Лепиду не даяху спати;
змий за то страхом не дал им пискати.
На Клавдиеве феатре прелщаху
род вранов окна, еже от вап бяху,
Непщующе бо праведная быти,
тщахуся теми на ветр излетети.
Апеллес коня тако написаше,
яко же кони живыя прелщаше.
Мняще бо того коня жива быти,
не престаяху рзание творити;
Им же некая лица ся писаху,
яже знамена и черты являху
Живых, яко же бе возможно знати
физиогномом, что о них вещати.

56. ЖИТИЕ НАШЕ ПАРА

Житие человека беднаго кто знает,
ни единой от вещей твердых уравниет,
Но скоропреходящим то уподобляет,
их же во любомудрих почтени бывают.
И в писании святом тожде обретаю,
Иакова святого слово поминаю,
Иже между многими подобии дал есть
житию имя пары; нимало солгал есть.
Ибо яко же пара всходит теплотою,
такو жизнь наша тою, обое малою.
Паки, яко же пара в аер ся вращает,
тако житие наше скоро исчезает.
Третее, пара тонка и едва видится,
тако жизнь наша кратка и в немнозе зрится.

Добръ пророчески Цѣ. посланствъ

никто меккѣ

вредѣ кахши знаестъ

Срѣ

Добръ оубо денъ бгѣ живихъ баше • иже ѣи опецъ пзѣмъ и оубо ѣи о
и езахца даде пророчѣ стинъ • иже поуца мѣхъ шцѣ сапсатица

Годъ 1440
1441
1442

Еще: пару ветр малый скоро развеваает,
тако жизнь нашу мала беда истребляет.
Пятое, пара мрачна во облак густеет,
тако в мраце невеждства вся жизнь наша тлеет.
Шестое, мятеж в паре премногий бывает, —
жизнь наша безмятежно стояти не знает.
По сих, пара обыче в воду ся вращати,
а жизнь наша во слезы вестся изменяти.
Наконец, яко пара к земли ся вращает,
подобне тело наше в ту ся обращает.
Оле непостоянства! Оле изменности!
Скоро в тлю превратятся и бедныя кости.
Житие временное недолго пребудет,
а вечное каково кому, бог весть, будет.
Ты, боже, настави ны тако в мире жити,
еже бы вечность в небе светлом наследити.

57. ЗМИЙ

В некоей стране змий превелий бяше,
близ моста лежя, вред лютый творяше.
Кони и волы и всяк скот хищал есть
и путь творшыя люди поглощал есть.
Тем путем святыи епископ пустися
Донат, а змий на нь гладный устремися,
Разверз челюсти, святыи наплеваше
в гортань, и знамя крестно содеяше.
Того не терпя, змий той умертвися,
о нем же страна вся возвеселися.
Осмь супруг волов зла гада везоша
на поле, тамо огнем и сожгоша.

58. ЗАБВЕНИЕ

Алворт Великий зело премудр бяше,
тайны естества дивны исписаше.
Егда же века старости дожил есть,
мудрости всея конечно забыл есть.

Феодорик же, Канисий реченный,
о смерти брата Петра увещанный,
Толь ужасеся, даже забы всего:
книг, писания, имене своего.
Подобне Корвин, ветий преученный,
недугом долгим люте удрученый,
Забы имене своего вещати.
Коль память слаба, мощно по сих знати.

59. ЗЕМЛЯ

Земли три части мокнут под водами,
четверта токмо суха под ногами,
всех есть ходящих и разум имущих,
и зверей сущих.

60. (ИЗ ЦИКЛА «ЗЛАТО»)

Краль Галлийский Бреун деу возлюбил есть
и яко с женою с нею нечто жил есть.
Она же неправо онаго любяше,
но точию злато лестию взимае.
Позна лицемерство краль хитрия жены,
уразуме, яко бе ею прелщенны.
Умысли ю златом довле насытити
и леть не без казни должныя пустити.
Повеле воинству злато ей метати,
ей же седшей от них оно примати.
Метающе убо, купу сотвориша
толь велику, даже жену завалиша,
Яже не стерпевши тяготы от нея —
и злата лишена, и жизни своя.
Златый гроб стяжала любившая злато,
но горе бяше ей тогда зрети на то.

61. КОЗЛИ, ИЖЕ ЗЛИ

В стаде Христове суть овцы благия,
обрящещи в нем и козлищи злыя,
Яко в ковчезе Ноеве держими
зверие быша добрии со злыми.
Ныне суть купно, но вся разделятся,
егда от добрих злии отлучатся
На казнь вечную, ови же во славу
на суде страшном вознесут си главу.
Козлищи во снедь аду предадутся,
овцы во оград небесный вселятся.
Кто же козел есть, мощно познавати,
егда и от свойств будем разсуждати.
Козлом обычай чрез забор скакати
и во оградех древа огризати.
Забор есть закон, кто и преступает —
козел, и древа правил зле снedaет.
Паки козлищи люте смрадни телы, —
грешници смердят скаредными делы.
Козлищ из паствы на ину бегают,
грешник из греха во грехи падает.
Козлищем мал есть обычай глашати,
грешник молитвы не рад возсылати.
На козле власы к земли обращены,
грешных сердец мысли земным
прелепены.
Козли рогами людей нападают,
грешници тако ж ближним досаждают.
Яве убо есть тыя козлы быти,
иже во гресех любят присно жити,
Иже на страшнем суде возмездятся,
демоном в руке творцы предадутся
Вечная муку за тыя страдати,
горе! и увы! выну воплствовати.

62. КОНЦА ЗРЕТИ

Егда хочещи дело начинати,
конец первее тебе разсуждати.

1

Кошунник некнїи князю глаголаше,
 егда он ратно в чюждая идяше:
 «Княже великий, тошно ты мыслиши,
 како чуждую землю всю смутиши.
 Но вижду, мало ум твой помышляет,
 возвратитися како подобает.
 А то первее достоинь мыслити,
 како бы цело в дом ся возвратити».

2

Два кошунника купно долго время жиста
 и смехотворством сребро у людей ловиста.
 Един, омерзив себе живот свой прелестный,
 обратися божиим званием на десный.
 Отиде во пустыню и в яму вселися
 и не малое время тамо потрудися.
 Друг же, о нем жалея, прилежно искаше,
 от различных человек о нем вопрошаше.
 То же уведев, иде, и нача ѥ звати,
 да ся возвратит паки с ним кошунствовати.
 Он же на путь спасенный его увещаше,
 да друг будет во слезах, яко в гресех бяше.
 Но ничто здравый совет на нем успеваше;
 тем же друг благий в мир с ним ити слова даше.
 И, изшед из ямы си, нача путствовати,
 мало же отшед, ял есть аки сетовати.
 «Увы, — рече, — друже мой, сребра забых взяти,
 еже тщахся от щедрот муж добрих собрати.
 Возвратимся, молю тя!» И вспять отидоша;
 елма же над оную яму придоша,
 Рече затворник другу: «Брате, в яму слези,
 да возмеш со чпагом сущия пенези».
 Соизволша вервию в яму низпустил есть,
 вервь восхитив, каменем яму надвалил есть.
 И глаголаше ему: «Брате, потрудися,
 общник покаяния ты мне сотворися».

И тако затворенна надолзе держаше,
а сам о нем господа прилежно моляше,
Да от жестосердия в мягкость преложится
и друг в покаянии ему сотворится.
Ов же долго ярився, уже ѝ моляше,
обаче из вертепа испущен не бяше.
По некоем времени нача помышляти,
яко лучше волею о гресех рыдати,
Ятся покаяния и друга просил есть
о нуждных, яже ему друг тошно носил есть,
И обык, во затворе волею сидяше
и друг другу своему до кончины бяше.

3

Светилник да светит, огнем ся снедает,
кошунник да тешит, сам ся изнуряет.

4

Иже кошуннодеем дары умножает,
не ино, токмо жертву демонови дает.
Иероним глаголет убо: не блюдите
кошуннодеев, паче нищыя храните.
За сих бо питание будете блаженни,
за овех держание от бога сужденни.

5

Иже кошунства деет, тать любый бывает,
ибо любим есть людем, а он украдает
Время, богом данное на дела святая,
за что ожидает ѝ казнь свыше лютая.

1

Иже мирская монах содевает,
чину святому позор наносает.

2

Любая зрим быти и прочья зрети,
монах несть могуш хвалу богу пети.

3

Несть монах, хотяй часто целовати
и честь велику от мирских примати.

4

Пища, дар, хартия монаха прелщает,
ибо от жен теми искушен бывает.

5

Око, прямо оку женскому не буди,
да иночестии не погибнут труды.

6

Огонь есть со сеном — инок со женами,
не угасимый многими водами.

В кремень железо тогда ударяет,
егда пол женский инока касает.

Магнитомъ натурное желѣзо, прѣимлетъ
 силѣ магнитна, и глаи желѣзника вземлетъ
 къ себѣ, едины по единой, доидѣтъ быти сила,
 иже бѣже прѣбываетъ стѣной наплени плотника.
 Подобенъ праведници отъ мѣртв есѣ творитѣль.
 даинство себѣ мудрости иши и подаиште:
 да твои умудриша, шра шрапитиша,
 по бѣже мнози оубо шрапитиша.
 И друге друга да аедеши во мѣстѣ стуринѣ.
 сѣмѣиште ради аедрш, бѣомъ стѣомѣиш

МАЛО СПАСАЮЩЕЯ.

Помолю еиашъ, оѣмѣ сѣ дѣше спасаѣша,
 прочѣи отъ подаѣтъ мѣстѣ погнаѣша.
 ташъ ао аѣдетъ мнози погнаѣште,
 а сѣиша мѣстѣи тогѣи и зѣсѣиште.

Б.

Всѣи оубо глѣбѣи бѣомъ сотворѣи,
 да бѣдѣтъ о прѣсѣвѣи оѣ нѣо погнѣи:
 нѣо то бѣше оубо стѣно наплѣ шѣицѣанное,
 по пѣбное мѣстѣи оубо погнаѣи.
 нѣомѣ аѣ по гнѣдѣтѣ. ташъ нѣ пѣи глѣзи,
 пѣиѣ глѣзи нѣ пѣи глѣзи елѣомѣиши нази,
 стѣиште по бѣишѣ глѣзи нѣо прѣпѣишѣишѣи,
 по томишѣ мѣстѣи глѣзи оубо гнѣи гнѣишѣи.
 множество пѣишѣи глѣзишѣи мѣстѣи познѣишѣи,
 аѣцѣи гнѣишѣи оубо гнѣишѣи нѣишѣи рѣзѣишѣишѣи.

75. МУЧИТЕЛСТВО

Махмет оттоман, солтан Цариграда,
вниде с отроки треми внурь ограда
Красно утешна, и в нем веселися;
яблоко едино ему возлюбися
На древе нецем; и не взем, отиде.
Потом же отрок отай к нему прииде
И сластолюбне предал е си чреву;
солтан по часе возвратися к древу,
Да видит паки. Не обрет же плода,
на три отроки пречестнаго рода
Вселюте яр бысть, грозно вопрошаше,
кто от них плод ов во снедь себе взяше.
Они же за страх вси ся отрицаху,
клятвы велики на ся возлагаху.
Солтан же лютый веле сеци чрева,
да знает, им же снесен ов плод древа.
Взяша перваго, чрево разсекоша
и ту в стомасе яблоко обретоша
Не усваренно. Тако утолися
от гнева звер ов, иже разярися.
Оле жестоты! Яблоко оценил есть
паче юнош тех. Ума ся лишил есть!

76—78. МЫСЛЬ ЗЛАЯ

1

Змий аще кого в ногу усекает,
яд его всю плоть абие вреждает.
Злая мысль яд есть, та аще вселится
в главу, вся душа весма повредится.

2

Злая мысли в начале тщися истребити,
егда бо силу возмут, не леть победити.

Людин обрете змня умерщвленна
 мразом, и на путь во снег изверженна.
 Милость сотвори, в недра положил есть,
 иже, согревся воскоре, ожил есть.
 Нача ползати, потом уязвил есть
 мужа безумна, иже и согрел есть.
 Тако и тому обыче бывати,
 кто злыя мысли любит согривати.
 Ибо помалу ты ся оживляют
 и мыслителя смертне убивают.

79. МЕРНОСТЬ

Елико дожда нивам сеянным желаем,
 толико сами питий да употребляем.
 Желаем же им воды, елико есть тебе,
 да токмо ся напиют по семен потребе.
 Не хоцем излишества, тем бо измокают
 семена, а нивы их студены бывают.
 Не хотим убо и нас излише поити,
 дабы семен божиих и нив не вредити.

80—81. М Е С Т О

1

Гордость и смирение не местом ся деет;
 бывает выжший смирен, а низкий гордеет.

2

Дионисий мучитель некогда ярися.
 Аристипп им философ ниско посадися
 С досадою. Обаче мудрый осклабися,
 рек: «О царю, то место днесь мною
 почтися».
 Тако есть воистинну от начала века:
 место есть ради умна честно человека.

82. НЕЗНАНИЕ

Незнаяй себе, ничесо же знает,
аще и звезды небесны считает.

83. НЕУДОБНАЯ И НЕПОДОБНАЯ

Четыре неудобна дела обреташе,
пятое неподобно, Платон глаголаше.
Неудобно, рекл, дело гордому служитьи
и от сребролюбива мужа что просити.
Еще со лживым мужем куплю совершати
и со искуства праздным беседы творяти.
А неблагоприятному доброе творити, —
исповедую весма неподобно быти.

84—87. Н Р А В

1

Пси псами пса ядома притекше снедают,
людие скорбна мужа в скорби погружают.
Оле лютаго нрава! Вместо пособити,
псий нрав восприемлюще, тщатся погубити.

2

Древо старое трудно пресаждати,
такожде нравы старых изменяти.

3

Древо младое удобно клонится,
такو юноша всяческим учится.

Им же туком сосуд новый исполнится,
 чрез многая лета той в нем сохранится.
 Тако нрав юноши, от детства всажденный,
 даже до старости бывает храненный.

88—89. О Р У Ж И Е

1

Егда на Голиафа Давид исхождаше,
 жезл в руке и пять камен пращаметных взяше.
 Ты жезл креста и пращу молитвы святяя
 возми, и пять слов умных на враги лютыя.
 Сиречь не многословне, но часто молися,
 мало да глаголеши — много же слезися.

2

Бог и естество зверем оружие дает,
 много бо от животных с онем ся раждает.
 Неким бо рози дани, да ся защищают
 и противники своя теми побеждают.
 Иным ногти острыя изволи бог дати,
 ко еже наветники своя им терзати.
 Иным сила во зубах естеством дается,
 да от хотящих бити теми спасается.
 Неции во копытах звери силни зело,
 ими же поражают противныя смело.
 Птицы в пазноктах, в носе силу свою знают
 и крилами вся обще от беды гонзают.
 Ежу шерсть оружие, иным люто жало,
 иным яд прирожденный естество есть дало.
 Человек ничто же сих в оружие взял есть,
 дабы не на брань себе созданна познал есть,
 Но еже во покои безпрестанно жити,
 единомушно творца своего хвалити.
 Но увы нам, не мирно в мире пребываем,
 чесо бог нам не даде, то мы сотворяем.

Смертныя оружыя тшымся устро́яти,
теми ближняя наши на смерть убивати.
О, аще бы на враги токмо я вращали,
иже противны богу себе содеяли,
Извинение неко могло бы служити,
не ожидали быхом осужденни быти.
Но то люте не благо, яко и на други
и на божия меч остр обращаем слуги,
За что милость не может быти нам от бога,
но суд лютый и в вечном огни мука многа,
От ея же свободу стяжати потщимся,
со ближними нашими всеми примиримся.

90. ПАУЧИНА

Елиогавал веле в Риме всем собрати
паучинныя сети, дабы ему знати
От их веса множество людей в нем живущих.
Оле! И на престоле в безумии сущих.

91. ПИЯВИЦА

Две пиявице во нас всегда пребывают,
непрестанно. «Принеси, принеси!» — вещают.
Едина хоть есть души, та суетств желает,
другая похоть плоти, та сластей прошает.
А никогда ся могут теми насытити,
не prestaют, яко же море реки пити.

92. ПОГИБЕЛЬ

От главы начинается рыба истлевати,
от начальных обычай градом погибати.
Какови бо в начале сущии бывают,
такo прочии жити весма подражают.

93. ПОКАЯНИЕ ОРИГЕНОВО

Увы мне, мати моя, яже мя носила!
Горе мне, мати моя, яже мя родила!
Законоискуснаго убо мужа бывша,
но у беззаконием себе осквернивша.
Благочестива прежде, но уже явивша
нечестие, тем богу люте согрешивша.
Яко столп превеликий древле вознесенна,
но внезапно до земли люте поверженна;
Яко плодоносное древо процветавша,
но уже изсохшаго и неплодна ставша;
Яко светоносную лампаду светивша,
но, увы, угашенна и зломрачна бывша!
Кто даст главе ми воду и источник слезный
очима? Да плачюся, увы, муж болезный
О мне самом, яко у толь люте скрушихся,
преокаянный грешник пред богом явихся.
Зрю иерейство с плачем, амвона рыдаю,
егда паука сети тисуща созерцаю.
Взищи мя, господи мой, яко падох зело
от Сиона горняго, да зрю к тебе цело.
Увы мне, учителю прежде в церкви бывшу,
днесь же и учеников в месте не пребывшу.
Яко по нужде падох — ты, господи, веси,
сердце мое ты зришы, живый на небеси.
Егда инья люди тщахся просвещати,
сам, увы, помрачихся, не могох стояти.
Хотя в благочестии доблествен пребыти,
нужду приях противен тому ся явити.
Уязви мя диавол силою навета,
преобразивый себе во аггела света.
Ридах древле Сампсона, яко он падесея,
а мое лице ныне лютей низвержесея.
Падох паче всех грешник и грешнейш явихся,
создателя моего, увы, удалихся.
Сампсон власов на главе женою лишился,
из моя же главы венец низвалился.
Он женою своєю бысть люте прелщенны,
аз языком моим в ров греха низверженны.
Поперите мя, иже мали и велици,
соль истлевшу топчите вси мя человеци!

Недостойн есмь бога, соль быв божественна,
сотворих мя в гноище быти воверженна.
Вижду, яко ми облак главу засеняет,
а солнце лучы своя от мене скривает.
Покрый мя, господи мой, изволи послати
духа святаго на мя, в дарех благодати,
Да огневидным зраком диавола злаго
проженет днесь от мене, мужа прегрешнаго,
И рукописание да будет раздранно,
еже от мене грехом тяжким ему данно.
Сице Ориген греха своего рыдаше,
аще же прият господь, знати нам не даше.
Мнози суть учителя, иже защищают,
мнози и иже его неба отсуждают.
Мы то судбам божиим дело оставляем,
его же не яви бог, не испытываем.

94. ПОРОК

На ногах блато мощно есть имети,
на главе паки не леть есть терпети.
Тако всяк порок стерпим есть в смиренных,
зело безчестит лица вознесенных.

95. (ИЗ ЦИКЛА «ПОСОБИЕ»)

Плиний о слонех то нам поведает,
яко аще слон во яму впадает,
Друзии слони ветви древ вметають,
песок рьюще, во яму всыпають,
Да тако яма земли уравнися
и впадший в оную удобь свободится.
Оле чудесе! Во зверех колика
любы; кто бы дал, дабы в нас толика,
Во человецех, любовь могла быти,
дабы друг другу тщался пособити.
Но, увь, преко в нас ся обретаает,
яму друг другу — да впадет — копает,

Или впадшаго засыпати тщится,
да никогда же беды свободится.
Что же за сие примут от бога?
Во адстей яме мучения многа.

96—103. (ИЗ ЦИКЛА «ПОХОТЬ»)

1

Похоть плоти не грех есть, но в ней ся сладити
и согласие воли грех есть приложити.

2

Похоть егда есть искра, тогда да гасиши,
егда воспламенится, у неуголиши.

3

Похоть псу есть подобна, гонима гонзает,
аще же питается, в тебе пребывает.

4

Похоть есть естественна, но зле похотети
есть от воли: тоя бог не велит имети.

5

В начале похоть тщися обуздати,
инако несть леть ея удержати.
Жестокоусту коню подобится,
разпущенная, неудобь держится.

6

Вражия стрела — похоть, лук — пресыщение,
отими сытость, мало будет стремление.

Жупел огня есть пища, а вино — похоти,
лиши вино, не бойся оныя во плоти.

Феотим некто очима боляше,
има же целбы прилежно искаше.
Врачеве ему совет здравый даша,
не смеситися жене завещаша.
Он невоздержно выну обык жити,
не хоте слова оных сотворити.
Зная и ведя, яко ослепится,
аще с женою плотски свокупится,
Избрал есть паче слепоту страдати,
неже от жены себе удержати.
И рече буй муж: «Здравствуйте, светила!
Сласть ми с женою вас паче есть мила».
То изрек, жене плотски свокупися,
по деле света очию лишися.
О безумия! О буйства велика!
Не имам сего аз за человека
И скота хуждша его нарицаю,
скот бы не делал тако, добре знаю.

104. ПРАВДА

Знающе правду, а о ней молчати,
есть злато в землю тщетно закопати.

105—106. (ИЗ ЦИКЛА «ПРАЗДНИК»)

Праздник подобает честно совершати,
божественная дела прилежно деяти,
От дел мирских и плотских всяко праздным быти,
песни же духовными господа хвалити.

Тако богу празднуем, ему угождаем,
аще книги чтем или слов божиих слушаем.
Инако диаволу празднество бывает,
егда кто в праздник дела его совершает,
Такова суть: пьянство и обядение,
играния нелепа, кощун смотрение.
Безчинно плясание, ристание конско,
присещение скверных мест — дело демонско,
Картами играние, зерней метание,
позорища безчестна, блуднодеяние
И ина сим подобна демона говеют,
яже вернии в праздник днесь всеतोшно деют.
Несть божественно дело и многоспание,
такожде с зазорными лица гуляние,
И рабская делеса богом возбраненна,
пиршества нестройная весма отреченна.
И купледеяния не мощно хвалити,
то бо от божественных силно отводити;
В оном лакомство и ложь с клятвою спряжеса,
прелщение вселися, правда изженеса;
Яже вся суть угодна демону, не богу,
яко людем погибель содевают многу.
И риз красота, яже выше неже тебе,
никого водворяет во пресветлом небе,
Паче же во ад мрачный премноги вселяет,
яко и красящаяся, и ины прелщает.
Сих всех в день празденственны несть тебе
творити,
хотящему празднеством богу угодити.

2

Некто от благоверных обычай имяше,
псами заяца в праздник поутру ловяше.
Потом жена оному родила есть сына
с песиею главою, с долгима ушима.
Уразумев вину си, слезы изливаше,
оттоле всякий праздник благопочиташе.

107. ПРЕХОДЯТ ВСЯ

Что-либо в мире украшает тело
и на что оку зреть есть весело,
подобне сени все то претекает,
след не остается.

Ли яко гонец скоро пребегаяй
и на един час нигде почиваяй,
вся мимо идут. Печаль оставляют,
не утешают.

Еще подобне кораблю текущу,
морския воды носом си секущу,
иже океан всекоро переходит,
следа не родит.

Мощно и орлу быстру уравниати,
иже есть силен всекоро летати,
и недовидне стреле в цель идущей,
аер секущей.

Напоследок же, яко исчезает
безплодный облак, а не одождает
нив земных: тако все, что в мире красно,
тлится напрасно.

108. ПЕСНЬ О СВЯТОМ ФЕОДОРЕ СТРАТИЛАТЕ

Хвалити бога в святых подобает,
иже я славы венцем украшает
И дает силу враги побеждати,
преестественно муки, смерть страдати.
Во Феодоре Стратилате убо
хвалити его зело нам есть любо,
Яко дал ему крепость превелику,
благородному бывшу человеку:
Ибо Феодор силою онаго
убил есть змия излиха лютаго,

Иже живыя люди поглоташе,
яже род еллинск ему пожираше,
И Ликиния царя посрамил есть,
иже идолом жертвы приносил есть.
Идолы его, сокруш, обругал есть,
в препитание злато нищим дал есть.
Много ран прием, кресту пригвоздися,
от множества стрел умерщвляем явися.
Но аггел божий с креста и снял бяше,
он же народу Христа прославляше,
Обрати многи во веру святую;
царь веле главу отсеци честную.
Умре он убо за истинна бога,
чюдеса бяху тогда зело многа.
Умер же миру, нача небу жити,
с аггелы вечно господа хвалити,
Идеже живя, Феодоре святе,
молися богу, честный стратилате,
О Феодоре царе православном,
Российским странам богом дарованном:
Да подаст ему многа лета жити,
лютаго змия мечем поразити,
Иже царствия многа поглотает
и на ны ныне прелюте зияет.
Потщися в помощь ты на того врага,
отжени его от российска прага,
Тезоименник твой да веселится,
род верных славен в силе да явится,
Церковь святая да возторжествует,
победителны песни восписует,
Во-первых богу, потом же и тебе,
егда тобою помощь стяжет себе,
О ней же к богу царь руже возносит
с людми, и тебе о молитвы просит.
По имени ти божий дар нам буди,
соблюдай царя, сохрани и люди
Правоверныя от меча поганска,
буди стратилат рода христианска.
Стани сопотив врагом невидимо,
моли, да божий гнев преидет мимо
Без вреда верных; смирит же поганы;
да аггел его будет с христианы

Воинства окрест страшно ополченны,
им же да будет враг наш побежденны.
Мы тя за милость потщимся хвалити,
а в тебе бога, всех царя славити,
Яко благ всяких виновника суща
и безконечно всем царя будуща.

109. РАБ ВЕРНЫЙ

Паноплион воин раба имеяше,
иже ему верен потолику бяше,
Яко же за нь душу тому положити,
дабы господину токмо живу быти.
Бысть же дело сице: Паноплион бяше
чести отсужденны, тем же и искаше
Сонм своинствовавших, еже бы убити.
Раб, то ведый, хоте его заступити.
Взят его одежды, украсися ими,
господина дверми испусти задними.
Взложил перстень на перст, в ложи положися,
Паноплион быти тако притворися.
Егда же воины ови прибегоша,
в ложи лежащаго его обретоша,
Непщующе быти собою искома,
разсекоша раба за Паноплиона.
Паноплион тако смерти свободися,
а раб за любовь си славы сподобися,
Яко и днесь в книгах его похваляют,
во образ служащим верность предлагают.
Аще умре телом, но слава вовеки
обносима будет между человеки.
Во древния веки сицев раб живяше,
точна ему время не раждает наше.

110. (ИЗ ЦИКЛА «РАЗУМ»)

Разум, без страха божия держимый,
мечь есть, от мужа безумна носимый.

АКРОСТИХЪ

Црѣвь восточнаѣ Пресеѣтасъ ликуеть
 АЛЕХІЕ, Егда Орель твой храбрѣхеть.
 Радость всей Руси, Днесь есть превелика
 Юнымъ же и старымъ. Аггльска днесь лика
 АЛЕХІЕ нѣжда, И славна Орфей.
 Любь Амфиѡна Гелен, до твоѣмъ
 Есть потреба славы О побѣдѣнїа.
 Зеру премногѣ сннѣ Си Обладанїа
 Александръ славу Побѣда евоу мїра
 Юга и востокѣ Онь иже о мїра
 Многѣ любїи чести Днесь ти вѣстѣхеть.
 Ибо тебе Гдѣ Измѣнѣ гвѣстѣхеть
 Христоименитымъ Многѣсїана славна,
 АЛЕХІА Егда Намъ твориши гвѣна.
 Иѣ даровалъ ти Оного на радость
 Людѣмъ твоимъ паки Гдѣ въ сладость.
 Оному и тебе АЛЕХІЕ црю
 Стрѣно вѣи желе Аѣтѣ многѣ Гдѣю.
 Иамѣ Фавдонѣ Вздитъ къ колесницѣ,
 Четверкоу съзвѣными То твоѣи десницѣ.
 Юнѣ пику твоимъ АЛЕХІЮ снѣ
 да дѣсть въ область Гдѣ къ евоу вѣи клику.

111. РОЗГА

Плевелы от пшеницы жезл тверд отбивает,
розга буйство из сердец детских прогоняет.

112. < ИЗ ЦИКЛА «СКАКАНИЕ» >

Сываритове в сласти всех себе предаша,
ядоша препространно, пиша и скакаша.
К тому же изучиша кони си скакати
по гласу мусикии, внегда ей играти.
То кротониатове елма ощутиша,
брань на ня восприемше, удобь победиша:
Ибо не вратны трубы велеша играти,
но гласом мусикии искусно пискати.
Что услышавше кони, скакати начаша,
седащия на себе на землю свергаша.
И тако полк смятеся, врази наступиша,
род, во утехах живший, хитро победиша.

113—115. СКВЕРНОСЛОВИЕ

1

Сквернословие да ся истребляет,
то бо скверная делеса раждает.

2

Устам, яже тело приемлют Христово,
зело неприлично есть скверное слово.

3

От него же скверная словеса слышиши,
скверно того и сердце воправду возмниши.
Ибо сосуд из себе ту вещь изливает,
ею же сам исполнен довольно бывает.

116. СКОРПИЙ

Скорпий одинадесять купно чад раждает,
десятицу же снад их, едно оставляет,
Да вид рода из мира не истребится,
ядом же из не лише род наш повредится.

117—118. СКУПОСТЬ

1

Григорий папа римский егда преставися
Савиниан на месте его посадися.
Гладу бывшу, пшеницы сей не раздаяше
нищым, яко Григорий пред онем творяше,
Но веле на немалой цене продаяти,
тако бе нужда многим глад лютый страдати.
Яви же ся Григорий, увещая его,
да от начинания престанет своего,
Да туне даст пшеницу. Он же не слушаше,
святый увещание по трижды творяше.
Потом жесток явися, и в главу ударил,
изнеможе зле папа и мир сей оставил.
Шести месяц не прежив на власти толице,
иде ответ воздати всяческих владыце.

2

Калифа вавилонск царь столп велий создал есть,
его же златом, серебром довле насыпал есть.
Выну утешашеся богатством толиким
и камней предрогих множеством великим.
Единою случися врагом обстояти
град, а он не хотел есть ратников няяти
В защищение града, сокровищ щадяше.
Тем же полк супостатов града краля взяше.
Победитель удивлся богатству велику,
во укор глаголаше скупу человеку:
«Вскую за сие злато полк не стяжал еси,
убо за скупство твое мзду сию отнеси:

Иди, живи со златом, и серебром питайся,
того ты выну желал, убо учреждайся».
То рек, повеле его в столпе заключити,
возбранив хлеба ему и воды носити.
Заключен убо скупец, прегорко ридаше,
яко сребролюбитель и зол скупец бяше.
Но ничто же успел есть горкими слезами,
сокровище многое зряще под нагами,
А хлеба ни крупицы во пищу имяше,
все бы то за един хлеб злато отдал бяше, —
Но невозможно. Тем же гладом изморенны,
на злате валяясь, бысть краль разлученны
Душею от телесе. Не поможе злато,
тем же никто надежды да положит на то.

119—122. СЛАВА

1

Слава яко ветр скоро прелетает,
яко дым, в гору идущь, исчезает.

2

Кто ради славы сребро си дарует,
точен тому, кто ветр и дым купует.

3

Уне есть мясо ясти, вино сладко пити,
неже ближняго славу злым словом вредити.

4

Добро ли друга в людех прославляти?
Добро; но лучше слово удержати.
Дотоле молчание нужда есть хранити,
даже тя вопрос будет к ответу нудити.

123. СЛЕПЕЦ

Слепец аще слепцу руковожд бывает, —
и вождь, и водимый во яму падает.

124—128. СМЕРТЬ

1

Неправо есть смерть злу именовати,
яже весть злобам конец полагати.

2

Доспевшая яблока сама отпадают,
старии аки сами хотно умирают.
Зеленяя же плоды нужда обивати,
смерть юныя видится силою хищати.

3

Ни мала радость воину бывает,
егда враг с мечем его достизает.
Всяк человеце, смотри, за тобою
смерть есть с косою.

4

Красныя цветы человек терзает,
смерт же лютая его посещает.

5

Известно человеком, яко смерть всех чаает,
никого же безсмертно жити оставляет.
Но не благоволи бог известия дати,
в кий день или час она имать кого взяти.
Ниже образа смерти комуждо явил есть,
толко готовым всегда быти увестил есть,

Да не купно с плотию умрем и душею,
но да во живот вечный водворимся ею.
Аще убо здрав еси, к смерти готовися
и силою многою никогда же лстися:
Весть бо смерть и здоровыя люди умерщвляют,
и сильныя во гробех мужы полагают.
Множицею же мала вина им бывает,
яже сладкия жизни внезапно лишает.
Анакреонт поэта ягоды ядыше,
от них же во гортани единая сташе
И бысть смерти виновна. Здрава умертвила,
безсильная силнаго во гроб низвалила.
Товий же благородный елма млеко ял есть,
случаем во гортани влас тонкий остал есть,
Его же не возмог он никако изяти,
нужду име кончину тако восприяти.
Оле злоключения! Иже не бояся
остра меча, той власом претонким скончаша.
Ахилон спартаниский, егда веселися,
яко сын победитель егов сотворися,
Елма с радостию си сына обьял быше,
излишеством радости живот свой скончаша.
Оле развращения! И радость бывает
смерти виновна, яже живот продолжает.
Подобне Софокл мудрый, егда совершил есть
трагедию премудро и ублажен был есть,
От множества радости притече до конца,
ни к тому сподобися видети свет солнца.
Точне Кандим торжество егда совершаша
и венец на главу си златый приимаша,
Веселия виною дух свой испустил есть,
радость велику в слезы многи преложил есть.
Такожде и Диагор, три сыны имевый
и за победу тыя венчаемы зревый,
Егда тии венцы си ему возложиша
на главу, яко отца любимаго чтиша,
За великую радость живота лишися.
Сия ты, читателю, слышя, удивися,
Како и радость мертвит, яже услаждает.
Колми же паче печаль, яже огорчает!
Дивяся паки, готов буди умирати,
да смертию можеша жизнь вечну прияти.

Ибо яже готовы смерть люди хищает,
не мертвит, но во вечность жизни преселяет.
А иже не готови ко смерти бывают,
зде телом, а душею вечно умирают.

129—131. СОВЕСТЬ

1

В белых древле одеждах в храм божий вхождаху,
белу совесть имети пред богом учаху.

2

Здравому постеля есть упокоение,
та же немощному есть мужу мучение.
Точне совесть есть мужу покой преблагому,
та же — ложе терново человеку злому.

3

Лучше есть совесть благу пред богом стяжати,
нежели ведение сущих набывати.
Сие бо человеку грехи отягчает,
оная грехов тяжких бремя низвергает.

132. СОЛОМОН

У Соломона царя егда Савска бяше
царица и мудрости его искушаше,
Отроки и девицы собравши младыя,
вся в одежды устрои весма подобныя
И представивши царю, от него желаше.
да разпознает пол их, аще премудр бяше.
Царь, видя вся младыя, веле лица мыти,
да от умовения возможет судити.
Вси убо умывати лица си начаху
и платенцы послежде она отираху.
Девицы зело мягко то твориша дело,
а отроки мышася и трошася смело.

По тому разсудив, царь царице сказаше,
кая из них девица и кто отрок бяше.
То видящи царица, мудрости дивися
и исповеда, яко точный не родися.
Мы же лица совести елма умываем,
отроцы, а не девы да ся проявляем:
Крепко она да моем слезными водами,
и доветворения да трем пеленами.
Такo отроцы бодрии и красни явимся,
знания Соломона горня сподобимся.

133—136. СТИХИИ ЧЕТЫРЕ

1

Четыре богом стихии созданны:
земля, вода, огонь и воздух пространный.
Земля во жилище людем сготовася
и зверем, всех же нижше основася.

2

Во водах рыбы хладных преплавают,
по ним корабли путь свой совершают,
Жадным в прохлад суть, в них ся снeдь готует,
ими круг земный весь ся обшествует.

3

Воздух над воды висит и землю,
ты легкостию преходит своюю,
Тягший от огня, им птицы летают
и вся животна онем отдыхают.

4

Огонь воде ратник, с кремene сечется,
в различны нужды людем придается,
Сваряет пищи, вкус благий дарует
невкусным ядем, в хладе пособствует.

137. СТОМАХ

Иже сластолюбиви, тощно промышляют,
да пищи и пития сладко устроят.
Что либо по аеру пернато летает,
того стомах лакомо во пищу желает,
И яже либо рыбы во водах плавают,
тыя сетми рыбаи их ради хищают,
И что зверей пустыня обыче питати,
все то сластолюбивый желает зяяти.
Домашняя животна скудна суть во пищу,
вся негли суть работна несытну сирищу.
Поля и вертограды что либо раждают,
все то в насыщение стомахом отдают.
Древа плодоносная и плод винограда
не могут утолити жажды их и глада.
Оле сластолюбия! Оле несытости!
Ею же лишаемся вечныя сладости.

138. СУД СНА ПРЕЖДЕ

Пес утруженный егда хочет спати,
обыче прежде сам ся обращати,
Нежели ляжет. Егда осмотрится
окрест на месте, тогда положится.
Он по естеству, нам же подобает,
до кождо во нрав то себе взимает:
Еже на ложи спати отходящу,
быти окрест ся прилежно смотрящу,
Еже есть весь день умом разсудити,
не случи ли ся во нь что согрешити.
И аще кая злоба усмотрится,
абие овцы да уподобится:
Овца бо, егда приидет время спати,
нрав на колена имать припадати.
Овчествуй кождо, прежде преклонися
на колена ти: сердцем сокрушися
О твоих гресех, таже положиися,
божией стражи говейно вѣручися.

Полезно к тому ложе измывати,
Давидски слезми постель омочати.
Ибо кто иже в вечер умилится,
в утрий день светло той возвеселится.

139. СУДИЯ

Судия, злых не казняй, без ума мечь носит,
за ту милость милости свышше не упросит.

140—141. СЫТОСТЬ

1

Ястреб сытый из руки аще испустится,
сед на древе, к пустившу не скоро вратится.
Подобне и человек, егда сыт бывает,
бога отбег, не скоро к нему ся возвращает.

2

Никогда огонь во воде возпален бывает,
сокрушения сердца сытость не раждает.

142. СЕДИНА

На нивах класы егда оплавеют,
уже во жатву серпу остру спеют.
Главы людския елма убелятся,
к смерти ближаются.
Тем на седину всяк муж да смотряет,
ко смерти чинно да ся устрояет,
дабы готову от мира отити
и в небо внити.

143. ТЛЕНИЕ

Медведь, хотяй во ложи своем почивати,
задом в не, да след губит, обыче вхождати.
Заяц же издалеца обыкл есть скакати,
еже бы ловцем следа к ложу си не дати.
Тако нам подобает души ся хранити
в ложах добродетелей, еже бы не быти
Уловленным от ловца, на всяк час ловяща,
вечныя погибели присно нам хотяща.

144—146. ТА Л А Н Т

1

Талант в земли сокрыти, есть то благодати
данныя на тлетворны вещи обращати,
Яко аще кто разум к земным прилагает
и сердца ко небесным никакo взношает,
Елма мирская гонит, дух пренебрегает
и души забывает, плоти угождает.

2

Таланты чювств телесных той в землю копает,
иже не во ползу си тех употребляет:
Аще кто видение от благих отвратит
и на срамна, нечестна волею обратит;
Слушание же аще на божие слово
заткнено, а суетных слушати готово;
Вкушение ко сладным егда приложится,
пренебрегше простая, овеми сладится;
Обоняние елма сладких вонь желает
и в тех ся паче меры всегда услаждает;
Осязание, аще будет обращенно
ко срамных касанию, еже возбраненно.
Не копайте вы сиче талантов чювственных,
аще хочете быти в селех божественных.

Всякий дар божий леть есть талант звати,
 и нужда сего есть употребляти.
 Аще кто силен, той да защищает,
 аще кто мудр есть, сей да поучает.
 Богатый нищым податель да будет,
 тако к таланту и другий прибудет.

147. ТРУД

Чрез лето пчелы тошно работают,
 сладкий из цветов мед людем собирают.
 Аще не хочет кая работати,
 не дадут в рои своем пребывати,
 Огрызше криле, вон ю извергают,
 гражданом мира образ проявляют,
 Да праздных людей не имеют в себе,
 ибо комуждо трудитися тебе,
 Да своим трудом питаем бывает,
 а не чуждая труды поглощает.
 Не хотящим же трудов полагати
 не подобает хлеба подаяти.
 «Праздный да не яст», — апостол сказаше,
 иже от Христа правде учен бяше.
 Подобает же вон я изгонити,
 да научат ся в трудех выну быти.

148. ТЕЛО КРАСНОЕ

Красное тело	зрети весело,
егда распалится,	мерзко явится.
Тое кто любит,	душу си губит,
ибо то будит,	да всяк с ним блудит.
Не люби тела,	и будет цела
душа конечно,	поживет вечно
При жизни хлебе	со Христом в небе.
Душы любите,	тело мертвите,
Да его страсти	вас во напасти
никогда вводят,	но да отходят,
Ничто вредивше,	целы лишивше.

1

Долгим путем водит словом поучаяй,
кратким наставляет образ делом даяй.

2

Яко же любезни суть прекраснии цветы,
тако научении всем приятни дети.

Не тако чювства услаждают цветы,
якоже отца искуснии дети.

152. ФЕБРА

Фебра, его же держит мужа, искушает,
да хладною водою жажду утоляет.
Егда же он испиет, огонь велий родится,
им же люте недужный человек дручится.
Подобне похоть деет, влечет соблудити,
а казнь божия за то имать ны томити.
Фебра то проклятая, елма искушает
воды блуда испити, никто да слушает,
Аще хоцет вечныя муки не страдати,
но здравие душевно от бога стяжати.
Фебра сребролюбие, то бо подушает,
да чюжда кто крадет или похищает.
Егда же вещь кто чюжду крадет или злато,
от судии бывает люте мучим за то.
Фебра любочестие, искати бо учит
началства, а обретша безпрестанно мучит.
Фебра есть ярость сердца, ко брани приводит,
потом язвы и плоти и душе наводит.
Не слушайте убо сих Фебр лукавых зело,
аще хоцете здраво пожити и цело.

153. ХВАЛА СЕБЕ САМОГО И ХУЛА

Аристотелес рече, что себе хвалити
есть суетство; глупство же есть себе хулити.

154. ХУДОЖЕСТВО

Художество художеств есть себе познати
и наученну быти добре умирати.

155. ОТЧАЯНИЕ

Плутарх о милисийских девах написал есть,
неистовство их мира памяти предал есть.
Тыя без вины всяки сами ся вешаху,
токмо: «Хощу умрети!» вину полагаху.
Граждане не ведяху, что деяти с ними,
печаль многу имеша со дщерми своими.
Даде некто муж мудрый совет тому делу,
да повесившу себе саму всяку деву
Паки яве повесят весма обнаженну,
в посмеяние миру всему представленну.
Сице егда с онеми творити начаху,
за срам наготы себе вешати престаху.
Точне отчаянници себе содевают,
кроме всякия вины смерти ся предают.
Тошнят в житии, к смерти самохотно тщатся,
но лукавым демоном окаянне лстятся.
По смерти бо временней вечну начинают,
нагость, скарედство, буйство тамо ся являют.
Их же срама достойно им ся убояти,
от смерти творения руки удержати.

1

Граду леть человека есть уподобити,
 в нем же царю небесну угодно есть жити.
 Пятерица в нем враг есть, чувств пять разумеите,
 но затворенна она имети умеите.
 Врази бо окрест выну того усмотряют,
 да чрез отверста врата на град нападают.
 Но и внутрь града вои ковы содевают, —
 страсти глаголю, — врагом град дати желают.
 Тья убо во-первых укротити тебе,
 таже от враг блюстися полезно есть тебе.

2

Человек, яко же цвет, красен ся являет,
 но, яко той же, зело скоро увядает.
 И яко друг по друзе цветы исчезают,
 тако и человеци жизни ся лишают.

8

Мир малый человек есть, а конец познает,
 да изменою смерти вечность зачинает.
 Седьдесят лет предел есть во мире сем жити,
 не многим выше того дается пребыти,
 И то в болезнях плоти; потом неизменна
 нужда лежит отити всем до гроба земна
 Телом. А душу богу живу отдаяти,
 да изволит по делом место вечно дати.
 Тело убо во земли в землю обратится,
 душа в небеси или во аде вселится,
 Дондеже в конце веков паки тожде тело
 восприимет, оживит будущее цело.
 Тогда же Христос господь придет судити
 вся, иже от Адама, и мзду сотворити,
 Благим убо благою, яже есть жизнь вечна,
 злым же злую, яже есть мука безконечна.
 Тогда кождо предстанет судии правому,
 ответ дати о делех всяческих оному.

160. ЧТЕНИЕ

Ходяй при водах, всяко омочится,
приседяй огню, тепла исполнится.
Тако читаяй книги божественны
аки по нужде будет умудренны.

161—164. ЮНОША

1

Юноша весма юнец сотворится,
егда юнице лстивей приблизится.

2

Беседа в жены юны умягчает,
яко огонь воска, близ сушь, растопляет.

3

Новая лоза грозды обилнее родит,
но старая лучшыя в сладости изводит.
Тако юнии болше словес испущают,
но яже полезнейша — старии вещают.

4

Юных советы нездрави бывают,
по страстем дело всяко разсуждают.
Что ум намыслит, сие им любится,
искушение на мысль не впустится.
Старых словеса суть им ни во что же,
глаголют: «Стар муж умом изнеможе».
И тако, еже хотят, содевают,
совещаема и себе прелщают.
Сын Соломонов Ровоам такими
советниками прелщен бысть своими.
Презрев старыя, юных послушаше,
дани народу многи налагаше.

Но что успел есть? Молва сотворися,
царство надвое его разделися.
Мнози избраша Иероваома,
мали осташа в службе Ровоама.
Тогда он позна вреден совет быти
юных, но ничто леть бе пособити.
Раба своего воцаренна знаше,
тщеты и бедства выну воздыхаше,
Тогда и старых совет не поможе.
Даждь юным старых совет знати, боже!

165—170. ПОДПИСАНИЕ ИКОН

1

АЛЕКСИЙ — ПОМОЩНИК

Аггел нЕсти Крест СИЙ МИ пособляет,
помощь во скорбех от бога являет.

2

ФЕОДОР — ДАР БОЖИЙ

Господь СаваоФ Есть ТО ДОБР всех датель,
Дух святой даров седми излиятель.

3

ИОАНН — БЛАГОДАТЬ ГОСПОДНЯ

Источник вОд сих и свет, свыше дАННый,
благодать бога изявляет на ны.

4

ИРИНА — МИРНАЯ

МИр оРужИя браНи зАтворяет,
тучна елея изобилство дает.

СОФИЯ—МУДРОСТЬ

СлавнО, яко ФинИкс, мудрость процветАет,
недвижим камень в фрон си полагает.

ЕКАТЕРИНА—НАДЕЖДА, ИСТИННА

ЕлиКа Аще ТЕРпИт кто за бога сыНА,
надежда, яко воздаст, божия истинна.

(1680)

ПСАЛТЫРЬ РИФМОТВОРНАЯ**171. К БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЖЕ ЧИТАТЕЛЮ**

Благочестивый книги читателю,
во писаниих жизни искателю,
Молю тя, здравым умом да судиши
труд, иже в книзе подлежащей зриши,
Не слов измену тощно рассуждая,
но в тех разума единство лобзая.
Псалтирь се царя купно и пророка
Давида свята, тайна в ней глубока:
Иже дух святой оному сказаше,
та пророчески в псалмех он писаше.
Всякая служба теми украшенна
во церкви святей: вся в них божественна.
Без псалмов церкви не возможно быти,
яко без воды рыбе не леть жити;
Та в своем чине, яко преведенна
древле, во церкви да будет храненна.
Тужде аз рифмы тщахся преложити,
не дабы тако в церкви чтенней быти,
Но еже в домех часто ю читати
или сладкими гласы воспевати

Во славу богу, — ибо услаждает
рифм слух и сердце: чести понуждает.
Коль же есть лучше сию прочитати,
неже в суетах время погубляти,
Знает то кождо, а то извещаю,
поелику сам спастися желаю, —
Яко аще zde зрится ново дело,
обаче разум псалмов хранит цело;
Толк слова мени, множит, уменшает,
подобне в рифмех нужда содевает.
Само сущее в церкви цело тебе,
зде метафразис к домашней потребе.
Во мнозех местех толк zde положися,
еже во сущем глубоко сокрыся.
Тем не дивися, видя ино слово, —
разум един есть, речение ново
Светлости ради, ли за нужду меры:
толк отверзает сих сокровищ двери.
Не слушай буйх и ненаказанных,
в тме невежества злобою связанных,
Им же обычай все то обхуждати,
его же господь не даде им знати.
Не буди общник расколы творящим,
всю мудрость в себе заключенну мящим,
А в самом деле пребезумным сущим,
упором своим в погибель текущим.
Ни завидящим подражатель буди,
им же чуждии сердце гризут труди,
Иже благая за зависть хухнают,
совесть поправше, вся уничижают.
Но буди правый писаний читатель,
не слов ловитель, но ума искатель.
А всяко полза имать быти тебе,
токмо прилежно разсуждати тебе.
Веждь же и сие, яко псалми сии
от древних времен писани святии
Стихов мерою, от муж умудренных,
добре еллинским книгам изученных.
И во прочиих суть стихотворени
языцех честных и святи вменени.
Ревнуя убо, тщахся написати
нашим славенским, в рифмех миру дати.

Тем благодарно прими труды сия,
иным обычны, в России новыя.
Чти, пой разумно, хвали ими бога,
от него же мзда будет тебе многа.
И за мя, грешна, ему помолися,
хулником уста заграждати тщися.
Защищай добро, бог защитник тебе
даст zde век долгий и вечность на небе,
Ея же верно аз тебе желаю,
милости твоей сам ся поручаю.

1678

172. ПСАЛОМ 7

Господи боже, на тя уповаю,
от гонящих мя спаси, умоляю.
И избави мя, да души моея
не хитит зубы челюсти своея
Враг, якоже лев, никому же сушу
во избаву ми, ниже спасающу.
Господи боже, аще творих сия,
достойн буду казни ти лютыя.
Аще рукама деях неправая,
зло ми творящим аще воздах злая,
Да буду от враг моих побежденны,
помощи всяки от тебе лишены,
Да поженет враг и постигнет мою
душу, и пленит во работу свою,
Живот мой в земли да может попрасти
и славу мою с перстию смешати.
Воскресни, боже, гневом возарися,
в концех враг твоих славно вознесися.
По завету ти изволи востати,
и сонм тя людей имать окрест стати.
Тем на высоту твою возвратися,
судия быти народов явися.
По правде моей изволи судити,
по незлобию моему щедр быти.
Да злоба грешных людей окончится,
муж же тобою правый исправится:

Ты бо сам, боже, живый на небеси,
сердца, утробы совершенно веси.
Правы помощи сердце мое чае
от бога, иже правыя спасает.
Бог судия прав, крепкий и терпящий,
не на всякий день гнев свой наводящий.
О врази, аще ся не обратите,
мечь, извлеченный от бога, узрите.
Напряже лук свой, готов ест стреляти,
огненны стрелы на вы испущати.
Се неправдою враг мой разболеся
и в сердце его зла болезнь зачнеся.
Беззакония зло чадо родил ест,
ров ископа ми, сам ся во нь востремил ест.
На главу его болезнь обратится,
и на верх его неправда свалится.
Аз же божию правду прославляти
буду, и имя его величати.

173. ПСАЛОМ 28

Сынове бога жива, господу несите
яко сыны овния, хвалу воздадите.
Имени его славу несите премногу,
поклонитесь, в дворе святем его, богу.
Глас господень на водах престащен явися,
бог славы возгремел ест, кто не устращися?
Господь на водах многих волны возбудил ест,
когда в них фараона с вои погрузил ест.
Глас господень в крепости егда низхождаше,
глас во велелепоте, егда закон даше.
Глас господень велия кедры сокрушает,
и ливанские кедры господь сотирает.
Сильныя яко телцы на ливане может
истнити, а противу кто стати возможет?
А иже бысть милости его возлюбленный,
сыну единорога ест уподобленный.
Глас господень пламени огня пресекает,
всегустыя пустыни силно сотрясает.

И пустыня каддийска о́нем сотрясеса,
никто противный ему никогда спасеса.
Глас господень елени к роду совершает
и темные дубравы светло открывает.
В церкви его всяк славу должен глаголати,
господь потоп на земли силен населяти.
Господь седит яко царь преславно во веки,
аггелы обладая, купно человеки.
Господь крепость людем си имать даровати
и благословение с миром им подати.

174. ПСАЛОМ 45

Бог нам сила, прибежище,
от волн скорбей пристанище.
Аще земля вся смутится,
наше сердце не боится.
Аще горы преложатся,
в сердце морско воваятятся,
Душа наша не смутится,
в бозе силном утвердится.
Воды быша возмущенны,
горы богом потрясенны,
Яже облак достизаху,
неподвижны от век бяху.
Град господень веселится,
егда река близ точится,
И в нем вышний освятил есть
селение, в нем же жил есть.
В среде града бог витает,
тем недвижим той бывает,
Утро тщится в помощь ему,
яко дому бог своему.
Язык рóди ся смятоша,
и царствия упадоша.
Егда вышний глас свой даше,
люте земле трепеташе.
Нас господь сил заступает,
Яковля чада знает.

Семо, роди, прийдите,
бога чюдна дела зрите,
Яже в мире сотворил есть,
брань на земли утолил есть.
Лук сокрушит, меч сломити
имат, огнем щит спалити.
Приидите, рассмотряйте,
яко аз бог, познавайте:
Во языцех вознесуся
и на земли прославлюся.
Господи сил, с нами буди,
храни от бед своя люди.
Бог Иаковль защититель
наш, в печалех утешитель.
Слава.

175. ПСАЛОМ 81

Бог ста во сонме судей рассудити,
како во людех тщатся суд творити.
Доколе ложный суд извещаете,
лица муж грешных права являете.
Сира и вдову право разсуждайте,
смиренна, нища в правду оправдайте.
Нища, убога от сильных измите,
из рук грешничих правых избавите.
Но они сего в разум не впустиша,
лиц приятием помрачени быша.
Основания земли ся смущают,
вся развращенна во мире бывают.
Аз рех: вы есте бози в человетецх,
вышняго чяда в настоящих вецех.
Вы же, яко плоть, тай ся общаете,
и яко един от князь падаете.
Воскресни, боже, земли да судиши,
яко в языцех всех ты наследиси.

Милость ти и суд, боже, прославляю,
 чист путь шествуя, пою, да познаю,
 Когда ты ко мне хочещи прийти,
 тайны святыя рабу ти явити.
 Незлобно сердце храних в моем дому,
 не желях вещи отъяти никому.
 Иже закон твой дела преступаху,
 во ненависти тии моей бяху.
 Сердце лукаво мне не прилепися,
 презрех, кто от нас к злобе уклонися.
 Иже ближних си тай оклеветаше,
 из моих лика изгонимь бываше.
 Со гордым оком пищ не причастихся,
 с несытным сердцем хлебом не сытихся.
 Очеса моя верных муж искаху,
 мне сицевии везде приседаху.
 И непорочным кто путем хождаше,
 сей в дворе моем раб мне честен бяше.
 Творяй гордыню, не жих в моем дому,
 лживому спети дах ни единому.
 Грешныя тщахся скоро избивати
 из земля, дабы им не постояти,
 Все, иже закон дела преступаху,
 з града господня истреблени бяху.
 Слава.

(1680)

Биография архимандрита Тихона изучена слабо. Известно, что он был великороссом по рождению, в 1675—1677 годы возглавлял Макарьевский Желтоводский монастырь Нижегородской епархии. 19 января 1680 года определен по именному указу в Саввин-Сторожевский монастырь келарем, позже, как и Карион Истомирин, был одним из близких патриарху Иоакиму людей. В русской письменности последней четверти XVII века архимандрит Тихон оставил заметный след.

Его перу принадлежит музыкальный трактат «Сказание о нотном гласобожании», а также обширное историческое сочинение, известное под названием «Латухинская Степенная книга» (1677—1678). В этом труде, основу которого составляет «Книга Степенная царского родословия», Тихон использовал огромное количество источников, частью до нас не дошедших, так что в некоторых разделах «Латухинская Степенная книга» содержит уникальные исторические материалы. При составлении ее архимандрит Тихон привлек летописи, Хронограф, первое послание Курбского Ивану Грозному, Киево-Печерский патерик, большую группу произведений о Смутном времени, «Синописис» Иннокентия Гизеля, документы Макарьевского Желтоводского монастыря. Это говорит о незаурядной образованности и начитанности Тихона, а его стихотворное вступление к «Латухинской Степенной книге» (как и вирши в «Сказании о нотном гласобожании») свидетельствует, что он был знаком с силлабической поэзией, которую в это время культивировал в Москве Симеон Полоцкий.

**177. <СТИХОТВОРНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ
К «ЛАТУХИНСКОЙ СТЕПЕННОЙ КНИГЕ» >**

Творец и создатель бог всему,
и всей твари, служащей ему;
Христос истинный всех спаситель,
отец явися и зиждитель;
Неизреченным же советом
многим сый озари нас светом;
О твари бо всей той промыслил,
но и нас спасти всех умыслил.
Аще и в последнее время,
хотя обলেখчители нам бремя,
От тмы нас на свет произведе,
благодать крещения даде,
Омыл наше согрешение,
загладил все прегрешение.
Егда у российских жителей
не бысть благих учителей,
Андрей апостол к ним приходил,
человек там сущих просветил;
А прежде его учения
ходиша во тме блужения,
Купно вси идолом служаху,
немало отрочат им жряху,
И по сем паки прелстишася,
грехми зле обременишася,
Идолом вси покоришася,
солнцу и огню поклонишася.

И еже они то творяху,
яко тем бога раздражаху,
Но той о них же промышляет,
еже бы спасти, умышляет:
Треми времени их уверял,
разных философов присылал,
Учитель приходил к ним Кирилл,
другий же святитель Михаил.
Но они жестосерди быша,
о ползе своей не рачиша,
Писмена азбуки прияша
и паки о вере не вняша:
Сердца бо их окаменена,
а злоба люте вкорененна.
Христос же сам благий учитель,
дивный о нас промыслитель,
Олгу, великую княгиню,
в россах избра сию едину.
Она убо в Царьград отиде,
любезно в крещение вниде,
Немедленно же возвратися,
учити россов укрепися.
Желаше бо сына своего,
еже бы окрестити того,
Младому же своему внуку,
зело дая ему науку;
Да егда той в возраст прииде,
учение се благо виде,
Закону святу научися;
а потом Владимир крестися.
Сего ради и киевляне,
еже по них и россияне
Вси крещение восприяша,
зело же сие возлюбиша,
Яко единеми устнами
хвалу богу приносят с нами.
Возвещает о них преславно
летописец книга пространно.
А еже zde преднаписая,
велми же мало изяснися —
Российских князей всех начало,
у варяг Рюрику зачало.

Живяше сей князь некрещенный,
его же сын непросвещенный.
Летом же многим мимошедшим,
трием князем уже прешедшим,
От тех же колен порожденный,
Владимер князь первокрещенный,
Он в России веру насади,
древний же закон в ней расплоди.
С того убо бывшего лета
купно вси сыны быхом света,
Увери бо Христос всех киян,
юных и старейших россиян,
От перваго князя благаго
до днешняго царя святаго.
Архиереи, учителя,
Христовы же вси святители
Вся народы увещавают,
любовно в закон научают.
Егда же се мы презираем,
тогда неблаг путь избираем.
От любви бо все содержится,
свято жити нам поспешится,
Един добраго предуспеет,
добрым делом обогатеет.
Мнози в России просияша,
трудами во царство внидоша,
Иночеством и постничеством,
страдалческим мученичеством;
Яже от варвар пострадаша,
щедроты от бога прияша.
Сих бо всех писахом жития,
трудна их благая бытия.
О царех и князех российских,
о святителях всех московских
Сей летописец возвещает,
многий нам разум просвещает:
Древле бывшая вся времена,
единоверных нам племена,
Степени царския и роды,
яже державства их и годы,
Тех же времен благоденствие,
страшно же бысть и злоденствие:

Единоверных междоусобство,
 диаволе же всеудобство
Многих человек погубило,
 острием меча порубило.
Егда кто хочет испытати,
 вся тыя мятежи исчитати,
Много сию книгу прочитай,
 ею же вся вещи познавай,
Совершенно в ней все будешь знать,
 еже и иным можешь сказать:
Царства российскаго зачало,
 еще и Киева начало,
Но и о Казани сказася,
 о Сибири не умолчася;
Егда же сам бог благоволил,
 множество сих царств соединил
В едино царство Московское,
 рекомое Всероссийское.
И еже о сем zde писася,
 ибо и о всем не солгася.

Ноябрь 1678

Монах Мардарий Хоников в 1670-х — 1680-х годах служил на Печатном дворе и принадлежал к верхушке московской интеллигенции той поры. Он был образованным человеком: свободно владел латынью, знал, безусловно, и древнегреческий язык. Доказательство этой образованности — назначение Хоникова на должность книгохранителя (библиотекаря) Печатного двора, которое состоялось 11 декабря 1676 года.

Однако по службе Мардарий Хоников продвигался довольно медленно, долго оставаясь книжным чтецом, хотя исполнение обязанностей книгохранителя обеспечивало ему прибавку к жалованью. Только в 1680 году Хоников получил повышение: он стал справщиком, заняв место «вдового иерея» Никифора Семенова, который служил на Печатном дворе с 1665 года.

В это время справщики были разделены на две группы. Одна ведала подготовкой издания 12 томов служебных Миней, другая — остальной работой Печатного двора. Мардарий Хоников был причислен ко второй группе, в которую кроме него входили Сильвестр Медведев, Карион Истомин и Иосиф Белый. С 1686 года имени Мардария Хоникова в расходных книгах уже нет. Возможно, 1686 год — это дата его смерти.

В настоящее время известно лишь одно произведение Хоникова — стихи на библейские сюжеты, которые относятся к 1679 году. Это частью самостоятельные тексты, а частью перевод латинских подписей к гравюрам амстердамской Библии Николая Пискатора, второе издание которой (1674) пользовалось в России широкой популярностью. Изобразительный материал этого издания повлиял на стенные росписи церквей, на книжную и рукописную миниатюру. Картинки на библейские темы, выпускавшиеся в России в XVIII веке, часто заимствовались из издания Пискатора. Нередко они сопровождались стихами Мардария Хоникова.

СТИХОТВОРЕНИЯ К БИБЛИИ ПИСКАТОРА

178. К ЧИТАТЕЛЮ

Мудрости слава буди Богу подателю,
отцу, сыну и духу, мира создателю,
Научившему дело се благо начати,
а благоволившему в ползу всех скончати.
Художне лица в книзе сей изображенна,
мерными славенскими стихи изьясненна.
А сие бысть тщанием мужа всеблагаго,
рачителя писаний весма предрагаго.
Добр убо сей, добрых же желатель совершен,
Афанасий именем, Иоанном рожден,
Рекомый Федосиев, иже мя понуди;
Иисус же Христа сей царства общник буди!
И сице аз преслушник зол в сем не смех быти,
худоумен сый, дерзнух сия сочинити.
Обаче, читателю, изрещи дерзаю:
Не даждь зоилу места, тебе умоляю,
Иже завистлив сый враг и благих нещадай,
коварен бо злый, сему никогда же внимай,
Онаго злобу тщетну присно повергая,
весело же на худы труды призирая,
Твоею мудростию грубая исправи,
рабу же милостиве твоему остави.
Усердие мое в сем более возлюби,
долгих же моих трудов вотще не погуби.

Издавый семь тысящ сто осмьдесят седмаго,
лепо хвалити долженствую творца благаго,
Строящаго все, еже есть угодно ему,
яко царю и богу, за вся слава тому.

1679

179—184. ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

1

Соломон царь сый зело богатейший,
никто же бо ин его бысть краснейший.
Мудростию же и многим державством
и велик всяким бе благоприятством.
От бога честным даром предпочтенный,
имеяй престол злат преухищренный,
Многи в доволстве имущ человеки,
не будет же ин сицев и во веки.
Сей песни песней сладце воспеваает,
таинственны же зело составляет,
Христа, жениха церкви, описуя
и к друг другу их любовь показуя.

2

Аз есмь цвет польный, — жених возглашает,
невесту же — крин чистейший взывает;
Его же яблонь в древах нарицает,
под его же сень витати желает
Невеста, плодом его сладящися
и вином любви зде веселящися.

3

На ложи моем исках тя, любезне, —
невеста зовет жениха усердне;
Не обрет, им же вгodu притекаю,
тя, любимиче, обрести желаю,
По улицах же и по стогнах града,
да души моей явится отрада.

Се одр Соломонов, зело украшенный
и избра вои и лики окруженный.
Столпы имей от злата чистейша,
почи бо на нем мудрость всечестнейша;
Правда и мужество и рассуждения
одра же сего есть украшения.

4

Се краснейшая моя, — нарицает
невесту жених, юже ублажает.
Чудней ея красоте дивится,
да к любви его тая восперится.
От Ливана ю по себе взывает
и зело теплу любовь к ней являет.
От гор Ермона и Амм глашает
и благовонный крин ю нарицает,
Смирны и алая и касия полный,
и в нем же есть всяк различен цвет польный.
Она же духа любви на ся просит
и ему плоды своя приносит.

5

Невесту жених ко обществу взывает
и в виноград ю свой питати глашает,
Вкупе благих всех с ним наслаждатися,
во свете его присно вселятися.
Она же зело сном бе преслоненна,
сердцем слышати бысть же возбужденна.
Жених же простре руку к ней в оконце
и осия ю светом, яко солнце,
Внутрь сердце ея к себе распаяя,
да дольняя в прах вмени, ю пленяя.

6

Любезный мой мне, — невеста глашает
и ея самую ему поручает.
Он же слово ей жизни подает
и велию благодать вливает,

Зело к ней любовь велику являя
и паче многих девиц украшая.
Едину же ю чисту нарицает
и светлу, яко солнце, являет.

1679

Сильвестр — в миру Семен Агафонинович — Медведев (1641 — 1691), по происхождению курянин, уже 24 лет отроду служил подьячим в Приказе тайных дел. Это учреждение представляло собою собственную канцелярию царя, через которую Алексей Михайлович помимо Думы сносился с воеводами и послами. Подьячие Приказа тайных дел, естественно, занимали привилегированное положение. Медведев, очевидно, выделялся среди них своими дарованиями: в 1665 году он стал одним из немногих учеников Симеона Полоцкого в Заиконоспасском училище, сохраняя чин и жалованье. Здесь Медведев, исправляя должность старосты, сблизился со своим наставником и остался его любимцем до самой смерти Симеона. В Заиконоспасской школе Медведев пробыл около трех лет и вынес оттуда свободное знание латыни и польского языка, достаточные сведения из грамматики, риторики и поэтики, богословия и философии. Попутно (может быть, позднее) он в какой-то мере изучил и древнегреческий язык.

26 мая 1668 года Медведев в составе дипломатической миссии начальника Посольского приказа боярина А. Л. Ордина-Нащокина выехал в Курляндию. Вернувшись осенью из-за границы, Медведев три следующих года прослужил в Москве, а в первые месяцы 1672 года уехал в путивльский Молченский монастырь, где провел пять лет — сначала в качестве мирянина-послушника, а потом монаха.

Внешне беспричинное решение оставить столицу и прервать удачно начатую служебную карьеру сложилось у Медведева, без сомнения, под влиянием Симеона Полоцкого, который считал, что человек, встающий на путь служения просвещению, науке и литературе, должен отрешиться от мирских уз и соблазнов. Медведев, видимо, не был тотчас готов к этому, и его наставник предложил ему испытать себя жизнью в дальней монашеской обители.

Весной 1677 года, когда Сильвестр Медведев навестил Москву,

Симеон Полоцкий свел его с другим своим воспитанником, тоже любившим и умевшим слагать вирши, — с новым царем Федором Алексеевичем. Эта встреча имела решающее значение для судьбы Медведева: царь приказал ему жить в столице, взял на дворцовое содержание и отвел помещение в Заиконоспасском монастыре, сообщавшееся с кельями Симеона Полоцкого. Медведев стал чем-то вроде секретаря и редактора Симеона: переписывал и правил его прозаические и поэтические сочинения, готовил их к печати в «верхней» типографии. Осенью следующего года Сильвестра приняли на Печатный двор — сразу справщиком, минуя должности книжного писца и чтеца.

После смерти Симеона Полоцкого Медведев занял при дворе его место, сохраненное им и в правление царевны Софьи (1682—1689), — место присяжного поэта и проповедника, писавшего «на случай».

По примеру Симеона Медведев в последний год жизни царя Федора открыл латинскую школу в специально выстроенных в Заиконоспасском монастыре хоромах. В 1686 году она закрылась в связи с учреждением академии, которая разместилась у самой стены Заиконоспасского монастыря и которой руководили антагонисты Медведева — греки братья Лихуды.

Симеон Полоцкий, претендовавший на заведывание предполагаемой академией, в свое время составил проект ее устава («привилегию»), собственную редакцию которого Медведев потом представил царевне. Предполагалось дать академии большие права и широкую автономию, сделать ее непререкаемым авторитетом в московской духовной жизни. Понятно, что на этом проекте столкнулись различные идеологические и культурные направления. Сильвестр Медведев отчаянно стремился не выпускать из рук академию. Когда в 1681 году в Москву явился Ян Белобоцкий, Медведев через посредство авантюриста Павла Негребецкого подал царю челобитную, где доказывал еретичество Белобоцкого, надеясь таким способом устранить опасного конкурента. Это, кстати, единственный факт, бросающий тень на нравственную физиономию Медведева. Челобитная в общем достигла цели: Белобоцкий был скомпрометирован, о его руководстве академией не могло быть и речи. Софья и ее окружение поддерживали Медведева; тем не менее верх взяли Лихуды. Дело решила позиция патриарха Иоакима: он примкнул к грекофилам, потому что, несомненно, боялся, как бы его не свели с патриаршества и не посадили Сильвестра. Софья передала управление академией ставленникам патриарха, надеясь на его поддержку в неминуемой схватке с Нарышкиными.

Примерно в то же время Медведев ввязался в знаменитый спор о времени пресуществления святых даров, вызвавший «сицилийский огонь» среди московской интеллигенции. Медведев считал, согласно с католической традицией (замечу кстати, что русское предание было в данном случае разноречивым), что евхаристия совершается в момент произнесения «Христовых словес» — «примите, ядите...», а его антагонисты — после возгласения молитвы «И сотвори убо...». История русской церкви знает немало примеров, когда и за меньшие «уклонения» люди попадали в темницу. Спор был поводом для открытого столкновения «латинствующих» во главе с Медведевым и грекофилов во главе с Иоакимом.

Ухудшение положения Софьи и ее правительства тотчас отозвалось на Медведеве. 12 марта 1689 года патриарх отставил его с Печатного двора. Можно было ожидать, что Иоаким арестует и сошлет Сильвестра. Софья уже не решалась открыто противодействовать этому, и с пасхи 1689 года верные ей стрельцы ежедневно стояли караулом у кельи Медведева. Им было велено, «как ... придут от ... патриарха, и его, Селиверстка, не отдавать, а сказывать, что за ним, Селиверстком, есть государево дело»¹ — то есть что он уже арестован.

В ночь с 7 на 8 августа 1689 года Петр бежал в Троице-Сергиев монастырь. Началась открытая и последняя схватка Нарышкиных и правительницы. Медведев знал, что ему нечего ждать пощады от патриарха, и 31 августа бежал из Москвы в Дорогобужский уезд, в Бизюков монастырь, где игуменом был Варфоломей, Медведева же ставленник. Тот, однако, не преминул немедля донести на своего благодетеля. 13 сентября Медведева и его немногих спутников арестовали и доставили в Троице-Сергиев монастырь.

Хотя обвинения в заговоре на жизнь Петра и патриарха были облыжными, судьба Медведева, разумеется, была предрешена заранее. Медведева расстригли, пытали в застенке и 5 октября вынесли приговор: «Сенку Медведева, что был старец Селиверстко, за его воровство и за измену и за возмущение к бунту казнить смертию — отсечь голову».² Патриарху, очевидно, было этого мало: ему хотелось, чтобы его противник, «чернец великого ума и остроты ученой», открыто покаялся в своих заблуждениях. Медведева в колодках посадили в «твердое хранило» Троице-Сергиева монастыря и держали там больше года. Для убеждения его в ложности латинского

¹ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884, стлб. 142.

² Там же, стлб. 715.

мнения о времени евхаристии к Троице направили нескольких клериков патриарха, которым будто бы Медведев тотчас подал покаянное исповедание; затем оно было рассмотрено на малом церковном соборе в Москве. Если сам факт созыва собора, может быть, и имел место, то нет сомнения, что Медведев исповедания не сочинял и добровольно не подписывал.

В начале 1691 года был пойман один из близких Шакловитому и Медведеву людей, стрелецкий пристав Алексей Стрижев. Под пытками он показал, что Медведев общался с некими «волхвами»-астрологами и будто бы покушался не только на патриаршество, но и на царский престол. Медведева еще раз пропустили через застенок, и вскоре его свояк Карион Истомир, своими показаниями также отягчивший положение Медведева, записал в своих бумагах: «199 (1691) года, месяца февраля в 11 день прият кончину жизни своя монах Сильвестр Медведев... Отсечеса глава его... на Красной площади, противу Спасских ворот. Тело его погребено в убогом доме со странными в яме близ Покровского убогого монастыря».¹ Так окончил свои дни этот блестящий представитель московской интеллигенции кануна преобразований, человек, о котором один из почитателей писал москвичам, что им нужно называть Медведева «не Сильвестр, а Sol vester — солнце ваше».²

¹ А. Прозоровский, Сильвестр Медведев. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 3, М., 1896, отд. IV, с. 373—374.

² Сильвестр Медведев, Известие истинное. Издал С. А. Белокуров (оттиск из «Чтений в Обществе истории и древностей российских», 1885, кн. 4), М., 1885, Приложения, с. 83.

185. ЭПИТАФИОН

1

Зряй, человече, сей гроб, сердцем умилися,
о смерти учителя славна прослезися.
Учитель бо zde токмо един таков бывый,
богослов правый, церкви догмата хранивый.

2

Муж благоверный, церкви и царству потребный,
проповедию слова народу полезный,
Семен Петровский от всех верных любимый,
за смиренномудрие преудивляемый.

3

Им же польза верные люди наслаждала,
незлобие же, тихость, кротость удивляла.
В нем же вера, надежда, любви пребываше,
молитва, милостыня, пост ся водворяше.

4

Мудрость со правдою им бысть зело храненна,
мерность же и мужество опасно блюденна.
Многими дары богом бе преодаренный,
непамятозлобием весьма украшенный.

Иеромонах честный, чистоты любитель,
 воздержания в слове и в деле хранитель.
 Ни о чесом же ином оный промышляше,
 но еже церковь нашу мать увеселяше.

Не хоте ино божий раб что глаголати,
 токмо что пользу может ближним созидати.
 Ничесо же ина творити любляше,
 точию еже богу не противно бяше.

Иже труды си многи книги написал есть,
 и под разсуждение церковное дал есть.
 С церковию бо хоте согласен он быти
 и ничто же противно церкви мудрствовати.

Ибо тоя поборник и сын верный бяше,
 учением правым то миру показаше.
 В защищение церкви книгу Жезл создал есть,
 в ея же пользу Венец и Обед издал есть,

Вечерю, Псалтырь, стихи со Рифмословием,
 Вертоград многоцветный с Беседословием.
 Вся оны книги мудрый он муж сотворивый,
 в научение роду российску явивый.

Обаче и сего смерть от нас похитила,
 церковь и царство пользы велия лишила,
 Его же пользы ныне людие лишены,
 зри сего в гробе сем кости положены.

Душу же вручил в руке богу всемогущу,
 иже благоволил ю дати везде сущу,
 Да примет ю яко свое создание
 и исполнит вечных благ его желание.

Телом со избранными даст ему возстати,
 с ними же в десней стране в веселии стати
 И внити в вечную небесную радость,
 неизглаголанную тамо присно сладость.

Сентябрь 1680

**186. (ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЕ ТАТЬЯНЕ МИХАЙЛОВНЕ)
 ПО СЛУЧАЮ ИМЕНИН**

Небо звездами зело украсися,
 церковь святыми светла сотворися,
 между ними же изрядно блистает,
 ея же память днесь ся совершает,
 и Татиана, свята мученица,
 славна девица и чюдотворица.
 За терпение в лик святых вселися,
 вечныя славы со Христом сподобися,
 им же именем имы нареченна
 государыня, Христом возлюбленна.
 Дщерь велика царя и преславна,
 от бога же и человек похвална.
 Празднующи день сей всеторжественно,
 живи много лет здраво и спасенно.
 Мене же, раба, ты изволь имети
 в твоей милости, всегда мя хранити,
 яже ти выну готова служити,
 донели же бог даст ми в мире жити.
 Тем же к стопам ти главу преклоняю,
 празднеством светлым верным поздравляю.
 Днесь Татиану церковь величает
 мученицу и песньми похваляет.
 Иже за Христа кровь излила,
 нетленный венец в небе восприяла.

Еже ты еси тезоименита
и любовью к Христу знаменита.
Празднующи день сей, мя да щадиши,
в милости своей выну да храниши,
за еже должен верно ти послужити,
всем всюду милость ти всегда хвалити.

Между 1681 и 1685

**187. ВРУЧЕНИЕ БЛАГОРОДНОЙ И ХРИСТОЛЮБИВОЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ, ПРЕМУДРОЙ ЦАРЕВНЕ,
МИЛОСЕРДНОЙ СОФИИ АЛЕКСИЕВНЕ,
ПРИВИЛИЯ НА АКАДЕМИЮ**

**в лето от создания мира 7193, а от воплощения бога слова 1685,
месяца январия в 21 день**

Премудраго царя Соломона о премудрости в книгах его сицевая вещания:

Премудрости ради приму безсмертие и память вечную сим, иже по мне, оставлю.
Прем.¹, гл. 8.

Взыщите премудрости, да живи будете.
Прем., гл. 9.

Почтите премудрость, да во веки царствуете.
Прем., гл. 6.

Вожделение премудрости возводит к царству вечному.
Прем., гл. 6.

Множество премудрых спасение миру.
Прем., гл. 6.

Ни единого бо возлюбит бог, токмо сего, иже с премудростию пребывает.
Прем., гл. 7.

Суетнии убо вси человецы, в них же не подлежит премудрость о бозе.
Прем., гл. 13.

Премудрость бо и наказание уничижаяй, не честен есть, и праздно упование их, и труды бесплодны, и неключима суть дела их.
Прем., гл. 3.

Благородная и благоверная, богом возлюбленная, премудрая и милосердная, великая государыня царевна и великая княжна София Алексиевна!

Несть дано людем совершенно знати,
кто от них сосуд духа благодати.

Обаче яко огонь явлен бывает
чрез знамения, где ся обретает.

¹ Прем. — «Премудрости Соломона». — *Ред.*

Тако дух святыи творит знамения,
 благодати си в душах вселения.
Егда убо той в душу ся вселяет,
 три благодати действием исполняет:
Ум умудряет, что есть благо, знати,
 волю же движет — благаго желати.
А память нудит, еже совершити
 дело благое, дабы ползе быти.
К томужде, яко дом си управляет,
 благодатию окрест ограждает.
Яко учитель в своем училище
 премудрость дает в ума хранилище,
Яко царь правит в своем царсте граде
 и вертник плодствит во своем ограде,
Яко солнце ту присно освещает,
 теплотою си лучес согревает,
И яко кормчий добре управляет,
 богу любезна творить наставляет.
Та душа присно тщится бога зрети,
 в ней живущаго весела имети.
Тем же обиды всяки забывает,
 подобство бога в себе сохраняет,
Иже подает свет си, яко благим,
 в тожде время той дарствует и злым.
Всем, яко себе самому, благ желает,
 молитву о них к богу возсылает,
Подобясь Христу, о вразех молившу
 Отца, свободы грехов им просившу.
Все тщание си та имать о бозе,
 о его чести и славе премнозе,
Усердствует бо того прославляти,
 словом и делом выну величати.
Никое тако любит веселие,
 яко господу в церкви хваление.
Ни о чем тако увеселяется,
 яко егда что в честь созидается
Господу богу, творцу всемогущу,
 присно оному в той душе живушу.
Веру, надежду, любовь сохраняет,
 милость, правду, суд цело соблюдает.
Мудрость, мужество и мерность имеет
 и духом святым в благодати спеет.

Присно бо она душа есть готова
 послушна быти божиего слова.
И совершенства усердно желает,
 в добродетелех выну поступает.
Благохотна же богу работати,
 не весть во скорби ропта испушати.
Та знаменья, где ся обретают,
 духа святаго жилище являют.
Ибо сия вся не могут пребыти,
 амо же господь не изволит жити.
Но сия в тебе суть вся заключенна,
 яко в ковчезе людем предложенна.
Тем же дом еси духа пресвятаго,
 от всех избранный бога преблагаго.
В твоём бо сердце любезне витает,
 жити спасенно той тя устрояет.
Ты же того свет не мрачен храниши
 в сосуде сердца, и нам тем светиши.
Яко в зеркале солнце образится,
 такo в души ти дух свят нами зрится,
Ему же годе в душе твоей быти,
 яко на горнем престоле си жити.
Храм еси богу, иже, живя в тебе,
 благостроит тя, верну рабу себе.
Пресветлая дочь пресветлаго царя,
 многих царств и княжств и земля государя,
Благоверная велия царевна,
 премудрая София Алексиевна,
От пресвятыя Троицы возлюбленна,
 ея святыми дары одаренна!
По имени ти жизнь твою ведеши,
 дивная рчеши, мудрая дееши.
Слично Софии выну мудрой жити,
 да вещь с именем точна может быти.
Премудростию во вселенней славна,
 в милосердии ко всем нам прехвальна,
Мудрых и благих ты любителница,
 милостию си тех снабдителница.
Сама ты богом самым умудренна,
 премудростию свыше предпочтенна,
Яже мудрость тя учит божественным,
 сущим духовным, вышеестественным.

Елико небо земли удаленно
и паче ея светло украшенно,
Толико мудрость, юже небо родит,
земную светом правды превосходит.
И паче земли коль небо велико,
мудрость небесна надземну толико,
Ею же, царство правящи, трудишься,
и тою россы просветити тщишься.
Яко же Ольга свет веры явила,
за еже небо вечно улучила,
Тако и ты свет наук явити
хочешь России и в небе в век жити.
Ведяще, яко без пищи пребыти,
не леть без тока воде исходити
Или без очес ясный дне свет зрети,
без души убо живу кому быти, —
Тако разумну быть без учения
и без прилежна всем попечения.
Иже не ведят и не разумеют,
пророк глаголет, те во тме шествуют.
Тьма мрак без солнца, без мудрости тоже.
Тобою ону утверди в нас, боже,
Дабы в России мудрости сияти,
имя ти всюду в мире прославляти.
И понос от нас хочещи отъяти,
яко Россия не весть наук знати.
Егда же от тя тою просветится,
вся вселенна о том удивится,
Яко ты перва zde мудра явися,
тобою мудрость весьма возлюбися.
Тоя от тебе свет нача сияти,
в Москве невежества темность прогоняти.
И имать вечно слава ти сияти,
мудрости ся ти имя прославляти.
Аще и тако имя ти славится,
во вселенней ти премудрость хвалится,
Яко предивне господь тя избрал есть
и дар си царства правительства дал есть.
Им же учима, царствие правиши,
от всех бедств яко зеницу храниши,
Яко око си, в своей благодати,
и царство сие дивно управляти.

Точию да бог век ти приумножит,
на славу си лета твои продолжит,
Найпаче, аще свет нам да явиши
наук, и россы вся да просветиши.
Имя ти во всем мире славно будет,
паче всех доброт ти во век пребудет,
Да не тому нам страннии смеются,
яко без света сущим ругаются.
Мнози в России прежде тебе быша,
велии князи и цари пожиша,
Монастыри и иная создаху,
и тем те славу си приобретаху.
Но ни едину той дар бог подати
изволил, мудрость россом показати.
Аще и много тщание твориша
о том, а в деле того не явиша.
Яко же Давид царь много собрал есть
всяка богатства, но церкви не здал есть.
Не благоволи бо бог ему здати,
но Соломону веле оставити,
Да он, яко мудр, ту церковь содеет
и мудрости дом при ней, как довлеет.
Тако любезный ти брат Феодор царь,
мудростилюбец, великий государь,
Яко бы злато многое собрал есть,
Академии привилей создал есть.
Но не изволи бог той укрепити
ему и славу ону улучити.
Благоволи бо тебе оставити
и то начало делом совершити.
Мудрости бо ти имя подадеша,
богом Софиа мудрость наречеша,
Тебе бо слично науки начати,
яко премудрой оны совершати,
Да за то дело славу улучити
во всем мире, и в небе будешь жити.
Еже да будет, вседушно желаю,
будет же, крепко в бозе уповаю.
Любиши бо ты их всею душею,
умом, и всею мыслию своею.
Любишь искренних, яко себе саму,
тем же обрела еси мудрость праву,

Еже божия люди разсуждати
и дивно правду от неправды знати.
Люба есть любовь любимому богу,
юже являешь убо попремногу.
И страх ты божий крепко да храниши,
от всея души его ся боиши.
Он творит волю боящихся его,
тем же не презрит и гласа твоего,
Премудра София Алексиевна,
богу любезна велия царевна,
О нем же его имаши молити,
даст ти в славу си удобь исполнити.
Того премудрой ти выну желаю,
Академии привилей вручаю,
Иже любезна ти брата создан есть
повелением, чинно написан есть,
Мудра и щедра Феодора царя,
богом даннаго царству государя.
О источнице, Христе, премудрости,
ради твоя к России благости
Возлюбленною от тя царевною,
премудростию ти одаренною,
Тщасеюся тя выну прославляти,
яко творца си весьма восхваляти,
Благоволи нам свет наук явити
и наданием в век ся утвердити!
Да оною зде мудрость утвердится,
при твоей славе и ея хвалится
Имя, от тебе, царя, преизбранной,
на славу твою и хвалу созданной.
Подаждь убо ей, о том тщательнице,
благочестия охранительнице,
Премудрой Софии царевне,
прославляющей тя государыне,
То дело начав, ей и совершити,
и яко же леть есть и утвердити.
Да не яко же прежде разрушится,
но мощию ти безвредно хранится.
Аще бо о сем ты благоволиши,
то сердце ея на се укрепиши.
В твоей бо руке оно содержиши,
амо же хочешь, тамо уклониши.

Уклони, Христе, ей в се и укрепи,
от всех препятных случаев заступи.
Сотвори с нею знамение во благо,
постыдна яви в том ей противнаго,
Да вси познают в том ей помощь твою,
прославляющу ю, избранну свою.
Подаждь ей вскоре то дело начати,
яко премудрой о том прилежати.
На земли же лет много здраво жити,
славу имени ти распространити,
Иде же солнце лучи разсыпает,
воды океан своя разливаает.
А по довольстве многих лет, с тобою
жити ей в небе радостью благою.
Мудрой, премудрость ти в век созерцати,
оною присно ся увеселяти.
Того светлости ти весьма желаю,
ко стопам твоим главу приклоняю,
Чая щедротством ти хранимый быти,
богомolec ваш, дондеже ми жити.

Вашего царскаго великаго милосердия, пресветлой и богатой щедрости, всякаго блага временнаго и вечнаго истинно усердный желатель, недостойный монах, грешный Сильвестр Медведев рукою моею.

21 января 1685

188. ВИРША В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ

Плача и ужаса день ныне совершаем,
егда творца всех сущих в гробе созерцаем
Бездушна и безгласна, иже всех жизнь бяше,
недуги уврачева, мертвых воскрешаше.
Сего благодетеля жидове убиша,
от век неслышанное дело сотвориша.
Кто бы слыша, дабы тварь творца си убила?
Иудейска сонмица то зло сотворила.
Зависть же проклятая того не терпяше,
яко многая блага Христос творяше.

Силою божества си яко на слово
веления онаго бываше готово.
Завистию движими, яша Христа бога,
лжи и клеветания нанесоша многа.
Неправдою хотяше правду победити,
судию всего мира на смерть осудити.
Емше же, злочестнии, господа вязаху,
им же от фараоних юз свободни бяху.
От едина судии к другому водиша
того, им же в пустыни проводимы быша.
Во лице пресвятое сквернии плеваху,
то покрывше, в ланиту того заушаху,
Иже плюновением слепцы просвещаше
и сухия руки имевших исцеляше.
Водим бе ко Пилату и Ироду злому
изведый Израиля из работы дому.
Вопяше ко Пилату, да судит господа распяти,
а Варава свободу подати.
О, безумия злобных скот, не человеков,
невиданна под солнцем от начала веков!
Благодетеля на смерть молят осудити,
а убийцу лютаго свободно пустити.
Злии злаго избраша, ибо не леть быти,
да благо лукавый восхощет любити.
Неправый же судия, аще добре знаше,
яко во Христе вина ни едина бяше,
Изнесе суд неправый, иже и распяти,
но впредь лютыя раны невинну задати.
Вземше убо и вои, тело обнажиша,
во многия премены без пощады биша.
Тече кровь пресвятая, все тело язвися,
ты, душа правоверна, зряще прослезися!
Пусти ума ти очи на язвы Христовы,
от телесных же слезы да будут готовы.
Он тебе ради кровь си святую лияше,
его деля да точит слезы сердце наше.
Точат вси сердца верных, но наипаче мати
не хочет от слез горких и мало престати.
Реки слез в стенании горких изливаает,
а от умиленна сердца сице припевает:
«О все сладкий мой сыне, сыне возлюбленный,
без мужа зачатый, без болезни рожденный!

Како сия изволил страсти ты терпети,
тварь своего убила творца, отца — дети.
О чадо все сладкое, чадо божественно,
в радости зачатое, весело рожденно!
Вскую днесь сердце мое горесть исполняет,
Симеоном сказанный мечь ей прободает.
Мертва ты зрящи, како жива могу быти,
без живота моего аз не хощу жити.
Свет очию моею, како зашел еси,
вскую мя во гроб и во ад с тобою взял еси.
Без тебе со(л)нцс — тма мне, тма же — свет при тебе,
с тобою аз на земли пожих яко в небе.
Утоли слезы, чадо, имам бо рыдати,
доколе не имаши от гроба востати!»
О, рыдания горка тоже утоляет,
кто с Мариєю смерти Христовы рыдает.
Потщимся убо и мы слезы изливати,
матери бога печаль тако утоляти.
Да егда господь, востав, содеет ей радость,
она общу сотворит с собою нам сладость.
О Христе вселюбезный, раны ти лобзаем,
гроб твой и прах стоп твоих почитаем,
И яко же пение глас хвалы приносим,
умерша за ны, тебе всемирно просим:
Христе, боже истинный, пострадавый за ны,
спасай от бед, соблюдай твоя христианы.
Первых убо — великих православных царей,
храни здравых и сильных русских государей.
Даруй им царство мирно по вся дни стяжати,
здрави, спасенно выну многолетствовати.
И благоверных цариц изволи щадити,
даждь им в здравии блазе долголетно жити.
Благоверныя спаси, помилуй царевны
и великия княжны и государини.
Святейша патриарха изволи хранити,
всему причту церковну отец щедрый быти.
Князи, боляры, вои изволь укрепляти,
вся христианы от враг всяких защищати.
Спаси, Христе, помилуй чтущия тя люди,
во всяких скорбных делех сам помощник буди.
Прослави имя твое, им же ся мы хвалим,
со отцем ты и со святым духом выну славим.

Радость велия днесь мир исполняет,
всех верных сердца превозвеселяет.
Христос спаситель светло торжествует,
лик святых аггел ему сликовствуует.
Торжество его о сем сотворися,
яко враг лютый сильно победися,
И град державы его — разоренный,
ад всеядущий, а плен — свободенный.
Праведных души, яже во тме бяху,
истиннии солнца светлости не зряху,
Днесь его светом светло озаренни
и на свободе вечней поставленни.
Адам я первый во ад предал бяше,
плод возбранный егда во снедь взяше.
Адам же второй оны свободил есть,
ельма душею сам во ад изступил есть.
Изводит отцы святыя от ада,
хошет ввести я во свет небесна града,
Да по тме лютей светом усладятся
и по печалех превозвеселятся.
И нам путь строит во страну небесну,
желая спасти тварь свою словесну.
За что и церковь теми прославляет,
имны веселы пресладце глашает.
С нею извольте и вы воспевати,
пресветлы цари, и честь воздавати
Христу воскресшу, о милости его,
яко не забы создания своего.
Он же изволит вас благословити,
здравие ваше благоутвердити.
Благоденствие благоволит дати
и вся, их же благ можете желати.
И супостаты ваша державы
под стопы ваша склонят главы.
Яко же орла вси птицы страшатся,
тако вас врази ваши да боятся,
И яко солнца мрак нощный гонзает,
тако от вас всяк враг ваш да бегаает.
Или яко льву вси звери неспорны,
тако вси роди да суть вам покорны.
Царь силам Христос то вам да дарует
и в небе царство вечное стотует.

Того светлости вашей аз желаю,
а до стоп ножных поклон сотворюю,
Смиренно прося мя выну щадити,
иже вам имам раб всеверный быти.

31 марта 1685

**189. (ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЕ СОФЬЕ
ПО СЛУЧАЮ ПАСХИ)**

День светозарный во мире сияет,
духовным светом род наш озаряет,
благодатию превечнаго бога,
и путь являет горняго чертога,
иже погублен еще в раи бяше,
егда змий Евву и Адама льщаше,
да же Христос бог день сей сотворил есть,
себе за путь нам в небо положил есть.
Еще и вождь всем благий бывает,
кто токмо его прилежно слушает.
Но ты, велия и славна царевна,
премудра София Алексеевна,
его, воскресша, зело слушаеши
и волю его усердно твориши.
И путь течеши им заповеданный,
убо внидеши во свет всежеланный.
Иже во веки не имать мерцати,
тамо будеши солнечно сияти.
Того усердно аз желаю тебе,
сударыне нашей, zde и в небе.
Мене же изволь в милости щадити,
хотяща рабом твоим верным быти.
Ныне же поклон niskий содеваю,
под стопу главу мою повергаю.

7 апреля 1685

190. (ПОДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ)

Какова в царском лица премудрость сияет,
какова честь в очесех и в устех блистает!
То твоим, о Россия, царствам обещанна,
от древних дедов тебе защищать созданна.

Та имени твоего крепкая защита,
в неоранней варвару земле знакомита,
Клятвопреступных знамен полки преломивша
и неукрощаемых сердца умягчивша.
В начале ея трие монархи случились,
с адриацким лвом в крепки рати ополчились.
Благочестье, надежда в божией десницы
ту крайно прославляют девичестию лица.
Правдодержанна, сердцем великожеланна
и крепки рати в поле вести немотчанна.
Ибо ревнителен смысл и победоносен,
дарованьми своими зело чудоносен.
Великодушна тщанья мраморы являют,
щедру руку зданные храмы прославляют.
Такова Семирамиs у Ефрата жила,
яже в веки памятно дело сотворила.
Елисавет Британска скипетродержащи,
Пулхерия таковым умом бе смыслящи.
Россию: аще царствы многими почтенна,
преблагочестивою еси умаленна!

Карюи Истюмии Заулоиский рюдиля в середине XVII века в Курске, в «непорюдиой» семье. Не позже 1679 года, уже приняв монашество, он переселился в Моску. Сильвестр Медведев, бывший с Карюионом в свойстве (сестра Медведева Дарья в первом браке была замужем за братом Карюиона Гаврилой), свел его с церковной и придворной верхушкой. Талантливый, трудолюбивый и искательный монах сумел понравиться патриарху Иоакиму и успешно начал типичную для «книжного человека» того времени карьеру.

Вскоре по приезде в столицу его привлекли к работе на Печатном дворе. 4 марта 1682 года «по указу великого государя и по благословению святейшего патриарха» Карюион Истюмин был назначен справщиком с годовым окладом жалованья в 40 рублей. Одновременно он исполнял платную должность учителя греческого языка в типографской школе при Печатном дворе. Патриарх благоволил к нему, увеличивая оклад и часто жалую деньгами «другим не в пример и не в зачет».

Еще в провинции Карюион сумел получить неплохое образование. В Москуе он много читал, а с 1686 года слушал курс в новооткрытой академии. По примеру Сильвестра Медведева Карюион выступил в роли придворного стихотворца и ритора. Он составлял проповеди по различным поводам, писал панегирики (начиная с книги приветственных стихов, поднесенных царевне Софье в 1681 году) и эпитафии, творил в эпиграмматическом роде (стихи «на гербы» и подписи к иконам), любил духовную лирику и даже пробовал себя в жанре героической поэмы, попытавшись «мерными строками» изобразить второй крымский поход князя В. В. Голицына. Кроме того, Карюион Истюмии усердно работал как переводчик с латинского. В 1687 году, например, он преподнес царевне Софье сочинение Августина (или псевдо-Августина), названное в переводе «Боговидная любовь»; подвизался как историограф. В отличие от Сильвестра

Медведева, Карион не связал себя ни с одной партией. Он был «пестрым», как определил людей его типа писатель XVII века неродьякон Дамаскин. Политические симпатии Кариона зависели от того, кто брал верх в московских расправах. Впрочем, при правительнице Софье Карион заблаговременно старался снискать благоволение отесненных на второй план Нарышкиных.

Бурный 1689 год мало отразился на карьере Истомина. Правда, 11 декабря его уволили с Печатного двора, но уже 11 июля следующего года туда вернули. При новом патриархе Адриане он завоевал прочное положение, стал чем-то вроде его секретаря, сблизился с высшими иерархами и 4 марта 1698 года получил очень важную должность начальника Печатного двора.

Вообще последнее десятилетие XVII века было для Кариона временем наибольших успехов. Он был первым и по положению, и по таланту московским поэтом, а также выделялся на педагогическом поприще. В 1694 году он издал цельногравированный Букварь а в 1696 году — наборный. Эти педагогические сочинения, между прочим, были написаны с намерением добиться места учителя царевича Алексея Петровича, рождение которого Карион приветствовал несколькими поздравительными стихотворениями и которому посвятил такие произведения, как «Едем» и «Екклесия» (1693), перевел для него какую-то греческую хронику (1699) и т. д.

Со смертью патриарха Адриана в 1700 году успешная карьера Кариона окончилась. 15 ноября 1701 года его место на Печатном дворе занял Федор Поликарпов. Карион до самой своей смерти, случившейся не ранее сентября 1717 года (по другим данным — в 1722 году), продолжал писать и стихи, и прозу, но в это время его оттеснили на второй план деятели нового типа, практики, которые больше соответствовали духу эпохи реформ.

192. (ДОМОСТРОЙ)

Сию дщицу взяв в десницу,
Чти и помни стихи словни,
Мал и старый в разум правый.

1

О человецы вси и юныя дети!
Потщитесь вы благий нрав имети,
Учения зде краткаго внемлите,
честь себе, славу в бозе восплодите.
Умнословна бо душа в человеце,
учитися долг всяк в своем веще.
Аще же свята нрава та навькнет,
повсюду богу песнь сладку воскликнет.
Кто не радеет, не делавш ленится,
за безчинство той и бити годится,
Да не навькнет душа та измлада
всякой срамоты и греховна яда.

От сна скоро встав, яко сотворенный,
бога помяни, яко в то вчиненный.
Крест свят образуй на себе рукою,
моли же и зри творца пред тобою.
Елико мощно, держи ум и мысли,
сует к соблазну в то время не числи.
С молитвою же умыйся, одейся,
главу почесав, мый уста, не смейся;
И родителем чинно поклонися,
приятством ко всем в дому си явися.
Дева ли, отрок сице не содеет,
ударений седмь за то възьмее.

Поклонов 30

3

Кто кому вчинен в должности служить,
готовость тщися в требство сотворити.
Светилник горящ в храме уготови,
обувь, одежду держав, не многослови;

Воду, платенцо, лахань жс и мыло
умыти лице неси, чисто б было.
Гребень, зеркало подаждь господину,
да сотворит он по своему чину.
В храмине вещи по местом убрати,
езде пыль и сор добре уметати.
Человек, сего дела не хранящий,
пять ударений да будет терпящий.
Поклонов 20

1

Непраздну быти юну подобает,
всякий приличну делу да внимает.
В доме, в торгу, в вотчине, в приказе, —
ремесло свое твори во указе,
Лицем и сердцем являтися благо,
никто же давай знати в себе злаго,
Но во всем честность буди показуя,
не произноси скверна слова буя.
В подменство не даждь на тебе порока,
в воздержании блюди твоя ока.
Ленив, небрег — се восприимет раны,
в ученье десять будут ему даны.
Поклонов 50

5

Ити по пути, кому где належит,
во убрании всяк чин свой да держит,
Господин и раб, госпожа и рабыня,
ход свой сотворяй, очей не раскиня.
Руками не машь, не прыскай ногами,
не стой на пути, где ждуд тя часами.
Срелся кто честен знаемь, — поклонися,
дело, ответ взяв, в дом скоро вратися;
И что несещи, блюди то сохранно,
да недбалством ти не будет попрано.
В сем не радев юн, какова ли чина,
тому по делу дает семь ран хворостина.
Поклонов 40

Домовладыкам когда час обеда,
 служащим блюсти чиннаго в нем следа:
 Осмотрети стол, скатерть белу слати,
 хлеб, соль и лжицы, тарели собрати,
 Ножи и вилки с платы разложитьи,
 воды принести руки измыти.
 Ястие на стол стави благочинно,
 сосуды чисты имей неповинно,
 Сткляницы, чаши с питием готовы
 смотри давати господскими словы.
 Несмотрелива душа сего дела
 ударений пять да бы возъмела.
Поклонов 25

Кто ясти имать, достоин внимати:
 молитву прежде тщися богу воздати,
 Кушай по малу, чего доведется,
 поядши испий, егда поднесется.
 Брашны, питием юн не тяготися,
 словом, вежством всем честен явися.
 Не обращайся легкомысленно вскорее,
 при честных людех не глаголи в споре
 И не разгребай на блюде рукою,
 не обляжь на стол, не колышь ногою.
 Презревшу си, удара три дати,
 да не смеяся будет срам зевати.
Поклонов 15

По обеде же никто буди пиан,
 ниже чем любо небрежно облян.
 С стола собери всякы на нем вещи,
 на помост костей и кусков не мещы,
 Ядьми жирными кого не помажи
 и с свещей на стол не покладывай сажы.
 Еся орудия разнеси по местом,
 в вечерю буди где взяти известном.

Ясти ввечеру твори службу тако:
вещы, кушанье чисто неси всяко.
Се небрегущий восприимет казни
ударений шесть, впредь ради боязни.
Поклонов 35

9

Провождати день за полезным делом,
тще не гуляти мыслию и телом, —
Душеумней жизнь нравами святыми,
во чистых мыслех молбами частыми,
Благочестие держи христианско,
учися наук свободных гражданско.
Христианских бо детей се порода
не лишатися в церковь святу хода.
Славити за все соборне долг бога,
без нуждь не оставь тамо умна слога.
Кто всеусердно сему не прилежит,
двадесяти ран той да не избежит.
Поклонов 100

10

Пришед к вечеру, осмотри все в доме,
чтобы от кого не было в погроме.
Светилник с светом где требно постави,
щипцы, мракуль, должн чин весь исправи.
Аще кушанье в вечер имать быти,
не сонливо тщися господам служити.
Изуй сапоги, снеси и онучи,
ризы дав в место, людем не докучи.
Стели постелю, положь одеяло
и возглавие, что ложе прияло.
Не сотвори служай сего господину,
приимет слово, рану не едину.
Поклонов 50

11

Во всем исправя указную службу,
не ходи с двора в неподобну дружбу.
Ядши, почивай во месте обычном,
готов к вопросу будь в деле приличном.

Во дни и в ночи спати человеку
токмо шесть часов, — не утратит веку.
В многоястии, в пьянстве дней не знают,
вредно здравие люди провождают.
А и господски да кушав пьют дети
легки снедь, питье, чтоб здоров сон имети.
Опасность добре всяк себе стяжи,
писанне сотворь, брани ран бежи.
Поклонов двесте

12

Еще и сие юнии да знают:
шапкою носа да не отирают,
И одежд своих честными руками
поглаживати перестанут сами.
Очи, нос, уста отирати платом,
в посмех не молвити с отцем и братом.
Мокроты своей пред кем не поверзи,
отвратясь, притри, никого тем мерзи.
В постели уды срамны прикрывай,
и спи на боках, честно везде бывай.
Аще кто о сем глупостию воздремлет,
всегда по пяти ударов да вземлет.
Поклонов 150

13

Но и возрастным юных назирати,
ради отрады дать время играти.
Игра же детям приличная буди,
да не вредятся очи их и груди:
Мечик и кубарь, городи и клетки,
бегают, плетут, ловят, мешут сетки,
Костми и карты в денги возбранити,
за кратбу лаяв, всегда тыя бити.
Меж себе и с кем те да не бранятся,
без всякаго зла кротки да творятся.
За срамны слова и всяко безчинство
и старому знать осмь ран не в единство.
Поклонов 300

Наук изрядством Карион дети вся дарит,
 в приятность иеромонах и старым говорит
 Истомин, чтоб благоумни все того смотрели,
 науку и страх в должности имели.
 Ударений кто дати не восхощет,
 винный, поклоны творя, да не ропщет.
 Душеспасенно всем обучение,
 в домовом, ратном деле строение.
 Измлада бо кто сего не научится,
 разумна суца везде быти приходится.
 В противность смысла людям война, рати,
 в бозе надежда безстрастием стати.

Карион хуждший хотящим словеса
 иеромонах Истомин написа
 Семь тысящ двесте четвертаго лета
 генваря луны мирозданна света
 сие издадеся.

Январь 1696

193. СТИХИ ВОСПОМИНАТИ СМЕРТЬ ПРИВЕТСТВОМ

Воззрю на небо — ум не постигает,
 како в не пойду, а бог призывает.
 На землю смотрю — мысль притупляется,
 всяк человек в ту смертью валяется.
 По широте ли ум где понесется —
 конца и края нигде доберется,
 Тварь бо вся в бозе мудре содержится,
 да всяка душа тому удивится,
 Чтó небо держит, кто землю строит,
 человек како благу жизнь усвоит?
 Усвоит, смотря времена и лета,
 да насладится зренства бога света.
 Внимати должно, како мрут zde люди,
 вси сыплются в прах, хоть крепкия груди,
 Цари и князи и всякия власти,
 не обходят вси, бывше в плоти, страсти.

А страсти младым и старым грех родят,
иже в роскошах всю жизнь свою водят.
Много бо ясти, быть пьяну зазорно,
кто безчинует, бьют того позорно.
И умирают мнози ненадежно
грешние люди, живше зде небрежно.
Кратко житие, но много препоны,
на то у бога просить обороны
И у Марии пречисты девицы,
всех небесных сил и людей царицы.
Господь спасает от напасти всяки,
богородица дает в помощи знаки.
Тем кождый смотри: будь во всем воздержен,
не будеши бо неба в век отвержен.
Лицам доволству чести не дивися,
о всем славь бога, всегда веселися.

⟨1696⟩

194. ⟨ПОСЛАНИЕ ДИМИТРИЮ РОСТОВСКОМУ⟩

Преосвященный господин митрополит
Димитрий, в бозе благодатне облит,
Епаршествуй в градах и в Ростове,
в Ярославле учащь в Христе слове,
Здравствуй, радуйся в ладу попремногу,
с паствою спешись в небесну жизнь к богу!
Усердствую.
Благословенство твое прияв — ключку,
благодарен есмь, клонюся об ручку.
Немощну кому и мала подпора
в шествии путе ключка в помощь скоро.
О, даждь боже всем ити в путь небесный,
в святем твоём слове взяти отдел десный.
Отче блаженный, помогай молбами,
да спасет ны бог своими судбами.
Посещения и молитв прошу,
в приятство ваше годечно мя ношу.

*1706 лета господня октоврия 3 дне
Карион хуждший, в немощах сущий,
из Москвы Чудоархангелова монастыря
иеромонах Истомина вам припадает.*

195. (ПОСЛАНИЕ ДИМИТРИЮ РОСТОВСКОМУ)

Отче честнейший Димитрие!
Подобает ли днесь нам в дом твой
книгу ль на столе в словеса открыти?
Аще и ино что ли положится,
божиим людем и то пригодится.
Не видехомся давно уже, право.
Живи много лет во господе здраво!
Приговариваемся,
а в любви кланяемся.
Архаггел Михаил
бога всем явил.
Архаггел Гавриил
Христа в плоти открыл.

1706 (?)

196

Бел лист являет светлейши победы
и райских плодов превечны обеды,
Значит и камень, его же ти даст бог,
ближша сыновства благодатен залог.
На нем же имя напишет бог слово,
яко же сам весть, прелогствуя в ново.
Того никто же не будет ин знати,
токмо един ты изволишь читати,
В горних блаженствах царствуя со богом,
с херувимы в век в хвалении многом,
еже буди, буди, аминь.

197. О ГЛАГОЛАНИИ ОТ ЛЮДЕЙ,
КАКО В МОНАСТЫРЕ МОНАХИ ЖИВУТ

Мнози глаголют, что монаси деют,
где в монастыре дела не имеют.
Бутто так сидят, ничего не знают,
како ли богу честь, поклон взношают.
Надобно кому себе искусити
и в монастыре хоть время пожити.

Узнает, как кто	в кельи пребывает,
како помыслы,	страсти отвергает.
Невозможно бо,	кто не научися,
в духовней борбе	воин не явися.
Смущенны мысли	суть в душах словесных,
и в мирских людех	не поставят в десных.
Говорити же	требно во искусстве.
не поречется,	в каком ли кто глупстве.
Зри сие и виждь, никого обиждь.	
Бог даст всем исправу	
на святу их славу.	
Монастирская	врата затворена,
жизнь бо монахов	в бозе совершена.
Любовь ко богу	хочет кто имети,
да будет монах	в келлии сидети.
Научится бо,	како жизнь влечется,
и терпения,	да вечно спасется.

198. СТИХИ УВЕЩАТЕЛЬНЫЯ ОТ ГРЕХОВНАГО ЛЬЩЕНИЯ

Человече! Зрев, чие лице красно,
 разумей: в смерти будет то ужасно.
 Понеже тогда лепотна есть рожа,
 егда в здравости гладка на ней кожа.
 Аще ли кожа с онаго сдерется,
 страха и плача кождый наберется.
 Еще же и смерть люди умерщвляет,
 красоты, вещи, всяк zde оставляет.
 Тем не прелщайся на красна в грех лица,
 да не поимет в век адова темница.
 За грех и zde несть кому обороны,
 смерть бо и с царей снимает короны.
 Человек в плоти — мех завязан гноя,
 блюдиися, душе, скверн нечистых зноя.

Аз, смерть, воплю, всем глаголю:
 знайте мене, вашу долю.
 Отвори сие, смотри — покажуся,
 зане в жизни сей всякаго держуся.

Глаголет живот, кричит во весь рот:
Ах, аз истинну не хошу тя зрети,
но не вем места, чтоб ты не имети.

Смерть же паки дает знаки:
Во вся дни смерти ты не отвращайся
и свято жити присно понуждайся.
Не имам тебе никогда губити,
но успи мирно, веруй в небе быти.

Поляк Ян Белобоцкий, в православии принявший имя Андрей, до приезда в феврале 1681 года в Москву пятнадцать лет прожил в Западной Европе — во Франции, Бранденбурге, Италии и Испании, где учился, между прочим, в Вальядолидском университете. Сторонник веротерпимости и просветитель, ратовавший за отделение философии от богословия, Белобоцкий испытал гонения иезуитов и решил искать счастья в России, где охотно принимали образованных иностранцев.

Сильвестр Медведев, который стремился возглавить будущую Славяно-греко-латинскую академию, пытаясь устранить опасного конкурента, владевшего латынью, французским, испанским и итальянскими языками (не считая польского, русского и церковнославянского), инспирировал донос на Белобоцкого, поданный в мае 1681 года царю Федору Алексеевичу Павлом Негребцким. Челобитчик обвинял Белобоцкого в ереси, предлагая «кровию изыскати» его вольномыслие. Дело, однако, не имело серьезных последствий. Белобоцкого приняли на службу, и вскоре он приобрел влиятельных покровителей, в частности П. М. Апраксина, брата царицы Марфы Матвеевны (супруги, а с 1682 года вдовы царя Федора), который с 1686 года был комнатным стольником молодого Петра, а потом стал окольным, боярином, с 1715 года — графом, сенатором и президентом Юстиц-коллегии.

После приезда в Москву греков Лихудов, ставших присяжными богословами «старомосковской» партии и возглавлявших учрежденную наконец Академию, Белобоцкий безуспешно пытался скомпрометировать их на публичном диспуте, который наблюдали и братья Апраксины, и будущий глава Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин, и дядя последнего патриарх Иоаким. К тому времени Белобоцкий женился на дочери попа церкви Иоанна Предтечи под Новодевичьим монастырем и, видимо, оставил честолюбивые за-

мысли. Женильба ввела его в круг небогатого московского духовенства и мелкого чиновничества (свояк Белобоцкого Дмитрий Авдеев служил подьячим Поместного приказа).

«Кормовой иноземец» Андрей Белобоцкий, причисленный 12 января 1686 года к посольству Ф. А. Головина в Китай «для переводу латинских писем», хотел уклониться от этой службы и несколько дней — в то время как дома его ждала засада — прятался «у тещи своей, у вдовой попадьи Екатерины». Но уже 16 января он явился в Посольский приказ и потом отправился в Китай. Белобоцкий провел в вынужденной отлучке шесть лет, пережив вдали от Москвы и знаменитый спор о «пресуществлении святых даров», в котором столкнулись его бывшие антагонисты, Медведев и Лихуды, и казни и ссылки, последовавшие за падением царевны Софьи.

Посольство воротилось в Москву 10 января 1691 года — это последнее известие о Белобоцком. Судя по косвенным данным, он умер уже в новом столетии.

Известны следующие произведения Белобоцкого: «Исповедание веры», вызванное челобитной Медведева-Негребецкого (май 1681 г., текст до сих пор не разыскан); перевод трех книг трактата Фомы Кемпийского «О последовании Христу» (1684—1685; перевод третьей книги не сохранился, две первые части трактата открываются оригинальными стихотворениями Белобоцкого); стихотворный диалог «Краткая беседа милости со истиною» (1685; напечатан в Петербурге в 1712 году); «Риторика Раймунда Люллия» и поэма «Пентатеугум» (1690-е годы); «Великая наука Раймунда Люллия» (1698—1699); перевод «Краткой науки Раймунда Люллия» и трактат по риторике, носящий заглавие «Книга философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем».

199. ПЕНТАТЕУГУМ,

или пять книг кратких творения Андрея Бялобоцкого,
о четырех вещах последних, о суете и жизни человека.
Первая книга о смерти. Другая книга о страшном суде божиим.
Третья книга о гегене и муках адевых.
Четвертая книга о вечней славе блаженных.
Пятая книга о суете мира,
нареченная «Сон жизни человеческия».

ПЕРВАЯ КНИГА О СМЕРТИ ТВОРЕНИЯ АНДРЕЯ БЯЛОБОЦКОГО. ДУМА СМЕРТНАЯ

О смерти, горька ти есть память
человеку мирну, во имени его жи-
вущу.

Иисус Сирах, глава 41

Песнь 1

О светлейше злата солнце, луно, чиста паче сребра,
Смерть блискую слышит сердце, мне умрети, вам жизнь
добра.
Два светила в день и ночи, ваш век старости не знает.
Нам сон смерти лезет в очи, старых и молодых стращает.

Звезды на небе светите, планеты кругом ходите,
Сестры Плеяды, простите, дождь нам в жарах посылайте.
Кастор и Полюкс, ваша милость явна по морю
плывающим.
Нам не поможет звезд ясность, с кораблем жизни
тонушим.

Луги, травки, цветки, рощи, поля, горы, винограды,
 Земля и древес овощи, огороды, леса, сады,
 Источники хрустальных вод, думы птиц сладко поющих,
 Жизни нашей кончится год, простите умирающих.

Вся живуща, бог вам в помощь, и вы, животных начала,
 Овладела мною немощь, смерть мя на он свет позвала.
 Вся тварь под небесным кругом, в местах своих
движимая,
 А ныне вовеки богом буди хранимая.

Смерть лютая, смерть горькая стрелу острит и лук
тягнет.
 Хошу, не хошу, сильная скоро мя к себе потягнет.
 Ни прозьбою, ни грозьбою зладить с нею не мощно,
 Дар не емлет, но косою сечет, грабит безконечно.

Скоро в двери постучится, прощайся с своим животом.
 Егда умрешь, престанешь ся друзьям нарицати братом.
 Оле, в далекой путь идеши, а запасу тебе мало,
 Деньги тамо не внесеши, одно дело ти осталось.

Лице что воск растопится, ясне очи помрачают,
 Дух твой в горле затворится, язык, уста обнемеют.
 Спадет с лица краска, жилы крове ея лишатся,
 Обледеешь, брате милый, егда ти Харон явится.

Тверда будет постель главе, мила, что соль кому в очи,
 Рекут друзья прежде в славе, ну, мертвече, в темне
 ночи.

Днесь до лица земли челом всяк бьет твоей милости,
 Утро ляжеш под полом, в сердце их неблагодарности.

Смрадом своим всех отгонишь, заткнут нос и уста себе.
 Приятства их не преклонишь, отвратятся рекут тебе:
 «Прочь з палаты, ну, вон з двора, почто мертвеца
 держати,
 Се изнил, хоронить пора, час ему в земли почивати».

Едва з тебе дух изыдет, в темну могилу ты кинут.
 Плач и рыдание пойдет, жена и дети покинут.
 Схронивши тело в земли, вечная память пропевши,
 За обедом приближенни смеются, тебе забывши.

В гробе твоем вся гадина, черви, мыши с легушками
 Жити будут, господине, караулить змеи с ужами.
 Каков двор твой и дворяне, роты, полки кругом тебе,
 Приготуй им жалованье, дай в пищу самого себе.

Черно платие кручину, — потужил год, — сродник скинет.
 По себе справит отчину, жена за другого выдет.
 Душу твою поминати по церквям инным прикажут,
 А сами ся прохлаждати твоими добрами будут.

Не прошел год, твоя милость уже в прах ся обратила,
 Всяк спрашает, чья то кость лежит, едва не вся згнила.
 Тьмы в очах глубокия, мозг расплылся головою,
 Ребра изсохли голая, попираются ногою.

Неизвестный день последний, кто з нас об нем угадает.
 Стучит смерть, человек бедный горько жизнь свою
кончает.
 Старых, молодых без розбору, кто попадет, возхищает,
 Отобравши скипетр, царю просту палку в руке дает.

Жил еси в палатах честных, в темней тюрьме поживеши.
 Заболит бок от степ тесных, смрадные чаши спиеш.
 Боярин христианину, царь холопу равни будут,
 Златая риза в холстину пременится, чести збудет.

Кому добра останутся после тебе, не ведаешь.
 Кто на престол твой всадится, сын или странный,
не знаешь.
 Села, города и крепости и стены падут каменне,
 Не останут токмо кости с плоти тебе обнаженне.

Смерть, яко тать и разбойник, с тиха крадется до тебе,
 Вяжет веревку с крепких лык, притягнет тя сильно
к себе.
 Порчь смесивши, пить ти дает, утробу ти прегрызает,
 Мысль, страх за сердце хватает, душу с телом
разлучает.

Лежи убо на сем ковре, не жди от нас челобития,
 Яко в очах, в сердцу равне память твоя пременится.
 Все приятство, всяка дружба в гроб с тобою положенна,
 Власть господня, рабов служба на век вечный
 отложена.

Морщишь чело, дуешь губы, уши персты затыкаешь,
 Косо смотришь, скрежешь зубы, лице назад отвращаешь.
 Вскуе хари не збрасаешь, лице красишь, самолюбче,
 Или удоб ты не знаешь, иже сие адской муце.

Может сей день быти конец, а ты не радишь о себе,
 Добродетель всему венец, святым приготован в небе.
 Мнози внезапно помроша, и днесь еще помирают,
 Перво солнца западоша, иже сто лет ожидают.

Хощешь не утрашиться смерти, буди готов к бою,
 Бди, стой крепко, не ленися, жди ея днем и ночью,
 Усмотрена лекша рана, не вдруг тебя смерть преглотит,
 Сломлет стрелу окаянна, юже в крови твоей смочит.

Змени всю тварь яко блато, творца люби, а не греши,
 Отдаждь за медь чисте злато, стократну мзду
 обретаешн.
 Охотно работай богу, мала ти будет заплата,
 Егда станет на порогу смерть, а душа с тела взята.

Темных гробов владычице, могилянно жизни в разса<...>
 Кто тя славил, зменил лице, смертней врученной проказе.
 Кто написал, кто слушает и кто чтет, смерти к себе
 ждет.
 Всех ногами попирает, всех нас, яко траву, смерть жнет.

КНИГА ВТОРАЯ. О СТРАШНОМ СУДЕ БОЖИИМ
ТВОРЕНИЯ АНДРЕЯ БЕЛОВОЦКОГО

Близ день господень великий.
Близ и скор зело. Глас дне господня
горек, иже стон учинися. Силен день
гнева, день мой, день скорбен и бе-
ден, день безгодия и исчезения, день
тьмы и мрака, день облака и мглы,
день трубы и клича.

Софония, глава 33

Песнь 1

Сюды, сюды поспешайте, монархове мира сего.
Песней моих послушайте, власть чина церковнаго.
Цари, князи с боярами, вельможа купно с рабами,
Усопши и ту з нами живущии изгнанцами.

Сердце дрожит, мысль ся мутит, язык слово пресекает,
Страх утробу мою мучит, дух ся в горле запирает,
Смехи, потехи, радости, прочь от мене побегайте,
Жилы ся рвут, сохнут кости, очи, слезы изливайте.

3

Где посмотрю, везде гроза, страх, болесь, замешание,
Огненная стоит лоза, на грешных наказание.
Планиты, звезды погасли, солнце, луна помрачели,
Ветры вольны страшне стали, трусые пропасть сотворили.

4

Кипит море, камень дикый крушится, дивно потеет,
Крик, вопль и шум превеликий, и небесна твердь ся
хвееет.
Паде мир в гору ногами, претворился с городами,
Остаток згорееет с нами, живущими мертвецами.

Столпъ цркви восточной . истинны ревнитель

Въ ршссіи патріарша престола блюститель

СТЕФАНЪ ІАБОРСКІЙ снленъ мѣжъ дѣломъ и словомъ

Пастыренъ дѣверныъ образъ чести . и Бгословна .

Стѣнь лица егшъ плоти . можеша здѣ зрѣти .

Дѣоумѣ невозможє хитрость изивѣти .

Сѣмерте нещѣлишъ ты насѣ оузвѣли .

Вгда сего предивна мѣжа оумертвѣли

Грмссіи въ 1806

ТЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ

Литинскій епископъ новаго убогаго и великаго мѣста
родился 9 июля 1681. христіанъ селенскій 1726 года

После врата отверзают и запоры небесная,
 Стройне роты выступают на хоры пределенная,
 Хочешь число воинов знати, в одним полку сто тысящи,
 Богатырев сильных роты, святым божиим в помощи.

Знамя несет воинственно сам знаменщик именитый,
 Знаме честно и спасенное, на котором бог розпятый.
 Роги его смерть убодли, побеждена умре сама,
 Ад стиснули, души ж извели, погран оными сатана.

Судия в гневе, ярости, на престол судный садится.
 Твердь небесна аки трости тресется, земля потится.
 Осужденным места ищет, рад бы быти под землею,
 На очну ставку не хочет пред прегневенным судиею.

Но всем нужда, вси явятся в лице на сем смотрю
страшным,
 Праведники становятся близ судии сердцем смелым.
 Во твердей ада пропасти дрожат духи проклятии,
 От Адамли плоти кости стоят внуки рождению.

Плоть трепещет, сердце тлеет, рвутся жилы, сохнут
кости,
 Бог сыщиков посылает, розыскивать тайне злости.
 Вся подробну разбирают, мысли, словеса и дела,
 Мзду такую воздывают, како богу служба была.

Видя роздел между собою, добрии и лукавии
 Поклонятся пред судиею, к славе вечней избраннии,
 Грехотворцы «Увы, горе, горе нам!» заревут.
 Праведники пойдут в горé, внизу грешники останут.

Едва одно слово речет судия в гневе ярости —
 От страха мир затрепещет, задрожит от жестокости.
 Иулий царь мечем славний с Юлианом розбачают
 И свет в он день опасный, а грешники что делают.

Но судия обнадежит святых своих в усумнении.
 Слово ласкаво испустит о их вечном спасении.
 К тому в небе показывает обещанным радости,
 Которых им завидует послан в адския темности.

Посем влево посмотривши на злых рабов непотребных,
 Яко гром слово спустивши, творит указ о безбожных.
 Чрево земли отворися, пожри сердца каменные,
 Юдоль пропасти стечитесь, идите в муки вечныя.

Аз алках, вы пировали, просил у вас милостыни,
 Вы же ми отказывали, не дали хлеба крошины.
 Но ваш голод отменной был, людей, что хлеб, снете
 цело,
 Алчи вечно, кто тако жил, такова мзда, яко дело.

Чреву есте работали, с брюхом ходя, что с бочкою,
 Нищих словом отбывали, обтягчали работою,
 Еже летит, плывет, ходит, в брюхо ваше все входило.
 Уже посту час приходит, чрево ся вам вычистило.

В потех, в жарах, что в дни жатвы просил у вас
 ОХОЛОДЫ,
 Не помнили есте клятвы, не дали ми капле воды.
 Изсохл во мне язык с болем, вы в меду, в вине плавали,
 Тем же сохните с Танталем, ему же последовали.

Вы Бахуса суще внуки, чаши, крушки выпивали,
 Душком пити ваша штуки, даже бочки пусты стали.
 Жаждает Лазарь, не поите, сами жарку смолу пейте.
 Море пити возжаждаете, в котле жарени будете.

Аз в морозах наго ходил, дрожах у вас под окнами,
 Одежды на мя не положил, никто не покрыл шубами.
 Стужа тресла зубы, кости, погретися не пустили,
 Смех вам бысть з моей нагости, в леднике будете жили.

Вы платие сундуками делали всеми годами,
 Шубы, шубки с соболями, гроностайны з огоньками,
 Рысьих, лисьих, белых много, мне не дали и овчины.
 Дрожите, ходите наго, не дам вам и рогозины.

Седях в тюрьме, главы моей безвинно врази искаша.
 Сироте по мощи своей помощи в суде не даша.
 Кто посетил, кто потешил лютый народ без милости
 Пойдут в тюрьму, час приспешил, не минут мук
 жестокости.

И вы, тати, розбойники, девичества разстлители,
 Малакейчики, блудники, чужых добр грабители,
 Садитесь на ожоги огненные в печь горящу,
 Сломятся вам тамо роги, мир мой от скверных очищу.

Збор проклятой с кумирами, змеев, кошек с лягушками,
 С камением, с древесами, в пропасть со всеми чортами,
 Врази богу истинному, противники вере его,
 К змею идите адскому, раби духа лукавого.

И вы, правде противники, в церкви святей роскольники,
 В тихом мире бунтовщики, в муках живите во веки,
 Суца совесть вам являет, грехи ваши обличает,
 Суд истинна на вас дает, на смерть вечну осуждает.

О указе страшний, больний, ах ти, идут обвинени,
 Идут там, где век вечный живут в огненном пламени,
 Дышит едко ада окно, з громом пожар выпадает,
 Тамо ему жити вечно, кто ся о грехах не кает.

О сих вещах поучают письмом, словом, но безстрашни
 В ум свой того не внимают, слушают яко бы басни.
 Ядят, пьют, грехи плодят, но в кратце по сей радости
 В мгнении ока в ад исходят, в вечней гегенней темности.

КНИГА ТРЕТЬЯ. ТВОРЕНИЯ АНДРЕЯ БЯЛОВОЦКОГО
О ГЕГЕНЕ И МУКАХ ВЕЧНЫХ

Кто совестник, вам яко огонь горит,
кто совестник, вам место вечное.

Исаия, глава 33

Песнь 1

Розжми, аде, рот собачый, покажи страсти гегенны.
Цербере, з пуры выскочи, троезубний псе бесенный.
Время злости мира сего явит и наказание,
Где человека грешнаго з демоны обитание.

2

Вскуе перо не движется, мысль ся боит, ум ся мутит,
Муза помощи ленится, рука дрожит, язык молчит.
По державе страх ходити Екады троеглавныя,
В тюрьмах, в муках страх смотрити жильцов гегенны
вечныя.

3

Под лавою в аде спрятан, изыде, Анокреоне!
Муки, им же еси предан, всему миру скажи явне.
Аще звязан и прикован, изыти к нам не можеш,
За грехи тако наказан, плачи сам, а нас не теши.

4

Ворота ся отверають до неприступней крепости.
Тьму кромечную являют, пропасть безденную страсти.
Печи и ледники, и крюки, аще бы у ворот не были,
Проклятием и безруки сами бы ся затворили.

5

У ворот гостей встречают ведьмы, ада сторожнице,
Людей, которых ласкают, с телом и душою жраще.
Злату чашу ти подают, но в чаши порчь растворена,
Прикусил кто, хватают, садят в лодку Ахерона.

Ту ся гордость надымает, Купидон з лука стреляет,
 Ту ся богач прохладдает, гнев огнем ся разжигает,
 Ту зависть сама гризется, рвется дружба лицемирна,
 Сваюля в нечестн смеется, ложь отцу бесу покорна.

Сила грабит, скупость ся жмет, «Подай» кричит брух
 несыты,
 Резвость скачет, леность тлеет, молчат от боязни шуты.
 Упрямство стоит на ногах, ломлет закон и уставы,
 Караулы при порогах, — беси душам их приставы.

Мегери страшне проказы с кимерами поскакують,
 Казни божия указы осужденным показывают.
 О елицы образ красний лица бога наивыщшаго,
 В огонь беси бросают вечный человека нещастнаго.

Ржаве крюки заскрипели, пещери ся отверають.
 Все мерзости зашумели, еже в пропасть сплывають.
 Яко небо далекое от земли есть в высокости,
 Тако ада глубокое окно к безденней пропасти.

В сей ров глубокой и темный грехотворцы изыдоша,
 Иже, что скот невоздержний, грехами ся упиваша,
 В нечистостях, в грехах, злостях лежа без покаянния,
 Скончавхуся в неправостях, лишилися спасения.

Греки и римляне древни, басней ваших не сказуйте.
 Правдою живемы верни, истинных дел послушайте.
 Аще бых сто уст, языков имел и голос железний,
 Одныя муки человеков не могл бым сказать ужасни.

У порога хитри стали о двух телах, семи главах,
 Зубы на нас заострили, страшно проказы в составах.
 Палачове страсти муки, смерть лютую повешают,
 Жгут огнем, рвут тело в шуки, мучат, кричат, убивают.

Шумят, громят пыток зборы, веревки, цепи, вериги,
 Кнуты, пилы и топоры, ножи, мечи, кола, кругии,
 Остре древа, висельнице, кипят котлы, смолу льют,
 Одних тянут, рвут по штуке, иных в водах потопляют.

О ужасна пременности, боль, плач идет по радости,
 Не осталось живой кости от тяжких мук жестокости,
 Перлы, злато их не красит, слуг множество отступило,
 Богатый ся не возносит, ничто же от потех мило.

Цепочка — на шьи ужи, змей под горлом ожерелье,
 На спине грязны рогожи, гад различный по всем теле.
 Чювства вельми зменишася, от природныя доброты,
 Яко тверд мрамор сталися, ни до чего несть охоты.

Тем же скоро их приставы мрачнии примут в двор
сатаны,
 Взглянет на них бес лукавый, страшным лицом
загневаны.
 Тогда страх, отчаяние, збежать оттуду не мощно.
 В щели смотрят, но тщание всеу, ту им жити вечно.

Окном з ямы скры выходят, дно пучины огненное,
Гремит стрельба, пуле летят, шум, дым под небо самое,
А в пропасти вопль престрашный, пещеры ся выскрили,
С печи едны огонь ужасный, пожари ся умножили.

О мой боже, како кипит в огню глубока пучина!
В одно место жар ся копит, сера, смола, известь, глина.
Где ни пойдешь, везде тошно, беда, горе, слов не стаает,
Вся описать несть ми мощно, в разум ся нам не вмещает.

Что ся вертишь, чего стоишь, человеце окаянный?
Прозьбы к богу всеу вносишь, уже еси осужденный!
Взгляни на низ окном себе, отворенным в пропасти,
Присмотрися, та ждет тебе в преисподней глубокости.

Лети в дол лбом, нечестивий, лети, законопреступче,
Не изыдешь, доколь живий, отгуду, идии, грешниче!
Двери замком затворенны не избежишь, не вылезешь,
Ключи в море суть брошенны, тюрьмы зубы
не прегрызешь.

Елице зла з облак горных земли может ся случити,
Или от потопов водных бед, убытков умножити,
Непримерно вяще того исполнится ад бедами,
Вся изыдут на грешнаго человека з демонами.

Темна, вечна ночь востает, солнце з далека обходит,
Туман мрачный ад сполняет, дым в очах болести родит.
Проказ страшных умножится, жильцы убо подземнии
Сами в мрак, в дым претворятся, вси в аде заключенни.

Аще огня много зело кругом горшков под котлами, —
 Не светит тамо нимало, токмо жрет тело с душами.
 Пожар велик, аще лесу скудость, сами тюремщики
 За дрова себе дают бесу, горят во аде вовеки.

Кий кипарис, сандал черный таковой пламень воздает?
 На заводах тако страшный железных огонь не бывает.
 Кладут в стопы лес живущий, древо на древо падает,
 Горят вечно, а горящий в пепел ся не превращает.

Смущающим бесом радость в аде мучимых сорити.
 Всяк суседу творит пакость, не могут на ся смотрити,
 Рвут ся, дерут и кусают, ранами ся уязвляют,
 Беси з угла поглядают, з драки ся их улыбают.

Мимо рота Танталови плывут яблока алчному,
 Труд напрасной Сизифови, в гору камень движущему.
 Корш одному сердце клюет, змей глотает. Прочь
с баснями!
 Поарон кто ту не имеет, мала вещь между муками.

Иже бывши христиане, не жили благочестивне,
 Но, по делам бисурмане, не служили Христу верне.
 Очистившеся тайнами пресвятыми, согрешили,
 Стязаются ту язвами, яко в жизни заслужили.

Славный богач в письме святых, ежедневно пируючи,
 Псов кормит под столом своим, алчет, Лазаря крошек
ждуци.
 Сей вельможа ныне просит в жажде своей капле воды,
 Огонь утробу его сушит, не дадут ему охолоды.

Язык яко пес высунул, назад в рот втягнуть не может.
 З ада кто когда выплынул, вечно в муках изнеможет.
 Иголю не заколеси в тело, где бы боль не мучил,
 Жылки здоровя не изыщеси, кости и волосы змякчил.

Светло светяще искрами алмазными очи наше,
 Катящиеся крузечками, всех зерн земчужных чистейше.
 Место красных кринов, цветков и лица благолепнаго,
 Увидят адских арапов царствия преисподнаго.

Ушам гроза от львов рыка, от всех сторон издавнаго.
 Ревет медведь. Та музыка не тешит осужденнаго.
 Комедия Орфеуса уже ся в аде скончали.
 Потешники злаго беса в свои суремки заграли.

В рот им лиют место вина кисель дехтяной довольно,
 В горле гнездится гадина, ужом ходить везде вольно.
 Порчь сподобие, подливка на их преславней пирушке.
 Чрево мышей им закуска, черви, пауки, легушки.

Роздуло нос нюхание смрада от стерва гнилаго,
 Занялося дыхание, воздух заразился с него.
 Что балсамы прегрешили, масла, духи благовонне, —
 Сера, смола исправили, розжигание угленне.

Место одра слоноваго престрашна кузница дана,
 Вынята с тела грешнаго, на нем душа привязана.
 Не в три плети ту стягают, но сто ломают молотами,
 Биющ и битый устают, оба мучатся бедами.

Збитень с тельным в прасу кладут, котлы и з смолою,
 кипят,
 Огня, жару прибавляют, телеса с душами варят.
 Рожнов много и сковород, бань, печей розженных,
 Бритов острых, кипящих вод, жир плывет, что з лавок
 мясных.

Тако збиты и столчени, зрезани и розрублени,
 В своем жиру выпраженни, во аде лежат осужденни.
 О сан тяшкой живо зженных мертвецов неизреченно!
 Паки живут в муках вечных, гловням гаснуть
 запрещено.

Слышите ли, беззаконни? Ведаю, иже слышите,
 Обаче же, окаяни, в грязи греховней лежите.
 Паче обиду творите земли и небу самому,
 По земли в грехах ходите, недрузья вас спасавшему.

Горе руцем кризмованым, плешам на главе стриженным,
 В чын священской посвященным, но на душе своей
 скверным,
 Жертвы богу безкровныя в грехах смертных
 приносящим,
 Сами жертвы бесовския, в дар послуются в аде сущим.

Горе господам жестоким, раб своих утесняющим,
 Наследием недовольным, землю к земли прибавляющим.
 Все в гегене мучими, в одной точке уместятся,
 Аще в миру умноженни, песку морску уравниются.

Горе осудчиком власти, царей, чинов предложенных,
 Непокорным в выщей чести правителем дел домашних.
 Вложит на них цепь тяжкую Промофей, крепко сковавши,
 Будут покорни нуждою сильному, в гегене бяши.

Горе гладким лицам женским, душам, сердцам, надежам,
 Гордящимся, яко павлин хвостом, в прельщение мужам.
 В креслах огненных их милость сядет, слуги кругом
 станут,
 Ради служить во всю вечность, огню гаснути не дадут.

Горе красиком, щепетком, кудрявчиком и чупринком,
 Стави ногом, верти пядком, поколенным кафтанчиком,
 Кудерки их и чупрунки станут с болем колтунами,
 Пламень от них, смрад великий, згореют з ними и сами.

Горе скупым, денег своих затворником, караулом,
 Всяких земель поднебесных Еуклеона внуком, сыном,
 Морща чело, нос, ус тягнут, егда нищий деньги просит,
 Беси от них не отстанут, чим кто грешит, казнь
 относит.

Горе ночным нетопырем, за блудом плоти ходящим,
 Содомщиком, малакием, блудником розтлевающим.
 На огненной вси кровати положат их, ротягнувши,
 Брюх справляти, ламать кости, к лаве адскей
 притиснувши.

Горе рукам, везде лгнушим, в чужих добрах увязенным,
 Татям, волю им дающим, обидами исполненным.
 В щоте тати у палача, разне пытки на них в аде,
 Не будет им ту удача, шуки их тайне наяве.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. ТВОРЕНИЯ АНДРЕЯ ВЯЛОВОЦКОГО
ПЕСНЬ 4. ВЕЧНА БЛАЖЕННЫХ СЛАВА

Око не виде и ухо не слыша,
и на сердце человеку
не взыде, яже уготова бог любящим
его.

1 Коринфом, глава 2

1

Вскую еще унываешь, в сухих костях хранилище,
Чесо ради въздыхаешь в темном смерти пристанище?
Где ся борют, колебают смерти жизнь в бедах премеенне,
А надежных з ног збивают на свое щастие буйне.

2

Не стой, глупче, забавися беседою со звездами.
А мыслию поспешися к небу с своими нуждами.
К двору вечных радости, светлому неизреченно,
К обители щастливости, всем радостям неприменно.

3

Взгляни се, возри тый, правит Боот в звездечном
наместе.
Полюкс и брат Кастор стоит, седьм сестр Плеад
в одном месте.
Се Орион меч являет, Стрелец с луком выступает,
Звезда звезду настигает, светла дорога их стает.

4

Виждь Арктура на полночи, присмотрися ту Дианне,
Пределяют дни от ночи, Фосфор и Еспер предивне.
Здесь Еркулес побеждает хитру Скорпиа лютаго.
Волна злата ту яснее, взята с царства Колхицкаго.

5

Душе моя, воздвижися, остави земли низкости.
Встато, скоро вознесися к вышцей мира высокости.
Вышше облак и аера, стань в середине круга неба,
Где ся кончит пояс мира, тамо спешити потреба.

Правда или прельщаяся, уже в гору аз восхожу.
 Горы, города скрышася, едва стен их внизу вижу.
 Храмы, столпы высокия очем моим не кажутся,
 Прощайте, жильцы земныя, вся под мною оставшася.

О колице рад есмь тебе, отчизна моя любимая,
 Держи, мире, дары себе, мне та мила украина.
 Кто язык мой словом наставит тебя славити,
 Благо ми в щастии моем, благо в небе вечно жити.

Христа преславный ключаре, прошу, двери отвори ми,
 Апостоле святыи Петре, гостя к тебе в небо приими.
 Поведи мя где желаю, по улицам златом сланых,
 Да в полатах царских стану, без трудов никому даных.

Слава богу, отверзают двери на столпах жемчужных.
 В двор кедровой припускают в вечном жилище
блаженных.
 Сел прекрасных великости оком пресмотреть не могу,
 Вспою убо от радости, живет душа моя богу.

Оле, чюдо великое, чюдо неисповедное,
 Основание златое, в стенах злато избранное,
 Врата, крюки и запоры, замки, злато само суще,
 Златыи площади и дворы, переулки, и улице, и гульбище.

Ту иаспис, сапфир, халкидон, змарагд, сардоник,
сардиос,
 Хрисолит, биримос, топазион, иакинф, амефист,
хрисопрасос.
 Что в глубине рек индейских родится многоценнаго,
 В источниках вод небесних всех морских больше того
и лучшаго.

На огненных конях солнце, в золотом возе луна ездит,
 И с рогами луны лице того места не наследит,
 Агнец божий просвещает сам собою место тое,
 Свет от лица испускает, солнце неба предвечное.

Мрака тамо не бывало, ниже́ ночи и темности,
 Светило ся не скрывало, полно от агнца светлости,
 Ветры шумов не творили, снегов же, градов и дождей,
 Облаки не испустили вредливых с себе ненастей.

Столько солнцов с коретами с золотыми ту увидиши,
 Сколько князей тысящами многими в небе сочтеша.
 Столько дворян, полководцов царствия преблаженнаго,
 Сколько жильцов и пришельцов града непобедимаго.

Славлю тя, поклоняюся, благодарю, величаю,
 Троице святая, радуйся, раб твой, тебе поздравляю.
 Един боже в трех персонах, вечной престол твой честь,
слава.
 Всех вселенных сторонах и во мне твоя держава.

Радуйся и ты, одесную троицы святая сидяща,
 Жизнь нам родивша вечную, мати дево присносуща.
 Ты бываешь помощница всем притекающим к тебе,
о владычице,
 Помощию (и аз) в раю вечным.

Стои ту же херувимы, на низ крила опускают,
 Купно с ними серафими песнь святую воспевают,
 Свят, свят, господь бог Саваоф, глас сей небо
исполняет,
 Свят господь бог наш Саваоф, земля небу возглашает.

Ошую Предтеча седит, ядая мед и акриды,
 Легка ему власенница, юже носил бога ради.
 Главу под меч наклоненну нечестиваго тетрарха
 Прямо держит возвышену над всего мира монархи.

Ту же седят и отцове, долгодневне поживши,
 Святни патриархове, Моисей пророк и протчие.
 Аврам, сына в жертву богу по указу приносящий,
 Стоит возле его боку сын, меча ся не боящий.

После отцов рядом долгим всяк по своей достойности.
 Седят на месте высоким пророки в вечней радости.
 Давыд, держа лютию, грает, всех пророков веселия,
 Верстатися с ним не дерзает лютия славнаго Орфия.

Синклит царя небеснаго, в креслах седят апостолы,
 Правители мира сего, близ же Христа их престолы,
 Трубы быша спасения, учителя явились,
 Слава их без скончения, весь мир ими просветился.

Что возвещу о столицы победоносцов Христовых?
 Ликуют ту мученицы, смеются с убойцов своих.
 Победы своя знамение держат в руках различный
збор,
 Крест, меч, лук, огонь, каменье, вериги, копие, топор.

Неразумиву мужеви тщи и лжи
суть надежди, и сония вперяют безу-
мия: якоже емляй ся за стен и гоняй
ветры, такоже емляй веру сном, сие
на сие сон узрения; прямо лицу подо-
бие лица.

Иисус Сирах, глава 44

1

Был некогда град преславный Троя, Илиом реченный.
Был дарданский народ древний, в мире великоименни.
Днесь лютий Марча бой, пашню на стенах зделали.
Где была столица Трой, землю хлебом засеяли.

2

Тако, еже чаем вечно быти, и в другия пременяет.
Век и случай злый вседневно вся в мире сем
превращает.
К тому концу неосшибно всяке вещи поспешают,
Боря ся междуособно, прененно ся побеждают,

8

Всея твари естество нам сию правду объявляет.
Оттого рык страшный лвам множицею припадает.
Ревут медведе, псы лают, кричат волы, врещат слоны,
Ржут лошади, волки выют, вся знают жизни премены.

4

Что ся родит, умирает, в мире ничтоже векует.
Случай и смерть осилает, нас как хочет потчивает.
Яко луны круг пременний колесом по небе ходит,
Тако земли круг вселенний колесом премены бродит.

Ничто в мире вечно живет, вся по времени падают.
 Хрост траву скот выдептует, ветры и кедры поваляют.
 Везуви городам грозит, Аракс мосты понуряет.
 А на горы гром ся срожит, розле(в) внизу потопляет.

Сама старость лесы грызет несостарелыми зубы,
 Аще долгой век что живет, крошит идельския дубы.
 Не руби их топорами, аще хочешь да знищают.
 Века секутся зубами, в себе кончину имеют.

Краткой жизни моток аки нить ся прерывает.
 Не одному где начаток, тамо и конец бывает.
 Яко беседу скончивши глаголи ми слово: рекл есмь,
 Тако век свой dokonчивши рци, человече: пожил есмь.

Всяка радость скоро гаснет, аще лестит обманчиве.
 Тако явне показывает, иже суетна правдиве.
 Мгнение ока пребывают любви вечно оскверняще,
 Едва тронешь, улетают радости, души вредяще.

О, сны пуге, снов образы, безделие, привидения,
 Чувствам покойным заразы, суетния мышления.
 Коими ни есть ворота, костянным в мир входите,
 Или роговыми псоты ложь, обману приносите.

В древнем веце мир ся славил седмикратными чудами,
 Иже стен рукою схватил, не почтет того с баснями.
 Всуе рошь и стены славишь, Семирадимо камене,
 Всуе солнца столп возносишь, Роде, труды в том
 даремне.

Пирамида в Мемфим была, удивление хитрости,
 Яже на милю творила стен от своей высоты.
 Днесь з землю зравнялася, стен намале престраняет.
 Местем з грибом зверсталася, време вещи пременяет.

Храм Дианны славный велик, создан тысяще руками,
 Един бездельный висельник сожегл с своими воинами.
 Худым делом имя свое думал вечно прославити.
 Херост. . . (постой, перо мое) нелеп его поминати.

Столпы медны, еже набил в море Еркулес по Гады,
 Нептун веслом все заграбил, потопили чуда воды.
 Мавсолея мраморовый гроб где ныне пребывает?
 И каменным век гробом намале спускает.

Идол дивный во сне явлен Новухудоносорови.
 Яко в росте есть убавлен, явственно есть разумови.
 Медь, железо, серебро, злато камень, с неба падши,
скрошил.
 Осталася глина, блато, и то век давно разбросил.

Злату главу идолови меч сирейской прочь отрубил.
 В серебрне перси балванови грек копие остро забил.
 Брюх набитий меди толстой греку римляни вычистил,
 Стал на ноги век железной, злато, серебро и медь
стравил.

Смотри, каков сам Рим в лице против древнии
 честности.
 Посмотри ся в Тибре реце, постыдится пременности.
 Чело желто, бледно лице, румянца на нем не видать.
 Пали столпы по улице, и стенах ковров не спрашать.

Во дни отца Ромулюса нужно дитя си казало,
 Говорить за Еринуса, за Камилля расти стало.
 Девица Аннибалови, замужна ся показала,
 Едва не дана грекови, по отцу осиротала.

Но на свадьбу Африкана гречина не изволила.
 Кроме земляка латина, жениха не припустила.
 Подавши бой велик ему с обнаженными грудями,
 Оперлася насильному, славна его полонами.

Тогда Брутусь с Катонами Риму были правителе,
 Владаючи народами, статов римских рачителе.
 А Цицерон, седя дома, по приказах советовал,
 Не мечем, ниже рукома, языком сильно воевал.

Скоро Акце и Ромули снурок жизни розервался.
 Рим слуги его смутили, господин раб сотворился.
 Всяк Римови отчим быти одноконечно желает,
 Прав и неправ покорити господство себе дерзает.

От дву сторон брань востает междуособна гражданов,
 Сусед суседа ганяет, воинских много приборов,
 Под равнеми знаменами трубы к бою голос дают,
 Бьются полки с полками, копием ся сокрушают.

Идет встречу зять свекрови, мечем ся преведивают,
 За неправду умереть готови, но виннейший побеждает.
 Тако егда мира чести часть малую пределяют,
 Для их гордей упряности поля в крови всплывают.

В том времени обмирает Рим, тоскует, страсть ся боит,
 Едва в печали зевает, на ногах своих не стоит,
 Составы его ослабели, кровь ся в жилах помутила,
 Очи, руже почернели, смерть ся к нему приближила.

В конец трижды отчихает, яко скорбный мокротою,
 Ох, ох, с плачем призывает, Аугусте, буди со мною.
 Здравствуй, живи, царю славный, вручаю ти мир и себе,
 Тем в ад выплюнь дух военный, ложно становится в небе.

Осквернил ся мертвецами, могильник, Рим нареченный.
 Отчим Неро пожарами сожегл он немилосердный.
 Третья часть не остала, с дымем пошла нова Троя,
 Похороны зле приняла, не от царя, но злодея.

Каков днесь Рим, как здешевил, како разни от онаго,
 Что Волску землю звоевал, збил силу царствия
греческаго.
 Нуманчиком ломал роги, картагинчики победил,
 Реце Рену спутал ноги, розлев Дуная усмирил.

Тако страшне римлян силы, всем народом ищезоша.
 Егда внуки разорили, что отцове припасоша.
 Мало было дедицови всего мира дани, зборы.
 Что остало Неронови, Алярик взял в готов двory.

Наследники днесь римляне ищут древняя честности.
 Врата твои, о Трояне, подгризли зубы старости.
 Паде столп седмилесничный Севера милостиваго
 И двор Люкулля столичный, не звать валу Титоваго.

Уже столы не потеют бальсамам царя Нерона,
 Царей теплице грязнеют, вода с калом помешана.
 В твоих банях, Антонине, гусята ся полоскают.
 В твоей, Тибур, равнине козы душных трав нюхают.

Показы дивовиск, з(ъ)езды, строи, злата бросания,
 Борения львов с медведи, различная игранья,
 Потешные комедие с творцами и зрителями,
 Век пременял в трагедие, вся днесь лежат под ногами.

Конец XVII века

Димитрий Ростовский, в миру Даниил Саввич Туптало, сын реестрового казака Киевского полка, родился в декабре 1651 года в местечке Макарове, в сорока верстах от Києва. Одиннадцати лет Димитрий научился писать и был отдан в Киево-Могилянскую коллегию, где проучился только три года, потому что коллегия была разрушена в 1665 году, во время нашествия гетмана Дорошенко. Слабое здоровье и склонность к ученым и литературным занятиям привели Димитрия в монашескую келью уже в семнадцать лет. Он принял постриг в киевском Кирилловском монастыре.

Димитрий скоро прославился как церковный оратор; черниговский епископ, известный писатель Лазарь Баранович, приблизил его к себе, и до 1677 года он проповедовал в черниговской епархии. К этому времени относится первое дошедшее до нас сочинение Димитрия — «Руно орошенное». В 1677—1679 годах Димитрий читал проповеди в Слуцке, который тогда входил в состав Польско-Литовского государства, и здесь основательно изучил латынь, польский язык и польскую литературу.

По возвращении на родину Димитрий стал игуменом Максакковского монастыря, а в 1682 году, по желанию гетмана Самойловича, — настоятелем Батуринской обители (Батурин был тогда гетманской резиденцией). По-видимому, здесь у Димитрия возникла мысль составить полный годовой круг житий святых («Четьи Минен»). За этот основной труд своей жизни он принял по монашескому обету, начав его 6 мая 1684 года — уже в Киево-Печерской лавре, где Димитрий надеялся найти спокойные условия для работы. Вскоре, однако, ему снова пришлось принять игуменство в Батурином монастыре.

Когда в последние годы правления царевны Софьи в Москве вспыхнул знаменитый спор о времени евхаристии, украинская ин-

теллигенция поддержала Сильвестра Медведева. Димитрий также был на стороне «латинствующих». В свите гетмана Мазепы он приехал в Москву в августе 1689 года, за три недели до бегства Сильвестра в Бизюков монастырь. В эти дни, очевидно, они познакомились лично. В сентябре украинское посольство ездило представляться Петру в Троице-Сергиев монастырь, присутствовало здесь при казнях приверженцев Софьи и вскоре отправилось восвояси.

Димитрий прожил на Украине — в Батурине, Киеве, Новгороде-Северском — еще одиннадцать лет, продолжая писать и по частям печатать «Четьи Минеи». Он работал и над другими сочинениями — составил хронологические таблицы, «еллино-римский» календарь, писал стихи и духовные песни. В 1696 году он сблизился с Карионом Истоминым, когда тот приезжал в Киев; эта приязнь сохранилась до самой смерти Димитрия.

27 декабря 1700 года Петр указал вызвать Димитрия в Москву — очевидно, по представлению его ближайшего друга Стефана Яворского. Здесь Димитрия назначили митрополитом Тобольским и Сибирским, но к месту служения он не поехал, боясь, что в Сибири ему не удастся окончить «Четьи Минеи». С помощью Стефана Яворского он выпросил у Петра новое место и 4 января 1702 года занял митрополичью кафедру в Ростове.

В Ростове Димитрий открыл школу, число учеников которой доходило до 200 и которая просуществовала, по-видимому, до 1706 года. Здесь учили славянской, латинской и греческой грамматике, пению, сочиняли торжественные речи, вирши и драмы. Сам Димитрий написал несколько духовных драм.

9 февраля 1705 года Димитрий исполнил обет — он завершил «Четьи Минеи». «Срадуйтеся мне духовне, — писал он в Москву, — яко ... сподобил меня господь августу месяцу (последнему месяцу сентябрьского года) написать аминь... Слава богу! Совершишася».¹ Однако Димитрий смотрел на литературный труд не как на обязанность, а как на потребность: он тотчас приступил к составлению библейской «Летописи». Шутливые вирши об этом замысле включены в одно из писем к Стефану Яворскому:

Начах писати летописец:
Моего слабаго ума столько не станет
и телеснаго здравия не много достанет,
рука дрожащая изнемогает,
никто же помогает.

¹ Святой Димитрий, митрополит Ростовский, М., 1849, с. 50—51,

Суета препинает писати,
а леность влечет лежати.
И книг летописных скудно,
изыскати их трудно.
Без книг нуждаемся мудрствовати,
яко же слепыя без руководителя происшествовати.¹

Однако новую работу Димитрий закончить не успел: в ночь на 28 октября 1709 года он умер. Его предсмертные приготовления и распоряжения обнаруживают в нем профессионального писателя: вечером 27 октября он призвал певчих, и они пели его канты, потом он долго беседовал с переписчиком своих сочинений и благодарил его за усердие. Черновые рукописи Димитрия по его завещанию были положены в гроб вместе с его телом.

¹ И. А. Шляпкин, Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.), СПб., 1891, с. 421, примеч. 1.

200. <КАНТ ДИМИТРИЮ СОЛУНСКОМУ>

Добраго воя, цареви избранна
Иисусу Христу, врагом не попланна
Мученика славу Димитрия чтемо,
и песней венец ему соплетемо.
Триумфуй вечне над врагов соборы,
радуйся между ангельския хоры,
Иисуса, яко сладка, возлюбивый
и за честь его душу положивый!
Сему подражай, копием пронзенну,
алчушу, с оцтом желчью напоенну;
Вдался на горькия за сладкаго раны,
исповедаючи Христа пред тираны.
Чашу спил смертну, в любовь рожденный,
агнец за агнца умер заколенный;
Ребра копиям любезно предавай,
Христу с любовию славно сострадавай,
Испустил крови обильныя реки —
мертвен вред людем омыти на веки.
Алчущим днесь спасения токи
не возбраняют от гробной опоки:
До раки его приходит кто верно,
ранам приемлет врачество безмерно.
И мы к тебе вси спешно прибегаем,
твоей помощи усердно желаем.
Не отрини нас, воине избранный,
от полков, идеже еси сочтаный;
Врагом в сем мире ты стерый главу,
господа твоего пришедый во славу,

Отыми от нас вся смертныя раны,
разжени ума злокозныя 〈б〉раны.
Обрати сердца горé всегда быти,
даждь молитвами долго зде пожити.
Стани в помощь, всегда вооруженный
копием, крестом, да ти, возлюбленный,
Именоносец ту долго здравствует
и вечно в небе со Христом да царствует.

Между 17 сентября 1699 и 23 марта 1701

201. 〈НАПУТСТВИЕ НИКИТЕ ДЕМИДОВУ〉

Никита Демидовичь, муж благословенный,
и з сином Якинфом буди во всем умноженный!
О всепетая Мати! Ему сопутствуй,
сохраняй в дому здрава, на пути присутствуй.
Архиерей Тобольский молит тя усердно:
даруй ему здравие цело и невредно,
Храни благополучно в премногая лета,
избавляй и покрывай от злаго навета.

Между 23 марта 1701 и 4 января 1702

Стефан (в миру Симеон) Яворский (1658—1722), уроженец Явора в Галиции, учился в Киево-Могилянской академии. Чтобы получить доступ в иезуитские школы, он принял католичество с именем Станислав-Симон и в 1684—1689 годах слушал курсы философии и богословия в коллегиях Львова, Люблина, Познани, Вильны. Вернувшись в Киев со степенью магистра свободных искусств и философии, Стефан Яворский стал православным монахом и занял кафедру в академии, где, между прочим, читал пиитику и риторiku. Незаурядное поэтическое дарование (он равно легко писал стихи по-славянски, по-польски и по-латыни) принесло ему почетный титул *poëta laureatus*.

В 1700 году Стефан оказался в Москве и против воли был поставлен на митрополию Рязанскую и Муромскую. В следующем году, по смерти последнего патриарха Адриана, он был назначен местоблюстителем патриаршего престола, а впоследствии президентом новоучрежденного Синода; одновременно он курировал Законоспасскую академию, придав ей латинское направление.

Стефан Яворский, исповедовавший католический тезис «священство выше царства», по мере сил противился церковной политике Петра, который стремился уничтожить всякую независимость церкви и подчинить ее государству. Поэтому Стефан сблизился с кругами, знаменем которых был царевич Алексей. В поучении «О хранении заповедей господних», говоренном 17 марта 1712 года по случаю именин царевича, Стефан назвал его «единой надеждой» России и прозрачно критиковал Петра I как государя и человека. В отместку царь запретил высшему иерарху русской церкви публичную проповедь, причем запрет был снят лишь три года спустя.

Будучи номинально главой Синода, Стефан Яворский вынужден был смириться с тем, что реальная власть оказалась в руках подчиненного ему Феофана Прокоповича. Имя Стефана фигурировало

во многих политических процессах — и, разумеется, в процессе царевича. За несколько месяцев до смерти по одному из обычных тогда дел о провозглашении Петра антихристом больного старика допрашивали на дому Сенат и Синод. Ему грозило лишение сана, а может быть, и более суровое наказание.

Стефан Яворский всю жизнь стремился к спокойной и независимой литературной и научной деятельности. Он не раз просил Петра отпустить его в Киев. Убедившись в бесполезности таких просьб, Стефан подумывал принять схиму, но и это ему не было позволено. В 1710 году возглавлявший Монастырский приказ И. А. Мусин-Пушкин настрого запретил клиру производить постриг рязанского митрополита.

В своем творчестве Стефан Яворский ориентировался главным образом на католических писателей XVI—XVII веков; их сочинения были очень полно представлены в его прекрасно подобранной библиотеке. Он оставил многочисленные проповеди и богословские труды, например книгу «Знамения пришествия антихристового и кончины века» (1703), направленную против старообрядцев, и знаменитый антипротестантский «Камень веры», который был издан только при Петре II, когда подверглись ревизии многие аспекты политики преобразователя.

Стихотворное наследие Стефана Яворского сравнительно невелико, причем большую его часть составляют латинские и польские произведения — панегирики в честь Варлаама Ясинского, гетмана И. С. Мазепы и других деятелей. Особенно популярной была его латинская «Элегия к библиотеке», написанная рукою большого мастера. Из поэтических опытов на русском языке наиболее известны «Стихи на измену Мазепы, изданные от лица всея России».

202. EMBLEMMATA ET SYMBOLA

quaedam de monumento P. M. illustrissimi et reverendissimi Patris Barlaami Jasinsky D. G. Archiepiscopi Kiiov., Halic. etc. ab illustr. et reverendissimo D. G. Metropolita Rezanensi et Muromensi Stephano Jaworski elaborata ¹

EMBLEMA 1

Сень и примрак обнося мертвеннаго тела,
не могох ясно зрети тройчнаго светила,
Но аки во зеркале далече без меры
видех творца моего зеницею веры.
Но се уже сокруши смерть зеркало сие,
чаю убо видети бога явственнее.

2

Блаженство смерть ми дает вместо укоризни,
егда мой разлучает союз краткой жизни;
Не мене бо, но моя терзает пленицы,
имы же бех утеснен в скорбной сей темницы.
Даде ми желание мое получитьи,
желлах разрешитися и со Христом быти.

¹ Эмблемы и Символы, сочиненные в память преосвященного сиятельнейшего и преподобнейшего отца Варлаама Ясинского, м(илостью) б(ожией) архиепископа Киевского, Галицкого и прочая, сиятельнейшим и преподобнейшим м(илостью) б(ожией) митрополитом Рязанским и Муромским Стефаном Яворским (лат.). — *Ред.*

Храмина тела, юже смерть непостоянна
 разрушает, от худой персти бе созданна.
 Но иное ест жилище на небеси наше,
 то дом мой, то покой мой, — се странница бяше.
 Убо и о падежи сей не печалую,
 достигох в дом отческий, странниц не требую.

Ведий, где сокровище тебе сокривати,
 всегда духом восходих в горняя полати.
 Тамо бысер мой драгий, тамо злато наше,
 тамо и сердце мое выну пребываше.
 Всуе бо смерть подкопа ми дом сей телесный,
 аще цел и безбеден храм ми ест небесный.

Луну, рода моего знамение красно,
 умираяй, на себе изобразих ясно;
 Идеже бо землю покровен бываю,
 тамо, яко же луну, свет мой помрачаю.
 Но горé свет тройчнаго солнца безконечный
 выдящи, сам на себе прииму зрак солнечный.

Слышах о Иакове, на камени спящем
 и простерту до небесь лествицу видящем.
 Ревновах ему, и гроб себе рождшей девы
 избрах во возглавие, сном смерти почивий.
 Вижду тя, о лествице, сведшую нам бога!
 Доведи мя, Марие, горняго чертога.

Вся реки изначала малые бывают,
но, текуще пут долгый, воды умножают.
Подобне и Варлаам, учения ради
пройде страны многия и многие грады.
И тако, от отчества далече странствуя,
зело себе умножи премудрости струя.

8

Корабль, во волнах морских хотя спасен быти,
не жалеет користи и купле губыти.
В мире, аки на море, видех люти волны,
Варлаам сотворися нищий произволный.
Отвержся и купель сотворил спасенну,
припли ко пристанищу, добру нареченну.

SYMBOLUM I

Громогласием страшной трубе бяше равна
твоя, о Варлааме, проповедь преславна;
Имуща в себе силу и дух божественный,
даде в полцех божиих глас многодейственный,
Крепляше сердца верних, веселяще слухы,
зловрным же и гордим отъемляше духы.

От вара, бед, и браны, и лютих гонений
изсох бяше в Киеве вертоград учений.
Излия в нем Варлаам учения роды
и первых множайшие произнесе плоды.
Жезль его правителский, прежде обветшавший,
яко же Ааронов прозябе цвет здравий.

Жилища новой Еввы, девия святя,
 рай красний воистинну ест обитель сия,
 Ибо божим сущи престолом хранима,
 всегда имать при себе добра херувима.
 Таков бяше Варлаам, пастир богом данний,
 весь ревности божией огнем одеянный.

На престол российский церкви возведенный,
 пастир сей бе светилник, вселенней явленный,
 Полний дел благих, полний здраваго совета,
 Бяше свет не без огня и огонь не без света,
 Горяше внутр, имея чистий огонь святини,
 светяше, дая инним образ благостины.

Зри от рукотворенна орудия дело,
 тому пастир сей добрый подобствова зело.
 Той егда единою стопою круг водит,
 другою от средняго места не отходит.
 И сей труди и дела обходя премнога,
 обаче никогда же не отступи бога.

Что звезда ест морская по морю плывущим,
 то бог ест рабом верним, во бозе живущим.
 Ко небеси Варлаам всегда возираше,
 на земли ключения злая презираше.
 Аще когда на его найде навет лютий,
 радост име в болезнех бога помянути.

Стрела, яже бо острый магнит сокривает,
 ко звезде полунощной себе обращает.
 Варлаам же бяше всем во сладость едину,
 ко богу ум и сердце возводящ выну,
 И ниже совратися всяким наветом,
 ибо любви божией влеком бе заветом.

Молчит золото под млатом, разнствуя от меди,
 подобне и Варлаам поношаше беды.
 Тихостию роптания, тихостно многожды
 претерпе ненависти, клевети и вражды.
 Се тихостию прият всех бед, зол и млати,
 тело убо перстное имело дух златий.

Светлост свечи, проходя сквозе сосуд склянний,
 множится и болшия осязает страны.
 Варлаам свет смерти ума чистотою
 прием и зело того умножи собою.
 И зри: светлост повсюду излия толику,
 облиста всю Россию, Малу и Велику.

Сии цену являют: на них бо худия
 возносятся, долу же низходят драгия.
 И добродетель любит тоезде мерило;
 зело бо честний во всем смирается зело.
 Се же и в Варлааме изрядне явися:
 честен, добр и паче всех, паче всех смирился.

Дивну прить илектор от естества силу,
 тайним бо узом сламу привлачит косниту.
 Подобное бог свойство даде Варлааму:
 влечаше к себе нищих, мнимий гной и сламу;
 Дом его бяше странным странница готова,
 илектор в сердце его бе милость Христова.

1707

**203. СТИХИ НА ИЗМЕНУ МАЗЕПЫ,
 ИЗДАНЫЕ ОТ ЛИЦА ВСЕЯ РОССИИ**

Изми мя, боже, — вопиет Россия, —
 От ядовита и лютаго змия,
 Его же ждаша адския заклепы, —
 Бывшаго вожда Ивана Мазепы.
 Ах! Тяжку горесть терпит мати бедна,
 Утробу мою снедает ехидна.
 Кто мне даст слезы, якоже Рахиле?
 Восплачу горько в моем смутном деле.

Се второй Ирод, исполнь смертна яда, —
 Мазепа лютый убил мои чада.
 Уподобися Россия Давиду,
 Иже от сына терпяше обиду.
 Авессалом сын был неблагодарный,
 Подобен ему Мазепа коварный.
 Возлюбих его яко мати сына,
 Откуда убо такова измена?

К нему бысть моя матерняя любви,
 Той же изостри люте на мя зубы.
 Аз сотвори и с вельможи сидети,
 Той же смертныя сплете на мя сети.
 Аз яко чадо носих во утробе,
 Той же мя хочет видети во гробе.
 Аз напоих и из камене меда,
 Той же пагубна исполни мя вреда.

Толику на мя отрыгнул есть злобу,
 Люте снедающь матерню утробу.

Аз любящъ его мати выше меры,
Чаях от него сыновския веры.
Той же бысть на мя бритва изощренна,
От нея же есмь люте уязвленна,
Яко прельсти мя, и не познах веса
Аггела видом, прелестию ж беса.

Мнях, яко агнец, но волк ядовитый,
Овчею лестно кожею покрытый.
Сладок языком, но прегорькой делы,
Утаи на мя пагубныя стрелы.
Сахар во устах и сладкия слова,
В сердце желчь, в руках погибель готова.
О лицемере! О сатанин сыне!
Тернием острым красящийся крише!

Как простерти дерзнул еси длани,
Люте матери уязвити раны?
Аще бы ми враг поносил сугубо,
Претерпела бы казни его любо.
Но от своего чада прелюбима
О, коль матери язва нестерпима!
Что моя вина? Что творих ти худо?
Чесо ради мя гониши, Иудо?

За моя хлебы, за моя трапезы
Горькия в жажду даеши ми слезы.
Горе, проклятый, тебе, лицемеру!
Как дерзнул еси изменить веру,
Юже пред крестом и Евангелием
Утвердил еси твоим лобзанием?
Горе ти, горе, злобы исполненну!
Подобен еси гробу поваплени,

Иже спаружи является красен,
Внутри ядовитым червием ужасен.
Горе ти, горе, второму Каину!
Горе ти, горе, погубленну сыну!
Пролиал еси зверски кровь премногу,
Яже вопиет гласно на тя к богу.
Божия храмы быша днесь вертепы
От шведскаго льва и волка Мазепы.

Друг твой лев, ты волк, ты ярость сугуба,
А людем бедным последня пагуба.
И что речеши на страшном судищи,
Лишенный неба и райския пищи?
В крови невинной осквернивший руце,
Повинен еси нестерпимей муце.
Иным речет бог: благий рабе верный,
Поне же благ есь и нелицемерный,

Вниди в радости в рай господа бога,
За твою веру се тебе мзда многа.
Тебе же горе, преступниче веры!
Восприимеши часть со львом, лицемеры.
Известен буди, яко тебе, вора,
Ад ожидает и погибель скоро.
Боже мой, к тебе молитву пролию,
Услыши горце стянщю Россию.

Ты нам сам суди и мать и сына,
Виждь, чия правда, виждь, чия измена.
Суди, господи, обидящя мя,
Посрами гордость востающих на мя.
Приними мечь и щит, буди помощь моя,
Возсияй ми свет мира и покоя,
Мене, Россию, возвесели бедну,
А ядовитую попри ехидну!

1709

204. (СТИХИ САРОВСКИМ МОНАХАМ)

*Божиею милостию смиренный Стефан, митрополит
Рязанский и Муромский, Саровския пустыни настоятелю
и еже о Христе с братиею.*

Братия, блюдитесь, черну нося ризу,
имейте смирение, око держа низу.
Убегайте гордыни, тщеславия злаго,
еже погубляет всем небесное благо.
Зависть, славолубие и гнев отлагайте,
постом и молитвою оных прогоняйте.

Лицемерства, лености лишатся тщитесь,
но, смиренно постясь, в молитвах трудитесь.
Едино и общее всем вам, всем да будет,
не сумнитесь, поне же бог вас не забудет.
Вышней брат! Над низким не высокоумдрствуй,
по всегда себе равна быти умствуй.
Сице образ показа и Христос собою,
аще рек: «Кто в вас вящий, да будет слугою».
Сего ради благость, мир в вас да пребывает,
кротость, воздержание в вас да водворяет.
Имейте же наипаче любовь между собою,
истину, а не лестну совесть благую.
Сия бо вас представит небесному трону
и даст некончаемой радости корону.

Во окончании же сего моего завещания мир и благословение вам оставляю. Аминь.

Март 1711

Феофан Прокопович (мирское имя Елеазар) родился около 1681 года в семье киевского купца и скоро остался круглым сиротой. Дядя, ректор Киевской академии и наместник Братского монастыря, поместил его в академию. Окончив в 1698 году философский курс, Прокопович уехал учиться в Польшу, а затем — в Рим, приняв по тогдашней традиции католичество. Спустя четыре года он вернулся на родину, стал православным монахом и начал преподавать пиитику, а позже — и риторику.

В июле 1706 года Феофан приветствовал Петра I в Софийском соборе. Царю понравилась и проповедь, и ритор. С той поры началось быстрое возвышение Прокоповича. В 1707 году его назначили префектом академии и учителем философии. В 1711 году Прокопович уже ректор, профессор богословия, игумен Братского монастыря. Он заявляет себя противником схоластической науки и наживает врагов в лице епископа Гедеона Вишневецкого и ректора Московской академии Феофилакта Лопатинского, который публично обвиняет его в протестантизме — «реформатских мудрованиях».

В 1716 году Петр вызвал Феофана в Петербург для посвящения в епископский сан. Враги его, заручившись поддержкой Стефана Яворского, пытались не пустить Феофана на епископскую кафедру и составили протест, возобновив старое обвинение в протестантизме. Царь, сам перенявший многое у протестантов и вполне уверенный в личной преданности Прокоповича, удовлетворился его собственным оправданием. Феофан принял сан епископа Псковского и Нарвского, но был оставлен в Петербурге, при Петре.

С тех пор он стал ближайшим сотрудником царя в церковной сфере: оправдывал в проповедях политику правительства, участвовал в осуждении царевича Алексея, подготавливал указы и новые церковные установления. Именно ему Петр поручил разработку закона о ликвидации русского патриаршества и замене его коллегиаль-

ным управлением. В созданном в результате Святейшем Синоде Феофан был назначен вторым вице-президентом. Возглавил Синод Стефан Яворский, первым вице-президентом стал Феодосий Яновский, оба старшие по возрасту. Но практически все дела Синода вершил Феофан. Он и за страх, и за совесть служил Петру. После казни царевича Алексея Петр издал указ о престолонаследии, по которому монарх сам мог назначить себе преемника, и Феофан в оправдание этого шага написал целую книгу «Правда воли монаршей». Петр преследовал раскольников — Феофан обличал их, доказывая догматическую законность политики самодержца. Специальный трактат он посвятил поддержке идеи полновластия светского государя в церковном управлении. Феофан принимал участие в подготовке и осуществлении реформ, ослаблявших монашество. Петр весьма ценил надежного клеветника и осыпал его милостями. В 1720 году Феофан был возведен в архиепископский сан.

После смерти Петра I Прокопович примкнул к сторонникам Екатерины и усердно содействовал ее провозглашению императрицей. Тем не менее его положение пошатнулось. Феофана невзлюбил Меншиков; Феодосий Яновский, используя дело о хищениях в его епархии, затеял против него интригу, но Феофан парировал удар, подав ответный донос и добившись заточения противника в монастырь. Феофан проявил себя ловким и опасным противником, он не брезговал ничем и вступил в тесную связь с Тайной канцелярией. Но у него не замедлили появиться в Синоде новые враги: епископы Георгий Дашков и Лев Юрлов снова возбудили дело, поднятое Феодосием, и хотя Феофану удалось оправдаться перед Екатериной, все же тень подозрения осталась. При Петре II, когда многие аспекты политики преобразователя были ревизованы и усилилась старорусская партия, Феофан оказался почти не у дел. Снова всплыли старые доносы, однако Феофану и на этот раз удалось расправиться с главным свидетелем, некогда его подчиненным — Маркеллом Родышевским, передав его в руки заплочных мастеров из Тайной канцелярии.

С воцарением Анны Иоанновны положение Прокоповича снова упрочилось. Феофан, со свойственной ему политической дальновидностью, помог Анне одолеть аристократическую оппозицию «верховников» и неизменно пользовался милостями императрицы. Из Синода были удалены его враги. С помощью Тайной канцелярии он свел счеты со всеми противниками. Лев Юрлов, Георгий Дашков, Игнатий Смола были лишены епископского сана и сосланы по дальним монастырям. Феофан стал одним из самых ненавидимых в широких кругах духовенства деятелей. Неустрашимый правдо-

искатель Маркелл Родышевский написал «Житие новгородского архиепископа, еретика Феофана Прокоповича», получившее большое распространение в списках. По рукам ходило и много анонимных пасквилей. Феофан все более ожесточался и передавал в застенки Тайной канцелярии новых и новых людей. Он исковеркал десятки жизней, превращая богословские споры в политические дела. Умер он 8 сентября 1736 года.

Жестокий и беспринципный политик, типичный карьерист и эпикуреец, которыми так богата петровская эпоха, Феофан Прокопович был в то же время талантливым и образованным человеком. Он оставил превосходную, подобранную с большим вкусом библиотеку. Вокруг него группировался кружок просветителей, Кантемир и Татищев были его друзьями. В 1721 году он хлопотал об открытии в Петербурге семинарии и, не дождавшись этого, создал на собственный счет школу для детей бедняков и сирот. Феофан был очень плодовитым литератором. Его перу принадлежит много богословских трактатов («Об оправдании», «О иге неудобноносимом», «Христовы о блаженствах проповеди толкование», «Рассуждение о безбожии» и др.), ряд сочинений церковно-законодательного характера («Духовный регламент», «Розыск исторический» о патриаршестве, «Рассуждение Святейшего Синода о браках правоверных с иноверными»). Его «Первое учение отрокам» (1720) стало одним из лучших учебников своего времени. Будучи незаурядным оратором, он создал целую школу проповедников нового толка. Он занимался также и историей России. Феофан Прокопович — один из крупнейших поэтов переходного периода. Панегирики и элегии Феофана дали Тредиаковскому повод сравнить его с Горацием. Как поэт он и остался в истории русской культуры.

205. ЕПИНИКИОН

снесет песнь победная о тоейжде преславной победе

Аще когда найпаче ныне нам желати
достоит многих устен, ибо ниже златый
Орган рифмотворческий воспети довлеет
нашей ныне радости, ниже что успеет
Ветийских устен слово. О боже всесилный,
еще наш прял еси вопль и плач умилный,
Еще нас не судиши в конец отринути!
Победихом! Падесея супостат наш лютый,
И отступник приять казнь, отчества враг велий,
ко нам же возвращенный грядет мир веселий
И безбедно здравие ведеть со собою.
Ныне и день лучшею красен добротую,
И солнце множайшая луча испущает,
и лице краснейшее цвет полный являет.
Но коим прийде видом победа нам сия
и погрузи во крови главы проклятыя,
Ты рци, славо гласная! По всей же вселенной
разсей велегласие вести торжественной!

Уже брань десятое лето начинаше
(время брани Троянской), егда уже баше
Внутр отчества супостат свирепий и дивый,
зменническим полчищем силу умноживый.
Тогда бог всемогущий, с высоты небесной
призрев на люди своя и не терпя лестной
Ереси на избранных выю находити,
«Всуе, — рече, — вся сия вражия наветы,
Да и всю лютость и вес изнурит яд зверный,
хотя церковь попрати и род благоверный.

Аще рука зменнича тебе прилучися,
о свею, моя, яже в силе прославися
И сотре ад, десница со Петром на брани
будет, и узрим, коей победа ждет страни». Сия
изрек, абие ожесточи тогда
сердца супостатския; яко же иногда
Лютаго фараона. Объять убо дивна
гордость ум их и мечта, естеству противна.
Помыслиша бо себе от твердой сложенных
руды и во стикгийской воде измовенных,
И немощи своему язвигися телу, —
таковуу безумне мняху в себе силу.
В полках же православных бог непостижимый,
хотя им дати крепость и щит нерушимый,
Всех сердца осязает и мысли подробну,
и, аще страх и трепет или неудобну
Ярость ко согласию тайне ощущает,
изъемлет, и всех дивне духи сопрягает
Крепким любви союзом, и вливает тверду
дерзость, но не безбожну и не жестосерду,
Дабы ни на смертную силу полка многа,
ни на лук свой уповал воин, чтущий бога.
Твое найпаче сердце смотрителне строит,
о Петре, царей славо, и, яже достоин,
Потребныя времени подает советы
и благополучными веселит обеты.

Тако егда обоим странам бог высокий
судбы своя устрои, абие жестокий
Марс сию часть и ону начат поощрати;
скорим бегом и ветру подобним до рати
Полки устремишася; сих ревность по вери
и отчестве раждеже, овех же без мери
Распали бес яростный и жаждущий крови.
Летит свей, летит купно зменник неистовый.
Камо духом бесовским бежиши носимый,
студе веку нашего, вреде нестерпимый?
На отца отчества мещеши меч дерзкий!
О племя ехиднино! О изверже мерзкий!
Забыв любов отчую и презрев самаго
твердый закон естества! Обаче се благо,

Яко скорий ест на казнь, косний сий на дело.
Бежете, скорой мести тебе, скорой зело!
Но и зде непостоян злый зменник явися,
зменив царю и Марсу; егда бо откряся
Поле бою страшнаго, не токмо входити
во ратный огонь, но ниже издалече зрети
Не дерзну; но сугуб студ приять вместо рани,
непостоян во вере, трепетен во брани.
Зрем же, что и свей дерзкий силою своею
успе храброй России, борясь со нею.

Блисну огнем все поле; многия воскоре
излетеша молния; не таков во море
Шум слышится, егда ветр на ветр ударяет,
ниже тако гром з темных облаков рыкает,
Яко гримят армати, и гласом и страхом,
и уже день помрачи дым, смешен со прахом.
Страшное блистание, страшний и великий
град падает железный; обаче толикий
Страх не может России сил храбрых сотерти:
не боится, не радит о видимой смерти.
Но егда тя, о царю и воине сильный,
узре посреде огня, объять ю страх zelный,
Вострепета и крайней убояся страсти,
да бы в едином лицу всем не пришло пасти.
Но не попусти прийти бедству таковому
бог сильный. Абие бо от горняго дому
Низпосла щит (щит, им же во лютое время
хранит грады, и царства, и людское племя)
И вся на главу твою и на твоя силы
летущия сотвори безделныя стрелы.
Свей же, во оружии своем уповая,
гинет явственне, егда коей избивая
Смерти, огнем летущой; лиется кровь всюду;
стелет землю трупие; мало уже люду
Зрится во полках его. И недолго бяше
сумнительна победа. О блаженство наше!
Царю богом венчанный, ты, силен о бозе,
сокрушив, повергл еси гордаго под нозе.
О день благополучний! Кий язык и кое
слово изрещи может блаженство такое!

Укри труп свейский поле, падеся род лютой,
наша покусивыйся главы низринуть.
Что о воех и вождах речем во плень взятых?
О користях, знаменах и бронях богатых?
Аки бы з тым супостат пришел к нам советом,
да бы нас наследники благ своих заветом
Крайним яве сотворил; инных скороногий
страх изнесе, и уже во силе немногий
Сам лев, иже многия устрашаше грады,
в лесы, в чащы побеже искати отрады.
С малою ли бежиши, звере, срамотою,
хоботом заглаждая след твой за собою?

Кое убо торжество, кий лик будет равный
сей победе? Тебе же, монархо державный,
Что в дар твоя Россия принесет и кия
воспоет песни? Ибо победити свей
Коим либо образом дивно бы всем дело
было, яко в повестех славимаго зело.
Что же, егда лютая в отчества пределы
внийде брань и ко врагом зменничия силы
Приставше зваху роди, царствию твоему
от древле враждебных, ко числу своему;
И молвы великия повсюду востаха,
и аки море земля потрясея наша.
Коликия zde врагом возрастоша роги,
тебе же неудобства и труды премноги!
Требе бяше на много частей разделяти
воинство и многия грады укрепляти,
Укрощевати молвы, пределы хранити,
блюсти и познавати двоих врагов сети.
Обаче в толь тяжкий год (о безсмертной славы
дело!) победил еси. Позна величавый
Свей суетну бров быти гордины своея
и, поражен силою десници твоея,
Аки с небес молнием, достиже злонравный
в конец Фаетоновой погибели равный.

Тем же приими, о храбрый царю, цвет победный,
и силы, яже в тебе Марс сей многобедный
Изнури и сотрясе трудом непрестанным,
обновляй всерадостне торжеством избранным.

Совоплещут градове на слух сей веселий,
 пройдет стены и врата глас торжества велий.
Ныне тебе родися слава, царству равна,
 и титла, паче царских титл честна и славна.
О сем преславном деле, в песнях неслыханном,
 пети будет веселник по морю пространном,
Пети будет на холме путник утруженный,
 и оповесть иногда леты изнуренный
Старец внуком, и, яко своима очима
 виде то, внуци старца нарекут блажима.
Мало се: пройдет скоро глас сей торжественный,
 на мир весь сугубому верху подложенный.
Всяк слышай сумненныя мысля в сердце приймет,
 и всех силы твояе страх велий обиймет;
Вси твоей начнут дружбы, вси мира желати
 и не дерзнут рускаго Марса раздражати.
Бог же, сие блаженство давыи нам тобою,
 тожде твоим здравием и дний долготою
Да укрепит, желаем, всегда ти победну
 дая помощ, да бы и лютую ехидну,
Пиющую кровь святых, твоим же убити
 дал тебе оружием, и вся сокрушити
Темници варварския и ярем безмерный,
 и от долгих узилиц извести род верный,
Да же, вся победная совершивше рати,
 крест на стенах Сионских водрузиши златый.

Лето 1709

206. ЗАПОРОЖЕЦ КАЮЩИЙСЯ

Что мне делать, я не знаю,
 а безвестно погибаю:
Забриол в лесы непроходны,
 в страны гладны и безводны;
Атаманы и гетманы,
 попал я в ваши обманы.

Пропадать вы за пороги,
 лиш бы не збытся з дороги,
Не впасть бы мне в силны руки,
 не принять бы страшной муки;

Иду же я на путь преждний,
под кров мне зело надежный.

Прогневил я самодержца
с малоразсуднаго сердца.
Да мой же в том разум твердый,
что бог и царь милосердый:
Государь гнев свой отставит,
и бог мене не оставит.

1709 (?)

207

За Могилою Рябою
над рекою Прутовою
было войско в страшном бою.
В день неделный ополудны
стался нам час велми трудный,
пришел турчин многолюдный.
Пошли навстречь козацкия,
пошли полки волоския,
пошли загоны донския.
Легкий воин делав много,
да что был числа малого,
не отнял места лихаго.
Поял то был город близкий,
врагом добрый, бо был niskий,
дал бы на вас пострел реский.
Пришли на Прут коломутный,
тут же то был бой окрутный,
тут же то был нам час смутный.
Стали рядом уступати,
иншаго места искати,
а не всуе пропадати.
Скоро померк день неделный,
ажно российский силы
на отворот заgrimели.
Страшно гремят и облаки,
да страшный там Марс жестокий
grimел на весь пляц широкий.

Зоря з моря выходила,
ажно поганская сила
в тыль обозу зашумела.
Всю ночь стуки, всю ночь крики,
всю ночь огонь превеликий:
во всю ночь там Марс шел дикий.
А скоро ночь уступила,
болшая злость наступила,
вся армата заgrimела.
Не малый час там стреляно,
аж не скоро заказано,
«На мир, на мир!» — закричано.
Не судил бог христианства
освободить от поганства,
еще не дал збить поганства.
Магомете, Христов враже,
да что далший час покаже,
кто от чиих рук поляже.

1711

208. (К ПЕТРУ ВТОРОМУ)

Дал Петру стадо свое упасти Спаситель,
дабы тем делом Христов явился любитель.
Бог и Петру Второму вручил стада многа
и сотвори известно, коль любит он бога.

Начало 1728

209. ПЛАЧЕТ ПАСТУШОК В ДОЛГОМ НЕНАСТЬИ

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прещедра
небес ясных?
Ни с каких сторон света не видно, —
все ненастье.
Нет и надежды. О многобедно
мое щастье!

Хотя ж малую явит отраду
и поманит,
И будто нечто полготить стаду,
да обманит.
Дрожу под дубом; а крайним голодом
овцы тают,
И уже весьма мокротным хладом
исчезают.
Прошел день пятый, а вод дождевых
нет отмены.
Нет же и конца воплей плачевных
и кручины.
Потщися, боже, нас свободити
от печали,
Наши нас деды к тебе вопити
научали.

Между концом января и 25 февраля 1730

**210. ФЕОФАН АРХИЕПИСКОП НОВГОРОДСКИЙ
К АВТОРУ «САТИРЫ»**

1

Не знаю, кто ты, пророче рогатий,
знаю, коликой достоин ты славы.
Да почто ж было имя укривати?
Знат, тебе страшны силных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы! Ти блажен трикрати.
Благо, что дал бог ум тебе тол здравий.
Пусть весь мир будет на тебе гневливый,
ты и без щастья довольно щасливый.

2

Объемлет тебе Апполин великий,
любит всяк, иже таинств его зрител.
О тебе поют парнасские лики,
всем честным сладка твоя добродетель

И будет сладка в будущие веки,
а я и ныне сущий твой любитель.
Но сие за верх славы твоей буди,
что тебе злые ненавидят люди.

»

А ти, как начал, течи путь изрядный,
коим книжнии теклы исполины,
И пером смелим мещи порок явний
на нелюбящих ученой дружини
И разрушай всяк обичай злонравний,
желая в людех доброй перемены,
Кой плод учений не един искусить,
а злость дураков язык свой прикусит.

Первая половина 1730

211

Прочь уступай, прочь,
Печалная ночь!
Солнце всходит,
Свет возводит,
Радость родит.

Прочь уступай, прочь,
Печалная ночь!
Коликий у нас
Мрак был и ужас!
Солнце Анна возсияла,
Светлый нам день даровала.

Богом венчанна
Августа Анна,
Ты наш ясный свет,
Ты и красный цвет.
Ты красота, ты доброта,
Ты велие веселие.

Твоя держава
Наша то слава.

277

Да вознесет бог
Силы твоей рог,
Враги твою побеждая,
Тебе в бедах заступая.

Рцыте, вси люди:
О буди, буди!

Лето 1730

**212. ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
НА ПРИШЕСТВИЕ В СЕЛО ПОДМОСКОВНОЕ ВЛАДЫКИНО**

Анна милости тезоименита
и самим делом имени согласна;
Сущи вышняго причастница света,
сущи и телом и духом прекрасна,
Буди образом веселаго лета,
всех благ цветами и плодами рясна.
То, рабы твои, от сердца желаем,
когда вид летний на вход твой являем.

Кто же сих тебе не желает с нами,
той сам своему добру враг жестокий,
Ибо когда ты вышняго судьбами
вступила на сей престол твой высокий,
Стала нам солнцем, греющим лучами
твой всероссийский вертоград широкий.
Наша ж то нужда, солнце несозданно
да хранит свет твой, солнце наше Анно!

Храни, о боже, сию в долготу дней,
исполняя в ней имя благодатно,
И подданных ей, народ многолюдный,
просвещая твоим многократно.
А врагом нашим посылай страх трудный,
прогоняя их в бегство невозвратно.
Да всегда щит твой Россия имеет,
дондеже в мире луна оскудеет.

Лето 1730

213. НА ДЕНЬ 25 ФЕВРАЛЯ

В сей день августа наша свергла долг свой ложный,
растерзавши хирограф на себе подложный,
И выняла скипетр свой с гражданского ада,
и тем стала Россия весела и рада.
Таково смотрение продолжи нам, боже,
да державе Российской не вредит ничто же.
А ты всяк, кто ни мыслишь вводить строй обманной,
бойся самодержавной, прелестнице, Анны!
Как она бумажка, все твои подлоги,
растерзанные, падут под царские ноги.

1730

214. О ЛАДОЖСКОМ КАНАЛЕ

Где Петрополю вредил проезд водный,
плодоносныя суда пожирая,
Там царским делом стал канал всеплодный,
принося ползы, а вред отвращая.
Сим страх оставлен ладожский безгодный,
сим невредима пловут к нам благая.
На твою, Анно, деется то славу,
и вода идет по твоему нраву.

1732 или 1733

215. НОВОПРЕСТАВЛШЕМУСЯ ИЕРОДИАКОНУ АДАМУ ЭПИТАФИОН

Смеялся ты, Адаме, как мир суестрастный,
и сам его ж дурости быв нечто причастный;
Как то сей и той жарко праздных честей жаждет,
и от сего смертную в сердце болезнь страждет;
А другий и дни без сна проводит и ночи,
как бы злата кучами повеселить очи;
А кто мощнейших господ за ножки хватает,
тот ничего и в бедность и в стыд не вменяет.
Ты ж то ругал. Позван же в небесныи горы,
еще смешные начал ругать наши здоры.

А мы плачем о тебе горко, неутешно,
что на тебе нашла смерть так рано, так спешно.
Да ты стал и на сие смехотворно врать,
и мы ж уже по тебе перестаем плакать.

1734

**216. О СТАНИСЛАВЕ ЛЕЩИНСКОМ,
ДВАЖДЫ ОТ КОРОНЫ ПОЛСКОЙ ОТВЕРЖЕННОМ,**
но толку имени его и по приличию древней римской истории,
когда римляне на войне с сабинами, устрашась, бежали
с поля, а первый их король Ромулус молился Иовишу, дабы
их в побеге том остановил; что когда зделалось, Иовиш от
Ромула назван Статор, то есть Удержатель, или Остановник

Что слава Станислава богом своим славит,
Станислав бо в имени будто славу ставит.
Сама она не в одном показала деле,
в какой ты, Станиславе, славу ставишь силе.
Не так, как в бегстве римский полк остановился,
когда о том Иовишу король их молился.
Она не прочь избегнуть; но будто с тобою
жить хотела, влекома разною манюю,
И дважды не от дому, но в дом твой бежала
и, внутрь внити торопясь, не дошла и стала.

1734

**217. К ЛУКЕ И ВАРЛААМУ КАДЕЦКИМ, КОГДА
ПИТОМЦЕВ ДЕНГАМИ ПОДАРИЛИ**

Сами бедны сверх наших питомцев дарили,
которым не брать наша правила учили.
И как вам ваши ж денги вредны при отходе,
так оным вредны стали при оных приходе.
Скажи, солнце, какое сечь лекарство нада?
Говорит: разве денги отослать отрада?

1735

Рано, Лука, в сундуки свои кладеш руку!

Из порожняго черпаеш, легчиш легка в звуку,
Сееш серебром, сундуки ж еще не вмещают.

Много даеш, а мало имееш — вси знают.

Поверь мне, Лука, что ты делаеш противно:
прежде сам разбогатеи, потом дать недивно.

1735

**219. БЛАГОДАРЕНИЕ ОТ СЛУЖИТЕЛЕЙ ДОМОВЫХ
ЗА СОЛОД НОВОМЫШЛЕННЫЙ
ДОМОВОМУ ЭКОНОМУ ГЕРАСИМУ**

От Ильи интенданта

Честный отец Герасим,
чим мы тебе украсим
За хлебец твой питейный,
обиходец келейный?
Кто пьет его, тот пляшет
да и рукою машет.
А я хоть отведаю,
что делать не ведаю.
Хвалят тебе вси явно,
хотя не весма славно.
Благодарен же и я,
верный твой друг Илия.

От Неймана жида

Берет мене на сие питейцо оскома,
а то есть честный промысл отца эконома.
Люблю; сладко, приятно,
а в рот течет невозвратно.
Коли б прадеды наши такого достали,
в пустыни на Мойсея век бы не роптали,
Но взявшись за боки,
все б поднялися в скоки.

Горко было бедным им, а нам сладко ныне.
Хвалят тебе, батюшка, в Карповской пустыни,
Хвалит сам архиерей,
колми паче я, еврей.

От учителя Федоровича

Солод твой, о экономе, кажется сад Ноев,
и сей бо дает напой лучших всех напоев
Но там отец насмешке, а сын подпал гневу,
а твоему порок той не прилежит пиву.
И честен ты за сие, не боишься срама,
не как он обруганный от мерзкого Хама.

От козака

Бежит прочь жажда, бежит и печальный голод,
где твой, отче экономе, находится солод.
Да и чудо он творит дивным твоим вкусом:
пьян я, хотя омочусь одним толком усом.

От малых детей

Где ты, о бородушка,
залучил солодушка,
Какова здесь не было?
Так то приятен зело.
Где-сь ты ездил далиоко?
Где птичье молоко?
Поне же, слово-слово,
так сладко и здорово.

От новгородских дворян

За честь твоего солоду
лобзаем твою бороду,
батюшка наш кормитель!
Никто не может сказать,
в какой стала благодати
твоя нам добродетель!
Когда трудов твоих пиво,
что имеется, за диво
прилежно разсуждаем,

Новгородския шалыги,
 которую пьют ярыги,
 весма уж забываем.
Да то чюдо весма странно,
 что хотя и непрестанно
 пивце то с бочки льется
И течет по вся неделе,
 а нам еще и доселе
 дивно как не припьется.

1735

220. К ЛИХОРАДКЕ В ЛИХОРАДКЕ

О лихорадко, тебе за богыню
 говейно чтили древние народы,
Знать, то ведая твою благостыню.
 Но мне бедная суть твои приходы.
Всего терзаеш образом различным:
 се хлад наводиш, се жар зловиновный,
И грызением, ехидне приличным,
 люте пронзаеш состав мой членовный.

221. К СЕЛИЮ

Говорит, что бога нет, Селий богомерзский,
 и небо пустым местом зовет злодей дерзкий,
А тем утверждается в догмате нечистом,
 что хорошо розжился, как стал афеистом.

222. К СЛОЖЕНИЮ ЛЕКСИКОВ

Если в мучителския осужден кто руки,
 ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц трудных,
 ни посылать в тяжкия работы мест рудных.
Пусть лексикки делает: то одно довлеет,
 всех мук роды сей один труд в себе имеет.

Не бойся нимало, поне же я с тобою!
 Не смотри на страхи, когда ты со мною.
 О сердце трепетное! Перестань дрожать,
 полагай надежду в моей благодати.

Всяк себе в помощь вышняго предавый
 живет под кровом божией державы.
 Той везде радость обретаяй многу,
 веселым гласом возопиет к богу:
 «Ты мой заступник, ты мой и щит твердый,
 в тебе надежда, ты бог милосердый!»
 О, блажен еси, в бозе уповая,
 он бо от тебе отвратит вся злая,
 Измет от сети ловец злонадежных
 и предпочистит от словес мятежных.
 От своих рамен и своих крыл щитом
 тебе покрывает пред всяким наветом.
 Истинна его, аки страж оружный,
 тебе отвсяду оградит в час нужный.
 Не страшен тебе ночный вран и стрелы,
 ими же сеет злый случай в день белый;
 Ни бледый примрак, в тме людей страшаций,
 ниже бес черный, в полудни ходящий.
 И будет егда от обоей страны
 тысяща и тмы упадет на брани,
 Но к тебе в той час и время то злое
 не приблизится бедство ни малое.
 А над врагами узриши твоими
 достойную казнь, сам сый невредимый.
 Богу бо себе вручаю твоему,
 имаши бога в крепость незыблему.
 Не придет к тебе зло люто до зела,
 рана твоего не угрызнет тела.
 Велит бо своим слугам велелепным
 стрещи тя везде оком неусыпным.
 На руках возмут и на всяком пути
 не дадут тебе ног твоих преткнути.

Стренет иногда аспид зверь нелепый,
или василиск, или лев свирепый, —
На тях безвредно будеши ступати
и по змиевых хребтах шествовати.
Слыши самага неложное слово,
тебе ко всякой помощи готово:
В моей он силе надежду имеет,
и сила моя онаго покрывает.
Познай мя, бога, аз готов внимати,
егда мя будеш на помощь взывати.
С ним есмь во скорби и подам избаву
и еще к тому неложную славу,
И дам век ему долгий и пространный,
и введу его в живот обещанный.

225

О суетный человек, рабе неключимый,
Как то ты далеко бродиш мечтанми твоими!
А незапно день последний
Разрушит твой живот бедный.
И в той час темный
Пойдеш в ров земный
И в прах твой наследный.

Как же то предстанеш богу, не видевший бога?
И коль страшна правда его и милость коль многа!
А безумная печали
Знать того не допускали,
И злоба зверна
И спесь безмерна
Зело в том мешали.

Прошло же все временное, сониям прилично,
Непрестанное настало, мучащее вечно.
О прегоркая година,
Еще ж бы была кончина!
Но в той болезни,
В той лютой жизни
Ни смерть, ни отмена.

Кто крепок на бога уповая,
той недвижим смотрит на вся злая;
Ему ни в народе мятеж бедный,
ни страшен мучитель зверовидный,
Не страшен из облак гром парящий,
ниже ветер, от южных стран шумящий,
Когда он, смертного страха полный,
финобалтицкия движет волны.
Аще мир сокрушен распадется,
сей муж ниже тогда содрогнется;
В прах тело разбьет падеж лютой,
а духа не может и двигнути.
О боже, крепкая наша сило,
твое единого сие дело,
Без тебе и туне мы ужасны,
при тебе и самый страх нестрашный.

Биография Петра Буслаева не изучена. Известно только, что он учился в Московской духовной академии и окончил там богословский курс. По выходе из академии Буслаев женился и был рукоположен в сан дьякона. Он получил место в первенствующем храме России — кремлевском Большом Успенском соборе. Овдовев, Буслаев сложил с себя духовный сан.

Способности к стихотворству Буслаев проявил еще в ученические годы. Его «Умозрительство душевное...» на смерть баронессы М. Я. Строгановой — одно из лучших произведений, написанных силлабическими стихами. Эту поэму очень высоко оценил В. К. Тредьяковский в статье «Рассуждение о российском стихотворении» в «Ежемесячных сочинениях» за июнь 1755 года. В «Пантеоне русских писателей» Н. М. Карамзин заметил, что «в стихотворении Буслаева подлинно есть и вымысел и гладкость. Например, в описании Христа многие стихи прекрасны». ¹

¹ Н. М. Карамзин, Соч., изд. 4, т. 7, СПб., 1834, с. 274.

227. УМОЗРИТЕЛСТВО ДУШЕВНОЕ,
описанное стихами, о преселении в вечную жизнь
превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

- 1 По рождестве Христове сие дело стало,
Как солнце свой круг тогда обтекало
2 Тысяща седмсот тритцать третий, днем то было:
Девятой луны число девятое плыло;
3 А полночь десять часов как уж удалялась,
Только что десятая минута являлась.
4 Баронесса Мариа вся болела телом,
Здрава ж душа одета в платье была белом,
5 Бутто бы по победе к торжеству готова.
Никто ж из предстоящих говорил тут слова.
6 Душ своих очи остро все тогда раскрыли.
Телесны от слез слепы, душевны ж смотрили.
7 Вдруг все учувствовали: с блистанием светлым
Аки бы веял сладко дыханием теплым
8 Дух силы всемогущей, божией благодати;
Узнали, что хочет он Марию прияти.

2

- 9 Тогда показался красен человек паче,
Властительно блистая, как бог, не иначе.
10 В свет очам ненасытный оболчен был красно,
Сладко было на нь зрети, с радостью ужасно.

Андрій

Діонісієвичь.

Понеже прѣ
вослабная хрті
анская вѣра
еже вѣровати
воединого
бга.

- 11 Тело ж все было в крови, как от мук недавно:
Пробиты руки, ноги, и бок виден явно.
12 Однако ж славы сие не отъимало,
Но любовь божественну казало не мало,
13 Очи являли милость, лицо же все радость.
Весь он был желание, весь приятна сладость.
14 Округ его стояли небесныя силы,
Светлы лица имуще, илектровы ж крилы
15 От славы неприступной себе закрывали,
«К Марии Христос приде!» — дивно воспевали.
16 Таж явилася скоро прекрасна девица,
Воскликнули силы: «Пришла небесна царица!»
17 Оболченна вся в солнце, луна под ногами,
На главе же корона царская с звездами.
18 Мужей, жен и дев много входили по чину,
Страшно нам грешным было разсуждать причину.
19 Все блещут в славе, чести и силе небесной.
Ум душевны се видел, слеп был зрак телесной.
20 Пламенновидны силы крест Христов казали,
Тернов венец и ужи, чем Христа вязали,
21 Трость, копие и гвозди, — страстей инструменты,
От чего трепетали света элементы.

3

- 22 Все страшились. Мария ж душой веселилась,
Добродетелей в цветах вся украсилась.
23 Воскликнула ко богу, к царице небесной:
«Разреши, Христе, союз мне страстей телесной.
24 Душа моя, как елень, желает на воды,
К тебе та желает: чрез пятьдесят шесть годы
25 Месяца три дней дватцать, к твоей благодати.
Безмерно жажду, изволь мя отзде прияти.
26 Мати божия слова, жизненная Ева,
Моли своего сына, небесная дева,
27 Да сей страстми своими разрешит мне страсти,
Измет душу от тела, от света напасти!»
28 Тогда царь славы воздвиг блистательны очи,
На них же и ангелом зреть не было мочи.
29 Святым гласом ангелу смертоносу сказал,
Дабы сей души с телом единство развязал.

- 30 Светла облака была ангела одежда,
Убегает пред ним прочь плотская надежда.
31 Пламенны очи быстро во главе сияли,
Огнепальну молнию крыла испускали.
32 На главе имя бога было начертанно,
На щиту ж светлом тожде казалось избранно.
33 Простирает сей руки к Мариину телу,
«Вондем! — рек ко ангелом, — к божественну делу».
34 Другие подступили, крылами паряще,
Объятия простерли, душу взять хотяще.

4

- 35 Тогда сей ангел от недр изъял сосуд чисты,
Наполненны питием, как брилиант исты.
36 Пред сим Мария в плоти весма встрепетала,
Сила ея всех членов ослабевша стала.
37 Но ангел, подшед, в уста опасно влиял
С смертоносным питием небесный сей фиал.
38 От чего вся плоть ея возмятеся страстно,
Зраком смотреть телесным было преужасно.
39 Дыхание от сердца металось жестоко,
Зрак очей ея светлых затекал глубоко.
40 Смертновидная бледность лице покрывала,
Кровь от обращения оставаться стала.
41 Уста, почернев мало, скоро затворились.
Плоти ея доброты в момент пременились.
42 Теплота природная везде стала хладна,
Тогда душа от тела изскочила жадна
43 Ко ангелом пресветлым в распростерты руки,
Избавльшися телесной болезни и муки.
44 С Христом и девой, с всеми святыми покрылась
Безсмертною славою и в небо вселилась.
45 Тогда душевны ума зрак у всех закрылся,
Телесны ж, пришед в память, тот час осмотрился.
46 Увидели Марию, лежащу уж мертву,
Душа ж ея отъиде в божественну жертву.

- 47 Невозможно сказать, что тогда учинилось,
 Какое рыдание в доме сем явилось,
 48 Все ахнули от сердца; мало замолчали.
 Таж скоро адским воплем безпамятно вскричали.
 49 Кровавых слез источники в сердце закипели,
 Горестно все плакали, все пропасть хотели.
 50 Ревуще, челюсти как в муках разверзали,
 51 Власы и лице свое свирепо терзали.
 Младые и старые и разные люди,
 51 Самих ся ненавидя, тяжко бились в груди.
 52 Скрежетали зубами, визжали нелепо,
 О стены и о землю разшибались слепо.
 53 Кто на кого ни взглянет, слез унять не может;
 Всякаго тажде печаль терзает и гложет.
 54 Белки очей разкрывши, зияют устнами;
 «Почто мать милосерда разсталася с нами?
 55 За что благости многой полная утроба
 Прежде всех нас достигла до смертнаго гроба?
 56 Алчущих и жаждущих ты всегда питала, —
 Се вопиют, се просят, — но уже престала.
 57 Наставляла жить честно многих людей младость,
 Ты в горести утеха, ты в печали радость.
 58 Бедных заступление и нищих богатство,
 Ревность добродетелей и веры изрядство.
 59 То твою душу к богу прочь от нас отъяло.
 Самое небо в тебе к нам завистно стало.
 60 Странных приемнице, мать сирот милосерда,
 Многим в советех мудра, в постоянстве тверда,
 61 Ревнителница правды и вся добродетель,
 Взят тя, на нас прогневан господь вседетель,
 62 В домостройте искусна, в делах трудолюбна!»
 63 Наполнен дом был вопля, будто гласа трубна.
 Всякое место дому казалось рыдати,
 63 И единого без слез было не видати.

- 64 И так по всем палатам плачь сей разливался,
 Где ни приидеш, новой везде начинался.
 65 Когда же весть сия слуха трех сынов достиже,
 Как се описати, что в сердцах их воздвиже?

- 66 Очи померкли, лица побледнели,
В застылой крови сердца их оледенели.
67 Растворя уста, стали безумным подобны.
Замерли течения крови их удобны,
68 Затряслись ноги, язык прилпе ко гортани.
Рекли: ах боже! рыдать будем безпрестани.
69 Объявшимся им вкупе, очи крови полны.
Пролили свирепыя горчайших слез волны.
70 Рыдали, донели же истончали духом.
Горко всякому видеть и слышать се слухом.
71 Егда же сердце в силах мало обновлялось,
Рыдание с слезами паки изливалось.
72 Потом адская весна цвет свой показала:
Темной черноты платьем радость всех связала.

7

- 73 О властитель всех, иже суть и несозданный,
Почто, добродетелей ковчег преизбранный,
74 Тлению сея души предаеши тело?
Вопят обстоящие, какое зрим дело?
75 В то бо время Марию во гроб положили:
Столко тут слезили все, лутче бы не жили.
76 Аще ж и зело тяшко многие плакали,
Но скоро загорелись светлые факалы.
77 Хотя и любящие разстались насилу,
О боже! Уж Марию понесли в могилу.
78 Пред ней поют надгробны церковны концерты,
Тут то были печалью многих сердца стерты.
79 Терзали самой воздух слезными речами,
Раненны печалью, как острыми мечами.
80 От главна и до нижня все в платее печальном,
Следующим за нею при отце начальном,
81 Шел перед ея гробом многой чин духовны,
Его же провожали и следы сыновны.
82 Не сами шли, их вели, крепость вся упала.
Да кто и вел, у иных чай память пропала.
83 Каждой из них толко что обомлеваєт,
Естественная сила вся ослабеваєт.
84 Многой же народ стенет, слезит и вопиет.
Кто ни зрит гроб несомы, горки слезы лиет.

- 85 Принесши же во церковь, путь сей совершили.
 По конце литургии простит(ь)ся спешили
 86 В последние с Марией: мертву ея зряще,
 На гроб той упадали, на долг час лежаще.
 87 Но как пришло время земли ея предати,
 Воскликнули: «Ах, увы! — все стали рыдати. —
 88 Куды отходиш? Знаемых всех оставляеш,
 Ниже чад своих зриши, в землю ся вселяеш.
 Что же сие мы видим, и что сие стало?
 89 Все наше веселие с тобою пропало.
 90 Прости, драгоценная, прости, всем любезна,
 К тому уж не утолиш тока от нас слезна».
 91 Тогда закрыв Марию, положенну в гробе,
 Предали плоть бездушну земляной утробе.
 92 Опустили ю в землю не весьма глубоку,
 Жену, как ребро, к мужню положили боку.
 93 По должности персть перстью сверху затворили,
 Жену со мужем купно камнем накрыли.
 94 О жизни ж ея надпись предкам водруженна:
 Персона и со гербом в камни утверженна.

»

- 95 Потом же все, от гроба пришедше до дому,
 Жалкое дали эхо рыдательна грому.
 96 Слезы день и ноц были многим вместо хлеба,
 Немного служила сна покойна потреба.
 97 Питие же со плачем горким растворенно,
 Памятью о Марии сердце сокровенно
 98 Паче мирры и желчи всяк час огорчалось;
 Лице в доме живущих горем омрачалось.
 99 По многим странам дальним сие разнеслося,
 Можно сказать, что многих сердце сотряслося.
 100 Жизнь и славу нажила Мария си вечну,
 Да имеет та память во всех безконечну.

1

- 1 Иныче ж в делах добрых и вере крепчайши,
Имущий зрак души в чистоте тончайши,
2 Зрели разсуждением о Марии явно:
Как душа восходила в вечную жизнь славно,
3 Когда плачь в доме телесны лиялся,
Души ее быть праздник тогда им казался.
4 Видели: что лиш сия изошла от тела,
В ангельских руках стала пред Христом смела.
5 Ея была веселость живущим завидна,
Зрящим Христа, к ней быти лицом миловидна,
6 Иже всю держит землю, трясет небесами.
Из пресвятейших устен рек к ней словесами:
7 «Марие! Ты благу часть от мене избрала,
Живущи в мире, мира страсти все попраля.
8 Люты были болезни света ти с напасти,
Но аз подкреплях всегда моими тя страсти.
9 Скончала течение, соблюла ты веру,
Сего ради приях тя, возлюбив над меру».
10 При сем всемогущую простер к ней десницу,
Осенив просветил ю, как светлу зарницу.
11 Царица ж неба длани на ню возложила,
Забыла душа, о чем во плоти тужила.
12 Рососою благодати ону оросила,
Светлосиятельными речьми возгласила:
13 «Радуйся, Марие, мне ты тезоименна,
Радость твоя без конца будет не отменна!»
14 Тогда вси ангели и вси святии приступили,
К своему ея лику присовокупили.

2

- 15 В то время приидоша зело красны лица,
Во одеждах пресветлых, как чисты девицы.
16 Многи вещи носяще с собою избранны,
Добры дела Марии реклися названны.
17 Первая казалася в летах совершенна,
Воинским убранством вся была украшенна.

- 18 Одежды ей блистали паче нежель злāты,
Рамена были крепки, к тому же крилаты.
19 От молниина блеска крила выспръ паряще,
Очи пламенеющи на господа зряще.
20 В руках блещущий меч остро обоудны,
Тверда та есть вера. Меч — глагол божий чюдны.
21 Всечасно на господа очами глядела,
Поне же до инаго не имела дела.
22 Воинские ж брони крепость означали веры,
Крила несли до бога верьх эмпирейской сферы.
23 Сию Мария в бога имела всечасно,
Сия с дерзновением возопила гласно:
24 «О боже! Аз с душею сею обитала,
Не просто жила, но с ней всегда работала.
25 Фундамент под лествицу в небо утвердила,
Надежда мне рекла: тем тебе угодила.
26 Бодрствовала на страже у дела опасно,
С мечем острым глагола твоего всечасно.
27 Мария ж мене больше к тому принуждала,
Врагов моих мечем сим со мной побеждала.
28 Понудила все страсти прочь от ся бежати.
Время ей по победе триумф одержати».

3

- 29 Другая, так же красна, со очми отверсты,
Меру праву держала сожатыми персты.
30 Разсуждение чистой совести сказалось,
Ея состояние сквозь зримо казалось,
31 Блистало видно сердце, светились все уды.
Очи ж ея по взгляду все видели всюды.
32 Дерзостна в разговоре, умеренна стана,
В добродетелех была не последня сана.
33 Быстро очми на бога с весельем взглянувши,
Сказала смело, светом от сердца дохнувши:
34 «Боже всего владетель! Ты всего творитель,
Пред всевидящим оком совестны прозритель.
35 Разсуждение зриши ты совести право,
Я всегда с Мариєю пребывала здраво.
36 Трудности не имела понуждать к благому,
Бодра служитель была сия в твоём дому.

- 37 Насладились приятно труда с нею многа.
На фундаменте веры до суща тя бога
38 Построила лествицу Марии всходити.
Изволь ю к своей славе с собой возводитьи».

4

- 39 Третья с главы до ног в цветах украшенна,
Не меньше других в славе светло возвышенна.
40 Под правым раменем рог с цветами ж имела.
Рекла: «И я Марией до тебе приспела,
41 Милосердый боже, Милость называюсь,
На слушающих тебе тобою изливаюсь.
42 На сию истекша не тще пребывала,
Но она мя на многих щедро изливала.
43 От чего жизни ея в посредственны леты
Милосердия иста возрасли сии цветы».
44 Сама же показала на те цветы в роге,
Много их разбросано к небу по дороге.
45 Рекла, что вся лествица украшенна она
До превечного царства горняго Сиона.
46 «Украсила милости цветами Мария,
Веди ея с собою, на пути ж том зри я!»
47 Таковую ж красоту цветы те имели,
С весельем многим божьи очи их глядели.
48 Ангели ж со святыми безмерно дивились,
Видя дела сия, в душах веселились.

5

- 49 Четвертая же ближе приступила к богу,
Наклонилась смиренно, будто нужду многу
50 Безсмертному Монарху мнелась доносить,
Или бы дерзновенно о чесом просити.
51 Со нижайшим поклоном предложила слово:
«Вседержавче всех тварей! Все уже готово.
52 Доносила и прежде пред тобою, Владыкой,
Феатр в небе Марии устроен великой.
53 С истинным постом от ней к тебе приступала,
Ныне ж с душею сею пред тобою стала.
54 Жизни ея молитва тобою названна,
Через мое прошение да будет избранна

55 На небесном театре триумф отправляти,
Буду торжества пламень при ней испускати».
56 И вдруг излила от уст дивна цвета пламень,
Вся она блистала, как драгоценны камень.
57 В руках же ея был жезл светящся железны,
Рекла: «Се Марии пост, сим души болезни
58 Отгнала Мария, со мной сей носила.
Изволь учинить, о чем ты чрез мене просила».

6

59 Единая ж паче всех светла красотою,
Не так прекрасны были прочие пред тою.
60 Младостью своею всеприятно цвела,
Безсмертная красота вся казалась цела.
61 Очи якобы звезды радостью светились,
Белы власы как серебро сверх плечь распустились.
62 Весело ея лице, червлено и бело,
Раны Христа имело в себе ея тело.
63 Светлою и тонкою пурпурой одета,
На главе ж венец не злат, ни от летня цвета,
64 Но из терния остра, плетения хитра,
Украшала ей главу божественна митра,
65 Изображенны Христа держали все страсти,
Казалась над святыми в высочайшей власти.
66 Дерзновенно на перси припала до Христа,
Радостно на нь воззревши, разтворила уста.
67 Сладчайший дала свой глас, о себе являя,
Купно ж Марии душу Христу представляя:
68 «Божественна любовь есмь, прелюбезны боже,
Никто же мя с Марией разлучить возможе.
69 Сия себе не тако, как тебе, любила,
Любовью твоей страсти света погубила,
70 Сам ты возлюбил ея Царствия к потребе,
Прими ж ю в твое Царство, да царствует в небе.
71 Чрез мене заслужила единство с тобою,
Свет весь презрела, тебе ж взыскала собою.
72 Да идет убо с нами к твоему престолу,
Ко востания тело оставивши долу».

- 73 Тогда светлым облаком подъяшася купно.
 Душа ж Марии с богом пошла неотступно.
 74 Все пришли на лествицу до небесна града,
 Мария же взирала на господа рада.
 75 Лествица построена была высоко,
 Таковыя ж красоты не видало око;
 76 По которой скоро все себе возвышали,
 Ангели же с неба песнь сладко возглашали.
 77 Благие дела Марию возводили чесно,
 Торжество человеком было се не вмесно.
 78 Устретала ж персоне с неба еще ина,
 Можно знать, что Мария была Магдалина.
 79 Многоцветное миро в руках та держала,
 Облобызав Марию, до сердца прижала.
 80 Рекла к тезоименной душе восходящей:
 «Вниди, душе святая, в свет незаходящей,
 81 В вертограде коснут(ь)ся ко Христу воскресшу,
 Сам той удержал мене, до него притекшу.
 82 Ты ж пред исходом к Христу дважды прикоснулась,
 Ныне от сна мирского в жизнь вечну проснулась.
 83 Вниди убо днесь в радость господа благаго,
 Насытись веселия в вечности святаго.

- 84 И тако достигоша ближняя приметы,
 Идеже обращались вышняя планеты.
 85 Там и красное солнце не светло казалось,
 Блистаньем бо от них весьма помрачалось.
 86 На землю ж не хотели уж и посмотретьи,
 Как узрели, что хочет врата отворити.
 87 Красен был вратник, лицом в морщинах, с брадою,
 Навислы были брови, с главою седою.
 88 Ажно он был апостол Петр, Христу теплейший,
 Держал в руках своих ключь, паче звезд светлейший.
 89 Красота ж того места весьма непостижна,
 Описать не достанет и разума книжна.
 90 Пространство ж непомерно всех людей глазами,
 Нет там раба подданна, все живут князьями.

- 91 Когда ж ключник вложил ключь в небесны дѣвери,
Глаголала Мария правой символ веры.
92 Тогда самое небо отверстое стало,
Святых и сил небесных стретило не мало.

- 93 Возгласили вси: «Свят, свят, свят господь владыко,
Святыя Троицы имя паче всех велико!»
94 Первые ж господь взыде с матерью своею,
Прият Марии душу со свитою всею,
95 Рекущ: «Приди, Марие, во свет непрístupен,
Лик всех святых с тобою будет совокупен.
96 Гряди, раба верная! В радости поставлю
Тебе вечной, и славой со мною прославлю».
97 И так всем вшедшим, врата быша затворенны,
Лествица ж с фундаментом стали сокровенны
98 Только слышалось в небе немалым се часом,
И Мария уж пела пресладчайшим гласом,
99 Божию хваля славу сладкими глаголы,
Яже поживе на свете по божией воли
100 Больше ж: се вечна память у всех заключила,
Что Мария жизнь в небе получила.

Ноябрь — 20 января 1734

Старообрядческий монастырь на реке Выге (Олонецкая губерния), основанный около 1695 года, в течение полутора веков — до уничтожения в 1855 году — был духовным центром поморского беспоповского толка. Уже при Петре I, который указом от 7 сентября 1705 года предоставил выговцам право самоуправления (старообрядцы платили казне двойную подать), Выговское общежитие представляло собою крупную хозяйственную силу. Оно вело хлебную торговлю, занималось рыбным промыслом на Белом море. В 1706 году в 20 верстах от Выга, на речке Лексе, была устроена женская пустынь.

Выголексинские старообрядцы завели школы, собрали богатейшую библиотеку, устроили книгописную мастерскую, которая обслуживала весь раскольничий Север. Здесь появились свои писатели, оставившие сотни проповедей, полемических трактатов, исторических сочинений, посланий. Особенно плодовитыми были братья Андрей (1674—1730) и Семен (1682—1741) Денисовы Вторушины-Мышецкие. Старший, вместе с известным старообрядческим деятелем Даниилом Викулиным основавший Выговский монастырь и руководивший им до самой смерти, инкогнито слушал богословие, риторику, логику, поэтику в Киеве, может быть у Феофана Прокоповича; он написал более сотни сочинений. Братья составили знаменитые «Поморские ответы» — ценный источник сведений по истории и идеологии старообрядчества. Среди произведений Семена Денисова — «Виноград российский» (собрание биографий раскольников, пострадавших «благочестия ради»), «История об отцах и страдальцах соловецких», посвященная осаде монастыря царскими войсками в 1660-х годах.

В Выголексинском общежитии широко культивировалась поэзия с характерной для старообрядчества тематикой: о конце света и наступлении царства антихриста, о благодати «пустынного жития» и т. п. Силлабика в старообрядческом стихотворстве занимает скромное место: предпочтение отдавалось тонике и раешному стиху, как народным метрическим системам. Силлабическая традиция держалась при братьях Денисовых и их ближайших преемниках, а затем угасла.

Увеселение есть юноши премудрость,
 в ней же пребывающа не примет скучность.
 Смирение юного велми украшает,
 чистота в премудрости зело позлащает,
 Удобрит любомудра житие покорно,
 егда пребывает той в любви незазорно.
 Беда велика юным, своя их тем воля,
 откуда приходит им зазорна неволя.
 Добро есть учащимся страх божий имети,
 ум и руце в молитве ко богу воздети,
 Да в добро учении себе позлащают,
 в смирении покой, мир, радость стяжавают.

1710-е годы

**229. РИФМЫ ВОСПОМИНАТЕЛЬНЫ О КИНОВИАРСЕ
 ВЫГОРЕЦКАГО ОБЩЕЖИТЕЛСТВА АНДРЕЕ ДИОНИСИЕВИЧЕ,
 ВКРАТЦЕ ВСЕГО ЖИТИЯ ЕГО**

1. РОЖДЕНИЯ

Европа ты славнейшая,
 мужа сего изнесшая,
 В Российском царьстве хранящи,
 в поморских краех держащи,
 Возрастивши его млада
 в пределе Олонца града,
 Рождъшася в селе посацком,
 в славном рядке Повенецком,

Иже дом оставль юностне,
сшед во пустыню ревностне,
Вселися в ней младолетен,
сы(й) седьмнадцатолетен.

2. ПРЕБЫВАНИЯ

Тогда, тогда проявися,
пустыня Выгска открыся,
Во всю бо Русь произыде
и концы ея об(ъ)иде,
Еже и мног народ собра,
зря в себе пастыря добра,
От всех богом предъизбранна
и во всех им одаренна,
Сего отца пречестнаго,
учителя всеблагаго,
Поморию пресладчайша,
Выгорецы же дражайша.

3. ДЕЯНИЯ

Горы бо, холми в ней чистив,
храмы молитв тамо ставив,
Киновии две согради,
аки красны вертогради.
Многи скорби, многи беды
сперва подъя многолетны,
Глад, наготу с нищетою,
во всех всего скудотою.
Сего ради в страны ходя,
христолюбцев сонмы вода,
Во пустыни населяя,
в древней вере наставляя.

4. СЛАВЫ

Тем же везде объявися,
учительством уяснися,
По всем краем пронесесе,
во всякий слух внесесе,

И в царских устнех вещаем
и в синодских обношаем,
Яко церковной рачитель,
староверцев всех учитель,
Зане бысть и всяк украшен,
отчелепства главы страшен,
Мерою возраста средня,
честью же влас проседна.

5. ПРЕСТАВЛЕНИЯ

И по сих всех умертвися,
зелно главою томився,
Двема нощенствы токмо,
пременися здешних скорбно,
Пятьдесят шестаго лета
скончавши своего века.
Преставися благочестне,
знаменався крестом честне,
Сый того исповедник,
печатлевся, как победник.
Погребен бысть от чад своих,
рыдающих в слезах многих.

6. ЖАЛОСТИ

Ах, ах, свет нам явный,
евангелски в мире сиявый,
Пастырю нас прелюбезный,
учителю нам полезный,
Андрее Дионисьевич!
Вскую скоро тако скрыся,
гробом смертности покрыся,
Нас остави сиротети,
во все дни своя скорбети,
Зане горко обиженных,
от тя скоро отторженных,
Аки пленника рукою,
смертны лютости косою.

7. ПЛАЧА

О, о, о, нам умиленным,
в горки слезы окропленным,
Сице тя, предрагу главу,
спущшим просто в вечну славу,
Ни мало бо завещавши,
ах, ничто к кому вещавши,
О, нашего нещастья,
люто зело сердца с(ъ)ядша,
Ниже слов других получше,
ох, ни сладких очес случше,
Богу всетворцу изволшу,
так судьбами си сотворшу.

8. ПОМЯНОВЕНИЯ

Тем же молим ти ся, боже,
покой душу в райском ложе,
Сего вернаго ти раба,
воина церковна храбра,
Течения си скончавша
и веру зело соблюдша.
Прочее, царю превечный, —
соблуди ѱ в живот вечный,
Правды венцем венчаяя,
Павлов глагол скончаяя,
Милость показуя над ним
в безконечны веки. Аминь.

1730

230. СТИХ ПЛАЧА, ЕМУ ЖЕ КРАЕГРАНЕСИЕ «ПЕЧАЛЬ СОКРУШАЕТ МЯ»

Печальный терн мене убодает,
еже око мое не зрит, что желает.
Чаяние от мене удалися,
а цвет моя жизни сокрыся!
Лишихся аз сокровища предрага,
се моей жалости отрада ни мала.

Обители исполнены плачевна клича,
како же аз буду едина без плача?
Радость церковна перстию покрывся,
утеха пустынна во гробе держится,
Шаает искра во гнезде моего сердца,
Андрея не вижду пустынноводца!
Едина в печали пребываю,
тебе, сладчайша света, поминаю.
Мне отсюду никогда да буди радость,
яко остави нас християнска сладость.

1730

**231. ПЛАЧ О ОТЦЕ УМЕРШЕМ, СОЧИНЕН СТИХАМИ,
ПИСАН ОТ МНОГИ СКОРБИ ТЕПЛЫМИ СЛЕЗАМИ**

Терн острейший жалости душу ми збодает,
рыкати же не могу, глас бо мой престаает.
Отец дивный Симеон мене отлучися,
философ преизящный в небо преселися!
И что ми горчайшее толикия раны,
многих ради моих грех от господа даны!
Плачет ныне пустыня, реки слез точаши,
лютное сие жало в сердце си держаши:
«Ах, и горе мне, бедней, — в горести вещает, —
что ми се и откуда толь горко бывает!
Ею же имех себе крепкую ограду,
той от мене внезапно взят бысть к вышню граду.
Онем же всегда бывах преславно спасена,
сего ныне за грехи явихся лишена.
Имны уже плачевны по отце слагаю,
мечтающе зрак его, к господу вещаю:
Едине безсмертный царю, вечная державо,
отца нашего покой, служивша ти право,
Небесную даждь ему за труды столицу,
ездившу добродетель аки колесницу».
И нам, братие, горе, отца не имущим!
Кто будет нам толик вождь, тако слепым сущим?
Ох, великия сея беды и напасти!
Земля скры свет наш сладкий, о горкия страсти!
Мали разумом есмы, и кто нас наставит,
ах, нашего бедствия кто путь наш исправит?

Скорби нас толикия всегда окружают,
корабль самый жительства волны сокрушают.
Око наше от(ъ)ятыся, солнце помрачися,
радость и веселие в печаль претворися.
Бог-свет грехми прогневан, казнит нас бедами,
имамы враг тысящу, и всяко зло с нами.
Тмы ругателей на нас день и ночь воюют,
онемехом без отца, и вси нас заплюют.
Тем же прибегаем вкупе к единому богу,
желателно ввержемся в милость его многу.
Аще и зле падохом, но леть есть востати,
люты суть врази наши, но бог с ними в рати.
Отец Симеон за нас в небе заступаает,
сего ради кийждо нас тщалив да бывает.
Ты же нам, о блаженне, буди помогаю
и духом премудрости чада си питая.
Сам, отче, назирати стадо си потщися,
егда призываем тя, помощник явися.
Расторгни сплетенныя врагов наших сети,
да возможем в тишине бога присно пети.
Царство нам небесное потщися просити,
ангельскаго же царя о мире молити.

232. ЛЕТОПИСЬ ИСТОРИЯ КОЗАНСКАЯ

Имели в себе нравы бусурманския,
 Цари были и князи, всякаго скаредия наполнени
 И от учителей своих, богоборцев-бусурман, от правоверия
 отогнани,
 И место свое, град зовомый Козань, тмою нечестия
 помрачили
 И благочестия ту не насадили.
 И услыше господь бог матери нашея земли вопль горкой,
 Что она наполнена, всемирная наша приемница, горести
 бусурманской.
 И была град Козань особна своим царством,
 А наполнена была пред богом беззакония своим
 бусурманством.
 И послал всемогущи господь бог на них наказания,
 На Зилантове горе прелютого змея для похищения,
 Чтоб им, зря на такова страшного змия всемогущего,
 Бога наказание в сердца их страшно,
 Чтоб они сердца своими умяхчились и принели милость
 от бога спешно.
 И потом по созданию земли положил всехитрый господь
 бог всякому месту меру,
 Чтоб на том месте устроити всмогущему творцу чистый
 сад — православную веру,
 И просветити святым от купели крещением,
 И украсити то место святых отец плоти нетлением,

И явити образ пречистыя своея богоматере всем людем
 явно,
 И исполнити то место благоухания и чудес всем людем,
 чтоб было в сердцах их внятно.
 И в седмдесятное лето изволил господь бог от них
 соединити град Козань к царству Московскому,
 Чтоб тут не быти вере поганской и престолу
 бусурманскому.
 И повеле господь бог спутшествовати царю, государю
 и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси
 И покорити под нозе его цари и князи и вся люди
 Козанския веси.
 И потом достиже рекою, Волгою зовоюю,
 до Астраханского царства.
 И по божию изволению великой государь царь
 Иван Васильевич прослави свое самодержавство,
 Царя и князи и вся люди астраханския от купели
 крещения освяти
 И вся веси Астраханского царства от их злодеяния
 и нечестия очисти.
 Слава в Троице сияющему на небеси сотворителю богу,
 Что подал на бусурманы земному царю великую могу!
 Всемогущий господь бог на небеси лучами сияет
 И своим повелением поганство бусурман разоряет.
 И сидит на небеси одесную отца,
 А земнаго царя посылает бусурманом ловца.
 Аминь всесотворителю богу,
 Что подал земному царю на поганых помогу!
 Слава на небеси в вышних отцу,
 Что повелел господь бусурман привести в едино стадо
 к одному концу!
 Слава святому духу,
 Что повелел господь розвеяти бусурман по Московскому
 царству яко муху!
 Аминь, аминь и слава великого творца и небесного
 хитреца,
 Просветившаго их от купели крещения яко слепца!

Первая половина XVII века (?)

233. (ВИРШЕВОЙ ДОМОСТРОЙ)

Наказание от некоего отца к сыну своему,
дабы он подвизался о добрых делах выну

Тебе, свету возлюбленному, моему чаду,
Аки цветущему винограду,
От меня, отца, крепкое наказание.
Наказую тя, чадо, после своего живота:
Да будет тебе душевная и телесная чистота.
И не ходити бы тебе по чужим забралом,
Промышляти бы тебе душевным своим ралом
И доволну быти своими оброки,
Да не будеши слыти никоторыми пороки.
И всегда бы тебе до церкви господни приходядати
И божественная словеса благоумне внимати,
И во время того святого пения молчати
И царство небесное во уме своем помышляти,
И до конца бы церковного пения не исходити.
И во уме своем твердо и непоколебиму быти,
И никогда же бы тебе пустошных словес говорить,
И уст своих и языка таковым глаголанием не сквернити
И пред добрыми людьми вежливо говорить.
А слепа и хрома и всякаго никого не укорити.
И со злыми бы и лукавыми человецы не знатися,
А на божественная словеса простиратися,
И на беседе сеядчи словом напредь не дерзати,
И на трапезе будучи такожде руки своя не предваряти.
Ожидати бы тебе честных и выше тебе сеядших
И друг друга болши себе честию творящих.
И тако будеши велми честен и хвалим от всех,
Да не будет ти лютый посмех.
И паки держися добрых людей совета,
Да будеши явитися сын света.
И законного подружия своего, аки глаза, береги,
И от всякаго лжива слова, яко от огня, беги,
Зане же Давид царь и пророк глаголет
И таковыми глаголы, яко перстом во око, колет:
Яко погубит господь вся глаголющыя лжу.
А мы глаголем — пойдет таковых душа во ядовитую ржу,
Сиречь в вечную муку.
Тебе же да подаст господь десную свою руку,

Да не постигнет тебе никоторая напастъ,
Всякаго бо человека содержит божия власть.
И богоданным своим воли им отнюдь в худом деле
не давай,
И держати бы их в велицей и страшной грозе,
И да будут они подобни всеплодной лозе.
Поне же самовольныя дети всегда погибают,
Некогда же велицы пианицы и блудники бывают.
Понос и укор отцу и матери приносят,
Того ради и люди недоброю славою обносят.
А аще будет тебе милостыни творити
И души моей грешеной хотя мала отрада учинити,
И ты бога ради давай с тихостию и с любовию,
Зане сам господь наш искупи нас своею кровию.
Яко же негде речеса: вода огонь угашает,
Жалость и милостыня многия грехи потребляет
И всякой многогрешной души велми помогает,
И господь ея благоприятне принимает.
К тому же ко всем человеком держи любов,
Зане же она покрывает множество грехов.
И не буди обычаем своим никому горд,
Да не посечет тя невидимы господень оскорд,
Яко гордость и величание многих погубляет
И во дно адово в разные муки посылает.
И буди паки ко всем человеком смирен,
Да не будеши поганскими делы обуморен.
И тщися всякому человеку сердце собою усладити,
Да возможеш и гневающегося на тя умилити.
И тако спасешь свою душу от смерти
И паки будеши вся тяжкия грехи своя потерти,
И сподобишися нескончаемого селения,
И тако избавлен будеши лютаго боления.
И аще послушаешь сего моего наказания,
То не лишен будеши вечнаго упования.
Аще ли преслушаешь сие мое к тебе учение,
Блудися, яко да не постигнет тя вечное мучение.
Добро убо и похвално пред добрыми людми,
Ты же умом своим и мыслию внемли:
Аще кто отца своего и матер слушает,
Таковый аки семидален хлеб вкушает.
Аще ли кто рождших своих раздражает,
Таковый на всяк ден аки оцет с желчию вкушает.

И сия моя словеса напиши на сердечных скрыжалех:
 Мати бо твоя родила тя в печалех
 И всегда нощию о тебе скорбела
 И со всяким усердием велми о тебе болела.
 Да и аз грешный, отец твой, многое попечение имел,
 Такожде всегда сердцем своим о тебе скорбел,
 Как бы тебя в добре и непорочне воспитати
 И, воспитав, доброму же учению вдати.
 И чтобы тебе всегда в чести и славе быти
 И паки добрым же именованием от людей слыти,
 И законную жену свою и дети самем собою кормити,
 А не чужими бы добытки себя и ея срамити.
 Писано бо есть от некоего мудра мужа,
 Его же в сей книге нарицаю велми досужа:
 Зря на чужую трапезу,
 Мы же глаголем некогда проливаем свою слезу.
 Поне же корпит у чюжих врат,
 Алчба бо и жажда на всякого аки супостат.
 Не даст бо не ядши не пивши много терпети,
 Того ради понуждают на чужия столы зрети.
 Таковый оскверняет свою душу чужими брашны,
 Богатых убо дома убогим бывают пристрашны.
 И ты то, чадо доброе, умом своим и мыслью внимай
 И сам собою и своею силою потребная своя добывай.
 Есть же много изнаписано иного поучения,
 Да не у время исписати таковаго речения.
 Сам не ленися святых книг прочитати,
 И любящим таковое речение. . . <дай знати>
 Потом детей своих и внучат тому же наказуй
 И ко спасенному пути стези им указуй.
 И они по твоему словеси начнут творити
 И сверстников тако же тому у<сердно> учити.
 И тако будет <тебе> от Христа бога сугуб дар,
 <И благим> деланием да отложится . . . <от тебя> всяк
 свар.
 И по божией милости с материю твоею мы тебя
 воспитахом,
 И добрый талант и разум тебе вдахом.
 И ныне в возрасте своем и уме совершенне
 Да напишется добро имя твое в книзе верне.
 И ты мене, грешнаго отца своего, не забуди,
 И часто ко гробу моему приходити готов буди.

И свещу и просфору о мене грешнем не ленися
 приносить,
 Негли души моей грешной возможеша поне малу отраду
 учинити.
 И паки грешную мою душу от места мучения свободиши
 И своей души вечную отраду сотвориши.
 Аще ли будет тебе нечим мене грешнаго помянути,
 И ты го(рко) буди о мене грешнем воздо(хнути).
 И то тебе вменится (. . . .) помяновение:
 Никото(рая бо д)обродетель полагается в забвение.
 И сему к тебе писанию и наказанию конец,
 И будет ти от Христа бога добрый венец.
 Аминь.

Первая половина XVII века

234. О БЕЗМЕРНОМ ПИТИИ И О БЕЗМЕРНОМ ЗАПОЙСТВЕ ДВОЕСТРОЧИЕМ ПРОСТООБРАЗНО СЧИНЕНО

Егда человек безвременно и безмерно вина испивает,
 тогда он все свое домовное радение забывает.
 Поистинне в безмерном питии создателя своего люди
 не поминают,
 и себе пьяницы за безгрешных быти вменяют.
 В велией скверности и во зле пребывают
 и вся домовная правила забывают,
 к церковному пению не приходят,
 а с сатанинских позорищ не сходят.
 Песнями и кощуны веселятся,
 и за то погибли в дома их вселяются.
 С пляснями и с прегудницами скачут,
 а добронравни, видя то, плачут.
 Воистину тому злу беси их научают,
 во адова жилища и в муки таких похищают.
 Какое зло где ни есть учинится,
 а все тои злым запойством творится.
 Запойства бо от слабости бывают,
 а в слабости вся дияволя действия пребывают.
 Хищения и лжи в пьяницы вселяются,
 блуд и прелюбодейства в них же объявляются.
 Разбои и татьбы от запойства же бывают,
 смертная убойства в том же обретают.
 И всякия злые дела от пьянства рождаются,

а благия дела от пьянства погубляются,
телу растление, а душе пагуба бывает,
мудрости погибель пьянство же бывает.
Пияница никогда о небесном царстве потщится,
но токмо о скверном плясании радится,
пияница божия суда не боится,
а в скверных делех аки в добродетели бысть мнится.
Пиючи вино, тако он глаголет
и всегда в душе своей сице помышляет:
«Ныне мне при своем животе и попити,
а на оном свете того будет не творити».
И сими пустошными глаголы душу свою всегда убивает
и диаволими сетми велми въсегда увивает.
О сем диаволу велия радость бывает,
и на злейшая дела пияницу подстрекает.
Пияница в великом запойстве и себе не познавает,
и тем он диаволу велми угоден бывает.
Егда же он от пьянства не отстанет,
горелного вина пити не престанет,
тогда милость и благодать божия от него отбежит,
а диавол ему помыслы злыя наложит.
Учнет пияница велми тосковати,
а остаточное свое житие учнет изживати,
и егда он остатки жития своего пропиет,
тогда диавол злою язею его убьет.
Учнет пияница себе размышляти
и увидит, что в дому его не за что ся принять.
И без разсуждения учнет жену свою и детей бити,
чтоб ему житие свое назад возвратити.
И учнет взаем у людей просити,
а людие его учнут велми поносити,
и никто ему взаим не учнут давати,
и пияница учнет о том велми тосковати
и ис сраму дом и жену свою покинет,
а злаго пьянства от себе не откинет.
Учнет по далним странам волочитися
и во граде по кабакам учнет наг валятися.
И помале зле он живот свой скончает,
огнем и толикими муками себе венъчает.
Дом же его весь, кому должен, и те разграбят,
жену же его и детей они же ограбят.
И в том жена ево и дети в работе будут

и до смерти живота своего работы не забудут.
И вне чертога пияница затворится,
а широкий путь, ведущ в муку, ему отворится.
И память пияницы с шумом бывает,
и никакo по нем добр поминок не бывает,
зане зле живот свой изжил,
а никакия добродетели при животе не прижил.
И велми писания злое запойство проклинают
и злых пияниц от вина отстати умоляют.
Не проклято питие пити в меру,
но мы, окаянии, не имаы тому веру.
Егда учнем зелное вино пити,
тогда хощем и глаза свои закрыть.
Аще вино в меру пити,
то с него здраву быти.
А не в меру вино пити —
ино ум свой пропити
и добрые дела забыти
и тем от бога отбыти,
души своей победу наздати,
а никакo в безмерном питии добра не видати.
Толко с него зле вопити
и утробу свою дуплити.
Никако бо в целости душу не получитьи,
но токмо пагуба душе улучити.
Многия бо болезни от пиянства бывают,
велми вся уды с него растлевают,
они велми загнивают,
мозги во главе истывают.
Кости сокрушаются,
жилы истончеваются,
хребет погорбляется,
ум велми погубляется,
память забывается,
смертнй час не воспоминается.
Руце велми трясутся,
и никакия уды не вознесутся,
нозе не ходят, очи не видят, персты не гнутся.
Скулы вжимает,
тело испадает,
красота увядает,
лепота поникает,

власы седеют,
и никакия уды не владеют.
От пьянства младый стар бывает,
и никто в пьянице младость не познает,
пьянство вскоре младому старость наводит,
а младость от телеси велми отводит.
В пьянстве телесная дела обновляются,
а душевная дела от пьянства погубляются.
Пьянство велию пагубу души наводит,
ону во огонь и муку вечную приводит.
Душевная дела к богу присвояют
и в высоту скоро к содетелю своему лехко возлетают,
а телесныя дела снизу отяхчаваются
и прохождению мытарств злолюте душу омавчавают,
до ада низводят
и в темныя места душу вводят,
на праведном суде осудятся
и в руце немилостивым бесом предаются.
И мы, братие, поревнуем от пьянства отстати
и к небурному пристанишу, к содетелю своему пристати,
от телесных дел отбегати,
от слабостей и протчих вещей убегати,
а к душевным делам притекати,
к церковному пению почасту приникати,
к прочим же милость творити,
как бы себе вне чертога не затворити,
милостыню неимушим по силе подавати
и тем от себе огонь и муки вечныя изывати.
Пьянство вводит в вечную муку,
от пьянства богатии нищетою поступиша,
а многолетнии мнози скоро умроша.
Пьянством князем землю пустошит.
Пьянством вся злая дела совершаются,
а благия дела потребляются,
и ум и мысль теряется.
Пьянство отлучит мужа от жены, а жену к чюжему
мужу.

Пьянство ногам болезнь творит,
руки дрожат, зрак очима погубляется.
Пьянство к церкви не пушает,
богу молитися и книгу чести не дает,
пьянство нехристианстей смерти придает

и в вечный огонь вводит
и до ада низводит.
Пианъство красоту из лица выводит
и смрадно и гнусно сотворяет,
пиянство брани устраивает
и дратися повелевает,
пианство боловству поучает
и смирение от человека отлучает.
Пианъством заповеди преступают
и от воздержных и от искусных людей отступают.
В пианъстве ярость приходит
и блуду стень наводит.
Пианъством сердце разжизается
и утроба велми распалается.
Пиянъство от колоды и от камня отрывает,
а благия дела злобою покрывает.
Пианъство пищи не желает,
токмо многого пития жадает.
Пианъством з гладу помирают,
воистинно таковии безлепотно умирают.
О ком в людех молва? О пиянице.
У кого сини очи? У пияницы.
Кому сокрушения телу, кому горе? Пиянице.
Кому заутреня проспять? Пиянице.
Кому бранитися, кому дратися? Пиянице.
Кто в худе ризе? Пияница.
Кто беззенотную стонную смертью умер? Пияница.
Кто в погибели? Пияница.
Кто безчиние делает? Пияница.
Пияницам лица божия не видати,
а на райское селение зря — рыдати.

Вторая половина XVII века

235. О СМЕРТИ

О смерти злосливая и гневливая,
всем живущим человеком немилая!
Что ты, яко тать в нощи, тихо ходиши
и без проповеди тайно приходиши,
Неготова мене заставаеши
и любимое мое отимаеши?

В нечаяние всего мя обнажила
и между смрадными трупы положила,
Недвижима еси мене показала
и неразрешимым поясом связала.

О смерти гневливая и злосливая,
на плач мой и слезы не жалосливая!
Что себе прибýtка во мне получила,
еже мене с телом моим разлучила?
Сродницы и любими зелне плачут,
а врази мои ныне радостно скачут.
Приятели мои далече остаща,
якобы уже и незнаеми стаща.
Друзи и ближнии гроб мой златом крыют,
а инии глубокою яму рыют.

О смерти страшливая и злосливая,
слепа, глухая, немилостивая!
Вчера были слуги ордами за мною,
а ныне несть ни единого со мною.
Но токмо они днесь в том послужили,
что мя в темный гроб навеки положили,
Землею убо и каменем покрыли,
дабы мене тамо черви расточили.
И тако мое веселие минуло,
богатство и слава навеки уснуло.

О смерти немилосердая и злая,
страшнообразнейшая и неблагая!
Что ты мене рано еще уморила,
двойкое диво на мне сотворила?
Кому мое имение и полаты,
сосуды сребрены и одежды златы?
Краснии мои сади и винограды
днесь твоими ногами вси потоптаны,
Преминули ми радостотворных смехи
и всякия мусикийския утехи.

О смерти несытая и прелютая,
неблагодарнейшая и злолютая!
Вем убо, вем, яко не мною начало,
но всем дело твое зело огорчало.

На всех ты преострый мечь вообнажила,
и тем сильных света сего положила,
Богатых и славных навеки побрала
и под ноги свои равно потоптала.
Всех еси, смерти, под солнцем покосила
и купно вся со земным прахом смесила.

О смерти непобедимая, гордая,
жестоконравная и непокорная!
Вси от тебе стрелою люте уязвлени
и во вечной темнице и затвержени.
Горко рыдаю и плачу, а ты не зриши,
кричу и молю, а ты свое твориши,
Дееши красоту мою безобразну,
тлению и персти месиш сообразну,
Милостивно, смерти, не поглядаеши
и от плача ушеса своя затыкаеши.

Где убо ныне бывши миролюбцы,
славные и лакомые златолюбцы?
Где ныне во премудростех спеущии,
дивная и преславная деущии,
Иже яко свет в жизни своей сияли,
разумом и красотою лиц блистали?
Твоим, смерти, мечем вси испресечени
и во тме непросветимой заключени.
Веселящиеся богатствы многими,
вси и те смесишася со убогими.
Где ныне гордо возвышающиеся
и лакомствы си насыщающиеся?
Вси от тебе, смерти, потребишася
и без памяти вечно погубишася.
Где главныя великопородныя паны?
Устроила еси их яко болваны.
О смерти, велми есть страшна память твоя,
трепещет убо тело и душа моя!
Везде ты, смерти, выну притекаеши
и никого никакo обтекаеши.

Ты царем златыя венцы отимаеш
и главы их без милости отсекаеш.

Ты дивных князей и боляр извергаеш
и во темныя гробища засылаеш.
Воеводам ты булавы отбиваеш
и недвижима до гроба провождаеш.
Ты сладкоглаголивый язык связуеш
и безсловесна пред всеми показуеш,
Премудрых философов без ума дееш
и во вечное молчание одееш.

Где, иже светло и весело почили?
Всех их тамо уже черви росточили.
Силных исполинов от света згонила
и в небытие всех еси изгонила,
Злым смехотворцем истлила еси губы,
и насилу остались ли и зубы!
О смерти, приход твой зело есть страшливы
и час исхода смутливы и плачливы!
Без проповеди нас, яко тать, крадеш
и у всякого на гортани сядеш.

Молодости и красоты не знаеши,
жалости же и милости не маеши,
Богатства и славы не разсмотриши,
нищеты же, бедности не созерцаеши,
В радости и здравии обираеши,
во скорби же и гною не гнушаеши.
Несть тебе потребно воздыхание,
ни многослезное лияние.
Великих и малых в равенстве береш
и тако помалу и всех преведеш.

Брала еси, смерти, от начала века,
дойдеш же и до последнего человека.
Зрите, людие христоименити,
во всех чинех, простьцы и знаменити!
Кто от вас ныне умрет, вы провождайте,
а о своей смерти выну разсуждайте,
Пришествия ея всегда ожидайте
и всякаго греха себе соблюдайте.
Ко богу воздевайте в молитвах руки,
дабы вас избавил от вечныя муки.

Конец XVII века

Царствие Росийское великодержавно,
 мужеством сынов твоих похвалят(ь)ся славно!
 Се бо гордыя луны бусорманской роги
 христианскому царю падоша под ноги;
 Падоша, мужественным воинством сотренны,
 от росийскаго орла тяжце пораженны,
 Егда христианска веры добр ревнитель
 царь Петр Алексеевич, славны победитель,
 Царствуя отческими храбрѣственными следы,
 на весь свет ныне достигил победы.
 Як верховны Петр мечем Малху задал рану,
 так царь Петр дал по уху турскому салтану,
 Аки ухо десное от главы егова
 усече, когда добыл города Азова.
 Где мяхометянския чтяху алкораны,
 тамо Христа бога чтят ныне християны.
 Роги лунныя долу повергше безчестно,
 вознесе рог христианск знамение крестно.
 Не токмо же в Азове, токмо и на море
 храбрость росийска царя показася вскоре,
 Егда грады турския, страхом убежденны,
 поддавахуся царю, без меча плененны;
 От него же отвергши турков, як уметы,
 в славе божьей на церкви претворил мечеты.

1696

Возлетел есть орел славны с Росийския страны,
 побеждающ черны враны, злыя бесурманы.
 Злые враны, бесурманы от орла паряща
 убегающе со страхом, как огня паляща.
 Той бо орел светлозрачны и высокопарны,
 пресветлейши и велики, от бога избранны,
 Благоверны царь московски Петр Алексиевич,
 всея России и стран многих есть отчич и дедичь.
 Войско свое христианско все вооруживый,
 бога в тройцы единого в помощ призывавы.

СИМЕОНЪ

ДЕНИСОВИЧЪ

ВСАКА
ПРЕДЛОЖЕ
НАА ВЕЩЬ
ИСКУШЕНІЕ
ДОСТАВЕРСІ.

Со тщанием на агарян сам ся подвизает,
 промыслом бо своим мудрым благоустраивает.
Христом святым — щитом верным — всех вооружает,
 все воинство российское мудрому вручает
Боярину воеводе, Алексею именем,
 славному в деле, искусному, Шеину прозваньем.
Что великий воевода мудре устраивает
 и все полки под Азовом чинно уставляет,
Чтоб до бою без боязни каждый подвизался,
 крестом святым, щитом веры всяк вооружался.
Турки с моря в оборону многие приходили
 кораблями, фуриками и со шкулами,
Желающе ко Азову силни ся пробити
 и сидящим во осаду помощь учинити.
Адмирал же против турков войско вооружает,
 командора славна, мудра с ними посылает, —
Петра храбра, добронравна, во смелости явна,
 корабелных дел и земных хитреца преславна.
Той же с войском на фуриках в мори выгребали,
 на все суды бесурмански боем напускали.
Тогда турков попленили и многих побили,
 как египтян, и з судами в мори потопили.
Те их слезы в своей злости хотя потопити,
 всю обиду бесурманску хотя отомстити,
В чистые степи зверовидно Наратын с кубанцы
 набежал сам с татарами и злыми поганцы.
На российское конное войско боем напускали,
 многим знатным мурзам своим главы потеряли.
Наратын сам уязвленны преложися в бегство,
 того ж дядка в его место впал в смертное бедство.
И во 200 на седьмь тысяч в четвертое лето
 крепки Азов град и их войско было одолето
Росиским царем государем храбрым, благоверным
 и всем войским христианским, в службе неизменным.
И козаком там пришедшим з гетманом наказным
 Иаковом Лизогубом, воином прехвалным.
Где козаки-украинцы на своем уделе
 поступивши мужественно и розкат имели.
Окопавши они розкат, смело днем засели
 и, дождавши тамо ноци, и пушки побрали.
В чем видяще бесурманы свою злу погибель,
 не хотяще себе дати явне на изгибель,

Высылали дву честнейших, знамена склонивши,
били челом государю, милости просивши:
«Пожалуй нас, великий царь, соделай свободных!
Вся твоя суть зде в Азове, отпусти нас одних
Со женами и з детками, — течем, яко враны,
от орла твоего бела в далекие страны».
Отцу и сыну з духом святым честь и слава буди,
як и ныне, так и всегда во веки веков.

1696

238. ЛЕСТВИЦА К НЕБЕСИ

четвероположся, иже есть воспоминание четырех
последних вещей, рифмами кратко описанное

Непостижимо щедры и всеблагии боже!
Десница всемогущая мне днесь да поможе
Сия благоначинати, тако совершити.
Смерть, суд, геенна, царство, еже имам быти,
Обаче земним умом не суть описанна,
в геенне мука, в небе радость несказанна.
Плачи и рыдай горко, свете окаянне,
пленицами грех многих отвсюду связанне,
Видь и внемли, что ти днесь есть уготовленно,
се ти к познанию да будет явлено.

СМЕРТЬ

Кто похвалится ныне на сей земле быти,
иже бы мог в телеси безсмертно пожити?
Никто. Но, взят от персти, в ту же возвратится,
по глаголу пророка всяк тамо явится.
Александр Македонски славны воин баше,
уби цари крепкия, смерти не можаше.
Смирил, пленил многия даже от Востока
до мрачнаго Запада и моря глубока,
Восхоте странам света всем господствовать,
слави себе земная желая взыскати.

Кая полза бысть ему в свете слава сия,
поне же есть смертию усеченна вия?
Царие, власти, князи премногой державы
лишаются смертию временныя славы.
Гектор от града Трои крепки есть во брани,
сильным людем смертныя налагаше раны.
Сопротивныя полки убил воинственно,
одолеваше врагом всегда мужественно.
Противу смертной силы не могуще стати,
ниже я воинскимя ногама попрали,
Сам оружием ся оста убиенный,
в место персти малое на мног час вселенны.
Аннебаль вождь — ветхаго Рима разоритель
и многих стран на земли жестоки пленитель.
Пленника смерть таяжде себе сотворила,
да дне часа страшнаго тело во гроб вселила.
О Ксерксе царе перском неудобь молчати,
разумную о нем вещь чту ся поведати.
Внегда с вои многими во поле изыде,
на высокия холми видети я вниде,
Обращя к предстоящим, с плачем глаголаше
сие слова, от скорби zelной вопияше:
«Коль многая воинства суть и безчисленна,
по немнозе смертию будут убиенна».
Силни от силы смертной вси изнемогоша,
со оружием своим язвенни падоша.
Мнози крепци, премудри на свете сем быша,
не убо горкой смерти во веки избиша,
Всех острою косою усекну во главу,
погуби их со шумом суетную славу.
Удивление свету Самсон сотворивши,
единою щекою тысящи убивши,
Паде на оружие смертное, скончася,
смерти сильной победа и на нем познася.
Кроме того, иже ся на свет не раждает
и матере своя утробы не знает,
Смерти лютой таковой никогда хранится,
раны, общей всем земным, смертной не боится.
Всякого бо возраста не щадит смерть тая,
на всех светожителей является злая,
Незлобивую юность, процветшую леты,
посекает, яко же в вертоградех цветы.

И средних лет живуща в мире человека
 от жизни сей изгонит во гроб у полвека.
 Подносит оружие и на честну старость,
 побивает такожде, яко же и младость.
 Жнет, идеже не сеет, жизни нашей класи,
 исторгает главнии человеков власи,
 Бдит, ходит безпрестанно, ниже усыпает,
 ищуще восхитити, аки лев рыкает:
 «Кто есть раб и владыка, царь, князь или воин,
 тоя моей казни быти есть достоин!»
 Несть живущаго в свете, не узревша смерти,
 но язвенно от нея всякому умерти.
 Како, недоумею, имам ю назвати,
 евангелисти словес хошу испытати,
 Иже божиим духом так свидетелствует:
 «не входяй в дверь разбойник и тать», —
повествует.
 Тать, разбойник смерть сия и мне мнится быти,
 в бездверие поне же навыкла ходити.
 Не толкущи, в храмину во тайне приходит,
 на что люта пришла есть, тое же и творит,
 Не зрит ни на заклепи, ниже на огради,
 течет прямо жестока убития ради.
 Что убо, земленнии, на свете сотворим,
 егда горкия смерти ничим не умолим?
 Не требует богатства, сребра, ниже злата,
 точию на тление всех кладет до блата,
 На самих святителей руце простирает
 и, снемше диядими, во гроб низлагает.
 Такожде и от стражей никто может знати,
 како аки тать вниде в царския полати
 И, взявше драгоценну от царя порфиру,
 красоту венца от камня самфиру,
 Опровергши на землю фрон, или столицу,
 самого посаждает гроба во темницу.
 Яко же наперснику Христову явися
 конь блед и сидя на нем — се есть смерть —
открыся,
 По ней же ад, темности гроб последоваше,
 сиего видения зело ужасаше,
 Бегает по вселенной, люте побивает,
 вместо **мяжкого** одра в темны гроб влагает.

Искони век смертную сию чашу пият,
согрешивше в Адаме, реки крови лиют.
Дана ей власть от бога, да всем господствует,
сего ради жестоко началствует.
Воистинну суету видим мира сего,
исчезаем, смертнии, внезапно от него,
Ныне живем, а вскоре телом умираем,
всуге света к суете сердце прилагаем.
Кому в притче Христове человек подобный?
Плодом земным насыщен мужь не преподобных,
Ему же изобилно нива угобзися,
в сей надежду имея, ума си лишися.
Никогда неминующей смерти помышляше,
неисчетну долготу дней своих чаяше.
Всегда буй и несмысленни глаголаша в себе:
«Богатому мне сущу, множае не тебе,
Что сотворю — имею умноженны плоды,
жить буду с веселием премногия годы.
Реку ко души моей: яждь, пей и веселися,
почивай и торжествуй, радость ти явится».
Что же ему за глас бысть: «О рабе лукавый,
развращение безумне, грешниче неправый!
Вскую на временныя сия уповаешь,
сея нощи душею люте умираешь.
Плод же кому остане, прокляте, не веси,
внегда дух твой истяжут прелестни беси».
Иже многим богатством zde изобилует,
буйству сего грешника да не поревнует,
Но страннаго zde себе всяк да помышляет,
и пришелца в сем свете лестном да познает.
Ныне бо о множестве злата веселится,
утро же, лишен сего, в персть земли вселится.
Человеку, любящу временно благая,
восприемлет напрасно безконечна злая.
Убьется смертию прегоркою грешний,
сидет на плачь и горесть тяжку во ад вечный.
Яко вода текуща вспять не возвратится,
подобне смерть, на кого егда устремится,
Ни бысть, ни есть, ни будет никто же от века,
его же не побьет аки человека.
Во темноту смертнаго гроба всех вселяет,
богатаго и нищаго тамо вмещает.

Даниила от уст лвов цела сохранивый,
Иону от морскаго зверя избавивый,
Спаси мя, боже, творче, смертоносна яда,
снабди от люта зверя — геенскаго ада,
Идеже вторая смерть вечна обытает,
сицевою умерии во веки рыдает.
Иже прохладжд отроки в печи вавилонской,
и извел еси Лота с пагубы содомской,
Изведи мя от пекла пламене огненна,
да будет твоя слава во век прославленна.
Коль горка есть смерть, вечна и ужасна зело,
которая томит душу и скверное тело!
Восплачем, возрыдаем, да возвеселимся,
жизни неудаленнии, смерти да лишимся.
Волную смерть на кресте Христе претерпевый,
род от ада смертнаго падши свободивый,
Тем же не даждь и мене смерти, окаянна,
за множества грех многих мерзска, отчаянна.
В горести души моей аз вопию к тебе:
подай помощь, живуци на высоком небе!
Призри на смирение молитвы моя,
не удали от грешна милости своя,
Блуди от смерти душу, грехми умерщвленну,
да улучит ко жизни на стезю спасенну.
Плача неутолима смертна избави мя,
страдания вечнаго, Христе мой, спаси мя,
Прийди на взыскание мене заблужденна,
молю, небеси небес тя превознесенна.
Скоро, скоро погибох — предвари, потщися,
егда уже час смертный ко мне приближися,
Изми от оружия смерти изощренна,
хранить от язвы вечной учини спасенна.
Аще в кий час смерть сия вечна помянется,
толикаго трепета кто не ужаснется,
Юже ни ум человек может постигнути,
ниже язык изрещи о горести люти,
Да не погибну, молю, милосердны Христе,
царю веков безсмертный, едине пречисте,
Даждь со ангелы тебе песнь сию воспевати,
буди от всех хваленный на век прославляти.

Грядет час суда
 Придет погибель
 Вострубит труба
 Возбудит спящих
 Телеса мертвых
 Будет в то время
 От зверей лютых
 В пучине морстей
 Огнем сожженни
 Скончанни голодом
 Всяко колено —
 Предстанут страсти
 Солнце и луна
 Вместо светлости
 Звезды от тверди
 Светила ноши
 Небо свиется,
 В оное время
 Оскверненная
 Пламенем огня
 Сядет судити
 Царь

царьствующих

Яко же пастырь
 От козлищ, купно
 Тако и пастырь
 Разно люд людски
 В десне праведних,
 Даст муку грешним,
 Книги разгнутся,
 Что сотворило
 Во мгновении
 Оле грешницы,
 Нелицемерний
 Скверных отошлет
 Имея веру
 Обращет тогда
 Судящи сиру
 Не осужденни
 Кто может судьбы
 Егда ангелы

и кончина лета,
 вскоре сего света.
 ангел велегласно,
 от гробов напрасно.
 востанут от праха,
 всяк исполнен страха:
 в пустыни съеденни,
 люди утопленни,
 тогда вси явятся,
 тамо обратятся,
 неверни, погани,
 и вси християни.
 от яснаго зрака
 наполнятся мрака,
 небесныя спадут,
 сияти престанут,
 яко одежда тленна,
 будут вся отменна.
 земля воспламенится,
 всюду возгорится.
 на облаце славы
 и господь
 господьствующих.

овцы разлучает
 не соединяет,
 сотворит небесны,
 поставит телесны:
 грешних ошуюю,
 мзду правым благоую.
 всяк увидит дело,
 злосмрадное тело.
 ока осудятся,
 где тамо явятся!
 суд будет господний,
 во ад преисподний.
 и любовь ко богу,
 благодать премногу,
 и убогу прямо,
 появятся тамо.
 божия сказати,
 не возмогут знати,

В кий час и время
Праведным радость,
Един бог токмо
Да чаем суда
Всяк от дел добрых
Мерзостны грешник
Что аз, отчаян,
Точию муки.
Ждет мя вечная
От бога слова
Како божию
Не имущь брачной
Советом злаго
В отчаянии
Враг раздра богом
В ризу смертную
Како, безстудны,
Поне же винна
Никогда чаю
Во дни и в нощи
Повем и притчу
Иже той суда
Токмо любитель
Мняще жить себе
Со стяжанием
Всякие злобы
На всяк день светло
Никогда бога,
Име в полате
Солнцем, луною,
Гордым до небес
Дивна вещь — тако
Бог всемогуши,
Крепки, велики
Хотяще грешну
В вышнем Сионе
Во едину нощь
На мяхком одре
С высоты бысть глас,
Слышащи во сне —
«Сыне пагубы,
Семо судищу,

тайна будет сия,
скорби грешным злыя.
благоволи тако,
вси на время всяко.
своих оправдится,
тамо осудится.
болше ожидаю?
Почто согрешаю?
пагуба огненна,
за грех удаленна.
лицу появлюся?
одежди, стыжуся.
змя обнаженный
лежу посрамлений.
одежду истканну,
облече раздранну.
в той день отвещаю,
богу себе знаю?
судии предстати,
навык согрешати.
о мужи едину,
не бояся выну.
бьяше сего света,
в премногие лета.
радость имейше,
зело исполняше,
з други веселяся,
безумны, бояся.
небо сотворенно,
звездами украшенно.
умом вознесся.
последи спасеся.
творец всея твари,
над земными цари,
прийти в совершенство,
получить блаженство,
богатому спящу,
телесне лежащу,
сиче глаголющи,
к нему вопиючи:
конец приближися,
грешниче, явися!»

Абие душа
Его же скверни
Нача горкими
Сими словесы

изыйде от тела,
дом себе имела,
слезами рыдати,
плоть скверну стязати.

ПРАМЕЖДУ ТЕЛОМ И ДУШЕЮ

Д у ш а

Тело смрадное,
Еще ли грешне
Ныне гнев божий
Почто в тя корень
Приспело время
Не услышиши
Лежиши ныне,
Осужденное,
Идеже муки
З грешными будешь
Где ныне друзи,
Вскую обычно
Всяк тя безгласну
Поне же паки
Вчера бо еси
Грехом по всяк час
Мимошедшая
Всякого вечно
Видиши, что ти
В радости место
Где украшенна
Погибе твоя
Вся бо сия днешь
Яко дым огня —
О окаянна
Суетным светом
Что возглаголешь
Судии-творцу
Иже власть имать
Тебе, злобою
Пред лицом твоим,
Грехми твоими
Что заповеди

что днешь помышляешь,
жити в мире чаешь?
на тя разъярися,
грех многих вселися.
суднаго ти часа,
в онь благаго гласа.
исполненно смрада,
снийдеши до ада,
терпети во веки
тамо человеки.
что ты оставиша,
прийти замедлиша?
днешь плоть презирает,
востати не чает.
в власти пребывала,
себе убивала.
слава сего мира,
сотворяет сира.
богатство ползует?
сию скорбь дарует.
бисери одежда?
в богатстве надежда.
вскоре изгибоша,
тако исчезоша.
плоть и оскверненна!
будуци прелщенна,
или отвещаешь?
днешь ся ужасаешь,
воврещи в геенну
грехов помраченну.
тело, обличу тя,
скверно укорю тя,
божия отложши,

Противитися	врагом изнемогши,
Ходящей грехов	в пространней пути,
Праведно, о плоть	моя, досажду ти.
Се ти зеница	очес заключися,
Лице от зрака	перва изменися,
Уста неправди	твоя умолкоша,
Уды с составы	твоими умроша.
В путь погибелны	ходящие нозе
Будут на веки	в болезни мнозе.
Чрево несытно,	хотящее сласти,
Утолстевше	на временной власти,
Снийдет в геенну	на вечныя муки.
И кто избавит	мщения от руки?
Дастся гортани	сосуд неоскудны,
Исполнен серы	кипящей, в день судны,
Ярости чашу	божия испиет.
Всех тако грешных	судия убьет.

Тело

Кто се сверепо	днесь ко мне вещает,
Ложь и неправду	на мя поведает,
Вину толику	всуде прилагает,
Судом, мукою	вечною страшает?
Чии словеса	во уши прийдоша,
Умерщвленную	плоть мя ужасоша?
Ты ли, о душе	моя, глаголеши,
Напрасну на мя	клевету влечеши?
Противу сего	имам отвещати:
О, тои лжи	сосуд нескудны!
Вестно ти буди,	разумей, колику
Вину на себе	узриши велику.
Вся ти по ряду	глаголати буду:
Повинна болше	явится суду.
Не обрящется	притча нї едина,
Иже бы раб был	болши господина;
Повеленное	всегда сотворяет,
Еже повелит,	то соделовает.
Аз тебе, душе,	подобне врученно,
От творца твари	в раба приставленно,
Да тебе во всем	рабски послушаю,
В повелении	твоем пребываю.
Аки челюсти	мску что востягает,

На хотение
Тако и тебе,
Вскую от грехов
Внегда восхотех
Добре бысть постом,
Ничим же иным,
Страсти бывают
Аще кто бремя
Тело мучений
Тебе толика
Будешь со мною
Довлеет ми днесь
Словеса от уст;
Зане надежды
Избыти суда,

его не пушает,
душе, подобаше,
мя не воздержаше.
сластем работати,
труды умерщвляти.
токмо вещми сими
тела укротими.
так о налагает,
вечных избавляет.
блага не творящей,
в геенне горящей.
вотще испущати
время есть престати:
отнюдь не имама
суща со грехами.

Д у ш а

Люте мне ныне,
Купно во мире
Грехам мя своим
Бедну, невинну
Права бех, чиста;
Ея делами
Неба и земли
Неоскверненну
Добродетели
Непорочную
Злобы никак о
Почто с тобою
Ты, плоть, убийца
Гнев подвигнувши
Проклята есмь аз
Лишенна хвалы
Вся злая прииму
Осужденная
Лучши бых прежде
Неже с тобою
Како господу
Се во век веков
Ризы спасенний
Огня пламенем

ничто же творившей,
с плотию бывшей!
присовокупляет,
душу ужасает.
плоти примешенна,
днесь порабощенна.
искони творитель,
созда мя зиждитель.
светом просвети мя,
от хрех сотвори мя.
в себе обретаю,
купно муки чаю?
и враг мой досадны,
божий днесь нещадны.
в творениях твоих,
и радостей многих.
вечно тебе ради,
буду без отрады.
не была на свете,
во злобном ответе.
богу отвечаем?
во ад умираем.
есми обнаженни,
будем облеченни.

Покрыйт мене
Уготованна
Покаяние
Души к телеси
Единыжды аще
Милость божия
Ныне познаю,
Будет грешником
И мы с тобою
В сем втором веку

и тебе огненна,
всем врагом геенна.
по смерти есть ложно,
бысть паки несть можно.
грешник умирает,
на нем не бывает.
яко мечь от бога
без конца премнога.
во аде явимся,
не возвеселимся.

Тело

Суд божий — правда,
Грех ради наших
По делом нашим
Мне же и тебе
Мзда нам благая
Токмо гнев, ярость
Днесь спасение
Душе, со мною
Мечь нас божия
Надежда наша
К избавлению
Прение сие нам

мы есми не правы,
пред господем славы.
будет нас судити,
восхоцет отмстити.
ни есть ни едина,
божияго сина.
от нас удалися,
горце восплачися!
обоих постигнет,
в век веков погибнет,
ничто же успеет.
ныне довлеет.

Внегда же тако
Внезапу суду
Рече им господь
«Се вам есть место
В пламень, пропасть
Безконечную
Алчну ми ясти
Не возможете
Или от жажды
Напоити мя
Страннаго в дом свой
От путних трудов
Устыдестеся
Не приодесте
Лежах немощен,
Был есмь в темнице —
Сиче же душа

себе глаголаша,
божию предсташа.
с яростию слово:
в геенне готово.
от мене идите,
муку претерпите!
не хотяща дати,
за то мзды прияти.
уста изсохоша,
жаждна не могоша.
мене не приясте,
почити не дасте.
наготою суца,
ризы не имуща.
вы же мя презреша,
и не посетиша».
и тело отвещаша,

Права судию
Реша: «Господи,
Алчнаго ясти,
Или жаждуша
Воды студени
Странствующаго
Утружденну ти
Нижé немощи
Милосердия
Отвеща же им
Милуяй грешных
«Когда от менших
Не сотвористе,
Вскоре демони
Ту же предсташа
Их же мерзости
Возможет, нижé
Тело и душу
В геенски пламень
Егда же люте
Прочии беси
Многия оних
Преисподния
Начаша гласом
Грешному сему
«Наш еси ныне,
Жития с нами
Обрати оце,
Воздаяние

Егда же спящи
Воспрянув от сна,
Потом возопи:
От сего страха
Не вем, что сия
Или дни моих
Ти злобы грешных
Милосердием
Согреших, отче
Умножишася
Вопиющаго
Покаянием

истинна познаша,
видехом тя когда
не подахом тогда;
в кий час тя видехом,
дати не хотехом.
под кров не прияхом,
покоя не дахом,
покрыть восхотели,
на тя не имели».
господь вседержитель,
всеблага зиждитель:
блага единому
нижé мне самому».
во образе страшнем
и зело ужаснем;
никто написати
устаи сказати.
осужденну взяша,
на муки пояша.
оныя несоша,
въстреть сим изыдоша,
полки,
собрашася волки.
велиим рыкати,
такo досаждати:
любезны приятель,
вечнаго искатель,
что ти зготованно,
неизглаголанно!»

виде, — трепеташе,
надолзе стеньше.
«О всецедры боже!
дух мой изнеможе;
страсти знаменует,
конец извествует?
победити можешь,
спасти грешна хочешь.
благи, пред тобою,
греси предо мною.
с плачем, не презри мя,
от зла очисти мя!

Познах днесь, яко
Гнев свой, и милость
Устрой вещь сию
Да буду жити
Яко же благодати
Но геенскаго
Благодарствие
С сокрушением
Яко изволи
В сию ночь гнев свой
Воста от одра,
Милости прося
Возненавиде,
Возжелеле себе
Попра ногами
Желая в небе
Прият рубища,
Хотящ послужить
Мира и сластей
На спасение
Тамо господу
На радость благу
Не давай сему,
Смири мя, творче,
На спасение
Окаянное
Угодно тебе
На всяко время
Вечер и утро
Подаждь, дондеже
Егда же дние
Щедроты твоя,
И число веку
Плачу, воию,
Да в суд не прийду,
Яко же девы
Светила своя
Во стретение
В чертог на браки
Подобне мене
Огнь любви в сердце
Когда напрасно

можешь укротити
грешному явити;
о мне, недостойном,
на месте покойном,
зде накажи мя,
огня избави мя.
тебе возсылаю,
сердца въздыхаю,
такое сотворити,
и мечь отвратити!»
плача умиленно,
от бога смиренно.
яже суть мирская,
в небесех благая.
ризу многоценну,
получить нетленну,
изыйде от дому,
богу единому,
сего отщетися,
в пустыню вселися.
добре угождаша,
кончину прияша.
Христе, погибнути,
благо да живу ти!
пути мя настави,
житие исправи,
подаждь содевати,
тебе величати,
хвалу ти творити,
буду в мире жити.
мои умалятя,
боже, да явятся;
моего свершится. . .
сердцем болезную,
щедре милоствуюю.
мудре сотвориша,
в нощи украсиша,
тебе изыйдоша,
готови внидоша, —
сподоби творити,
моем разъярити.
придеши, женише,

Благодать послы	мне, грешному, свыше,
Светилник сердца	да не угасает,
На всяк час тебе,	судию, да чает.
Даждь ми бодренно,	Христе, тя усрести,
Радость в небесном	чертозе обрести.
Не повеждь гласа	з гневом таковаго,
Молю господа	блага единаго
Не вем тя, иди	во пламень геенны,
Просит усердно	раб твой отчужденны.
Вне врат небесных	да не обрящуся,
За благость твою	в небе да явлюся,
Во триех лицах	отца же и сына
Со святым духом	буди честь едина.

ГЕЕННА

Горе, горе, трикраты глаголю — о горе!
 Геенское на грешных волнуется море,
 Сверепеет жестоко бурными волнами,
 в насытную глубину пожрет со грехами.
 Полна земле мерзости, восхощи слышати,
 словеса си во уши потщися внимати;
 И живущи в тебе сему да ревнуют,
 которыхи душею, телом жителствуют;
 Приклоните на глас сей ушеса тшчалива,
 кого свет сей содержит в себе еще жива!
 Приклоните на ползу, яже глаголати
 начну, во слух о муках будущих вещати.
 Мука отчаяния скоро приблизится,
 в ней же плоть з духом своим скверная явится.
 Прейдут сия две части, яже суть реченна,
 но вящая страсть будет всем врагом геенна.
 Будет оной начало, кончины не меет,
 упавшему же тамо ничто же успеет,
 Нижё отец чад своих, болезненна мати
 от вечныя горести возмогут спасати;
 Ни чада родителей з геенни ужасной,
 лютой, неуголимой изведут, и страшной.
 Несть чаяния грешным во огни горящем,
 злосмрадную серую, смолою кипящем,
 Но без конца с душею и телом горети,
 в неисчетное время ту муки терпети.

Аще бы человецы, иже обитают
в мире, и в плоти своей дух животен мают,
Богатство требующим свое расточили,
дабы душу грешную ада искупили!
Никако же возможно сего сотворити,
грешной души за цену геенны избыти.
Прежде морска глубина дно свое открыет,
и огонь воду хладную от себе излиет,
Светозарное небо человек измерит, —
сему же неудобству всяк лучши да верит, —
Нежели души страстной спастися мучений,
грех ради воздаянних господьних отмщений.
Елико благ создатель человеку праву,
толико зол бывает грешнику сквернаву.
Сему даст почестъ венца в пресветлом Сионе,
грешника же посадит в темном Вавилоне,
Идеже змий прелестни — демон обитает,
связаний на погибель узами, страждает.
Ту будет плачь и скрежет, вопль неуголимы,
егда снийдут грешни во огонь неугасимы,
Восплачут от болезни, небеси лишены,
туги отчаяния вечной наполнены.
Поскрежешут от огня палима зубами,
страдание терпяще духом, телесами.
Ничто же услышит ся, токмо рыдание,
болезненно в геенне на век стенание.
Люте рекут грешни в пламени будущим,
кончине сей пагубе никогда имущим:
«Почто болезненная матерня утроба
вместо потемненнаго не бяше нам гроба?
Проклят день той, ночь и час, в он же ся рождахом,
дух животны и тело от ложесн прияхом!»
Тако будут грешницы во огни рыдати,
отца своего, мать в муках проклинати:
«Дабысте ся в камени были претворили,
нежели нас в бездну огня породили.
Тяжка нам ныне болезнь и неуголима,
страсть вечную приемшим огня негасима.
Кто нам, грешним, поможет, есми отчаянни,
в жупел ада падши, бесом зготованни!»
Пространни путь, въводящи в пламень нестерпимы,
человеки грешныя несытно палимы;

Стопы беззаконнаго в нем не ползнутся,
человек окаянных нозе не поткнутся.
Безпреткновенно ведет во отхлань геенны,
ходящии сим путем будут поглощенны.
От пути истиннаго во ад заблуждают,
вшедши в онь греховне, во веки рыдают.
Притча Иисус Христова подобне являет,
человека богата суца возвещает,
Который по пути адском в телеси хождаше,
в пространстве онаго всегда ликоваше.
Единыя утробы имеши брата,
ненавиде убога, изверже за врата,
Иже умре, достиже прекраснаго рая,
на лоне Авраама восприя благая.
Бывшу же и богату на путном пространстве,
ходящему во всяком хрехов окаянстве,
Внезапу бысть беси люте восхищенни,
в пламень огня геенска на веки вержени,
Идеже, егда муки тяжкия прияше,
узревше Авраама в раи, вопияше:
«О отче Авраамле, простри свое око,
виждь мя в вечном пламени лежаща глубоко,
Терпящаго безмерно сей геенски пламень,
понреннаго в глубину, аки тяжки камень!
Услыши мя, мой отче, и даждь ми отраду,
посли брата моего подати охладу,
Да омочит перст в море десницы своя
и устудит язык мой з благости твоя!»
Тщетное богатаго бяше прошение,
поне же последнее блага лишение;
Кая полза, отрада в глубочайшем аде?!Но в лютости пламене быти, не в охладе,
Вечна безконечная времена рыдати,
врагом, богу противным, в той бездне страдати.
Непостижна есть вечность земленными умы,
ниже самих ангелов благими разумы,
Толко сие всяк себе может разумети:
безконечной вечности безконечно быти;
Яже в муках геенских жилище имеет,
на грешныя таможде зело сверепеет.
Аще бы з неищетна песка, иже в мори,
были сотворенныя под небеса горы,

Дабы ангел приходил на лето едино,
 брал по праху и носил на пространство ино,
 Неисчетному песку конец бы явился,
 ангелом бы в иное место преносился, —
 Мука смертной пагубы не будет кончина,
 но грешником во аде есть вечность едина.
 Восплачут, возсетуют на вечное время,
 болезни несказанной отяхчит их бремя.
 О вечности! Колико еси глубочайша,
 падшим в жупел геенски грешником
 тяжчайша,

Различная мерзостным мука в век будущи,
 при кончине световой вскоре грядущи.
 Иже который человек враг богу бывает,
 по всяки час и время творцу досаждает,
 По стези соблазненной сопротивни ходит,
 заповедей господних и воли не творит, —
 Достояния муку таковы воспримет,
 на вечную тяготу скорбь в вечную придет,
 Идеже мук сотворил господь безчисленно
 на грешныя, нам ныне есть неизреченно.
 Ту алчба глад с тужими ими обладает,
 разну за грех сотвориши всяк беду страдает.
 Грешницы ту терзати скверна будут тела,
 хотящи сытости, восплачут до зела,
 Мраз вечныя пагубы грешным одолеет,
 лютость свою и крепость на веки откроет.
 Умучит досадныя человеки богу,
 сиидыщи обрящут в нем тяжесть премногу.
 Червь неусыпаемы востанет движимый,
 язву вечну и болезнь зелную творимый,
 Не умрет никогда же, но имать снедати,
 тела в непроходное время угрызати.
 Люте будуще тамо погибелну сину,
 в отчаянии вечном страждущему выну.
 Демонов вселукавых, богом побежденных,
 гордынею в пламень вечны воверженных,
 Сожитие явится на вечныя веки
 с погиблшими грешными тамо человеки.
 Живущий на свете сем, тяжце восплачися
 и смиренным к богу сердцем обратися!

От очию твоею пусти слез источник,
да будет ти в лютое время бог помощник,
И его тя крепкая десница заступит,
в преисподни ад вечной смерти не погубит.

СЕДМЬ ГРЕХОВ ГЛАВНЕЙШИХ

1. Блюди себе гордости, в погибель ведущей,
падения в геенну по всяк час ищущей,
Яже богомерская ада наследствует,
вечными временами тамо болезнует.
Всяк, иже гордынею мерскою несется,
скорейшим падением в бездну низвержется.
Вознесыйся к небеси, в геенну снийдет,
оттуда, окаяни, никогда изыйдет.
Равен кедр ливанску иже быти тщится,
место его где же бысть вскоре не явится.
Сей бо стремглав достигнет ада преисподня,
гнев и ярость убьет точнаго господня.
2. Лакомство — враг лукавы создателю всего;
подобную первому примет месть от него,
Вечнаго томления во муки вселится,
по преждереченному не возвеселится.
3. Убийцу, душевную нечистоту мерзку,
вышняго вся твари прогневати дерзку,
Погубление злое объемлет велико,
яко несть во свете от века толико.
Ляжет на геенское палимое ложе,
страждущей и болящей никто же поможе.
Бежи сей всяк, угонзай в жизни сей, хранися,
от разбойника плоти и души блюдися,
Да тя, сладьми прелщенна, вечно не убьет
и пламенным жупелем нага не покрывает.
Иди противоборством, ту да победиши
и воин ся прехвалны в небесех явиши,
Избудеши геенска стужения многа,
достигнеши небесна пресветла чертога.
4. Объядение — скверна, подобне что древо
в несытное адское въвержется чрево,
И тамо насытится смолы же и серы,
аще и не восхощет, дасться ей без меры.

5. Многохотная зависть где ся тогда явит?
Пути согрешения в пагубу направит,
В бурном огни пекелном ей жителствовати,
тучу слез безпрестанных тамо проливати.
6. Гнев и ярость кому ся в сердцы разяряет,
сего греха смертнаго да ся уклоняет,
Донеле же вечная смерть не разъярится,
которою человек вскоре победится.
Аще в таинстве сердца почнет ся вмещати,
не приложи богови онем согрешати,
Терпением потерпи. Господь вседержитель
сохранит тя от огня, благий защититель.
7. Проклятое ленивство смертно согрешает,
обитель си в геенском огни созидает,
Соделовает люта мучения храмы,
ту с вышереченными погибнет грехами.
Сия богомерская грехи сотворивы
падет без сумнения во огонь неугасимы.
Две части zde предлежат смертну человеку
в мимошедшем житии и временном веку:
Вышний Иерусалим и Сион прекрасны,
ад бесов вселукавых и гордых ужасний.
Где кому желание пространство избрати,
души своей и телу покоя взыскати, —
Во царство ли на радость неисповедиму
хощешь, или на печаль в пещь неугасиму?
Помысли, человеце смертни, та глаголи,
буди по хотению твоему и воли,
Дондеже есть ти время, о сем разсудися,
сопричастник (желаю) святым сотворися.
Имушь язык яко же изошренну бритву
зубом ада смертнаго падет в ловитву.
Лживая бо клевета, неправду творяща,
не избудет в геенне пламене горяща.
Сребролюбие — корень злобы погибает,
на вечныя в геенну муки умирает.
Многие ея ради небес отчужденни,
на плачь и рыдание во аде положенни.
Боже вечны, царю долготерпеливе,
создателю всех вещей, агнче незлобиве!
Огня нестерпимаго, всеблагий, храни мя,
десницею крепкою скверна заступи мя.

Умрѡх сими хрехами, их же нѣ счисляю,
 в погибелное море огня умираю.
 Буди мною, грешником, боже, умоленный,
 не пошли мя грех ради в огонь неизреченны,
 Дажь ми тучу слезную — оний угасити
 и вечное блаженство в небе получитьи.
 Яко же со Дафаном Авирон, прокляты
 от отец преподобных в соборах трикраты,
 Пожрении землю, ко аду снийдоша,
 в бездну муки пламенной живии падоша, —
 Да не сиду таможде, много согрешивши,
 никогда же благое тебе сотворивши.
 Дажь ми благо творити, творче, да спасуся,
 в мучение вечное да не преселюся.
 Извлецы мя, падшаго в мрежу беззаконни,
 и введи на радость в Иерусалим горний.
 Сердце мое, многими грехми отягченно,
 сотвори на похвалу себе сокрушенно,
 Да тя чистим, владыко, дѡлжно величаю
 и в небе похвалную песнь ти воспеваю.

Верши единадесятого слогу

ЦАРСТВІЕ НЕБЕСНОЕ

Преблаги господь,	бездна благодати,
Мзду блаженную	хочет правым дати,
Радость велию	пресветла Сиона
И седалище	небеснаго Фрона,
Еже никто же	зеницею ока
Виде блаженство	неба превысока.
Оное воздаст	всех щедрот воздатель
Всем возлюбленным,	всей твари создатель.
Славою честно	будут одеяни
Телеса святых —	сосуды избранны.
Венцем небесным	всяк будет почтенны,
Им же прелестни	мир бысть побеждены,
Яже от земных	не слыша никто же,
Нижѣ на сердца	вместитися може.
Щедрот бог море	уготова сия,
Любящим его	в небесах благия.
Ему же, творцу,	зде кто есть угодни, —

В век предидуши
На главе своей
Славы вечнаго
Небесных воев
К похвалению
Отец небесны
Светом божества
Мученик тамо,
Трисианнаго света
Узрят честь, славу,
Тройцы, в единстве
Милость божию,
Блаженство в небе
Идеже плача,
Нижé слезнаго
Токмо вечное
Богу избранным,
Радостей вечных
В свет неприступен
Облистают их
Бог в триех лицах
Подобне, яко
Показа славу
Онаго света
Бывши тамо
Лице бо его
Свет неприступны
И лучи светлы
Вышняго, паче
Тако по суде,
Святии точним
Увидят себе
Светлость на себе
Испустит лучи
Паче светила
О, коликих благ
Святии, егда
Велия светлость
Благодать на них
Уязвленнии
Небес чудною
Вси, иже богу

будет преподобни.
узрит диядиму
Иерусалиму.
услышит песнь красну
богу велегласну.
праведныя дети
имать просветити:
страстотерпец хори
внидут во двory,
зрак неизреченны
в небе просвещенны,
дары и преблагы,
наследят святы,
ни воздыхания,
очес рыдания.
тамо веселие
праведным велие;
будут насыщенны,
славы облеченни.
свет незаходимы,
неисповедимы,
Иисус на Фаворе
апостолам горé;
зрети не терпячу,
с Христом, ниц падаху.
паче солнца бяше,
чудны нисхождаше
господа славима
всех превозносима.
напоследок петом,
облекутся светом,
с плотию сущих,
преславному имущих.
зрак преизряднейши,
дневнаго краснейши.
тамо наслаждаются
вси в небо вселяются!
всех верных покрывает,
божия почитет,
будут лепотою,
зело красотою.
избранни быша,

Благу надежду
Ея же в мире
От мучителей
Любовию бо
Быша во главу
Избыша муки,
Нуждно внидоша
Кто бо возможет
Аще не нужник
Аки бо птенец
Возлетит в небо
Гражданин тамо
Терпети скорби
От бед и скорбей
Господь, и в место
Нуждно есть царство
Который алчут,
Отцы святии
Все свое время
В горах, пустынях
За се от Христа
Ангел идеже
Тамо с ними же
Град Сион божий
Жилище себе
Равную ангел
На месте хвалы
Аки крылами —
В царство на радость
Дар пребогаты
Который скорбь, нужду
Ангелским чином
Славе небесной
Искони мира
Уготовася

небес улучиша,
ради зло прияша,
люте пострадаша.
к богу разъяренни,
мечем усеченни,
терпящия раны,
в пресветлые страны.
в сия ся вселити,
может наследити?
высокопарящий,
до конца терпящи.
вечны прозовется,
иже попечется.
сего сохраняет
злачно посаждает.
нуждницы примут,
жаждут, наготуют.
такое сотвориша,
в скорби иждиша,
оскорбленни бяху,
бога жизнь прияшу,
лицы ликовствуют,
купно торжествуют,
прекрасни взыскаша,
вечно в нем избраша,
славу обретоша,
в небеси седоша.
труды возлетеша,
вечную успеха.
такому бывает,
в мире страждает.
явится причтенни,
присовокупленни.
честь правым от бога
прекрасна чертога.

ДЕВЯТЬ БЛАЖЕНСТВ

В нем же блаженства
Троицу в единстве
1. Еже первое
Нищета духом —

девять обитают,
вечно прославляют.
в небе обретется:
богатство спасется.

- Лепоту небес,
Восприя духом
2. И иже аще
Мзды ради вечной
Красоту царства
Узрит, и славу
И на век веков
В царстве небесном
3. Хвалы и кротость
От бога земных
Лестнаго врага
Направит в радость
Увеселится
Наследит землю
4. К жизни безсмертной
Которы истинны
Насыщен будет
И неисчетных
5. Егда милостив
Причастник будет
Благость и милость
От всесилнаго
6. Елико может
Зрит лице светло
Зрак трисиянни
Ангелом сие
И бог колику
Лицем ко лицу
Амо же агнец
Чистота сердца
7. Господа бога
В синовства Тройцы
О творении
Отца вышняго
8. Истинны ради
Дар наследствуют
Емпирейское
Идеже сладость,
9. Разве царствия
Которы правды
Ублагословит
Исполнит хвалы
- доброту преславно
бесътелесным равну.
в слезах пребывает,
в горести рыдает, —
вышняго очима
бога невидима,
светло возсмеется,
велий наречется.
будет исполненна,
всех превознесенна.
сети пройдет сквозе,
вечну свои нозе.
смиренно ходящий,
господа славящий.
в радость вхождает,
и правды взалкает,
благих воздаяний
славы дарований.
ч щедр кто к убогим,
щедротам премногим.
в превысоком небе
восприемлет себе.
чистота нескверна!
господа безсмертна,
видит откровенно,
чудо удивленно.
тайну обретаает;
на творца взирает.
незлюбив шествует,
ему последует.
чадо наречется,
святой приведется, —
мира иже тщится,
блага наследится.
от лживых изгнани
вечны, несказанны,
небо восхищают,
радость получают.
ничесо же възышут,
блаженныя ищут.
господь сицевыя,
своя святыя,

Слышите ныне,
Мыслию, сердцем
Аще неправой
Будет злых сердце
Ликуйте о сем,
Божия ради
Ибо мзда многа
Не лишитесь,
Мирови яже
В жизнь безсмертную
У Христа бога
Прияша — живот
Богат в щедротах
В вертоград верных
Любовь которы
Обещанную
Бездну, Египет
Избехше, в радость
Жития море
В нем мучителя
Естьли кто хочет
Из работы люты
На помощь бога
Нозми прийдеши
Сион царственны
Змия лютаго
Ты в работе сей,
Избежи мира
Изыщеша тамо
И воду живу
Оныя воды
Прехождением
От скорби в светлость,
Прийдеша; вечной
Выше есть умов
Благодать святым
Сын божий — воды
Потоком жизни
Ея же аще
Да грядет тамо —
Мира жители,
К воде живота

понос терпящих,
бога любящих:
лжи, клевет слово
вам рещи готово, —
все ся веселите,
имени терпите.
вам, жизни блаженной
надежды спасенной.
лестному умроша, —
плоть, душу спасоша,
дар блага нетленны
в небе возжеленны.
бог неописанны,
въводит избранны.
к нему стязаша,
землю восприяша.
люта фараона
внидоша Сиона,
о бозе преплиша,
грех смерть зануриша.
благодати тоя,
вечнаго покоя —
вместо Моисея
море жизни сея.
неба наследитиши,
врага победиши.
Израилю новый,
в покой сей готовы!
источник текущи,
студенец имуши,
будешь напоенны,
путным утружденны.
в радость от печали
исполнишься хвалы.
человеков земных
радостей небесных.
источник живыя —
напаяет святых,
кто желает пити,
и имать вкусити.
студенца взыскайте,
тщательно шествуйте,

О то любовнѣ
Источник жизни
Грядите к нему,
Верю сердца
У источника
Толику господь
Щедрот, и жизни
Плоть человеков
Адамант яко,
Зелне никогда
Господа жизни
Телом и душею
Он бо несмертных
Да не коснется
Благовония
Которы тело
Обогатятся
Неистошчимым,
Где ни молие
Нижѣ тать крадет
Алчбы несть брашен
Насыщается
Животны хлеб есть
Снедию его
Его же пища
Всех земных вещей
Лехкая будет
Угодних богу —
Аромат вонних
Обогатятся
Юность — не старость —
Процветут, яко
Плоть преподобных,
Мзду
толикую
Где же точатся
Твоей милости
Да въздешь тамо
И да поешь песнь
Лета многие
Буди во вечном
Идеже присно

бог всех призывает,
иже ся взалкает.
воду живу пийте,
туне приемлите.
жизни кто испиет, —
благодать излиет
испившая реки
не умрет во веки.
от млата биенны,
бывает врежденны, —
яже насладится,
смерти не боится.
плоть, душу сотворит,
смерть, тако изволит,
тых исполнит хвалы,
от хрехов спасали.
богатством небесным,
вечным и пречестным,
обидно снедает,
и тля растлеваает,
плоти преподобной, —
сладости животной.
бог превознесенны,
правы насыщенный,
меда сладчайшая,
в небе дражайшая.
плоть, не отяхчена
и скорошественна.
и благоуханних
телеса избранных.
бог подаст имети,
вертограда цветы.
воскресша из мертвых,
приимет благ
безсмертных.
сия благодати, —
зде желаю стати:
в небесныя дворы
богу, ангел с хоры.
ождивше о бозе,
веселии мнозе,
свет есть трисиянный,

То да узриши	в небе, преизбранны,
Иже всех тамо	благих просвещает,
Тебе же тако	он да осеняет;
Яже ни ухом	никогда слышанно,
Что святым в небе	есть уготованно,
Сие ти раб твой	усердствует зрети,
И вечну благость	от бога имети.
Иже премошни	царь всяя державы,
Той тя в царствии	да исполнит славы.
Ему да будет	хвала от всех многа,
Да знает вся тварь	создателя бога!

Достодолжное всемогущему богу воздавши благодарение, прочтее глаголати недоумеваю о сих четырех, первее реченных, поне же грешником в геенне мука неизреченная, такожде возлюбленным Божиим ни самыя послѣдняя части в царствии небесном — всего мира чело­вецы светлостию разума и остротою ума своего в позна­ние привести могут, ниже тщательною начертати тро­стию. Тем же и аз не велеречую, но токмо глаголю: греш­ним мучения вечность, праведным же неисповедимаго блаженства; ktorую вечность нарицают философи су­губую: первую отчасти прежде, вторую отчасти по­следи. Кто есть, иже бы содержал в себе сугубую веч­ность? Един неведомый, непосътижимый бог и творец всяческаго дыхания, не имеющи начала, ниже конччины. Той есть вечный един от обоих сих частей, первее и по­следи. Ангели бо токмо и вси силы небесныи вечныи суть отчасти, последи, зане сотворенныи премудростию сла­вимаго господя, яко же и земныи чело­вецы и начало имеша: всяк бо безплотным и телесным, вышним и ниж­ним, делатель есть господь безначальный, ему же, без­начальному и безъконечному, единому, двовечному честь, слава, поклонение должное к создателю от всего (с)оздания во веки будет.

А чем преступил,	в том молю прости, —
Не всяк бо знает	разумно творити.
Аз скудоумна	себе быти знаю,
Недоуменный —	умну ся смиряю,
Не бо в славенских	речех искусихся,
Первее ныне	сему поучихся.
Тем да не будет	сие удивленно,

Егда где силы не знах совершенно.
Молю: изволь мя, чтушь, не осуждати,
Но, малоумна разумом, прощати.
О сем просяще, главу прекланяю,
А жизни вечной в небе ти желаю.
Конец и богу слава.

Между 1697 и 1716

239

Возвеселися, Россие, правоверная страна!
Играйте, грады и веси, избавлшеся тирана,
Свейскаго лва злаго!
Которы от Стеколностей, рыскаче, изыде
И различных земель грады пожерл, где не прииде:
Шествие неблаго!
Ибо устремился бяше к самой тебе, Россие,
Надеяся овладети Московское царствие
В гордости безмерной.
Другой фараон явися, Израиля гоняще,
Но потопи его бог наш, верных своих храняще,
Войско его в крови.
Ибо на поли полтавском стрете его Петр смелы,
Богом венчанны росиски прехрабры орел белы,
Сопротивник лвови.
И сотре его прах ветром своей крепости,
И растерза его ногтми, яко гриф во лютости,
Помощию бога.
И яко Геркулес новы кожу с него совлече,
Взят вся богатство и вся ему ногу отсече:
Радость нам премнога!
Его же от брани славно грядущего стретайте,
Пленники шведские многи ведуци приветайте
И пойте согласно:
«Благословен господь бог наш, научивы тя в брани
И твоим мужеством стерший прегордые тираны,
О время всекрасно!
Той да укрепит тя, царю, во премногие лета
И славу ти да росширит во вся край света
На многая лета!»

1709

348

Орел ко солнцу ныне возлетает,
 Радость в Россию всем ниспосылает,
 Яко сокруши лвово сердце во веки, —
 Играйте в трубы, верны человеки!
 Зря царя Петра Алексеевича,
 Святыши в мире, аки светла свеща,
 Что восприя власть над королем швецким,
 Сотвори в диво всем землям немецким.
 Ныне и сам царь вельми веселится,
 Иже на войне аки столп крепится,
 Повелевает тебе восклицати,
 Богу вышнему хвалу воздавати:
 Ты царь пресветлый, Петр Алексеевич,
 Содержав крепко на враги своя меч.
 И от народа тя величаем,
 По всей вселенной имя прославляем.

1709

Кто идет с войском, лаврами венчанный,
 С знаменми побед гость к нам чрезвычайный?
 Светлым оружием предивно украшен,
 Однако не страшен.
 Марсово лице, но весьма не ратно,
 Все ослабленно, всем благоприятно,
 Яко Феб, егда по дожде сияет,
 Любим бывает.
 На что посмотрит, то отнюдь не плачет,
 Но примененно от радости скачет.
 Весна цветами очень украшает
 И утешает.
 Ветров отрыгнув небесных вод хладных,
 От стужи везет зефиров прохладных,
 В зимнее катит к нам Боотес бремя
 Летнее время.
 Аквилон свои укрочает бури,
 С игом мирятся лютые арктуры,

Аки полудень сияет полунощь,
Светлая, что день, ночь.
Враждующие ссориться забыли,
Вражду отвергше, себе возлюбили,
Легкое бремя не имеет с важным,
Сухое с влажным.
Ты ли таковых чудес содетелю,
Ужасе мира и устрашителю,
Отчества отче и усладителю,
Защитителю,
Усмиренного мира правителю,
Петре, великий в мире властителю,
Великих больших роский автократор,
Император!
Ты воистинну, познаем тя ясно:
Кто бо когда так явился нам красно,
Кто таковую приносит нам сладость,
Вечную радость?
Покрывают тя ветви зеленыя,
Но открывают благодеяния,
Яко же солнце лучи покрывает
И открывает.
Прежде отсюда, устроен тобою,
С оружием имел Марс поход к бою,
Побеждал врагов, смирил шведов больно,
Отомстил довольно.
Не единою возвращался славно,
Видя в торжестве швецкого льва явно,
Повелевая землям побежденным
И учрежденным,
Градам, езерам, народом подбитым,
Островам многим, синусам разлитым,
И Балтицкому, чтоб не изливало,
В брегах бы стало.
Ныне же грядет, с миром возвратився,
Корыстей бременем весь отяготився,
Все оружие с себя отлагает
И отдыхает.
Что бы Варяжско море не имело,
На его плещах возлегло все цело.
Там пред тобою ж паде безоружный,
Слуга твой дружный.

Мир со своим знамен предводительствует,
Под которым все добро воинствует,
Корну копия и все благодати
Ея объяти.
Славный цесарю! Россия в том виде
Вся просветится, егда ты увиде.
Солнце лучшие дни ей воссияло,
Все лучше стало.
Возвратилися Сатурновы веки,
Старость без скорби между человеки,
Страх с бедством ушел и худые лета
Аж за край света.
Здравие с миром живет безопасно,
Вера и правда ликуют согласно,
Любовь дружная и все, что потреба,
Приходит с неба.
На море путь, что птицам на воздухе,
Безбеден морям, яко же на сусе.
Радостна Церес ралом нивы пашет,
Вся земля пляшет.
Щастливость в полях гуляет весела,
Златый дождь свыше орошает села,
Возстает жатва любя поселянам,
Люба крестьянам.
От толикыя, авктор, благодати
Кто ты достойно может восприяти?
России богом миротворец данный,
Гость возжаданный.
Все внешнее есть твое и открыто,
Но недостойно разве что есть скрыто,
Едино сердце и то отключает,
Тебе вручает.

1721

242

Виват, Россия, именем преславна!
Победа россов во всем мире явна,
Крепка России героична сила,
Мир сочинила.
Венец на главе России сияет,

351

Як солнце землю лучи просвещает,
Протчии царства славою преходит,
Торжество вводит.
Орел российски высокопарящи,
С высоты и горé прелюбезно зряще,
Аки над птенцы криле простирает,
Всех покрывает.
Горé возносит российское племя,
Приспе нам ныне веселия время,
Ликуй, вселенная, ликуй днесь преславно
Пред всеми явно.
Гласите всюду российскую славу,
Ея же ныне покры венец главу,
Паче каменми красен добротами, светит над
нами.

1721

243

Блажат тя людие, земная наша мати,
Просим тебе, дабы нам милости подати,
Любовию зовем: услыши глас наш,
И с прилежанием зовет тя мир ваш.
Мы тебе призываем: заступница буди,
Просить у императора за мир пребуди.
Глас умиленный к тебе испущаем,
Заступницу тя к себе искушаем.
Иную надежду на тя мы возложихом,
Просительницу честну к себе положихом.
Воистину ты заступница наша,
Милости просим от вас, раби ваши,
Иже бо к миру помощницу ся являет,
Повинные люди от смерти избавляет,
Речи изрядны являет к народу;
Чтим тя за твою честную породу.
Ныне про милость изыде слава велика,
Красоте ея никто подобен толико.
Она персона краше всех сияет,
Милость ее паче всех возсияет.
И на тя упование вси возложихом,
Предстательницу честну за нас положихом.
И мы тя, заступницу, воспеваем,
Во императрицах тя поздравляем.

Ныне мы тебе радость возложим,
А от тебе к себе милость вси просим.
Петра Велика вси людие хвалят
И императорством его восхвалят.
Иже бо мы вси ныне в радости бываем
И тебе молитвой «виват» припеваем.
Радость твоя от тебе всем сияет,
Лицо твое краше всех возсияет.
Мы тебе вси зовем императрицу нашу,
Едину знаем пресветлу персону вашу,
Трубными гласы к тебе восклицаем
И всерадостну радость воспеваем.
Радостны словеса к тебе вси приносим
И всемирную славу в страны вси относим,
И на славу России воспеваем,
И мирно дело тебе припеваем.
Цветами исплетен, венец ти подаваем,
Во императрицах ти «виват» припеваем.
Единым вам «виват» вси воспеваем
И многая лета жить вам поздравляем.

1724

**244. (ПРОШЕНИЕ ПРИДВОРНЫХ ПЕВЧИХ
ЖУРАВЛЯ И КРУЖКА, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНЕ I)**

Усердно милости у тебя, государыня, просим,
Что уже последняя рубашенки на себе носим.
Питание нам ныне самое нужное,
И житие наше здесь вельми скучное.
Жены наши живут нужно в Москве,
А мы здесь живем в великой тоске.
Питание имеем деньгами кормовыми,
Пропитаться ж не можем с своими домовыми,
По алтыну только в день берем
И из того на себе платишко дерем.
Из Москвы к нам грамотки пишут
И слезными глазами насилу мижут.
Просят женишки наши от нас ныне пищи,
А мы здесь живем и сами нищи.
Умилостивися, всемилостивейшая царица
государыня,
Пречестнейшая всяя России боярыня!

Пожалуй нас, нищих, убогих,
Страмных, бедных и безногих,
Ради здравия всемилостивейшего государя,
Чтоб ему правдою служили бояря,
За что господь бог продлит здравия и тебе, государыне,
Всероссийской и милостивой нашей боярыне,
Подаст господь бог здравия великому князю
Петру Алексеичу и благородным царевнам
на многия лета,

А нам, убогим, желаемая примета.
Журавль и Кружок милости просят.

Между 1722 и 1725

245

Виват, фундатор, в суде оратор,
Отчеству Петр.
От Аквилона до росска трона
Шумит нам ветер.
Виват Петр-камень, в твердыне славен,
Как адамант,
К царству крепчайший, в вещах дражайший,
Як бриллиант.
Виват опона, нам оборона,
Марсом же страх,
У пирамидов индийских мидов
Страшится враг.
Виват, твердыня, сохнет гордыня
У атлянтов.
Славят тя музы, поя в лендузы
Музыкантов.
Виват, основа, твердость кедрова
Ко подданству;
Крепость управам, преторским нравам
И гражданству.
Виват, ограда столична града,
Петр незыблем.
Марс ти булаву, герой во славу
Вручает шлем.
Виват, до веры российской сферы
Благонравен.

Между камыки нашли великий
Ценой камень.
Виват, наш здравы, поем для славы,
Здравствуй днесь, Петр!
Во век лавр зреет, поне же веет
Зефирны ветр.

246

Возрыдай днесь прегорко, Петрополе святой,
Аще и славно Петром Великим зачатый,
Ибо архитектон твой взят от тебя к богу,
В радости место печаль оставль тебе многу.
Возстени и ты, флоте российски преславны,
Аще несть во Европе в славе тебе равны,
Иже бо правитель твой тебе оставляет,
Днесь кораблем вечности к небу востекает.
О, Кронштате предивны, не престан слезити
Слезами неутешными и своя ланиты.
К тому си адмирала не можешь зрети
Петра Велика, ниже в порте си имети.
Он бо дел героичных память нам оставил,
Чад своих, яко отец, на путь прав наставил.
Порт возыме в небе благи, безконечны,
По трудех нам полезных прииде в покой вечны.

1725

247

Радость моя паче меры, утеха драгая,
Неоцененная краля, лапушка милая
И веселая, приятно где теперь гуляешь?
Стосковалось мое сердце, почто так дерзаешь?
Вспомни, радость прелюбезна, как мы веселились
И приятных разговоров с тобой насладились.
Уже ныне сколько время не зрю мою радость,
Прилети, моя голубка, сердечная сладость!

Если вас сподоблюсь видеть, закричу: «Ах, светик мой,
Ты ли, радость, предо мной? Я раб и слуга твой».
Толи разню развернусь, прижав поцелую,
Подарю драгую перстнем, кинусь, размилю.
Виват, радость! Виват, сердце! Виват, дорогая!
Неоцененная краля, бралиант, дорогая!
Уж в последнее воспеваю: «Прощай, мой любезный
свет!»
Этим речь мою кончаю, желаю вам много лет!

ПРИМЕЧАНИЯ

До сих пор творчеству русских поэтов-силлабистов был посвящен единственный сборник: «Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков», «Б-ка поэта», М. с., Л., 1935 (под редакцией П. Н. Беркова и со вступительной статьей И. Н. Розанова). «Вирши» обнимают период зрелой — начиная с Симеона Полоцкого — и поздней силлабики. Отдельные силлабические тексты включались также в антологии — например в «Историческую хрестоматию церковнославянского и древнерусского языков» (М., 1861) Ф. И. Буслаева, «Хрестоматию по древней русской литературе XI—XVII веков» (М., 1935 и другие издания) Н. К. Гудзия, в «Хрестоматии по русской литературе XVIII века» Г. А. Гуковского (М., 1935) и А. В. Кокорева (М., 1952). Сочинения трех поэтов-силлабистов — Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича и Антиоха Кантемира были выпущены отдельными изданиями.¹

Настоящий сборник охватывает всю эпоху силлабической поэзии — от первых опытов «относительного силлабизма» начала XVII в. до 30-х годов XVIII в., то есть до сатир Кантемира и стихов В. К. Тредиаковского, творчество которых представлено в «Библиотеке поэта» особыми изданиями.² За пределами сборника оставлены лишь поздние провинциальные, преимущественно семинарские вирши, которые бытовали до самого конца XVIII в., в период безраздельного господства силлабо-тоники.

Каждому из девятнадцати авторов в этом издании отведен особый раздел. Последовательность авторов и расположение материала внутри разделов — по возможности хронологические. Вирши выголексинских старообрядцев и несколько анонимных произведений сгруппированы в двух разделах, замыкающих издание. В значительной своей части корпус данной книги сформирован из новонайденных и малоизвестных текстов.

От первой половины и середины XVII в. (периода «досиллаби-

¹ Симеон Полоцкий, Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина, М. — Л., 1953; Феофан Прокопович, Сочинения. Под редакцией И. П. Еремина, М. — Л., 1961.

² Антиох Кантемир, Собрание стихотворений. Вступ. статья Ф. Я. Приймы, подготовка текста и примечания З. И. Гершковича, «Б-ка поэта», (Б. с.), Л., 1956; В. К. Тредиаковский, Избранные произведения. Вступ. статья и подготовка текста Л. И. Тимофеева. Примечания Я. М. Строчкова, «Б-ка поэта», (Б. с.), М. — Л., 1963.

ческого», или «относительного силлабизма») до нас дошло в общем незначительное количество стихотворных памятников: поэтическое наследие Евстратия, князя И. А. Хворостинина, Ивана Наседки, насколько оно нам известно в настоящее время, ограничивается в каждом случае лишь одним произведением. Поэтому принцип художественной значимости при отборе произведений для настоящего издания учитывался в основном применительно к периоду зрелой силлабики — начиная с Симеона Полоцкого.

Некоторые из представленных в сборнике поэтов были выходцами из Белоруссии (Симеон Полоцкий) и с Украины (Димитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович). В таких случаях предпочтение отдавалось тем произведениям, которые были созданы в России и обращены к русскому читателю. Единичные нарушения этого принципа оправдываются теми или иными соображениями (так, «Епипникион» Феофана Прокоповича, созданный в Киеве, предназначался в первую очередь для Петра I и его ближайшего окружения). Стихотворные драмы остались за пределами книги, так как они относятся к другому виду литературного творчества.

Значительная часть издаваемых текстов дошла до нас либо в автографах и прижизненных изданиях, либо в единственном списке. В тех случаях, когда имеется несколько списков, избирается наиболее достоверный вариант и наиболее сохраненный список. Если в текст вносятся исправления по другим спискам, это оговаривается специально. Явные искажения исправляются без оговорок.

Тексты публикуются по правилам, принятым в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы (Пушкинский Дом).¹ Вкратце эти правила сводятся к следующему: текст воспроизводится современным шрифтом; *i* передается через *и*; *я*ть через *е*; *фита* через *ф*; *кси* через *кс*; *пси* через *пс*; *омега* через *о*; *ук* и *оу* через *у*; *юс* малый через *я*; *ѣ* в конце слова опускается, а в середине сохраняется. Титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку в соответствии с написанием данных слов в той или иной рукописи. Выносное *ж* передается через *же* — за исключением тех случаев, когда этого не допускает метр памятника; *с* в окончании возвратных и притяжательных глаголов — через *ся* (с той же оговоркой). Местоимение «*и*» (*его*) в отличие от союза и местоимение «*я*» (*ее*) в отличие от личного местоимения первого лица единственного числа отмечаются ударением. Буквы-цифры заменяются арабскими цифрами. Надстрочные знаки опускаются.² Пунктуация приближена к современной. Следует отметить, что в «высоком» произношении XVII — первой трети XVIII вв. *я*ть и *е* четко различались. *Я*ть смягчал предшествующую согласную и произносился либо как *и*, на украинский манер (рифмы тила: «багрянницы — человецы»), либо как современное *е*. Напротив, *е* предшествующей согласной не смягчало и произносилось как современное *э*.

¹ Эти правила положены в основу кн.: «Демократическая поэзия XVII века». Подготовка текста и примечания В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева, «Б-ка поэта», (Б. с.), М.—Л., 1962.

² См.: Р. П. Дмитриева, Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. 11, М.—Л., 1955, с. 495.

В некоторых случаях, если памятник в рукописи не имеет заглавия, дается редакторское заглавие — в угловых скобках. Даты в угловых скобках означают год, не позднее которого написано данное произведение. Даты с вопросительным знаком являются предположительными. Стихотворения, датировать которые не удалось, помещены в конце соответствующих разделов без дат.

Ссылка в примечаниях только на первую публикацию произведения означает, что оно печатается по этой публикации.

В силлабической поэзии очень широко употребляются фразовые заимствования из Библии. В примечаниях отмечаются только прямые библейские цитаты и сочетания, имеющие характер идиом, а также те выражения, смысл которых ныне понятен лишь в связи с текстом Библии.

В словаре поясняются архаические слова, как правило, не встречающиеся в литературном языке с начала XIX в.: церковнославнизмы, древнерусская, белорусская, украинская лексика, полонизмы и прочие варваризмы. Не поясняются: слова с прозрачной этимологией, понятные по контексту, архаизмы, употребительные в литературном языке XIX в. (вроде: «вежды», «выя», «брашно», «орало» и т. п.); слова, грамматическая и звуковая форма которых отличается от современной при склонении («враг — врази», «грех — в грехех», «круг — в крузе», «камень — каменеви» и т. п.) и при спряжении («быти — бых, быхом, бяху, бяше, бех, бе»; «решти — рех, рехом, рече, рекохом»; «яти — яша»; «ведати — вем, веси» и т. д.).

Условные сокращения, принятые в примечаниях

БАН — Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР.

ГАКО — Государственный архив Калининской области.

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГИМ — Отдел рукописей Государственного Исторического музея (Москва).

ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

Изд. Еремина — Феофан Прокопович, Сочинения. Под редакцией И. П. Еремина, М.—Л., 1961.

ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.

Позднеев — А. В. Позднеев, Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII века. — «Исследования и материалы по древнерусской литературе», М., 1961.

ст. — стих.

ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР».

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).

Чистович — И. Чистович, Феофан Прокопович и его время, СПб., 1868.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЕВСТРАТИЙ

1. О. А. Белоброва, К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия. — ТОДРЛ, т. 25, М.—Л., 1970, с. 154 (по рук. ГПБ, Q.XVI.21 — может быть, это автограф Евстратия). Уже в XVII в. стихотворение в рукописи было вымарано каким-то поляком. На нижнем обрезе листа он оставил приписку, в которой ругает автора «москаля» «грубияном, хлопом, невежей» (приписка на польском языке). Стихотворение представляет собою предисловие к «Алфавиту» («Азбуковнику») и написано одной из разновидностей «курьезного стиха»; кроме приведенных автором в загл. латинского и греческого наименований она была известна также под названием «симфонической». В школьных поэтиках XVI—XVIII вв. произведения такого рода иногда относились также в раздел об эпиграмматической поэзии, в ту его часть, которая трактовала об «изобразительной» эпиграмме.

СЕМЕН ШАХОВСКОЙ

2. И. Ф. Голубев, Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. — ТОДРЛ, т. 17, М.—Л., 1961, с. 407 (по рук. Калининского педагогического института, № 29). И. Ф. Голубев считает адресатом этого послания князя Д. М. Пожарского по следующим соображениям: стихотворение обращено к воеводе, имеющему особые заслуги в победе над врагами в Смутное время. Он близок ко двору, но в то же время автор сомневается, что «возьмет его мощь»; известно, что после воцарения Михаила Федоровича Романова князь Д. М. Пожарский был отнесен на второй план родственниками царя (может быть, этому способствовало и то, что князь Пожарский также претендовал на московский престол и таким образом был ранее соперником Михаила Федоровича). Во время польско-шведской интервенции С. И. Шаховской служил вместе с Пожарским. Интерпретируя указание автора, что «царево и рождышаго тя именуется ту лице божие», И. Ф. Голубев замечает, что здесь имеется в виду имя царя и отца адресата «Михаил», что в переводе с древнееврейского и означает «лицо божие». Возможно, что в этом тексте объединены два послания, поскольку конец текста (со ст. 288) несколько отличается от основной его части. *Иудиф* (Иудифь, Юдифь) — героиня библейской легенды, которая спасла Израиль от ига ассирийцев, убив их вождя Олоферна. *Неврод* (Нимврод) — исполин, по Библии первый тиран на земле; был наказан богом за властолюбие. *Обратитесь ко мне, и обращаюсь к вам.* Цитата из Библии, Книга пророка Малахии, III, 7. *Аще ли не послушаете мене.* Цитата из Библии, Книга пророка Иеремии, XX, 6. *Отраднее будет Содому и Гоморе.* Цитата из Евангелия от Матфея, X, 15. Содом и Гоморра — города, которые, согласно библейской легенде, были уничтожены богом за развращенность жителей. *Избавил своего Израиля.* Имеется в виду библейская легенда об избавлении израильского народа от египетского плена. *Блаженни милостиви, яко тиш помилувани будут.* Цитата из Евангелия от Матфея, V, 7. *Хвалится милость на суде.* Цитата из Евангелия, Соборное послание апостола Иакова,

II, 13. *С супругником* — с супругой. *Аще не можешь помощи делом.* Цитата из Евангелия. Послание апостола Павла к колоссянам, III, 17. *Общая наша госпожа* — богородица. *Без черного одеяния... до конца постригла.* Игра слов: имеется в виду монашеское пострижение (монахом С. И. Шаховской не был) и «острижение» как символ несчастья. *Земное житие пара есть и сон.* Цитата из Евангелия, Соборное послание апостола Иакова, IV, 14. *Не брашном брата своего погубляй.* Цитата из Евангелия, Послание апостола Павла к римлянам, XIV, 15. *Аспиды глухия.* Цитата из Библии, Псалтырь, псалом 57, 5. *Шесточисленного камени драгаго.* Как предполагает публикатор стихотворения И. Ф. Голубев (с. 399, примеч. 28), автор имеет здесь в виду свое собственное имя, основываясь на учении о двенадцати драгоценных камнях на одеянии иерусалимского первосвященника, на которых были обозначены имена сыновей Иакова, в их числе Симеон.

ИВАН НАСЕДКА

3. Дм. Цветаев, Литературная борьба с протестантством в Московском государстве, М., 1887, с. 87. В этом стихотворном отрывке из сборника «Изложение на люторы» (сборник был составлен не позже 1625 г.) Иван Наседка описывает дворец датского короля Христиана IV (1597—1648) в Христианборге. Наседку особенно поразило то, что протестантская кирха в этом дворце была устроена под залом, где происходили приемы и празднества. Кроме этой темы в стихотворном отрывке звучит осуждение некоторых лютеранских догматов (например, непочитание икон).

ИВАН ХВОРОСТИНИН

4. В. И. Савва, Сочинения князя Ивана Андреевича Хворостинина. — В кн. «Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков», СПб., 1907, с. 7 (по рук. ГПБ, собр. Михайловского, F. 100). Принадлежность И. А. Хворостинину «Изложения на еретики» устанавливается по акростихам, частично испорченным в процессе переписки: «Князя Ивана князя Одревя сына Хворостинино»; «Разум князя Ивана Хмостинина», «Князя Ивана Нинимвровичи Хзоростизини» и др. Акростих же дает авторское название сочинения: «Изложение на иретики злохулники, огребатися подобает хрестияном и их иресни бегати оних, яко оступили о исчагена закона». Памятник в полном виде состоит из «Предисловия», «Обращения ко архиереом о священном чине», двух «Молитв», «Повести, или Возглашения к господу на римлян», в которую входят главы: «О лжепастырях», «О латыньской гордости», «Честь веры», «Крещение безмирна у римлян», «Римская церковь», «О душевном даре», «О прелестях римских», «О гонении на святуя церковь». Завершается «Изложение» автобиографическим «Двострочным согласием вместо предисловия читателю». «Изложение» насчитывает около 1300 стихов и представляет собою полемический трактат против католичества, где разбираются многие догматические и обрядовые установления (причастье под одним видом, крещение обливанием без мирпомазания, догмат о чистилище), которых не принимала православная церковь. Автор также обличает пап в сребролюбии, жестокости и суемудрии.

В «Изложении» немало аллюзий и прямых автобиографических сведений. О гонении на святую церковь. *Каин и Авель* — сыновья Адама и Евы. По Библии, Каин возненавидел Авеля за то, что жертвы последнего были угодны богу. *Не принимайте словес еретических.* Цитата из Послания апостола Павла к ефесянам, IV, 29. *Кто тя кровию своею откупил.* Цитата из Апокалипсиса, V, 9. *Цену крови своей истинно за тя дал.* Цитата из Евангелия от Матфея, XXVII, 6. *Буйством ея нарекише.* Цитата из Послания апостола Павла к коринфянам, III, 19. *Лот* — единственный праведник в Содоме (см. примеч. 2), которому бог приказал уйти из города, обреченного на уничтожение. *Андрей Первозванный.* По древнерусскому преданию, попавшему в «Повесть временных лет», апостол Андрей побывал на Днепре. На том месте, где впоследствии возник Киев, он водрузил крест. Прозвище «Первозванный» дано ему потому, что он, согласно Евангелию, стал учеником Иисуса прежде своего брата Петра. *В Патрех Ахайских за Христа пострадал.* По преданию, апостол Андрей был распят в Греции, в Патрасе. Двоестрочное согласие. *Осмой собор* — восьмой вселенский собор в Константинополе (869—870), который предал анафеме константинопольского патриарха Фотия и объявил римского папу неподсудным и «орудием св. духа». Православная церковь признает только семь вселенских соборов. *Словеса их верна, аки паучина, И злоба их — злая паучина.* Возможно, здесь во втором случае описки (нужно: пучина), хотя тавтологические рифмы в силлабической поэзии вполне возможны.

ИВАН КАТЫРЕВ-РОСТОВСКИЙ

5. Андрей Попов, Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, М., 1869, с. 314 (по «Хронографу Сергея Кубасова»). Вирши заключают «Повесть книги сея от прежних лет», автором которой большинство исследователей признает князя И. М. Катырева-Ростовского. «Повесть» — цельный, хотя и сжатый очерк истории Смутного времени, весьма популярный в XVII в. полностью и в отрывках. Это сочинение отражает характерный для литературы того времени углубленный интерес к человеческой личности, о чем говорят, в частности, превосходные портреты-характеристики Ивана Грозного, Лжедмитрия, Ксении Годуновой и других персонажей. В «Повести», подобно многим другим произведениям о Смуте, часто встречаются рифмованные фразы и целые пассажи, например написанные в строку стихи перед так называемыми дополнительными статьями («Написание вкратце о царях Московских, о образех их и о возрасте и о нравех»):

Сему писанию конец предлагаем,
 Дела толикие вещи в конец не забываем,
 Настоящего изыскуем,
 В пространную сию историю сия написуем.
 Словеса писанию превосходят в конец,
 Ум человекь никто же может исповесть.

О похожении чудовского мниха. Автор считает, что Лжедмитрий — это Григорий Отрепьев, бывший некоторое время иноком Чудова монастыря в Кремле (здесь он был посвящен в сан иеродиакона).

Отрепьев бежал отсюда в 1601 г. *Сын предиреченного князя Михаила*. Михаил Петрович Катырев-Ростовский, отец предполагаемого автора «Повести», известный военачальник, умер в 1606 г. от морозного поветрия, будучи на воеводстве в Новгороде. Автор «Повести» пишет, что его отец, «боярин роду Ростовскаго и первой полком началник и воевода . . . с товарищи не приступиша к . . . злomu начинанию (Лжедмитрия), поне же . . . известно ведаше про сего богомерзкаго еретика растригу Гришку, что лжа есть и начаток лжи и кровопролития, а не царевич» (с. 291). *Иные его вещи от изящных безприкладно слышел*. В 1609—1612 гг. И. М. Катырев-Ростовский был воеводой в Тобольске, поэтому события этих лет он знал из вторых рук. *В труде своем николя ползы обретох*. Варнация традиционной для древнерусских писателей самоуничижительной формулы.

СПРАВЩИК САВАТИЙ

6. Л. С. Шептаев, Стихи справщика Савватия. — ТОДРЛ, т. 21, М.—Л., с. 12 (по рук. ЦГАДА, собр. Оболенского, № 250/455). В тексте акrostих: «Василию Цергкевичю чернец Саватише челпм (челом) биет». По данным текста Л. С. Шептаев (с. 8—9) определил, кому адресовано это послание: «Василий Сергеевич — придворный, состоит в должности учителя в царской семье («Светлому бо царскому величеству предстоиши И рождшее от него премудрому разуму учиши»; «Яко же и выше рекох — самому царскому величеству предстоиши И доброрасленную отрасль от него учиши»). Между 23 марта 1634 г. и 21 ноября 1637 г. учителем царевича Алексея Михайловича был дьяк Василий Прокофьев. В дворцовых разрядах он назван по отчеству — Василий Сергеев. Савватий в своем послании пишет, что его адресат «всех удивляет своим любомудрием», что «мнози дивуются (его) доброму нраву». В воспитатели царских детей выбирали не только по принципу высокой образованности; эту должность могли занимать лишь люди, пользовавшиеся репутацией смиренных и кротких (это относится и к воспитателю Петра I Никите Зотову, который только позднее стал князь-папой «Всешутейшего собора»). Судя по тексту послания, Савватий в момент его написания испытывал какие-то служебные затруднения, так что оно скорее всего датируется промежутком между назначением В. С. Прокофьева учителем наследника и зачислением Савватия в Книжную справу, которое последовало в сентябре 1634 г. *Тако же конце краегранеси zde стал*. Этими словами Савватий отмечает конец акrostиха. *По Соломону — аки граду твердуду быти*. В библейской Книге притч Соломоновых человек часто уподобляется городу: «Озловившийся брат неприступнее крепкого города, и ссоры подобны запорам замка» (XVIII, 19); «Благословением благочестивых возвышается город, а устами нечестивых разрушается» (XI, 11).

7. Там же, с. 18. В тексте акrostих: «Михаииу чернец Саваня-таи». Об адресате не известно ничего, кроме имени (шестая буква акrostиха восстанавливается легко: в ст. «И лестными и лукавыми словеси кому с другом своим любитися» — нужно убрать союз «и»; в акrostихе получаем «л»). Как явствует из текста, Михаил — начитанный книжник, бывший в «духовном союзе» с Савватием, учив-

шийся у него, но затем его оклеветавший. Возможно, он служил вместе с Савватием на Печатном дворе и пытался присвоить какую-то его работу («И наши грешные труды своими нарицаешь»). Дата написания не установлена.

8. Там же, с. 21. В тексте акrostих: «Господарю князю Алипию Никитичю многогречнах Санатищч пада па(а) земли челпм биет». Ничего конкретного об адресате послания неизвестно; из текста следует, что он был близок ко двору. Дата написания не установлена.

ТИМОФЕЙ АКУНДИНОВ

9. Печ. впервые по рук. ЦГАДА, ф. 149, № 73. Текст декларации обнаружен Ю. Б. Симченко в делах посольского приказа. *Галиад* — Голиаф, библейский исполин-филистимлянин, которого юноша *Давид*, будущий царь израильский, убил камнем из пращи. *Ибрагим султан* — султан Оттоманской Порты (1615—1648). *Крал Аполон Тирский* — герой переводной повести, известной в России в составе сборника «Римские деяния», заимствованного из Польши, и в самостоятельной версии. Аполлон (Аполлоний), король Тирский, в странствиях пережил множество приключений. *Овиан, цесарь Римский* — персонаж из «Римских деяний», наказанный богом за то, что он усомнился в справедливости евангельских слов: «богатии обнищаша и нищии обогатеша». Овиан (Иовиан) на охоте снял с себя платье и поплыл за оленем; в это время в его одежды облачился ангел, которого все признали царем. Овиану пришлось скитаться и нищенствовать, пока наконец бог не вернул ему престол. Этот сюжет использован также в древнерусской «Повести о гордом царе Аггее» и в фольклоре. *Филарет митрополит* — в миру Федор Никитич Романов, отец царя Михаила, патриарх в 1619—1633 гг. Тимофей Акундинов признает за Филаретом лишь сан митрополита Ростовского, не считая законным ни наречение его «тушинским патриархом» в 1608 г., ни поставление 1619 г. (Акундинов мог не знать о еще одном эпизоде, когда Филарета называли патриархом: этот эпизод приходится на май 1606 г., на первые недели правления Василия Шуйского). *Гордому королевичу польскому*. Имеется в виду Владислав (1595—1648), претендент на московский престол. После бегства Лжедмитрия II из Тушина бояре во главе с Филаретом отправили к польскому королю Сигизмунду посольство, которое в феврале 1610 г. заключило договор о передаче русского трона сыну Сигизмунда Владиславу. В августе 1610 г. Владислав был избран земским собором под давлением боярского правительства, сменившего Василия Шуйского. *Тушинский вор* — Лжедмитрий II, лагерь которого был в подмосковном селе Тушине. Убит в Калуге 11 декабря 1610 г.

ИНОК АВРААМИЙ

10. Н. Субботин, Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. 7, М., 1885, с. 6 (по рук. ГИМ, Синодальное собр., № 641 — это, по-видимому, автограф Авраамия). Произведение служит предисловием к прозаическому догматико-полеми-

ческому сочинению «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения», в котором изложена позиция старообрядцев и содержится критика реформы Никона. В «Христианоопасном щите веры» Авраамий наряду с писаниями старообрядческих авторов использовал «Повесть о Удоне Магдебургском» (из «Великого Зерцала»), включил тексты Максима Грека, сопровождая их, как правило, оригинальными комментариями-«присяжениями»; здесь же представлены и собственные произведения Авраамия. Работа над заключительными разделами «Христианоопасного щита веры» продолжалась, по всей видимости, до 1669 г., однако стихотворные предисловия написаны ранее — в 1667—1668 гг., насколько можно судить по авторской дате во вступительной части (1716 год «от сотворения мира»). По манере стихотворения Авраамия — типичный образец поэзии «относительного силлабизма», которая предшествовала изо-силлабическому стихотворству. В подобном же роде — вирши Ивана Наседки. В православном нашем символе. Реформа Никона затронула и православный «символ веры»: вместо «Исус» стали писать «Иисус», вместо «царствию несть конца» — «царствию не будет конца» и т. д.; старообрядцы считали эти поновления еретическими. На Никонове учении. Церковная реформа патриарха Никона, проведенная в 50-х годах XVII в., коснулась в основном обрядовой стороны православия. Некоторые изменения в богослужебной практике (особенно замена двуперстного крестного сложения троеперстием) были столь явным нарушением многовековой традиции, что вызвали резкий отпор значительной части населения. Расколу способствовала и общая боязнь перемен, потому что всякие новшества народ связывал с усилением церковного и мирского гнета. В нынешних последних вещех. Старообрядцы толковали реформу Никона как предзнаменование близкого конца света.

МОНАХ ГЕРМАН

11. П. Безсонов, Калики переходящие, М., 1863, в. 5, с. 3. Печ. по рук. ГИМ (Музейское собр., № 1938). В ст. 28—29, 44, 63 устранены искажения. Песнь о воскресении Христовом, в которой использован пасхальный канон, написана, несомненно, к храмовому празднику в Новоиерусалимском монастыре. В тексте акrostих (исключая трегубую «Аллилуию» и начиная с 13-й строфы): «Германе сие написа». В он же Христос возврати плен. Согласно христианской догматике, жертвенный подвиг Иисуса Христа искупил первородный грех. Светися, светися новый Иерусалиме добрый. Имеется в виду Воскресенский монастырь на Истре, храм которого построен по образцу храма Гроба господня в Иерусалиме (для чего Никону была доставлена его модель), почему монастырь и был назван Новым Иерусалимом. Это, как и следующие два стихотворения, датировать не удалось. Сион — гора в Иерусалиме, священное место иудеев и христиан. В переносном смысле — источник благодати.

12. Печ. впервые по рук. ГИМ (Музейское собр., № 1938), с исправлением ст. 2, 8, 14, 19, 20 по другой рук. ГИМ (собр. Хлудова, № 126д), ст. 16 по третьей рук. ГИМ (Музейское собр., № 1743). Вольное переложение 140-го псалма. В тексте акrostих: «Герман монах моляся писах» (леонинский стих с рифмой в цезуре и клаузуле).

13. Печ. впервые по рук. ГБЛ (Музейное собр., № 9498). В ст. 1, 13, 19—20, 104, 119 устранены некоторые искажения, нарушавшие равновесие и акrostих. Ст. 70 и 99, которые содержат по 8 слогов и нарушают 9-сложный стих, оставлены без исправлений. В рук. текст написан в 7 столбцов.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

14. Н. И. Прашкович, Из ранних декламаций Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ, т. 21, М.—Л., 1965, с. 38 (по рук. ЦГАДА, собр. Типографской библиотеки, № 1800). Написано во время пребывания в Москве, куда автор приехал вместе с группой «отроков» полоцкой Богоявленской школы. 19 января двенадцать «отроков» выступили перед царем Алексеем с панегирическими «стихами краесогласными», сочиненными Симеоном. Был ли «Диалог краткий» произнесен или только «поднесен», неизвестно. «Диалог» — разновидность леонинских «курезных» стихов с внутренней рифмой, так называемое «эхо» (*caeten echicum*). В языке его еще сравнительно много белорусизмов. *Царь розанам* — здесь: царь россиянам. *Царица Мария* — Мария Ильинична Милославская (1626—1669), первая жена царя Алексея Михайловича. *О царевиче повежд ми*. Имеется в виду царевич Алексей Алексеевич (1654—1670), бывший в то время наследником престола. *Царевны* — сестры и дочери царя Алексея Михайловича: Ирина Михайловна (1627—1679), Анна Михайловна (1630—1692), Татьяна Михайловна (1636—1706), Марфа Алексеевна (1652—1707), Софья Алексеевна (1658—1704), Екатерина Алексеевна (1658—1718).

15. Ф. И. Буслаев, Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861, стлб. 1197—1199, отрывок. Печ. по изд.: Симеон Полоцкий, Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина, М.—Л., 1953, с. 103 (по рук. ГИМ, Синодальное собр., № 287). Входит в состав рукописного сборника панегирических произведений, которому Симеон Полоцкий дал загл.: «Рифмологион, или Стихослов, содержащий в себе стихи равномерно и краесогласно сложенные, различным нуждам приличныя». Симеон работал над ним в 1679—1680 гг., но так и не успел закончить. «Рифмологион» дошел до нас в единственном черновом варианте. «Приветство» написано летом 1672 г. (при составлении «Рифмологиона» оно, возможно, подверглось значительной правке), по случаю окончания строительства загородного деревянного дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенском (заложен в мае 1667 г.). Этот замечательный памятник был разобран в 1768 г. В постройке и украшении Коломенского дворца принимали участие лучшие русские и иноземные мастера. Описание Симеона Полоцкого вполне достоверно (ср.: Д. Айналов, Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. V. Коломенский дворец. — ИОРЯС, т. 18, кн. 3, 1913). *Семь дивных вещей древний мир читаше*. Симеон Полоцкий называет следующие семь чудес света: 1) египетские пирамиды; 2) маяк в Александрии, воздвигнутый в конце III в. до н. э. и имевший около 180 метров высоты (*Форос пирг преюдный*); 3) сидящую статую Зевса в Олимпии, изваянную Фидием (*Диев образ*); 4) колосса родосского — бронзовую статую бога солнца Гелиоса высотой в тридцать два метра, изваянную в 280 г. до н. э. Харесом

и водруженную в родосской гавани (*мужь в граде Родис с меди сотвореный*); 5) храм Артемиды (или Дианы) в Эфесе, сожженный Геростратом в ночь рождения Александра Македонского (*в Ефесе бьяше храм Дианны*); 6) геликарнасский мраморный мавзолей — надгробный памятник царя Мавзола (*в Карии гроб Маузолов бьяше*); 7) стены Вавилона (чаще называются висячие сады легендарной вавилонской царицы Семирамиды, поднимавшиеся ярус над ярусом; в действительности, как полагают, они сооружены Навуходносором для его супруги Амитисы, чтобы напоминать о горах ее родины — Мидии). *Адам новый* — Христос. *О богом ти данных пресветлых сынех*. Ко времени написания «Приветства» в живых было три сына царя Алексея: Федор (род. в 1661 г.), Симеон (род. в 1663 г.), Иван (род. в 1666 г.).

16. Повесть о Варлааме и Иоасафе, М., 1680 (на книге ошибочно: 1681), л. 114, в составе повести. Повесть о пустынноике Варлааме и царевиче Иоасафе, восходящая к жизнеописанию Будды, в христианизированной греческой версии возникла, по-видимому, в VII в. В Западную Европу ее латинский перевод проник в XI в.; приблизительно в это время на Руси получила распространение славянская редакция повести. Древнейшие русские списки датируются XIII—XIV вв. В XVII в. было выпущено два восточнославянских издания «Повести о Варлааме и Иоасафе»: одно белорусское (в типографии Кутеннского монастыря, 1637), второе московское, в Верхней типографии. Стихотворения московского издания (кроме публикуемого, предисловие и «Стихи краесогласнии в похвалу... Иоасафа») написаны Симеоном Полоцким. Он читал их в присутствии царя Федора Алексеевича в Иоасафовой церкви села Измайлова. Издание вышло уже после смерти Симеона под наблюдением Сильвестра Медведева. Публикуемая «Молитва святого Иоасафа» относится к тому эпизоду повести, когда индийский царевич Иоасаф, ранее обращенный в христианство отшельником *Варлаамом*, покинул царство и отправился в пустыню искать своего учителя. Впоследствии он нашел его, поселился вместе с ним в пещере и вел аскетическую жизнь. «Молитва Иоасафа» перешла в фольклор и стала духовным стихом, который особенной популярностью пользовался среди старообрядцев.

Вертоград многоцветный

Эта стихотворная энциклопедия, над которой Симеон Полоцкий работал до 1680 г., дошла до нас в трех рукописях: черновом автографе (ГИМ, Синодальное собр., № 659), беловом автографе (ГИМ, Синодальное собр., № 288) и каллиграфической писарской копии, просодетренной и выправленной автором (БАН, 31.7.3; см.: Симеон Полоцкий, Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина, М.—Л., 1953, с. 261). Стихотворения «Вертограда» (№№ 17—170) печ. по списку БАН, являющемуся окончательной редакцией 1680 г. Полностью «Вертоград» напечатан не был. Стихотворения в списке БАН расположены по алфавиту; мы сохраняем этот порядок. Он иногда не соответствует современной азбуке, поскольку в ней сохранились не все славянские буквы (так, омега

идет после *x*: мы передаем ее через *o*). В «Вертограде» под одним названием часто дается целый цикл стихотворений. В том случае, если цикл публикуется в извлечениях, дается редакторская нумерация стихотворений, а в примечаниях указывается общее количество стихотворений цикла. *В лето от создания мира 7186, а от рождества же по плоти бога слова 1678*. Поскольку до 1700 г. в России летоисчисление велось по византийской системе «от сотворения мира» и новый год праздновался 1 сентября, для получения даты «от рождества Христова» на сентябрь — декабрь из цифры лет «от сотворения мира» нужно вычесть 5509, а для остальных месяцев — 5508.

17—18. Печ. впервые. 2. *Александр Леонида в нравех подражаше*. Леонид, близкий родственник Александра Македонского, был первым его воспитателем (до Лизимаха и Аристотеля).

19—21. Печ. впервые. 1. *Октавиан Август* — римский император (29 до н. э. — 14 н. э.). *Шед ко Аполлону лжебогу*. Считалось, что через оракульные предсказания Аполлон возвещает волю Зевса. От греков культ Аполлона заимствовали римляне. Август, высоко чтивший этого бога, посвятил ему «столетние игры», которые заканчивались пением великого праздничного гимна в храме Аполлона на Авентинском холме. 2. *В число написать богов я хотяху*. После победы Октавиана над Антонием, 1 января 29 г. до н. э., римский сенат постановил почтить Октавиана именем Август, т. е. «божественный». После смерти Августа сенат объявил его богом и назначил в его честь жреца. 3. *Сивиллами* в античные времена именовались вещие женщины-прорицательницы. Так называемые «сивиллины книги» (собрание пророчеств) были предметом особой заботы Августа, который приказал поместить их под пьедесталом статуи Аполлона в храме Аполлона на Палатине. Пророчества Сивилл впоследствии вошли в христианскую письменность и в различных редакциях были распространены в древней Руси. Прорицания Сивилл (в стихах) вошли, например, в «Небо новое» Иоанникия Галатовского (Львов, 1665) — эта книга была в библиотеке Симеона; может быть, из нее он заимствовал материал для стихотворения. Впрочем, оба стихотворения цикла находят аналогию в сборнике «Апофегмата», который Симеон также хорошо знал. В 1672 г. царь Алексей приказал Николаю Спафарию сочинить специальную «Книгу о Сивиллах». *Пятьдесят шесть лет царство содержаше*. Август умер в 14 г. н. э. Симеон Полоцкий, следовательно, считает годом его воцарения 42 г. до н. э., когда Октавиан вместе с Антонием победил в борьбе Брута и Кассия; единовластным правителем Октавиан стал через 12 лет.

22. Печ. впервые. Написано в жанре так называемого «присловия», по терминологии Симеона Полоцкого.

23. Печ. впервые.

24—25. Печ. впервые. Цикл состоит из 5 стихотворений.

26. Печ. впервые. Написано сапфической строфой.

27. Печ. впервые.

28. И. Татарский, Симеон Полоцкий (Его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века, М., 1886, с. 337.

29. Печ. впервые. Цикл состоит из 3 стихотворений.

30. Печ. впервые. Цикл состоит из 3 стихотворений. Сюжет заимствован из сборника проповедей «Opus concionum tripartitum» Матвея Фабера (1586—1653). *Краль Наварры Каруль* — Карл Злой, король наваррский (1322—1387).

31. И. П. Еремин, Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ, т. 6, М.—Л., 1948, с. 140 (отрывок). Цикл состоит из 6 стихотворений. В тексте, по-видимому, смешано несколько богов: Гермес, Плутос и Гефест. Первый — бог торговли, воровства, приносящий прибыль, которого в Риме (под именем Меркурия) особенно почитали купцы и которого изображали с крыльями на сандалиях. Плутос (Плутус, также Плутон) — божок, олицетворяющий богатство; он обыкновенно изображался мальчиком с рогом изобилия. Хромым был Гефест (Вулкан) — бог огня и кузнечного ремесла. Может быть, здесь мы имеем дело с контаминацией: Плутон (олицетворение богатства) — Плутон (владыка подземного мира) — Гермес (также житель подземного мира, имевший горнило в Эгне).

32. Печ. впервые.

33. Л. Н. Майков, Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий, СПб., 1889, с. 111.

34—37. Первое стихотворение цикла напеч. в изд.: Ф. И. Буслав, Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861, стлб. 1193. Стихотворения 2—4 печ. впервые. Цикл состоит из 6 стихотворений.

38—39. Печ. впервые.

40. Печ. впервые. Здесь имеется в виду древнегреческий философ-киник *Диоген* (404—323 до н. э.), живший большей частью в Афинах и в Коринфе, изречения которого, как подлинные, так и псевдоэпиграфы, вошли во многие средневековые сборники. Этот сюжет представлен в сборнике «Апофегмата».

41. Печ. впервые.

42. Печ. впервые. Сюжет представлен в сборнике «Апофегмата».

43. Печ. впервые.

44. Печ. впервые.

45—48. Печ. впервые. 1. *Матфей* — апостол и евангелист, бывший до встречи с Христом мытарем (сборщиком податей). *Яко от Ессея в чине не прервася*. Ессей (Иисей) — отец царя Давида, к ко-

торому евангелист Матфей возводит родословную Иисуса Христа (через Иосифа, мужа Марии). *Имат же юношу себе прилученна*. На миниатюрах евангелист Матфей изображается вместе с юношей-учеником. 2. *Марко* (Марк) — апостол и евангелист. *Глас вопиющего во пустыни мира* — выражение из Евангелия от Марка, I, 3. 3. *Лука* — по легенде, один из 70 учеников Иисуса Христа. Луке предание приписывает два произведения — Евангелие и Деяния апостолов. *Яко начат книгу от законна жреца*. Первый персонаж, появляющийся в Евангелии от Луки (I, 5), — священник Захария, отец Иоанна Крестителя. Симеон Полоцкий сближает изобразительный атрибут Луки (*тучна телца*) с «тельцом», который приносился в жертву священником. *Иже в жертву богу принесе кадила*. Во время очередного служения в иерусалимском храме, когда Захария приносил богу кадильную жертву, ему явился архангел Гавриил и возвестил о предстоящем рождении Иоанна Крестителя. 4. *Иоанн* (Богослов) — один из трех ближайших к Христу апостолов; Иоанну приписывается сочинение Евангелия, Апокалипсиса и трех посланий.

49—50. Печ. впервые.

51—54. Четвертое стихотворение цикла напеч. в изд.: Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий, СПб., 1889, с. 103; остальные печ. впервые.

55. Печ. впервые. *Протоген* — древнегреческий художник IV в. до н. э., уроженец Кавна в Карию. Как и его покровитель *Апеллес* (356—308 до н. э.), самый знаменитый живописец античного мира, отличался реалистической техникой письма.

56. Печ. впервые. *Житие наше пара* — выражение из Евангелия, Соборное послание апостола Иакова, IV, 14.

57. Печ. впервые.

58. Печ. впервые. *Алверт Великий* (Альберт) — граф фон Больштедт (1193—1280), монах доминиканского ордена, алхимик и богослов, один из самых разносторонних ученых средневековья. В старости страдал слабоумием. *Корвин* Марк Валерий Мессала (ок. 64 до н. э. — 9 н. э.) — римский оратор и ученый, писавший по-гречески и по-латыни. Ему приписывалось сочинение «*De progenie Augusti Caesaris*», составленное на самом деле в XV в.

59. Печ. впервые. Написано сапфической строфой.

60. Печ. впервые. Цикл состоит из 4 стихотворений. *Краль Галлийский Бреун*. Правильнее «Бренн», наименование, собственно титул галльских вождей. Особенно известен один из них, нападавший на Рим в конце IV — начале III в. до н. э.

61. Печ. впервые. *Яко в ковчезе Ноеве держими*. По библейской легенде, перед потопом Ной взял с собою в ковчег семь пар чистых и семь пар нечистых животных.

62. Печ. впервые.

63—67. Третье стихотворение цикла (двустиише) напеч. в изд.: Л. Н. Майков, Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий, СПб., с. 111. Стихотворения 1—2, 4—5 печ. впервые. Сюжет второго стихотворения представлен в «Великом Зерцале» (см.: О. А. Державина, «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве, М., 1965, с. 199—200). 4. *Иероним* (330—419) — христианский богослов и писатель.

68—74. Печ. впервые. Цикл состоит из 8 стихотворений.

75. Печ. впервые.

76—78. Третье стихотворение цикла напеч. в изд.: Ф. И. Буслаев, Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861, стлб. 1195; остальные печ. впервые.

79. Печ. впервые.

80—81. Печ. впервые. Сюжет второго стихотворения представлен в сборнике «Апофегмата». 2. *Дионисий мучитель* — Дионисий Старший (около 431—367 г. до н. э.), тиран Сиракуз, имя которого стало нарицательным обозначением жестокости и самодурства. *Аристипп* (род. ок. 404 до н. э.) — греческий философ, некоторое время жил в Сиракузах при дворе тирана Дионисия Младшего (367—343 до н. э.).

82. Печ. впервые.

83. Печ. впервые. *Платон* — древнегреческий философ (427—347 до н. э.). Установить, откуда взято приписываемое ему изречение, не удалось.

84—87. Печ. впервые.

88—89. Печ. впервые. 1. *Егда на Голиафа Давид исхождаше*. См. примеч. 9.

90. Печ. впервые. *Елиогавал* (Гелиогабал) — римский император (218—222). Этот исторический анекдот заимствован из сборника поведений М. Фабера (см. примеч. 30).

91—92. Печ. впервые.

93. Печ. впервые. *Ориген* — раннехристианский аскет, ритор, философ и богослов (185—254). Жил в Александрии. В 228 г. отправился в Грецию и по дороге, в Палестине, принял рукоположение в пресвитера. Александрийский епископ не согласился с этим и на двух местных соборах объявил его недостойным звания учителя (Ориген преподавал в знаменитой катехетической школе), исключил из александрийской церкви и лишил пресвитерского сана. *Сампсон* (Самсон) — герой библейской легенды, победитель филистимлян;

обольщенный коварной Далидой, Самсон лишился волос, в которых заключалась его сверхъестественная сила, и попал в рабство к филистимлянам.

94. Печ. впервые.

95. Печ. впервые. Цикл состоит из 3 стихотворений. *Плиний о слонех то нам поведает*. Плиний Старший (23—79) — римский полководец, государственный деятель и писатель. О земных животных повествуется в 8-й книге его «Естественной истории».

96—103. Печ. впервые. Цикл состоит из 26 стихотворений. 8. *Феотим некто очима боляше*. Тот же сюжет развит в девятом стихотворении цикла со ссылкой на Амвросия Медиоланского. Прозаический вариант этого рассказа из Амвросия Медиоланского — в «Великом Зерцале» (О. А. Державина, «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве, М., 1965, с. 333).

104. Печ. впервые.

105—106. Печ. впервые. Цикл состоит из 9 стихотворений.

107. Печ. впервые.

108. Печ. впервые. *Феодор Стратилат* — христианский мученик, уроженец Малой Азии, правитель Ираклии Понтийской. Был распят на кресте и затем обезглавлен (319 г.). Его память празднуется 8 февраля и 8 июня (вторая дата — дата именин царя Федора Алексеевича, небесным покровителем которого считался Феодор Стратилат). *Ликия царя посрамил есть*. Имеется в виду Лициний Дука, с 307 г. н. э. соправитель Галерия, впоследствии император Восточной Римской империи. При нем были жестокие гонения на христиан. *На ны ныне прелоте зияет*. По-видимому, это намек на русско-турецкую войну 1677 г.

109. Печ. впервые.

110. Печ. впервые. Цикл состоит из 2 стихотворений.

111. Печ. впервые.

112. Печ. впервые. Цикл состоит из 2 стихотворений. *Сиваритове* — сибариты, жители города Сибариса, греческой колонии на берегу Лукании, славились изнеженным образом жизни. *Кротониатове* — жители расположенного поблизости от Сибариса города Кротона, в 510 г. до н. э. разгромившие своих изнеженных соседей.

113—115. Печ. впервые.

116. Печ. впервые.

117—118. Печ. впервые. 1. Сюжет Симеон Полоцкий мог заимствовать из «Speculum historiale» Винцента из Бове, а также из «Зо-

лотой легенды» Якоба де Ворагине. *Григорий I Великий* (в древнерусской традиции — Григорий Двоеслов или Беседовник) — римский папа (590—604), отличался высокими нравственными качествами. В его время Италия страдала от нашествия лангобардов, от чумы и голода. *Савиниан* (Сабиниан) — папа римский (604—606).

119—123. Печ. впервые.

124—128. Печ. впервые. Цикл состоит из 15 стихотворений. 5. *Анакреонт* — древнегреческий поэт-лирик (V в. до н. э.). По преданию, умер 85 лет, подавившись виноградной косточкой. *Софокл* (496—406 до н. э.) — древнегреческий трагик. О его смерти существуют различные предания: по одним сведениям, он умер во время чтения «Антигоны», по другим — от виноградной косточки. *Диагор* — эллинский атлет, современник поэта Пиндара, который посвятил ему 7-ю Олимпиадику. Когда двух сыновей Диагора чествовали как победителей Олимпиады, они возложили свои венки на отца.

129—131. Печ. впервые. Цикл состоит из 10 стихотворений.

132. Печ. впервые. Сюжет заимствован из апокрифических сказаний о Соломоне и царице Савской, широко распространенных в средние века, в том числе и на Руси. *Савска бляше царица* — царица Савы — страны, находившейся в южной Аравии. Наслышавшись о необычайной мудрости Соломона, она, как рассказывает Библия, совершила поездку в Иерусалим (III Книга царств, 10).

133—136. Печ. впервые.

137. Печ. впервые.

138. Печ. впервые. *Давидски слезми постель омочати* — принести слезное покаяние подобно царю Давиду, легендарному автору «Псалтыри».

139. Печ. впервые.

140—141. Печ. впервые.

142. Печ. впервые. Написано сапфической строфой.

143. Печ. впервые.

144—146. Печ. впервые. 1. *Талант в земли сокрити* — реминисценция евангельской притчи о господине, который раздал деньги своим рабам. Все употребили их в дело и получили прибыль, а тот, кто получил один талант, закопал его в землю (Евангелие от Матфея, XXV, 14—30).

147. Печ. впервые. «Праздний да не яст», — апостол сказаше. Выражение из Евангелия, Второе послание апостола Павла к фессалоникийцам, III, 10.

148. Печ. впервые. Написано леонинским («львиным») стихом. В латинской поэзии леонинскими назывались стихи с внутренними регулярными рифмами на месте цезуры и клаузулы. Применительно к русской силлабике, собственно, нужно говорить о псевдолеонинском стихе, поскольку в результате получались обычные силлабические стихи «коротких» размеров (в данном случае пятисложный стих; размер нарушен лишь в первом полустиии второй строки, которое содержит шесть слогов).

149—151. Печ. впервые.

152. Печ. впервые. *Фебра* (Фебрис) — олицетворение лихорадки. Римляне почитали богиню того же имени, которая могла предотвратить и исцелить болезнь. В Риме ей было посвящено три храма, в том числе один на Палатине, где освящались снадобья от лихорадки.

153. Ф. И. Буслаев, Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861, стлб. 1195.

154. Печ. впервые.

155. Печ. впервые. *Плутарх о милисийских девах написал есть*. Очевидно, здесь имеются в виду жрицы Деметры или Артемиды Эфесской, которые назывались «мелиссами» (по-греч. мелисса — пчела; вследствие опьяняющих свойств меда пчелы считались символом воодушевления и исступления). Ссылаясь на Плутарха, Симеон Полоцкий, возможно, опираясь на какой-то псевдоэпиграф.

156—158. Печ. впервые. 3. *Тожде тело восприимет*. Согласно Апокалипсису, во время второго пришествия Христа мертвые встанут из могил.

159. Печ. впервые. *Первое чести место душе положиися от Платона*. В идеалистической философии Платона душа выступает основной мироздания.

160. Печ. впервые.

161—164. Печ. впервые. 4. *Сын Соломонов Ровоам*. Легендарная история жизни Ровоама, сына царя Соломона, и воцарения его соперника Иеровоама изложена в Библии (III Книга царств, 12).

165—170. Печ. впервые. Этот цикл подписей-эпиграмм к портретам членов царской семьи был написан до окончания работы над «Вертоградом многоцветным». Возможно, он был заранее подготовлен Симеоном Полоцким для издания этого сборника. Судя по составу надписей, он относится ко времени после смерти царевича Алексея Алексеевича (1670) и до женитьбы царя Алексея на Наталье Кирилловне (1671). Впоследствии он был дополнен подписью к ее портрету. В цикл входят также эпиграммы, относящиеся к царевнам Анне Михайловне, Татьяне Михайловне, Евдокии Алексеевне, Марфе Алексеевне, Екатерине Алексеевне, Марии Алексеевне, Феодосии Алексеевне. Все эпиграммы построены по одному типу: в загл.

дается этимология имени персонажа, затем следует двуступище, в котором эта этимология отражена тем или иным образом. Буквы, из которых состоит имя персонажа, обязательно входят в слова, составляющие первую строку, и выделены специально. Это — один из видов курьезной эпиграммы. *Алексий* — царь Алексей Михайлович (1629—1676), царь с 1645). *Феодор* — Федор Алексеевич (1661—1682), царь с 1676). *Иоанн* — Иван Алексеевич (1666—1696), царь с 1682). *Ирина* — царевна Ирина Михайловна (1627—1679). *София* — царевна Софья Алексеевна (1658—1704, правительница 1682—1689). *Финикс* (феникс) — священная птица египтян, которая, по мифу, возрождалась из собственного пепла. *Екатерина* — царевна Екатерина Алексеевна (1658—1718).

Псалтырь рифмотворная

171—176. Тексты из «Псалтыри рифмотворной» печ. по изданию 1680 г., которое набиралось в Москве в Верхней типографии под наблюдением Симеона Полоцкого (по экземпляру ГПБ). «Псалтырь рифмотворная» известна также в нескольких рукописях XVII—XVIII вв., в том числе в черновом автографе и в беловом «подносном» списке, который датирован 1678 г. (см.: Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина, М.—Л., 1953, с. 262—263). Образцом для Симеона Полоцкого была польская «Псалтырь» Яна Кохановского. Вольное стихотворное переложение «Псалтыри» в московских условиях XVII в. было смелым шагом. И после смерти Симеона представители «старомосковской» партии, особенно чудовский инок Евфимий, не переставали обвинять его в еретичестве. Псалмы в переложении Симеона, положенные на музыку певчим дьяком В. П. Титовым, приобрели в России большую популярность и вошли в песенники. Традиция стихотворного переложения псалмов, возникшая в XVII в., была продолжена в силлабо-тонической поэзии. В XVIII в. псалмы перелагали Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин (последний, в частности, псалом 81 — «Властителям и судиям»), который публикуется нами в переложении Симеона Полоцкого). Псалом 45. *Яковля чада* — потомки Иакова, родоначальника, по Библии, еврейского народа, избранного богом.

АРХИМАНДРИТ ТИХОН

177. С. Ф. Платонов, Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник, СПб., 1888, с. 321, сноска, отрывок из 14 строк (по рук. ГПБ, Ф., IV. 597, которая была известна Н. М. Крамзину). Полностью напеч. в изд.: Платон Васенко, Заметки к «Латухинской Степенной книге». — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 72, № 2, 1902, с. 20 (по рук. ГБЛ, Музейное собр., № 614, с исправлениями и разночтениями по списку ГБЛ, Музейное собр., № 2900). Печ. по рук. ГПБ (собр. Михайловского, Q. 533, 1730-е годы). В тексте акростих: «Тихон монах о бозе начах, книги сия нетрудно писах, доволну же мзду за се взях, в лавру Желтоводскую отдах, в лето седм тысяч сто осмдесят седмое, в месяце ноевврии» (т. е. в ноябре 1678).

Андрей апостол к ним приходил. См. примеч. 4. Учитель приходил к ним Кирилл, другой же святитель Михаил. Очевидно, здесь имеются в виду славянские первоучители Кирилл и Мефодий.

МАРДАРИЙ ХОНИКОВ

Стихотворения к Библии Пискатора

178. М. Соколов, Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой Библии Пискатора. — «Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом», М., 1895, № 9—10, с. 307 (по рук. И. Н. Михайловского в Нежине, № 98; ныне в собр. Михайловского в ГПБ этой рук. нст). Первое издание Библии Николая Пискатора вышло в Амстердаме в 1650 г. В России особенное распространение получило второе издание 1674 г. (гравюры, а под ними подписи на латинском языке, как правило в стихах, со ссылками на главы и стихи библейского текста). Авторство Мардария Хоникова устанавливается по акростику обращения «К читателю»: «Монах Мардарий Хоников трудился». Общее число стихов Хоникова в рук. Михайловского, по подсчетам М. Соколова, — 3824. Сведениями о «всегоблагодатном муже» *Афанасии Иоанновиче Федосиеве* мы не располагаем. *Не даждь зоилу места*. Это «увещание» — не только стихотворный парафраз общего места предисловий и послесловий древнерусских книжников с извинением за возможные ошибки. Любое изменение текста Писания в древней Руси осуждалось; труд Мардария Хоникова тем более смел, что он предпринял до выхода в свет «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого (1680). *Издавший семь тысяць сто осьмьдесят седмаго*. По счету «от сотворения мира»; в переводе на летосчисление «от рождения Христова» получается период от 1 сентября 1678 по 31 августа 1679 г. Датируем 1679 г., поскольку за четыре месяца Хоников вряд ли мог написать весь текст, предисловие же, как правило, составлялось после окончания труда.

179—184. «Песни песней царя Соломона», шесть лубочных картинок в лист, гравированных Алексеем Зубовым в 1740 г. Экземпляр — в отделе эстампов Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Две первые части воспроизводятся с учетом публикации М. Соколова (Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой Библии Пискатора. — «Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом», М., 1895, № 9—10, с. 300), который пользовался рукописью (из собр. И. Н. Михайловского в Нежине, № 98) петровского времени, содержащей полный текст стихотворных подписей к Библии Пискатора. *Песнь песней* — библейская книга, которую предание приписывает иудейскому царю Соломону; представляет собой собрание любовных песен. *Ермона* (Ермонт) — город и область в верхнем Египте. *Аммы* (Амман) — область в Аравии, на восточном берегу реки Иордан.

СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ

185. Н. И. Новиков, Древняя Российская Вивлиофика, ч. 18, СПб., 1775, с. 198. Печ. по изд.: А. Прозоровский, Сильвестр Медве-

дев (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования. Приложения (из 2-й части исследования). — «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 4, М., 1896, с. 392 (по рук. ГИМ, Синодальное собр., № 130). Это последний вариант эпитафии, принятый заказчиком — царем Федором Алексеевичем — после того, как несколько прежних вариантов были отвергнуты. В рук. вслед за текстом «Эпитафия»: «Сие надгробное надписание государь указал на дву каменных таблицах вырезав позлатить и устроить над гробом иеромонаха Симеона своею государскою казною из Приказу каменных дел...» (А. Прозоровский, с. 393). Симеон Полоцкий был похоронен в трапезной Заиконоспасского монастыря. *Семен Петровский* — Симеон Полоцкий, названный здесь по отчеству. *Иеромонах* — церковный сан Симеона Полоцкого. *С церковию бо хоте согласен он быти*. Ортодоксальные московские богословы находили в сочинениях Симеона уклонения в католичество; здесь Медведев пытается отвести это обвинение. *Жезл* — «Жезл правления», полемический трактат с опровержением челобитных старообрядцев — романовского попа Лазаря и суздальского священника Никиты Добрынина-Пустосвята, написанный Симеоном Полоцким в мае — июле 1666 г. по поручению московского церковного собора и напечатанный от имени собора в 1667 г. *Венец* — «Венец веры кафолическия» (написан в 1670 г.), в котором Симеон изложил основные положения христианской религии; напечатан не был. *Обед* — «Обед душевный», сборник проповедей Симеона; напечатан в Верхней типографии уже после смерти автора, в 1681 г. *Вечера* — «Вечера душевная», сборник проповедей, изданный в 1683 г. *Рифмословие* — «Рифмологийон» Симеона Полоцкого. *Беседословие*. Очевидно, имеются в виду восемь антилютеранских «Бесед» (в частности, и «Беседа о брани» по случаю войны с Турцией), написанных Симеоном Полоцким в 1677 г. Сильвестр Медведев редактировал текст этих «Бесед».

186. А. М. Панченко, Придворные вирши 80-х годов XVII столетия. — ТОДРЛ, т. 21, М.—Л., 1965, с. 69 (по рук. ПД, Пинежское собр., № 113). Стихотворение посвящено дочери царя Михаила Федоровича от брака с Е. Л. Стрешневой, царевне Татьяне Михайловне (1636—1706). *Татиана* — раннехристианская мученица (ум. в 225 г.), пострадавшая во время гонений при малолетнем императоре Александре Севере. Память ее празднуется 12 января (это и день именин царевны Татьяны Михайловны).

187. Н. И. Новиков, Древняя Российская Вивлиофика, ч. 6, СПб., 1773, с. 390. Печ. по изд.: А. Прозоровский, Сильвестр Медведев. (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования. Приложения. — «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 4, М., 1896, с. 383 (по рук. ГИМ, Синодальное собр., № 44 /231). Жалованная царская грамота-привилегия («привилий») на учреждение в Москве академии (высшей школы) была подготовлена еще Симеоном Полоцким. Его смерть, а потом кончина царя Федора Алексеевича заставили отложить этот проект. В начале 1685 г. Сильвестр Медведев через Ф. Л. Шакловитого возобновил перед Софьей ходатайство об открытии академии, приложив к привилегии стихотворную просьбу. Мед-

ведов, возможно, выбрал этот момент потому, что знал о скором прибытии в Москву ученых греков Лихудов, в руки которых и попала в конце концов академия. Проект Полоцкого — Медведева предусматривал ее полную автономию; предполагалось, что ректор и профессора в руководстве русской культурой будут ограждены от вмешательства церкви. *Ольга свет веры явила*. Имеется в виду княгиня Ольга (ум. 969), жена Игоря, первая христианка среди князей Рюриковичей. *Давид царь много собрал есть всяка богатства*. Давид — второй царь израильский (XI — начало X в. до н. э.). *Соломону веле оставити*. Царь Соломон, сын Давида, построил знаменитый иерусалимский храм.

188. А. М. Панченко, Придворные вирши 80-х годов XVII столетия. — ТОДРЛ, т. 21. М.—Л., 1965, с. 69. *Великая суббота* — канун пасхи, последний день страстной недели. Пасха в 1685 г. была 19 апреля, великая суббота — 18 апреля, однако стихотворение в рук. помечено 31 марта. В этом случае, несомненно, указан не день исполнения или поднесения стихотворения, а день его написания. *Творца всех сущих в гробе созерцаем*. Согласно Евангелию, Христос умер в пятницу, в девятом часу, и пролежал в гробу до раннего утра воскресенья. *От фараоних юз свободни бяху*. Имеется в виду избавление иудеев из египетского плена, о чем рассказывается в Библии. *Водим бе ко Пилату и Ироду злomu*. Пилат, узнав, что Иисус происходит из Галилеи, подвластной Ироду, который в это время был в Иерусалиме, послал к нему Христа. Ирод, наругавшись над Христом, отослал его обратно. *Изведый Израиля из работы дому* — бог, освободивший народ Израиля от рабства. *Варавве свободу подати*. По обычаю в праздник иудейской пасхи выпускали на свободу преступника. Иудеи предпочли освободить разбойника Варавву, хотя Пилат уговаривал отпустить Христа. *Симеоном сказанный мечь ей прободает*. Имеется в виду Симеон Богоприемец (Евангелие от Луки, III, 25—35). Встретив Марию с сыном на пороге иерусалимского храма, он признал в Иисусе сына божия и предсказал его мученическую кончину. *Великих православных царей*. С 26 мая 1682 г. русский престол занимали братья Иван и Петр Алексеевичи. *Адам же второй оны свободил есть*. Поскольку Христос искупил первородный грех и начал новую эру в жизни человечества, его называли вторым Адамом.

189. Там же, с. 72. Датируется на основании пометы в рук.: «(7) 193-го (1685), апреля в 7 де(нь) писаны и поданы в Верх с подьячим Мастерския полаты с Романом Титовым».

190. Старопечатная гравюра (М., 1687). Печ. по изд.: И. Козловский, Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века, Киев, 1895, с. 77. Русский текст стихотворения напечатан на гравюре, исполненной по заказу Ф. Л. Шакловитого украинцами Тарасевичем и Богдановским и изображающей царевну Софью в окружении семи добродетелей. В титуле она названа самодержицей, что было использовано впоследствии против Шакловитого и Медведева во время суда над ними. Латинский перевод стихотворения помещен на амстердамской гравюре Блотелинга, напечатанной по инициативе Шакловитого в том же году, и принадлежит, очевидно, перу Медведева:

Qualis in augusto fulget Sapiencia vultu
 Quantus Honos oculis, quantus in ore, sedet
 Haec est illa tuis promissa, Ruthenia, regnis,
 condita ab aeternis, quae tueatur, avis.
 Nominis haec tutela tui est, quam barbarus hostis
 sensit in inculto, pertimuitque, solo.
 Quae conjuratas acies ac perfida signa
 fregit et indomitis mollia corda dedit.
 Cujus ab auspiciis terni coiere Monarchae,
 fortiaque Adriacus concutit arma Leo.
 Quam Pietas, quam Spes divinae conscia dextrae,
 famaue Virgineo consecrat alta choro.
 Justitiaeque tenax animus, rerumque Cupido
 magnarum, et forti bella movenda manu.
 Ex victrix fati Prudentia, et aemula coelo
 dextera, muneribus prodigiosa suis.
 Vivunt magnanimas testantia marmora curas,
 et tot ab Augusta templa dicata manu.
 Talis ad Euphraten pharetrata Semiramis altum
 nobile perpetuae condidit urbis opus.
 Talis erat sceptri decus Elisabetha Britanni.
 Pulcheriam tali mente fuisse ferunt.
 Sis licet innumeris foecunda, Ruthenia, regnis —
 Augusta minor es inferiorque tua.

Клятвопреступных знамен полки преломивша. Имеется в виду подавление стрелецких восстаний 1682—1685 гг. *Трие монархи случились* — Россия, Польша, Австрия, союзники в войне против Турции. *С адриацким лвом* — с Венецианской республикой, также участвовавшей в союзе. *Крепки рати в поле вести немотчанна.* Стихотворение писалось после первого крымского похода 1687 г., который Софья и ее приверженцы стремились представить победоносным. *Семирамис* — Семирамида, легендарная царица древней Ассирии, основавшая Вавилон. По преданию, она сорок два года самодержавно правила царством. *Елисавет Британска* — английская королева Елизавета Тюдор (1558—1603). *Пулхерия* — сестра византийского императора Феодосия II Юного (408—450), правившая во время его малолетства. Умерла в 419 г.

КАРНОН ИСТОМИН

191. Печ. впервые по черновому автографу ГИМ (Чудовское собр., № 302, л. 230). *Мирозданна седьмь тысяць двесте втора лета.* О соотношении старого («от сотворения мира») и нового летоисчисления см. с. 370. *Адриан* — последний русский патриарх (1690—1700).

192. А. Бычков, Домострой Карнона Истомина. — «Летопись занятий Археографической комиссии за 1862—1863 годы», вып. 2, СПб., 1862, с. 126. А. Бычков пользовался рукописью ГПБ (ни собр., ни шифра он не указывает), в которой стихотворение, по его словам, было датировано 1700 г. Печ. по черновому автографу ГИМ (Чудовское собр., № 302, л. 49). Разночтения черногового автографа

сравнительно с текстом, изд. А. Бычковым, см. в кн.: С. Н. Браиловский, Один из пестрых XVII-го столетия. Историко-литературное исследование в двух частях с приложениями, СПб., 1902, с. XX—XXI, 268—273. В конце каждой строфы указывается «наказание чаду» — удары розгой или поклоны перед иконой.

193. Букварь Кариона Истомина, М., 1696, л. 72.

194. С. Н. Браиловский, Один из пестрых XVII-го столетия, СПб., 1902, с. 98. Написано во время пребывания Димитрия Ростовского в Москве, приехавшего в столицу по делам епархии и для очередного митрополичьего служения. Димитрий поддерживал дружеские отношения с Карионом — и личные, и литературные; он часто советовался с ним при работе над «Четырими Минеями». *Епаршествуяя в градах и в Ростове*. С 1701 г. Димитрий был митрополитом Ростовским и Ярославским. *Благословенство твое прияв — ключку*. Имеется в виду посох, который Димитрий подарил Кариону Истомину.

195. С. Н. Браиловский, Один из пестрых XVII-го столетия, СПб., 1902, с. 98, отрывок (по черновому автографу ГИМ, Чудовское собр., № 302). Печ. полностью по указанному источнику. Возможно, относится к тому же времени, что и № 194. *Архаггел Михаил бога всем явил*. В Библии архангел Михаил выступает как глашатай божественной воли. *Архаггел Гавриил Христа в плоти открыл*. Архангел Гавриил, согласно Евангелию, возвестил деве Марии, что она родит сына божьего.

196. Печ. впервые по автографу ГИМ (Чудовское собр., № 301, л. 34). По-видимому, адресовано Петру I: в тексте обыгрывается греческое значение имени Петр — камень. Дата этого, как и следующих двух стихотворений, не установлена.

197—198. Печ. впервые по рук. ГИМ (Чудовское собр., № 302, лл. 243 и 284).

АНДРЕЙ БЕЛОВОЦКИЙ

199. А. Х. Горфункель, Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. — ТОДРЛ, т. 18, М.—Л., 1962, с. 205—208, выдержки из поэмы. Печ. по изд.: А. Х. Горфункель, «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого (Из истории польско-русских литературных связей). — ТОДРЛ, т. 21, М.—Л., 1965, с. 44 (по рук. ГИМ, собр. Уварова, № 472 /268). Тема о бренности всего земного — обычная тема христианского искусства. В древнерусской литературе она разработана во множестве переводных и оригинальных памятников («Прение живота и смерти», Синодик и др.). Тема «Vanitas» («Суета») — это лишь составная часть темы «Memento mori» («Помни о смерти»), которая на Руси особенно сильно звучала в конце XV в., когда в связи с истечением седьмой тысячи «от сотворения мира» (1492 г. «от рождения Христова») ожидали конца света, и в эпоху раннего раскола. Тема неизбежности смерти заняла видное место в пору расцвета барокко; Андрей Белобоцкий в своей поэме

отправлялся от произведений барочных авторов. Источники первых четырех книг поэмы — латинские стихотворения немецких поэтов конца XVI — начала XVII в. М. Радера («Погребальный плач», «Страшный суд») и И. Нисса («Вечные адские мучения», «Вечная радость блаженных») в польском переводе З. Брудецкого, который печ. в Польше в 1648, 1683 годах. Источник пятой книги — поэма Якоба Бальде (1604—1668) «О суете мира», известная в латинском и немецком вариантах и выдержавшая не менее 15 изданий. Эта поэма была дважды переведена на польский: Я. Либицким (изд. в 1647 г.) и анонимом (возможно, тем же З. Брудецким; изд. в 1682 г.). Из 100 строф, составляющих ее, Белобочжий перевел 30. В русской культуре конца XVII в. предостережение «Помни о смерти» выполняло скорее просветительские задачи. Поэты-силлабисты стремились распространить в русском обществе нравственные правила, которые могли лечь в основу справедливой, с их точки зрения, общественной системы. Первая книга. Эпиграф — из Библии, Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова. 2. *Плеяды* (греч. миф.) — дочери Атланта, созвездие из семи светил, звезды мореходства; с их восходом начинается благоприятное для мореплавания время, с заходом — пора бурь. *Кастор и Поллукс* (Поллукс, Полидевк) (греч. миф.) — сыновья Зевса и Леды; по смерти были превращены в созвездие Близнецов. Считались покровителями моряков. 7. *Харон* (греч. миф.) — перевозчик душ умерших через реки Аида. 23. *Могиляно жизни в разса...* Последнее слово в рук. не дописано. Книга вторая. Эпиграф — из Библии, Книга пророка Софонии, I, 14—16 (в рук. ошибочно: 33). 21. *Иулий царь мечем славний с Юлианом*. Очевидно, имеются в виду Юлий Цезарь и император Юлиан Отступник (361—363), брат Константина Великого, пытавшийся восстановить язычество. 26. *Тантал* (греч. миф.) — любимец богов, которые часто приглашали его на пиры. За провинность боги осудили его терпеть голод и жажду. Он стоял по шею в воде, но, как только наклонялся, вода уходила. Над головой его висели прекрасные плоды, но стоило ему протянуть к ним руку — плоды поднимались. 27. *Жаждает Лазарь*. Имеется в виду приведенная в Евангелии от Луки притча о нищем Лазаре, который просил подаяние у дверей богача и подбирал крошки с его стола. На том свете богач, мучась в адском пламени, просил, чтобы Лазарь омочил конец перста и охладил его язык. 32. *Фарисеи* — иудейская религиозная каста, возникшая во второй половине II в. до н. э., — низшее жречество, ученые «книжники». В Евангелии фарисеи олицетворяют лицемерие и жестокость. 35. *Хитрым сиронам сродники*. Имеются в виду сирены (греч. миф.) — полуптицы-полуудевы, завлекавшие пение моряков к берегу и губившие их. Книга третья. Эпиграф — из Библии, Книга пророка Исаяи. 1. *Цербер* (греч. миф.) — адский пес, охраняющий вход в царство Аида; пожирал тех, кто пытался выбраться оттуда; изображался с двумя головами и змеиным хвостом; позже (в римскую эпоху) — с тремя (средняя — львиная). 2. *Екада* — Геката (греч. миф.), ночное божество преисподней; изображалась в виде женской фигуры со змеями на месте волос и ног, с тремя головами — лошадиной, собачьей и львиной, иногда в виде трех связанных спинами фигур. 3. *Анокреон*. По ортодоксальным христианским представлениям, Анокреон должен был попасть в ад — не только потому, что был языч-

ником, но и по той причине, что воспевал любовь, вино и наслаждения. 5. *Ахерон* (греч. миф.) — река в Эпире, исчезающая под землей; считался одной из рек подземного мира. 8. *Мегеры* (греч. миф.) — богини мести, карающие за преступление и наводящие безумие, неустанно преследующие нечестивца. *Химера* — Химера (греч. миф.), огнедышащее чудовище. Вергилий в «Энеиде» называет Химеру в числе подземных чудовищ в преддверии Аида. 24. *Сандал черный* — драгоценное дерево, из которого получают черную краску. 26. *Сизиф* (греч. миф.) — царь Эфиры в Коринфе, наказанный богами за вероломство и корыстолюбие. В подземном мире должен был вечно втаскивать на гору камень, который с вершины снова скатывался обратно. 28. *Лазаря крошек ждущи*. См. примеч. к строфе 27 второй книги. 31. *Комедия Орфеуса*. По-видимому, имеются в виду мистерии и вакханалии культа орфиков, родоначальником которого считался Орфей. 40. *Промофей* — Прометей (греч. миф.). 49. *Иовиш* — Юпитер (римск. миф.). Книга четвертая. Эпиграф — из Евангелия, Первое послание апостола Павла к коринфянам, II, 9. 3. *Ботт* — Волопас, иначе Арктур — северное созвездие. Впоследствии Арктуром называли самую яркую звезду созвездия. *Орион* (греч. миф.) — великан и охотник, который преследовал *Плеяд*, пока они не превратились в созвездие. Сам он также превратился в созвездие вблизи Плеяд. *Стрелец* — девятое созвездие зодиака. 4. *Дианна* — Диана (или Артемиды); в позднейший греческий и римский периоды богиня луны. *Фосфор* и *Еспер* (Геспер) — два названия планеты Венеры: Фосфор — утренняя звезда, Геспер — вечерняя. *Еркулес* — Геркулес. Имеется в виду северное созвездие. *Побеждает хитру Скорпию лютаго*. В мифологическом истолковании созвездие Змиерждца, находящееся севернее созвездия Скорпиона, иногда отождествляли с Геркулесом, который убил страшную змею на реке Сангарии. *Волна злата ту яснет, взята с царства Колхицкаго*. Имеется в виду южное созвездие Арго, мифологически связанное с походом аргонавтов, которые путешествовали в Колхиду за золотым руном. 8. *Христа преславный ключаре*. Имеется в виду апостол Петр, считающийся ключарем небесного царства. 18. *Предтеча седит, ядая мед и акриды*. Иоанн Предтеча, или Креститель, предрекший приход Христа и крестивший его в Иордане. По Евангелию, Иоанн Предтеча вел аскетическую жизнь, питаясь диким медом и акридами (саранчой). *Нечестивый тетрарх* — царь Ирод, по просьбе дочери Иродиады приказавший казнить Иоанна Предтечу. 19. *Моисей* — библейский пророк, выведший иудеев из египетского плена и давший им законодательство. *Аврам* (Авраам) — библейский патриарх, которому испытывавший его бог приказал принести в жертву сына Исаака. Когда Авраам занес нож, ангел удержал его руку. 20. *Давид, держя лютию, грает*. Имеется в виду царь Давид-псалмопевец. Псалтырь по-древнееврейски — музыкальный инструмент. Автор считает, что язычник Орфей не мог сравняться с Давидом. Книга пятая. Эпиграф — из Библии, Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, XXXIV, 1—3 (в рук. ошибочно: 44). 1. *Дарданский народ древний*. Родоначальником троянцев (и через Энея — римлян) считался Дардан, сын Зевса и Электры, дочери Атланта, который построил город Дарданию. *Марч* — Марс (римск. миф.). 5. *Аракс*. Имеется в виду либо река в Армении, либо (скорее) река вблизи Персеполя, главного города

персов, разрушенного Александром Македонским. 6. *Идельския дубы* — по-видимому, идольские, т. е. языческие дубы, которые почитались священными. Дубовыми ветвями, в частности, украшали античных жрецов. В Германии были целые священные дубовые рощи. С распространением христианства чтимые язычниками дубы вырубались. Так, по преданию, св. Бонифаций срубил священный дуб в Гейсмаре (Гессен). 10. *В древнем веце мир ся славил седмикратными чудами* и т. д. См. примеч. 15. Здесь указаны также (строфа 13) Геркулесовы столбы западнее Гибралтара («*Столпы медны, еже набил в море Еркулес по Гады*» — то есть у Гадеса, как римляне называли Кадикс). 12. *Херост* — Герострат, см. примеч. 15. 14. *Идол дивный во сне явлен* и т. д. В библейской «Книге пророка Даниила» рассказывается, что царь Навуходоносор видел во сне истукана из золота, серебра и железа, но на глиняных ногах. Пророк Даниил, бывший в вавилонском плену, истолковал Навуходоносору этот сон как предвещие гибели его царства. 17. *Ромулос* (Ромул) — легендарный основатель и первый царь Рима. *Камилл* Марк Туллий (V—IV вв. до н. э.) — римский победоносный полководец, реформатор военного дела. *Девица Аннибалови*. Аннибал — Ганнибал. Автор здесь сравнивает Рим с «девицей». 19. *С Катонами*. Очевидно, имеется в виду Катон Младший, или Утический (95—46 до н. э.) — неподкупный республиканец, народный трибун и претор, тесть Марка Юния Брута (85—42 до н. э.). Сторонником республики был и знаменитый оратор Марк Туллий Цицерон (106—43 до н. э.). 20. *Акце и Ромули снурок жизни розервался*. Подразумеваются Ромул, легендарный основатель города Рима, и его приемная мать или кормилица Акка. 24. *Аугуст* — римский император Октавиан Август. 25. *Отчим Неро пожарами сожегл*. Император Тиберий Клавдий Нерон (54—68), по преданию, приказал поджечь Рим и любовался пожаром. 26. *Волску землю звоевал*. В 338 г. до н. э. римляне завоевали землю вольсков — народа, жившего по обоим берегам реки Лирис в средней Италии. *Нуманчики* — жители Нуманции, города в верховьях Дуэро в Испании. При Сципионе Африканском, в 133 г. до н. э., город был взят и разрушен римлянами. *Картагинчики* — жители Карфагена. *Реце Рену спутал ноги* — завоевал Галлию; Рена — река Рона. 27. *Розлев Дуная усмирл*. Дунайские земли были завоеваны римлянами в начале II в. 27. *Алярк* (Аларик, Аларих) — король вестготов; в 410 г. завоевал Рим. 28. *Врата твои, о Трояне* — триумфальная арка римского императора Траяна (98—117). Септимий Север (193—211) — римский император, украсил Рим великолепными постройками. Воздвигнутая им триумфальная арка сохранилась до сих пор. *Двор Люкулля столпный* — великолепные дворцы Луция Лициния Лукулла (106—56 до н. э.), римского претора, консула и полководца, имя которого стало синонимом богача. *Тит* — римский император (79—81). 29. *В твоих банях, Антонине*. Имеется в виду римский император Бассиан Марк Аврелий Антонин Каракалла (211—217), построивший в Риме роскошные термы. *В твоей, Тибур, равнине*. Имеется в виду либо река Тибр, либо местечко Тибур (Тиволи), расположенное близ Рима, где император Адриан (117—138) по собственным планам построил виллу и развел великолепные сады.

200. «Ярославские епархиальные ведомости», 1861, 22 октября, с. 417. В тексте акrostих: «Димитрии Савич архимандрит Новгородский». Датируется по акrostиху: Димитрий был архимандритом Спасского Новгород-Северского монастыря с 17 сентября 1699 г. до 23 марта 1701 г. Стихотворение по жанру — кант, или псалма (духовная песня). *Димитрий Солунский* — христианский мученик, погибший во время гонений на христиан в 303—304 гг. при императоре Диоклетиане (284—305). Димитрий был военачальником и правителем Солуни (Салоник). Это был один из самых почитаемых на Руси святых; в 1197 г. его икону перенес из Солуни во Владимир великий князь Всеволод Юрьевич. Димитрий Солунский считался небесным покровителем Димитрия Ростовского. *Сему подражай, копием пронзенну* и т. д. Согласно Евангелию, один из римских воинов поднес к устам распятого Христа на копье губку, напоенную желчью и уксусом, а затем пронзил его сердце копьем. *Не возбраняют от гробной опоки*. Имеются в виду чудеса от гробницы Димитрия Солунского.

201. Архимандрит Макарий, Распространение христианской веры в пределах Пермской епархии. — ЖМНП, 1857, № 2, отд. 2, с. 269, примеч. Стихотворение было написано Димитрием Ростовским на рамке иконы Казанской божией матери, подаренной Никите Демидову и хранившейся впоследствии в Николаевской церкви Нижнего Тагила. *Никита Демидович* — Никита Демидов Ангуфьев (1656—1725), тульский заводчик, любимец Петра I. *Якинф* — Акинфий Никитич Демидов (1678—1745). *Архиерей Тобольский*. Димитрий был митрополитом Тобольским и Сибирским с 23 марта 1701 г. до 4 января 1702 г. По этим сведениям датируется стихотворение. Возможно, оно написано ближе к концу этого срока, когда Никита Демидов договорился с Петром о пожаловании Нижне-Тагильских и Невьянских дач и собрался ехать в свои новые владения.

СТЕФАН ЯВОРСКИЙ

202. В. Н. Перетц, Историко-литературные исследования и материалы, т. 1, ч. 2, СПб., 1900, с. 193 (по рук. Киево-Михайловского монастыря, № 569, где стихотворение приписано Феофану Прокоповичу). Другой вариант: А. С. Грузинский, «Epitaphius Metropolitae Varlaamo Jasinski» — стихотворение Феофана Прокоповича (К истории поэтического стиля в России в нач. XVIII в.). — «Русский Филологический Вестник», 1910, №№ 3—4, Варшава, с. 350 (по рук. проф. А. А. Дмитриевского с разночтениями по спискам Киево-Михайловского монастыря, № 569, и Киевской духовной академии I.III.82.3). Печ. по изд.: И. П. Еремин, К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича. — ТОДРЛ, т. 16, М.—Л., 1960, с. 507, по рук. ГПБ (собр. Толстого, 0.XIV.2, 1751 г.). И. П. Ереминым атрибутировано Стефану Яворскому. Стихотворение — эпитафия Варлааму *Ясинскому*, с 1690 г. митрополиту Киевскому и Галицкому (ум. во второй половине 1707 г.). Возможно, она была сочинена для памятника, который предполагали устроить

на месте погребения Варлаама Ясинского в Киево-Печерском монастыре. Эпитафия считалась образцовой: уже в 1714 г. она попала в сборник студенческих упражнений Киевской духовной академии, а впоследствии была включена в латинскую «Поэтику» Георгия Конисского (1746). Стихотворение имеет двухчастную композицию: в первой описываются «эмблемы», а во второй — «символы», которыми характеризуется деятельность Варлаама Ясинского. *Луну, рода моего знамение красно и т. д.* Имеется в виду герб Ясинских: полумесяц и стрела с двумя звездочками по сторонам в овальном щите. *Слышах о Иакове.* Ветхозаветная реминисценция: лестница в небо, явившаяся Иакову во сне. *Гроб себе рождшей девы избрах во возглавие.* Варлаам Ясинский был похоронен в Великом (богородичном) храме Киево-Печерской обители. *Варлаам сотворися нищий произвольный.* Имеются в виду аскетические обеты, которые давал каждый монах. *Изсох бяше в Киеве вертоград учений.* В 1665 г. Киево-Могилянская коллегия была разрушена во время нашествия Дорошенко. Ее удалось возобновить только в 1669 г., когда ректором был назначен Варлаам Ясинский. *Яко же Ааронов прозябе цвет здравий.* По библейской легенде, первосвященник Аарон был старшим братом пророка Моисея. После бегства из Египта во время народной смуты, когда пришлось заново выбирать первосвященника, Моисей повелел положить в скинию (священный шатер) двенадцать (по числу колен Израилевых) правительских жезлов; на жезле Аарона появились цветы и плоды.

203. «Проповеди блаженных памяти Стефана Яворского...», ч. 3, М., 1805, с. 299. *Мазепа* Иван Степанович был гетманом Украины с 1687 г. Предан анафеме 12 ноября 1708 г. После Полтавской битвы бежал вместе с Карлом XII в Бендеры и вскоре умер. *Рахиль* — ветхозаветная героиня, олицетворение материнской любви. *Ирод* (62 до н. э. — 4 н. э.) — царь Иудеи. По Евангелию, узнав от восточных волхвов о рождении нового царя иудейского Иисуса Христа и стремясь обезопасить себя, приказал умертвить в Вифлееме всех младенцев мужского пола. *Уподобися Россия Давиду.* Библейская легенда рассказывает о том, как сын Давида *Авессалом* поднял восстание против отца и провозгласил себя царем; Давиду пришлось бежать из Иерусалима. Только случайная смерть Авессалома в сражении позволила Давиду снова занять иудейский трон. *Аз напоих ъ из камене меда.* Использовано греческое значение имени Петр — скала, камень. *От шведскаго льва.* В гербе Швеции золотой лев в короне держит кривую серебряную алебарду.

204. Амвросий, История российской иерархии, ч. 6, М., 1815, с. 26. Стихи находятся в утвердительной грамоте Стефана Яворского строителю Саровской пустыни Исаакию с братией, подписанной 15 марта 1711 г. *Саровская пустынь* основана Исаакием в 1705 г. при слиянии рек Сатиса и Саровы (Темниковский уезд Тамбовской губернии). В 1706 г. Петр I утвердил общежительный монастырский чин, на что и дана упомянутая грамота. «*Кто в вас вящший, да будет слугою*». Цитата из Евангелия от Матфея, XX, 26.

№№ 206—226 печ. по изд. Еремина, с. 214—226, где эти стихотворения опубликованы по рук. ГБЛ (Музейное собр. № 3051) — сборнику второй половины XVIII в., содержащему некоторые речи и трактаты Феофана Прокоповича, трагедокомедию «Владимир» и почти все его стихотворения.

205. «Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему и великодержавнейшему государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, и прочая и прочая, в лето господне 1709 месяца июня 27 богом данной, проповеданное в Киеве при всенародном собрании в престольной церкви святыя Софии Премудрости божия на приветствие его священнейшаго величества при его ж собственном присутствии. Лета того ж месяца июля дня 10 в типографии святыя великия чудотворныя лавры Печерския Киевския». Текст «Епиникиона», вошедший в это изд., был обнаружен И. П. Ереминым и перепечатан в изд. под его редакцией, с. 209. Ранее стихотворение печ.: П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. 2, СПб., 1862, с. 198, ст. 62—98, 153—174 (по рук. ГПБ, Q. XIV. 2); В. Н. Перетц, Очерки старинной малорусской поэзии. — ИОРЯС, 1903, кн. 1, с. 85 (по той же рук.). «Слово похвальное» по поводу Полтавской битвы Феофан произнес, по-видимому, 24 июля; значит, текст его начали печатать раньше, еще до приезда Петра I в Киев. Вскоре «Епиникион» был выпущен в латинском и польском вариантах. *Супостат* — Карл XII. *Отступник* — гетман Мазепа. *Время брани Троянской*. Согласно «Илиаде», осада Трои продолжалась 10 лет, по предсказанию прорицателя Калханта. *Яко же иногда Лютаго фараона*. Намек на библейский рассказ о страданиях иудеев в Египте. *Во стикгийской воде* — в водах Стикса (греч. миф.), реки загробного мира. *И вся на главу твою... летущия сотвори безделныя стрелы*. В Полтавской битве Петру прострелили шляпу. *Лев* — Швеция; см. примеч. 203. *В конце Фаэтоновой погибели равный*. Фаэтон (греч. миф.) — сын бога Солнца Гелиоса и Климены, упростивший отца вручить ему на один день бразды солнечной колесницы. Слабый юноша не мог справиться с огненными конями, сбился с дороги, зажег небо и землю, так что Зевс вынужден был поразить его молнией. *Лютая ехидна* — униатская церковь на Украине; униаты, сохранив православные обряды, находились под юрисдикцией римского папы. *И от долгих узилищ извести род верный* — спасти южных славян, поработанных турками. *Крест на стенах Сионских водрузиши златый*. Призыв вернуть христианам Константинополь.

206. Чистович, с. 600. Общепринятой считается аргументированная гипотеза П. Н. Беркова, согласно которой стихотворение «написано в защиту украинцев, ушедших с Мазепой и потом принесших повинную» (Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков, «Б-ка поэта», М. с., Л., 1935, с. 302). После перехода Мазепы на сторону Карла XII кошевой атаман Запорожской Сечи Костя Гордиенко с частью казаков в местечке Царичевке попал на отряд русской армии. Захваченных пленных он привез к Карлу XII в Бу-

дищи, где и присягнул королю. Вскоре сам Гордиенко, раненный в одной из стычек, был пленен полковником Болтинным и казнен. В апреле 1709 г. русские войска взяли Сечь. После Полтавской битвы часть запорожцев была захвачена в Переволочной, но многие ушли с Мазепой за Днестр, в Турцию. Пленные принесли повинную (с повинной являлись и добровольно) и были прощены.

207. Чистович, с. 16, примеч. 1 (по рук. Новгородской семинарской библиотеки, № 3885). Вскоре после написания стихотворение получило широкую популярность; оно было положено на музыку и попало в песенники. Стихотворение посвящено центральному событию Прутской кампании 1711 г. — сражению у молдавского местечка *Рябая Могила* 9—11 июля, решившему исход войны в пользу турок. Феофан Прокопович был участником похода. *В день неделный ополудны* — в воскресенье 9 июля около полудня, когда турки напали на Преображенский полк, бывший в арьергарде русской армии. *Пошли полки волоския* — то есть валашские, войска передавшегося Петру господаря Дмитрия Кантемира.

208. Н. И. Новиков, Древняя Российская Вивлиофика, ч. 9, изд. 2, М., 1789, с. 493. Написано, по-видимому, по случаю пребывания в Новгороде Петра II, следовавшего на коронацию в Москву.

209. Н. Курганов, Книга Письмовник, СПб., 1777, с. 304 (без имени автора); Н. С. Тихонравов, Летописи русской литературы и древности, т. 5, М., 1863, отд. III, с. 37. В XVIII в. стихотворение было популярной песней. В стихотворении отразились невзгоды, которые пришлось пережить Феофану Прокоповичу в правление верховников при Петре II. *Плачет пастушок*. Известно, что при Петре I духовные лица часто именовали себя «пастушками» (видимо, как синоним слова «пастырь»). Антагонист Феофана Прокоповича Стефан Яворский в письмах к царю подписывался иногда «Стефан — пастушок рязанский» (см.: П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, СПб., 1862, с. 370).

210. «Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями и кратким описанием его жизни» <под редакцией И. С. Баркова>, СПб., 1762, с. 19. В изд. Еремина напеч. по рук. ГПБ (Q.XIV. 2) с разночтениями по сборнику стихотворений Кантемира 1755 г. в ПД (Р. II, оп. 1, № 132). Об эпитете *рогатый* см.: М. П. Алексеев, «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича (сб.: «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков», М.—Л., 1959, с. 17—43). Рога в силлабической поэзии XVII—XVIII вв. — распространенный атрибут силы. В автокомментариях к сатире «На хулящих учения», которую А. Д. Кантемир написал в конце 1729 г. (потом текст неоднократно перерабатывался), сообщается, что сатира попала в руки Феофана Прокоповича, который «ее везде с похвалами стихотворцу рассеял» (см.: Антиох Кантемир, Собр. стихотворений, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1956, с. 62, 442—443). *Апполин* — Аполлон.

211. Чистович, с. 294, примеч. 1. По определению И. П. Еремина, стихотворение «по жанру — типичный приветственный «кант»...

Стихотворение в XVIII в. часто переписывалось в сборниках-песенниках и даже переделывалось применительно к Елизавете Петровне. . . Екатерине II» (изд. Еремина, с. 484). *Августа Анна*. Август — императорский титул (лат.: славный, достойный благоговения), впервые принятый Октавианом в 27 г. н. э. и затем перешедший ко всем последующим императорам. В России этот титул употреблялся в форме «августейший», прилагавшейся ко всем членам царской фамилии.

212. Чистович, с. 295, примеч. Как и стихотворение № 211, эти октавы были сочинены Феофаном Прокоповичем летом 1730 г. по случаю приезда императрицы в подмосковное село Феофана Владыкино. Есть сведения, что Феофан написал и латинский вариант стихотворения. *Анна милости тезоименита*. Имя Анна происходит от древнееврейского слова «благодать, милость».

213. Чистович, с. 259, примеч. 2 (по рук. Новгородской семинарской библиотеки, № 3885). Со смертью в Москве в ночь на 19 января 1730 г. пятнадцатилетнего Петра II пресеклась мужская линия дома Романовых. Вопрос о престолонаследии решался аристократическим Верховным тайным советом, который собрался уже в ночь смерти императора (по словам Феофана Прокоповича, «с немалым разгласием») и который постановил возвести на престол вдовствующую курляндскую герцогиню Анну Иоанновну, ограничив ее власть аристократической конституцией. В Митаву были посланы «кондиции», по которым Анна должна была править в согласии с Верховным тайным советом. Условия верховников были приняты, но их противники с Феофаном Прокоповичем во главе готовили переворот. Анна въехала в Москву 15 февраля 1730 г., а через десять дней дворяне подали ей просьбу «всемилоостивейше принять самодержавство». Уверенная в гвардии, Анна при всех разорвала «кондиции».

214. Чистович, с. 340, примеч. 1. В 1706 г. была закончена постройка Вышневолоцкой судоходной системы, связавшей Волгу с Невой. Однако небольшие суда, пригодные для рек этой системы, не выдерживали бурь на Ладожском озере. Поэтому 19 сентября 1718 г. Петр I указал набирать рабочих для строительства обводного Ладожского канала. Канал полагали закончить в 1721 г., но работы затянулись до 1731 г. В 1732 г. императрица ездила осматривать канал. Латинский вариант октавы см. в изд. Еремина, с. 485.

215. Чистович, с. 640. Герой стихотворения — доверенное лицо Феофана Прокоповича с 1723 г., выполнял различные его поручения. Стихотворение — авторский перевод латинского оригинала, написанного Феофаном от лица зрителя семинарии Самуила Тецки. Латинский текст см. в изд. Еремина, с. 486.

216. Чистович, с. 600. Станислав Лещинский (1677—1766) — во время Северной войны противник России и ее союзника польского короля Августа, ставленник Карла XII. 14 февраля 1704 г. варшавский сейм низложил Августа, и 12 июля королем был избран Ста-

нислав Лещинский. После Полтавской битвы он отказался от короны. Петр снова восступил на престоле Августа. Когда в 1733 г. он умер, Россия выступила за его сына против кандидатуры Станислава Лещинского, которого на этот раз поддерживала Франция. В Польшу был введен пятидесятитысячный русский корпус под начальством сначала Лесси, затем Миниха. Станислав Лещинский в 1734 г. бежал в Пруссию. Латинский вариант стихотворения см. в изд. Еремина, с. 487. Эпизод из римской истории, сообщаемый Феофаном, изложен (как указывает И. П. Еремин) у Тита Ливия (кн. I, гл. 12). *Ромул молился Иовишу*. Во время битвы с сабинянами римляне, как гласит легенда, были близки к поражению. Лишь после того, как их царь Ромул обратился с мольбой к Юпитеру (Иовишу), прося о помощи и обещая воздвигнуть храм богу, ход сражения переменялся в пользу римлян.

217. Чистович, с. 633. Латинский вариант стихотворения см. в изд. Еремина, с. 488. Здесь рассказывается о событии, имевшем место в школе, организованной Феофаном в 1721 г. в его петербургском доме на Карповке. В школе, очевидно, преподавали законоучители Шляхетского кадетского корпуса (учрежден в 1731 г.) иеромонах Лука Конашевич и иеродиакон Варлаам Скамницкий.

218. Чистович, с. 633. Латинский вариант стихотворения см. в изд. Еремина, с. 488.

219. Чистович, с. 641. Эконом Феофана Прокоповича *Герасим* славился искусством варить пиво. «Благодарение» — цикл шуточных стихотворений, написанных в форме обращения к Герасиму всех обитателей карповского архиерейского дома: «интенданта» дома *Ильи* Ксиландера, в прошлом ученика школы Ф. Прокоповича; учителя той же школы Г. Ф. Федоровича... некоего «козака» (как кажется, самого Феофана); «новгородских дворян» и даже «малых детей», т. е. учащихся школы» (см. комментарий И. П. Еремина в изд. Ф. Прокоповича под его редакцией, с. 488). *В пустыни на Мойсея век бы не роптали*. По Библии, после бегства из Египта иудеи сорок лет блуждали в пустыне, где терпели голод и жажду и не раз принимались бунтовать против своего предводителя Моисея. *Сад Ноев*. В Библии рассказывается, как после всемирного потопа Ной занялся виноделием. *Хам* — один из сыновей Ноя, надругавшийся над пьяным отцом.

220. Чистович, с. 601. *О лихорадко, тебе за богыню говейно читли*. См. примеч. 152. Дата написания этого и следующих шести стихотворений (№№ 219—224) не установлена.

221. Чистович, с. 489. Как установил И. П. Еремин (с. 489), стихотворение — вольный перевод эпиграммы римского поэта I—II в. Марка Валерия Марциала «Nullus esse deos, inane caelum...».

222. Чистович, с. 601. Как установил И. П. Еремин (с. 489), стихотворение — перевод эпиграммы итальянского философа, филолога и поэта Ю. Ц. Скалигера (1484—1558) «Si quem dura manet sententia iudicis olim...». Знание Скалигера входило в обязанности Фео-

фана Прокоповича, когда он преподавал в Киево-Могилянской академии: в курсах тогдашней риторики и поэтики Скалигер считался образцовым поэтом и обильно цитировался.

223. Чистович, с. 599.

224. Н. Г. Курганов, Книга Письмовник, СПб., 1769, в разделе «Псалмы или духовные песни», с. 298, ст. 1—8, 37—46. Как установил И. П. Еремин (с. 490), это переложение 90-го псалма в XVIII в. бытовало в рукописных песенниках.

225. Там же, где и № 224, с. 299.

226. Там же, где и № 224, с. 296. См. также: В. Н. Перетц, Историко-литературные исследования и материалы, т. 1, ч. 2, СПб., 1900, с. 189, 191. В XVIII в. эта песня получила очень широкое распространение (см.: А. В. Позднеев, Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). — «Ученые записки Московского заочного педагогического института», т. 1, М., 1958, с. 8).

ПЕТР БУСЛАЕВ

227. «Умозрительство душевное, описанное стихами о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой, изданное в Москве 1734, генваря в 20 день чрез усерднейшаго слугу ея Петра Буслаева. Печатано в Санкт-Петербурге в типографии Академии Наук 1734 года, марта в день...». Печ. по экземпляру БАН. Единицей текста Петр Буслаев считает двестише (по его терминологии — это «стих», состоящий из двух «строк»; в более ранний период в этом значении употреблялось слово «вирша»). Обе части поэмы состоят из ста двестишней каждое и пронумерованы автором особо. Под строкой каждое двестишие (иногда, впрочем, объединяется от двух до четырех двестишней кряду) снабжено примечаниями, часть которых — простой прозаический перифраз стихотворного текста. Поэтому ниже примечания даются в выдержках. Приведено то, что имеет историческое значение — например, сведения о месте погребения героини, или значение литературное — указания, свидетельствующие о сознательном употреблении тропов, толкования христианских символов (например, олень — символ пути к богу), ссылки на источники фразовых заимствований и проч. Часть первая. 1. Через круг солнца разумеется год по рождестве Христовом. 2. Девятая луна ноемврий месяц значит, от римскаго щоту Novem, поне же по марте месяце сей месяц числится девятой и называется у римлян November. 3. Объявляется zde час одиннадцатой по полуночи, минута десятая, когда Мария кончалась. 4. В тяжкой тела болезни через белое платье души покаяние и дозвлетворение Христова страстьми и пресвятейшим причастием тела и крови его, прежде же крещением восприятая слава разумеется. 9. Описуется умное разсуждение Марии, поне же оная при смерти страдавшего Христа вспоминала. 14. Небесныя силы — чины ангельския в блистании и скорости исполнения воли божией, а илектр разумеется светлость, крила ж придаются в образ скорости. 17. Солн-

цем кажет славу, от бога ей данную, луною же мир весь, звезды ж в короне разумеются о сей пророчества и похвалы святых. 21. Когда Христос страдал, тогда земли трясение и помрачение света воспоминается. 24. Желание ея ко богу жаждущей уподобляется елени. 25. Лета, месяцы и дни, сколько жила Мария, показываются. 31 и 32. Описует измышлением ангела, яко молнию скоро, имеюща на себе власть божию. 48. В алтерацію многие пришли и несколько в молчании пребыли. Адской вопль чрез фигуру поэзии *гиперболе* разумеется превеликой вопль, которым крычали без памяти, ничего бо помнить не хотели, кроме отлучения ея. 52. Все сие описание острейшия лютости сей болезни сердечной и печали, в которое время все делает без разсуждения слабость человеческая и здравыя правления ума посмеваются. Многие подобные сему суть описания поетов *Виргилия*, *Овидия*, *Гомера* (в тексте *Голгера* — *А. П.*) и прочих. 57. Обучение в жизни многим младым людям сия баронесса давать собою обычай имела. Веселила горестных и пользовала печальных. 72. Описует печальное черное по обычаю платье. Адскую ж весну разумеет острой печали начало. 76 и 77. Описует церемонию несения ея гроба и принадлежащей свет запаленных свеч и факалов, которые были по обычаю в сей процессии. 78. Надгробны церковны концерты суть стихи обычайные погребения, что слыша все сокрушаются и сердцами в жалость приходят. 79. Изъявляет плачущих многой крик и остроту печали кажет чрез острие мечей поэзии обычаем. 85 и 86. Принесли в церковь святого *Николая*, называемаго в *Котельниках*, и совершили литоргию, по литоргии ж отпевали погребательныя стихи, тогда все теснились и падали на гроб, целуя тело ея и прощаясь в последние, в котором действе от гроба отстать не хотели и упали без памяти. 92 и 93 и 94. Через землю неглубоку значится могила, в которой баронесса Мария погребена подле мужа своего. Жена ж ребром разумеется мужним, поне же первая жена *Эва* от ребра мужня сотворена есть. Хотящий знати да чет бытейския книги. Над ними же камень изрядным художеством истесанны, с надписаниями, от святого писма взятыми, со украшением поставлен. И для вечной памяти противу камня о знатной в делах добрых жизни их надгробные надписи поставлены, на камне же том по их чести гербы, и для познания оных персоны водружены, идеже сами лежат плотию, душами же суть в мире. 96 и 97. *Давиду* следуя писано, иже в печалех своих пишет: Слезы моя мне хлеб день и ночь, и паки: Питие мое с плачем разтворях . . . 98. . . *Мирра* ж горькой сок из дерева значит, что аллегорически употребляя, как и желчь, вместо горести печальной. . . Часть вторая. 1. Начало вторяя части имеет прицепление к первой части, в параграфе четвертом к стиху сорок четвертому и пишет о тех, которые немощь плоти разсудительной душе повиновали и не в слезах, но в богомыслии о души ея упражнялися, имеющи о блаженстве угодивших вернейшую надежду. 4. Когда исходит от тела блаженная душа, велие дерзновение, пред богом представлена ангелом-хранителем ее, имеет. 10. Простертие десницы показывает всевладушую к ней данную милость божию, ей же провещается душа ее яко заря светом незаходящим. 15. Зде автор измышленно описует ея добродетели, которые пред богом явны суть всегда и по изшествии с душею являются. Всякой бо от своих

дел или прославится, или постыдится. В девических же персонах яко живописцам, тако и поетам сия описывать обычай есть. 17. Первую объявляет веру, яко первую наставницу от крещения человеку приставляему, яже должна быти совершенна... 18 и 19. Должно быти чистой вере, и в духовной одежде, восприятой от крещения, блистатию истостию. Рамена ж крепкие и крылатые значат крепкое исповедание о Христе, во дву естествах сущем, к нему же скоро со славою прелетети от сего света должны есмы иметь желание; очи пламенеючи — светлое веры толкование. 29. Разсуждение чистой совести во-вторых является. Мера ж правая — самая правость; сожатые ж персты значат десять заповедей. 36. ... Дом же божий разумеется церковь, в душах наших состоящая. 43. Цветами дела Милости нарицаются. 44. Рог с цветами — явление пред богом милости, яже до небес восходит. 45. Лествица до неба — добрая жизнь наша, превечное ж царство — царство божие... Горни же Сион — место, идеже души праведных пребывают, аллегорично называется. 49. Четвертую ж значит молитву святую... 51. Значит почтение божественного поклона, которой называется Латрия у богословов... 52. ... Феатр же с греческаго диалекта место, идеже какое торжество отправилось, называется, что здесь употреблено за тризнице святых. 56. Молитва блистает драгостию славы блаженной. 57. Железны жезл постом изображен того ради, яко пост должен быти с трудом и крепостию духа, во умерщвлении плоти, им же и демони и страсти яко болезни душевныя отгоняются... 59. Зде начинает описывать вящшую и лучшую всех добродетель. 60. Ей же приписуется младость, поне же она в души воплощенной не может быти толь совершенна, елико должны мы ея имети, но всегда растет и прибавляется, егда же душа блаженна изходит от тела, тогда с нею совершенною представляется богу, красоту славы имуще безсмертную, по глаголу апостола: Любы во веки живет. 61 и 62 и 63 и 64. Описуется зде поэзии измышлением сия добродетель... Наричается же сия добродетель любовь Христова. 66 и 67. Персями Христовыми зде полагается близость ко богу сея добродетели паче прочих добрых дел... 73. Светлый облак — радостное возшествие в небо при лицезрении божии. 75. Через лествицу мнится жизнь Марии в делах ея добрых, яже достигоша самага престола божия... 78. Измышленно писал, яко сия баронесса имя Марии носила, имя, данное в тезоименство Марии Магдалины. 81. По воскресении Христове Магдалина явльшуся Христу не прикоснулась, ибо той рече сам: «Марие, не прикасайся мне». 82. Сия баронесса прикоснулась дважды пред смертью ко Христу, то есть дважды через шесть часов сообщилась тела и крови его, чем последовала жизнь вечную; житие ж наше временное сном нарицается. 84. Высочайшее или эмпирейское показывает небо, нами невидимое. 85. Солнце, вещественной свет имущее, противу существеннаго святых блистания ничто же есть. 86. ... Царство ж небесное заключено исповеданием Петровым («Ты еси Христос сын бога живаго», противу чего речено бысть от бога: «И дам ти ключи царства небеснаго»), и потому зде яко ключник написан. 87. Описание персоны его с иконописных художеств. 89. Ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце когда възде человеку, еже уготова бог любящим его и хранящим заповеди его. И како се описати! 91 и 92. Верю небеса отверзаются; символ

же веры — православное исповедание, еже есть «Верую во единого бога» и проч. . . .

Героиня поэмы Мария Яковлевна *Строгонова* (1677—1733), урожденная Новосильцева, — вторая жена последнего в роде Григория Дмитриевича Строганова (ум. 1715), наследника всех огромных фамильных богатств. Его дом в Москве, где он поселился в 1703 г., был открыт для всех. Куму Петра I, М. Я. Строганова, после смерти мужа — статс-дама Екатерины I и затем Анны Иоанновны, пять лет (до совершеннолетия старшего сына) самолично управляла строгановскими землями. Была известна благотворительностью, брала на воспитание девочек-сироток. На ее деньги построены были триумфальные ворота у Тверской заставы в Москве. М. Я. Строганова, очевидно, покровительствовала Петру Буслаеву, который в одном из примечаний называет себя «вечно ею одолженным». Буслаев, судя по тексту поэмы, присутствовал при ее кончине; он же написал те прозаические эпитафии, о которых упоминает в примечании (часть первая, №№ 92—94). Сыновья М. Я. Строгановой, скорбь которых изображает Буслаев, — это Александр (1699—1754), Николай (1700—1758) и Сергей (1707—1756) Григорьевичи. В 1722 г. они были возведены в баронское достоинство; титул баронессы получила и их мать. Часть вторая. 22. *Эмпирейская сфера*. По средневековым представлениям, основанным на учении Иоанна Дамаскина (ум. ок. 754), видимый мир состоит из естества небес и естества стихий. Небеса слагаются из трех сфер: эмпирейского неба, самого высшего и неподвижного, которое служит престолом бога; кристального неба, один из поясов которого движет с неизреченной скоростью прочие небеса с востока на запад; тверди, на которой водружены звезды и планеты (см.: Л. Н. Майков, *Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий*, СПб., 1889, с. 70). 45. *До превечного царства горняго Сиона*. Сион — см. примеч. 11; здесь в переносном значении. 78. *Мария Магдалина* — блудница, ставшая, по Евангелию, праведницей и уверовавшая в Христа. 88. *Петр, Христу теплейший*. Согласно Евангелию от Матфея, Петр первым признал в Христе «сына бога живого». *Держал в руках своих ключь*. В Евангелии от Матфея приводятся слова Христа: «Ты — Петр, и на сем камне я создам церковь мою. . . и дам тебе ключи царства небесного» (XVI, 18—19).

ВЕРШИ ВЫГОЛЕКСИНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

№№ 228—231. Печ. по рук. ПД (Печорское собр., № 104, поморский выговский песенник конца XVIII в.).

228. Стихи. Сборник стихов духовного содержания для старообрядческой семьи и школы, ч. I. Собрал В. З. Яксанов, Саратов, 1916, с. 43. Приписывается Андрею Денисову.

229. А. Н. Пыпин, Заметки о рукописной литературе простого народа. I. Староверческий стих об Андрее Денисове. — «Библиографические записки», 1858, т. I, стлб. 49 (из «новейшего сборника раскольничьих стихотворений»). Автор неизвестен. *В селе посацком, в славном рядке Повенецком*. В смутное время предки братьев Денисовых переселились из Новгорода в Олонецкий край. Их отец

жил в Повенецком рядке (рядок — торговое село, где есть ряды — лавки), или Повенце. В 1703 г. жители Повенецкого рядка были зачислены в посадские люди.

230. В. Бонч-Бруевич, Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола, вып. 1, СПб., 1908, с. 293. В тексте акrostих: «Печаль сокрушает мя». Автор — женщина, несомненно жительница Лексинской обители. Никаких сведений о ней нет.

231. В. Бонч-Бруевич, Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола, вып. 1, СПб., 1908, с. 295. В тексте акrostих: «Трофим плачет о Симеоне и Козма скорбит от жалости сердца». Автор неизвестен. В одной из рукописей старообрядческого Синодика (см.: А. Н. Пыпин, Сводный старообрядческий Синодик. Второе издание Синодика по четырем рукописям XVIII—XIX вв., СПб., 1883, с. 40) среди выговских настоятелей упоминается Козьма. Если это достоверное свидетельство, то Козьма умер между 1780—1784 годами (ср. там же, с. 31).

АПОНИМНАЯ ПОЭЗИЯ

232. Л. Н. Майков, О начале русских вирш. — ЖМНП, 1891, № 6, с. 452 (по копии, снятой Л. Н. Майковым в 1877 г. с рук. из собр. Соловецкого монастыря, сборник XVI—XVII вв.; ныне — ГПБ, Соловецкое собр., № 880 /990). Стихотворение находилось на л. 292, который был вложен в рук. Сейчас л. 292 утрачен, поэтому палеографические аргументы за или против датировки стихотворения первой половиной XVII в., предложенной Л. Н. Майковым, невозможны. Судя по метрике стихотворения (отсутствие изосиλλαбизма и особенно рифменная техника), датировка Л. Н. Майкова вполне резонна. В стихотворении использованы мотивы «Казанской истории» — прозаического памятника, который возник в 1564—1565 гг. и быстро и надолго завоевал широкую популярность. *Была град Козань особна своим царством*. Казанское царство отделилось от Золотой Орды в середине XV в. *На Зилантове горе прелютного змея для похищения*. Имеется в виду местная легенда, включенная уже в «Казанскую историю». Легенда рассказывает, что некогда на Зилантовой горе (в двух верстах от Казани) обитал «змей велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову; единую пожираше человеки и скоты и звери, а другую главою траву ядяше». Змея погубил некий волхв: он очертил его чертою и «бесовским действием умори» («Казанская история». Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой, М.—Л., 1954, с. 47). *Явити образ пречистыя своея богоматере*. По церковному преданию, икона Казанской божьей матери явилась в Казани в 1579 г. Особый праздник (8 июля) в ее честь был установлен в 1595 г. В XVII в. икона стала предметом особого чествования, потому что в 1612 г. находилась в лагере князя Д. М. Пожарского и была им привезена в Москву. Заступничеству иконы приписывали освобождение Москвы от поляков, в память чего был установлен новый праздник (22 октября). *В седмдесятное лето — т. е. в 7070 (1562) г.* Здесь допущена ошибка в 10 лет, потому что на самом деле Казань была завоевана Иваном Грозным в 1552 г. *Достиже ре-*

кою ... до Астраханского царства. Астрахань была завоевана в 1556 г.

233. В. Н. Перетц, *Виршевой Домострой* в списке начала XVIII столетия. — «Сборник статей к 40-летию деятельности А. С. Орлова», Л., 1934, с. 17 (по рук. ГИМ, Музейское собр., № 3578; список дефектный). В. Н. Перетц датирует памятник первой половиной XVII в. *Яко погубит господь вся глаголющия лжу*. Цитата из Библии, Псалтырь, V, 6. *Яко же негде речеса: вода огонь угашает* и т. д. Изречение из Библии, Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова, III, 30.

234. И. Ф. Голубев, *Вирши о смерти и пьянстве*. — ТОДРЛ, т. 21, М.—Л., 1965, с. 84 (по рук. ГАКО, № 697/7173 начала XVIII в.). По метрике этот памятник соответствует первой половине XVII в., однако оговорка в загл. («простообразно») свидетельствует о том, что автор осознавал устарелость «относительного силлабизма»; поэтому датируем второй половиной XVII в.

235. И. Ф. Голубев, *Вирши о смерти и пьянстве*. — ТОДРЛ, т. 21, М.—Л., 1965, с. 82 (по рук. ГАКО, № 697/7173 начала XVIII в.). Печ. по рук. конца XVII в., принадлежавшей С. И. Кривополенову из дер. Веегора Карпогорского района Архангельской обл. Текст памятника был переписан составителем этого сборника в 1964 г. По палеографическим данным рук. соответствует периоду не позднее конца XVII в.

236. Н. Ф. Дробленкова и Л. С. Шепелева, *Вирши о взятии Азова в 1696 г.* — ТОДРЛ, т. 14, М.—Л., 1958, с. 432 (по рук. Географического общества, разряд 114, оп. 1, № 17—I, первой четверти XVIII в.). *Гордыя луны бусорманской роги*. Лунный серп — эмблема Османской империи (Султанской Турции). *Верховны Петр мечем Малху задал рану*. Согласно Евангелию, когда люди первосвященника Каиафы пришли забирать Христа, апостол Петр отсек мечом ухо рабу Малху. *Грады турския ... без меча плененны*. Имеется в виду действительное событие — сдача без боя форта Лютика. *На церкви претворил мечеты*. Одна из азовских мечетей была перестроена в церковь Похвалы богородицы (открыта уже 8 августа 1696 г.), другая предназначалась для храма Петра и Павла.

237. А. В. Позднеев, *Песнь о взятии Азова в 1696 году*. — ТОДРЛ, т. 10, М.—Л., 1954, с. 356 (по рук. ГИМ, собр. Щукина, № 554). *Шеин* Алексей Семенович (1662—1700) — главнокомандующий русскими войсками при осаде Азова. *Нарадын с кубанцы*. Имеется в виду неудачное нападение ногайских татар во главе с Нар-эд-Дином на русский лагерь 10 июня 1696 г. *И во 200 на седьм тысящ в четвертое лето* — то есть в 7204 г. «от сотворения мира» (1696). *Иаков Лизогуб* — черниговский полковник, который 18 июня прибыл под Азов с пятнадцатитысячным казачьим войском. *Знамена склонивши*. 18 июля турки приняли требование русских сдать Азов с оружием и всеми припасами под условием свободного ухода из крепости.

238. Печ. впервые по рук. ГПБ (собр. Михайловского, Q. 540, середины XVIII в., лл. 1—35 об.; в сборнике порядок листов перепутан; лл. 35—35 об. должно поместить после л. 32 об.). С л. 26 (в главах «Царствие небесное» и «Девять блаженств») через стих — по первым буквам двустийши, то есть «по виршам» — акrostих: «Преосвященному митрополиту Иову Великога Новогграда и Великих Лук небезиаго <испорч.: небеснаго> Иерусалиму блбженство <испорч.: блаженство> о всем». По акrostиху датируется периодом между 1697 и 1716 годами (в это время Иов, известный деятель просвещения и культуры, занимал новгородскую кафедру). По манере «Лествица к небеси» напоминает вирши Кариона Истомина (Карион, между прочим, состоял в близких отношениях с Иовом), однако никаких положительных данных в пользу такой атрибуции нет. Более того, заключительные строки, в которых автор говорит о своей неискренности «в славенских речех», вряд ли могут принадлежать такому опытному поэту, как Карион. В единственно известном нам списке, по которому публикуется произведение, немало украинизмов («хрех» вместо «грех», «синовство» вместо «сыновство» и т. п.), однако эти украинизмы, вне всякого сомнения, не авторские, но принадлежат переписчикам: специфически украинской лексики в «Лествице к небеси» нет, и даже клаузулы, где рифмуются ять с «и», — исключительное явление. Автор «Лествицы к небеси», безусловно был великороссом. В публикуемом списке много дефектов: после вступления, перед главой «Смерть» вставлено загл. «Верши единодесятого слогу», хотя «Смерть» сложена тринадцатисложным стихом; есть пропуски (например, пропущена строка после ст. «И число веку моего свершится»), не всегда выдерживается изосиллабизм (он восстанавливается нами лишь в бесспорных случаях), встречаются, как доказывает испорченный акrostих, и лексические поновления. Произведение создано под влиянием прозаической «Лествицы» Иоанна Лествичника (ум. 606), одной из самых популярных богословских книг в древней Руси. *Лествица к небеси*. Загл. восходит к библейской легенде о видении Иаковом небесной лестницы. *Гектор* — герой «Илиады», старший сын царя Приама, предводитель троянцев; убит Ахиллом. *Аннебаль* — Ганнибал (ок. 247—183 до н. э.), карфагенский полководец. В конце жизни, преследуемый Римом, нашел убежище у сирийского царя Антиоха Великого, а затем у вифинского царя Прузия. Рим требовал его выдачи, и Ганнибал принял яд. *Ксеркс* — царь персидский (485—465 до н. э.). Весной 480 года до н. э. выступил против Греции с громадным войском. С трона, построенного на материке, Ксеркс видел поражение персов у Саламина. *Самсон* — см. примеч. 93. «*Не входяй в дверь разбойник и тать*». Цитата из Евангелия от Иоанна, X, 1. *Наперснику Христову* — апостолу Иоанну, автору четвертого Евангелия и Апокалипсиса, в котором изображается картина второго пришествия и страшного суда, в частности «*конь блед*» и его всадник — смерть. *Даниил* — ветхозаветный пророк. По Библии, приближенный вавилонского наместника был брошен в ров с львами, но чудесно спасен богом. *Иона* — один из двенадцати библейских «малых» пророков. Был выброшен в море во время бури. Его проглотила и потом по воле бога извергла на берег большая морская рыба. *Отроцы в пещи вавилонской*. Имеются в виду ветхозаветные персо-

нажи, пленные иудейские юноши Азария, Анания и Мисаил, которые отказались поклоняться халдейскому истукану. За это, по приказанию царя Навуходоносора, они были брошены в раскаленную печь, но чудом вышли оттуда невредимыми. *Извел еси Лота с пагубы содомской*. Имеется в виду библейский праведник, живший в Содоме (см. примеч. 4). Ангелы, посланные богом, прежде чем испелить город за грехи, вывели Лота из Sodoma. *Име в полате небо сотворенно*. Возможно, автор имеет в виду фаворита царевны Софьи князя В. В. Голицына: у него в «обширном московском доме, который иноземцы считали одним из великолепнейших в Европе ... на потолках нарисована была планетная система» (В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. 3, Сочинения, т. 3. М., 1957, с. 352). Для рассуждений на тему о бренности жизни князь В. В. Голицын, которого в 1689 г., конфисковав имущество, отправили с семьей в ссылку, был вполне подходящим персонажем. *В вышнем Сионе* — см. примеч. 11. *В темном Вавилоне*. В Библии Вавилон фигурирует как город, погрязший в грехах и разврате и навлекший на себя гнев бога. *Лоно Авраама* — место блаженства праведников (Авраам — ветхозаветный патриарх, образец праведности и благочестия). В притче о богаче и нищем Лазаре говорится, что на лоне Авраамовом после смерти блаженствовал Лазарь (Евангелие от Луки, XVI, 23). *Седьмь грехов главнейших*. В христианской догматике существует иерархия грехов; здесь имеются в виду так называемые «смертные грехи». *Дафан* — ветхозаветный персонаж; вместе с *Авироном* и Хореєм восстал против Моисея и Аарона. Мятежники были наказаны: когда они предстали перед жертвенником с кадильницами, земля разверзлась и поглотила их вместе с сообщниками. *Трисианный свет* — свет единоначальной, трисоставной, нераздельной Троицы. *Иисус на Фаворе*. Имеется в виду евангельская легенда о преображении Христа на горе Фавор, где он явил апостолам свой божественный лик. *Девять блаженств* — девять заповедей, данных Иисусом Христом в Нагорной проповеди. *Эмпирейское небо* — см. примеч. 227, с. 397. *Египет лота фараона избехше*. Имеется в виду библейский рассказ о бегстве иудеев из Египта. *Моисей* — см. примеч 199, с. 384.

239. Позднеев, с. 349 (по рук. ГИМ, собр. Щукина, № 554). Из песен полтавского цикла. *Свейскаго льва* — Швецию. *От Стеколностей* — из Стокгольма (в старинном русском произношении Стокгольм назывался Стекольна). *Другой фараон явися, Израиля гоняще*. Намек на библейскую легенду о преследовании иудеев (израильтян) в Египте; здесь: фараон — шведский король. *И яко Геркулес новы кожу с него совлече*. Убив в юности киферонского льва, Геркулес (греч. миф.) содрал с него шкуру и носил ее таким образом, что львиная пасть служила ему вместо шлема. По другим мифам, Геркулес носил шкуру немейского льва (битва с немейским львом — первый подвиг Геркулеса).

240. Позднеев, с. 351. Из песен полтавского цикла (по рук. ГИМ, собр. Соколова, № 133; А. В. Позднеев указывает также список ГПБ, собр. Титова, № 4419). *Лвово сердце* — Швеция.

241. Позднеев, с. 353 (по рук. ГПБ, Q. XIV. 141; А. В. Позднеев указывает также список ГПБ, собр. Титова, № 2019). Песня нари-

сана после Ништадтского мира (1721). *Ботес* (Бот) — см. примеч. 199, с. 384. *Аквилон* (римск.) — северо-восточный и северный ветер. *Лютые арктуры* — созвездия Большой (Арктур Большой) и Малой (Арктур Малый) Медведиц (греч., римск.). Здесь употреблено как символ Севера (крайняя звезда Арктура Малого — Полярная звезда). *Варяжско море* — старинное русское название Балтийского моря. *Сатурновы веки* (римск.) — золотой век. *Церес* — Церера (римск. миф.), богиня плодородия.

242. Позднеев, с. 357 (по рук. ГАКО, собр. Тверского музея, № 162). Песня написана после Ништадтского мира (1721), по которому Швеция признала себя побежденной в Северной войне.

243. Позднеев, с. 356 (по рук. ГПБ, Q. XIV. 141). Песня посвящена Екатерине I, которая была коронована 7 мая 1724 г.

244. «Исторический вестник», 1880, № 11, с. 631 («Стихотворное прошение придворных певчих Журавля и Кружка, поданное царице Екатерине I»). В коротенькой заметке, приложенной к публикации, сообщается, что текст издан по «бумагам М. Д. Хмырова». Анонимный автор заметки относит стихотворение к 1716 г. Эта датировка (основания ее не указываются) явно неправильна, поскольку в 1716 г. Екатерина была за границей. Скорее всего стихотворение написано после указа о престолонаследии 1722 г.

245. А. В. Позднеев, с. 355 (по рук. ГИМ, собр. Вахрамеева, № 560). Точная дата не установлена. *Аквилон* — см. примеч. 241. *Петр-камень*. Здесь обыгрывается греческое значение слова Петр (как и в Евангелии применительно к апостолу Петру). *У пирамидов индийских мидов*. Очевидно, имеется в виду Мидия («срединная земля»), древняя страна, занимавшая часть нынешней территории Ирана и Ирака. В древности мидяне считались храбрыми воинами. *Претор* — в Древнем Риме одно из высших должностных лиц в гражданском управлении.

246. Позднеев, с. 357 (по рук. ГИМ, собр. Щукина, № 554). Датируется годом смерти Петра I.

247. Л. Н. Майков, Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий, СПб., 1889, с. 215 (по рук. песеннику XVIII в. из библиотеки Еленевых, переданному в 1887 г. в Географическое общество). Дата не установлена.

СЛОВАРЬ

Абие — тотчас, внезапно.
Автор (лат.) — автор, создатель.
Автократор — самодержец.
Агаряне — язычники, мусульмане.
Аггел (греч.) — ангел, вестник.
Адамант (греч.) — алмаз.
Аер (греч.) — воздух.
Аки — как.
Акрида (греч.) — саранча.
Алкание, алчба — голод, страстное желание.
Амо — куда, где.
Армата (польск.) — артиллерия.
Архитектон — строитель.
Аспид (греч.) — ядовитая змея, сказочный змей.
Аще — если, хотя, когда.

Беззенотный — слепой, неосмотрительный.
Безказние — безнаказанность, попустительство.
Безстрастие — умеренность.
Берный — бранный.
Бириллос, биримос (греч.) — берилл, драгоценный камень.
Благозрити — быть благообразным; благосклонно смотреть.
Блажити — восхвалять.
Блазнити — соблазнять, обманывать; порочить.
Бо — ибо, потому что, же.
Брана — врата.
Брегий — берегущий.

Ваанный — изваянный.
Вапа — краска.
Василиск — дракон.
Век — время, возраст.
Велеречити — многословить, ораторствовать.
Велеумный — высокоумный.
Велий — большой, великий, знаменитый.
Верста — возраст.
Верстатися — равняться.
Верт, вертоград — сад.
Вертник — садовник.
Весь — знает; в сочетании с инфинитивом — может.
Весь — село, деревня.
Ветий — оратор, проповедник.

Вина — причина.
Винник — виновник.
Вис — завистник.
Внегда — когда.
Внити — войти.
Волна — шерсть (наряду с соврем. значением).
Воня — запах, благоухание.
Вручтовати — вручать, давать, одалживать.
Вскую — почему.
Всуе, вскуе — тщетно.
Выдептует (польск.) — вытопчет.
Выну — всегда.
Выраженный (польск.) — жареный.
Выспрь — вверх, вверху.

Гаждати — хулить, ругать.
Геена (греч.) — геенна, преисподняя, ад.
Гноище — навозная, мусорная куча.
Говейно — благоговейно.
Говети — благоговеть, почитать.
Говор — шум, гул; пузырь на воде (наряду с соврем. значением).
Гонзати — избегать, бежать.
Готует(ся) — готовит(ся).
Гра (польск.) — игра.
Густыня — чаща.

Даремне (польск.) — зря, напрасно.
Дворски (польск.) — благовоспитанно, благородно, изящно.
Дедиц, дедич (польск.) — наследник, преемник.
Десный — правый; истинный.
Диадима (греч.) — бармы, оплечье в царской одежде.
Дивовиско (польск.) — диво, чудо.
Дивый — дикий; удивительный.
Довле — довольно, достаточно.
Довлети — быть достаточным, долженствовать.
Доле, долу — внизу, вниз.
Дондеже — до тех пор, пока.
Донеле(же) — пока, пока не.
Достизати — достигать.
Дуплити — выдалбливать; выгнивать.

Егда — когда.
Еже — которое, что.
Еликий — который, каковой.
Елико — сколько.
Елма, ельма — так как, хотя, хотя бы, тогда как, как только.

Жадный — желающий, стремящийся, испытывающий жажду.
Жрети — приносить жертвы.
Жупел — горячая сера, смола.

Зане(же) — потому что.
Засень — тень.

Заходный — западный.

Зачен — зачав.

Зданный — созданный.

Зде — здесь.

Зело — очень.

Зельный, zelный — обильный, крепкий, сильный и для выражения превосходной степени.

Зернь — игра в кости.

Зле — плохо, зло, ужасно.

Зобати — есть.

Зодий — зодиак.

Зренство — созерцание, вид.

Й — его (вин. пад.).

Иаспис (греч.) — яшма.

Идеже — где, куда.

Иеромонах — монах в сане священника, священноинок.

Иждивать — проживать, истощать.

Иже — который, кто.

Извыкли — привыкли.

Излиха — излишне.

Измарагд (греч.) — смарагд, изумруд.

Изяцный — родовитый, влиятельный; лучший.

Илектор — янтарь.

Имать (быти) — должен (быть).

Имн (греч.) — гимн, духовное песнопение.

Инде — в другом месте, где-либо.

Иногда — некогда, однажды.

Истнити — измельчить, раздробить, разрушить.

Камо — куда.

Камык — камень.

Кандило — лампада к иконе.

Карк — спина, хребет, затылок.

Касий, касия, кассия — корица, коричное дерево.

Кийждо — каждый, всякий.

Киновиарх (греч.) — игумен, настоятель киновии (см.)

Киновия (греч.) — общежительный монастырь.

Кияне — киевляне.

Клуша — насадка, галка.

Ключение — случай, приключение.

Ключимый — удачливый, способный.

Кождый — каждый.

Колми (колми паче) — тем более, особенно.

Корно — тупой конец.

Косвенно — криво, косо.

Коснилый — лежалый.

Косно — медленно, вяло.

Кошун — зрелище, увеселение.

Кошунник — скоморох.

Кошуну деяти — увеселять, скоморошествовать.

Краегранесие (краестрочие) — акrostих.

Красик — красавчик, щеголь.
Кратба, кратьба — воровство.
Кризмованый (польск.) — скрещенный.
Крузечек — кружочек.
Купа — груды, куча.

Лакомство — сластолюбие, жадность.
Лготити, льготити — облегчать, предоставлять льготу.
Лендузы (флейдузы) — флейты.
Лепок, лепкий — хлипкий, слабый.
Лепота, лепый — красота, красивый, хороший.
Лечь — обман, притворство, ложь.
Леть — можно.
Ливан — ладан.
Лик — лицо; собор святых, ангелов.
Лихва — несправедливый прибыль.
Лише — свыше, более.
Ложесна — материнская утроба.
Лстити, льстити — обманывать, соблазнять.
Любомудр, любомудрец — философ, книжный человек.
Любы — любовь.

Малакейчик — онанист.
Мамона — богатство, сокровища.
Мана — соблазн, наваждение.
Мание — мановение, знак, приказание рукою, взглядом и т. п.
Мерность — умеренность.
Меск (мн. число: *мски*) — мул, лошак.
Метафразис — иносказание, переложение.
Мижут — жмурят, щурят глаза (от мжить, межить).
Миро — благовонное масло, освящаемое в великий четверг для таинства миропомазания.
Мирра (или *смирна*) — благовонная смола.
Мотчати — медлить, мешкать.
Мощно — можно.
Музикья — музыка.

Надание — пожалование.
Наздати — создать.
Назрити — увидеть, усмотреть.
Напис — надпись.
Нарочит(ый) — известный, знатный, выдающийся.
Нарутити — навредить.
Не — иногда эквивалент «нь» (см.).
Негли, некли — нежели, чтобы, едва ли, возможно; да (в сослаг. наклонении).
Недбалство (польск.) — беспечность, небрежность.
Неже — нежели.
Немотчаный — см.: мотчати.
Непщевати — думать, полагать, рассуждать.
Неть — нет.
Ниже — также не, и не.
Нощеденство — сутки.

Нужник — бедняк, нищий.

Нырище — развалины; глубокий овраг, нора, логовище.

Нь (во нь, за нь, на нь) — (в, за, на) него.

Обаче — но, однако.

Обледеть (польск.) — обледенеть.

Обумор — обморок.

Ов, ова, ово — тот, та, то; этот, эта, это.

Огонка (огон, огонек) — хвост пушного зверя.

Одесную — справа.

Оздоба (польск.) — украшение.

Оле — о (междометие).

Он(ый), она(я), оно(е) — тот, та, то.

Онде — в ином месте.

Опасно — осторожно, внимательно, с опаской.

Оплавити — осыпаться (о зерне).

Опока — опора, скала; строительный камень, алебастр.

Опона — покров, защита.

Оскорд — секира.

Отай — тайком.

Отнеле(же) — с тех пор как.

Отривати — отбрасывать, отсекасть.

Офера (польск.) — жертва.

Оцет — уксус.

Ошую(ю) — слева.

Пад — упав.

Пазнокти (пазноготь) — копыта, когти, последние фаланги пальцев.

Паки — снова, еще.

Папез (польск.) — римский папа.

Пара — пар.

Параклит (греч.) — утешитель.

Пасение — паства, прихожане; управление паствой.

Паче — больше.

Паучина — паутина.

Пельнь — полынь; горечь.

Пенези, пенязи — деньги, монеты.

Персть — прах земной.

Пирг (греч.) — башня.

Питомый — утоливший жажду, голод.

Повнегда — когда, как только.

Позазрити — упрекнуть.

Позорище — зрелище.

Полма — пополам.

Поне(же) — так как, хотя, даже.

Понос — позор, поношение.

Понужный (нужный) — мучительный, тягостный, насильственный.

Порчь — отрава, наговорная вода.

Послежде — после того как.

Праздный — пустой, лишенный чего-либо.

Праса — тиски, пресс.

Превечный — предвечный, существовавший до сотворения мира.

Прегудник — гудошник, игрок на гудке (смычковом инструменте).

Предрати — разодрать, разорвать.
Презельный — см.: зельный.
Презорство — высокомерие, кичливость.
Преко — наперекор; распря.
Прелесь — см.: лесь.
Прещение — угроза.
Приклад — пример.
Присно — всегда.
Проженет — прогонит.
Прозябший — произросший.
Промысл — мысль, забота, попечение; предназначение.
Прохлада — наслаждение, утеха.
Псота (польск.) — проделка, озорство.
Пяток — пятница.

Ражати — рожать, производить, размножать.
Рана — удар (наряду с соврем. значением).
Рачитель — благожелатель, попечитель.
Решати — освобождать.
Рифм — ритм.
Рог — сила, власть, могущество, гордыня.
Рожон — кол, заостренный шест.
Розбачать (польск.) — плакать, реветь.
Розкат, раскат — насыпь под крепостным валом для пушек.
Ропата — кирка, иноверческая церковь.
Рубы — рубище.
Руда — кровь.
Рябка — утка, куропатка, рябчик.
Ряда — условие, соглашение.
Рясный — крупный, частый, яркий, обильный.

Самовольный — добровольный.
Сардиос (греч.) — сердолик или сардоник.
Сваволя (польск.) — своеволие, буйство, дурачество.
Свей — швед.
Семо — сюда.
Сень — тень.
Сеци — сечь.
Сигклит, синклит (греч.) — совет правителей.
Силы — второй из ангельских чинов.
Сиречь — то есть.
Сирище — утроба хищника.
Сице, сицев — так, такой.
Скудельный — глиняный, бранный.
Слама — солома.
Слично — достойно, прекрасно, соответственно, как подобает.
Смирна — см.: мирра.
Снабдевати — охранять, оберегать; питать.
Снести — съесть.
Содомщик — развратник.
Соние — сновидение.
Сослов — синоним.
Сословит — словарь синонимов.

Спекулятор (спекуляторь) — палач.
Спети — иметь успех, достигать желаемого.
Спех — стремление, поспешение, спешка.
Сподобити(ся) — удостоить(ся), взыскать милостью.
Спона — препятствие, помеха.
Ссати — сосать.
Стень — тень.
Стомах (греч.) — желудок.
Странный — чужестранный, иноземный.
Стратилат (греч.) — воитель, полководец.
Студ — стыд.
Стужати — досаждать, требовать, надоедать.
Сугубый — двойной.
Супруг — упряжка, пара; ярмо.
Суремка — трубка, род музыкального инструмента.
Сходатай — потомок.
Сый — сущий, находящийся.

Таинница — наперсница, любимая советница.
Тезоименитый, тезоименник — соименный, тезка.
Тисути — сжимать, стягивать.
Тмочисленный — бесчисленный, несчетный.
Тобола — сумка.
Тожде — тоже.
Той — тот.
Токмо — только.
Толикий — такой.
Толико — столько.
Толк — толкование.
Толь — настолько.
Торопом — торопливо, опрометчиво.
Точию — только.
Тошно — скоро; усердно; равно.
Требе — нужно, потребно.
Трус — землетрясение, буря.
Тужде — здесь, тут.
Тук — жир.
Туне — безвозмездно, даром; тщетно, попусту.
Тщаливый — усердный, старательный.
Тще — попусту, бесцельно.
Тщиво — усердно.
Тщий — порожний.

У (с отрицанием *не*) — еще не.
Убо — итак, ибо.
Угобзитися — сделаться обильным.
Уды — члены.
Удобь — удобно, легко.
Уже, ужище — веревка, узы.
Умет — навоз, кал.
Уне — лучше.
Успети — умереть; уснуть.
Устне — уста, губы.

Устье (меча) — конец клинка.

Ухати(ся) — благоухать.

Фрон (греч.) — трон, престол.

Фундатор — основатель.

Фуркат — фрегат, парусный корабль.

Хартия — пергамен, рукопись, записка.

Харя — маска, личина.

Хвети(ся) (польск.) — дрожать, колебаться, шататься.

Хвастие — недуг, немощь.

Хирограф (греч.) — рукопись, документ, долговая расписка.

Хитить — похищать, похитить.

Хитрость — искусство.

Хоть — желание.

Храмина — палата, покой.

Хрисопрасос (греч.) — хризопраз, драгоценный камень.

Хрост (польск.) — хворост.

Хрусалиф (греч.) — хризолит, драгоценный камень.

Хунитися — кичиться, выделяться.

Хухнати — порицать, хулить.

Цата — мелкая монета.

Целба — исцеление, врачевание.

Черва, червишки — приплод (обычно о пчелах).

Чесо — чего (род. падеж от «что»).

Чесовый — какой (от «чесо»).

Честный — благородный, знатный.

Чин — порядок, должность, сан; собрание.

Чинити — делать.

Чистец (польск.) — чистилище.

Чпаг — ларец.

Чредити — принимать, угощать, насыщать.

Шалыга — дрянное пойло (от «шалыгать» — хлебать, хлестать).

Шаяти — тлеть.

Шипок — роза.

Шкула — шхуна.

Шегла — шест, мачта.

Щепетный — нарядный, щегольской; жеманный.

Ю — ее (вин. пад.).

Юже — которую.

Юза — узы, путы, оковы.

Юхати — пахнуть, благоухать; нюхать.

Я — их (вин. пад.).

Яве — явно, зримо, воочию.

Ягло — обильная пища.

Яже — которых, что.

Язва (язь) — рана, язва.

Яко(же) — как.

Яти — взять, брать, хватать.

Ятися — начать, взяться.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между с. 96 и 97.* Деталь картины (холст, масло), приписываемой голландскому художнику на русской службе Д. Вухтерсу и изображающей патриарха Никона с клиром в Новоерусалимском монастыре. Первая половина 1660-х годов. Московский областной краеведческий музей. Слева направо архидиакон Евфимий (старший иеродиакон монастыря); иеромонах Леонид (духовный отец патриарха Никона); монах Герман (в надписи на картине он назван иподиаконом — помощником диакона).

2. *На обороте:* Стихотворение в форме сердца из входящего в «Рифмологион» панегирического цикла «Орел российский», написанного Симеоном Полоцким по случаю провозглашения царевича Алексея Алексеевича наследником престола (1667). Воспроизводится по подножному царю Алексею Михайловичу экземпляру. Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР. Вверху — цитата из Евангелия от Луки: «От избытка сердца уста глаголют». Текст стихотворения следующий:

Вся ведый господь сердце испытует,
един он тайны моя изследует.
Вся исполняя, и мене проходит,
весть помысл прежде, нежели ся родит.
Несть окна людям до тайны моя,
аще уст дверми не изявлю ея.
И бессмертны души мя не знают,
аще от изводств нечто познавают.
Совершенно же тайны моя знати
не изволи бог кому-либо дати.
Тем же аз сам о тебе извещаю,
о Алексие, еже умышляю.
Иисус моя жизнь, Христу долженствую,
елико в себе аз благоимствую.
Целаго сердца бог себе желает,
общника весма в нем не изволяет.
Разве кто в живе бозе водворися,
с богом во мой кров приди, вогнездися.

Божие все есм точию, о боже,
 кого любиши, пушу в мое ложс.
 Вем Алексия, солнце Руси всея,
 любимца быти утробы твоея,
 Яко по тебе выну поборяет,
 жизнь си на службу твою посвящает.
 Тем здравства ему цело усердствую
 и к тебе, боже, о нем молебствую:
 Дажд ему лета многа царьствовати,
 вся сопостаты славно побездати.
 Спаси царицу пресветлу Марию,
 дажд многа лета младу Алексию,
 Дажд Феодору, дажд и Симеону,
 дажд Иоанну с горнего Сиону.
 Соблюди здравы дщери, сестри царьски
 и весь пресветлый сигклит государьский.
 Укрепи, боже, всю его державу,
 умножи веру и разшири славу.
 Дажд ему чада чад си увенчати
 и в небе с ними венцы восприяти,
 Да возопиет, боже, славу тебе
 с чады своими як zde, так и в небе.

3. С. 113. Автограф Симеона Полоцкого. Рукопись Библиотеки Академии наук СССР. Подпись под прозаическим предисловием к «Вертограду многоцветному»: «Благочестию твоему временных и вечных благ истинный желатель Симеон Полоцкий, иеромонах недостойный».

4. Между с. 128 и 129. Царь Давид-псалмопевец. Фронтиспис «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого (Москва, 1680). Гравюра А. Трухменского по рисунку Симона Ушакова. Экземпляр Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Надписи на гравюре: «бог» (вверху справа), «царь Давид», «Симон Ушаков знаменал 7188 году» (последняя — в правом нижнем углу). По верхнему и нижнему обрезам — следующие стихи:

Дар пророчества господь посылает,
 никто о себе впредьбудущих знает.
 Давид угоден богу живу бяше,
 иже от овец взял ъ, увенчаше
 И будущая даде проричати,
 яже во псалмех тчися вся читати.

5. На обороте. Гравюра А. Трухменского по рисунку Симона Ушакова к «Повести о Варлааме и Иоасафе» (Москва, 1680). Экземпляр Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. На гравюре надписи: «Преподобный Варлаам», «Царевич Иоасаф». Внизу слева:

Се Варлаам, купец благий,
 веры камень яви драгий.
 Иоасаф познавает,
 яко свет ъ просвещает.

6. С. 135. Лист из «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого. Рукопись Библиотеки Академии наук СССР.

7. С. 149. Стихотворение из входящего в «Рифмологион» панегирического цикла «Орел российский», написанного Симеоном Полоцким по случаю провозглашения царевича Алексея Алексеевича наследником престола (1667). Воспроизводится по подносному царю Алексею Михайловичу экземпляру. Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР. Первые буквы полустийши образуют акrostих: «Царю Алексею Михайловичу подаи господи многа лета».

8. *Между с. 192 и 193.* Гравюра Л. Тарасевича (Москва, 1687), изображающая царевну Софью, со стихотворной подписью Сильвестра Медведева (см. с. 201). Воспроизводится по копии, выполненной в 1777 г. в Петербурге А. Афанасьевым. Экземпляр Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Царевна Софья окружена семью добродетелями (в медальонах), с надписями: «разум», «благочестие», «щедрота», «великодушие», «целомудрие», «правда», «надежда божественная». Вокруг портрета в овальной раме — титул: «София Алексеевна, божию милостию благочестивейшая и всдержавнейшая великая государыня царевна и великая княжна, всяя Великия, Малыя и Белья Росии самодержица, Московская, Киевская, Володимерская, Новгородская, царевна Казанская, царевна Астраханская, царевна Сибирская, государыня Псковская и великая княжна Смоленская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятцкая, Болгарская и иных; государыня и великая княжна Новагорода Низовских земель, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондинская и всеа северныя страны повелительница, и государыня Иверские земли Карталинских и Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей, и иных многих государств и земель восточных и западных и северных, отечественных дедичств государыни и наследница и обладательница». Внизу — подпись автора копии: «Гравировал пятава воз(раста) уче(ник) А. Афанасьев».

9. *На обороте.* Портрет Стефана Яворского, гравированный в 1729 г. Алексеем Zubовым (более поздний отпечаток). Экземпляр Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (коллекция А. Олсуфьева). В раме надпись: «Стефан Яворский, митрополит Рязанский и Муромский». В нижней части рамы — подпись владельца: «Адам Олсуфьев».

10. *Между с. 224 и 225.* Гравюра Ивана Зубова, изображающая Стефана Яворского и приложенная к книге последнего «Камень веры» (воспроизводится по второму изданию — Москва, 1729). Экземпляр Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Гравюра представляет собой копию с «Тезиса» Михаила Слонского 1719 г. Вокруг портрета Стефана Яворского — буквы: СЯБМПМРМ, что означает: «Стефан Яворский, божию милостию преосвященный митрополит Рязанский и Муромский». Внизу — стихотворная подпись, принадлежащая, по-видимому, Феофилакту Лопатинскому:

Столп церкви восточныя, истинны ревнитель,
в России патриарша престола блюститель,
Стефан Яворский, силен муж делом и словом,
пастырем добрым образ, честь, и богословом.

Стень лица его плоти можеш зде зрети,
а ума не возможе хитрость изявити.
О смерти, неисцелно ты нас уязвила,
егда сего предивна мужа умертвила.

Внизу — подпись гравера: «Грыдоровал Иван Зубов».

11. *На обороте*: Гравюра неизвестного художника первой половины XVIII в. Экземпляр Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Внизу надпись: «Феофан Прокопович, архиепископ Великаго Новаграда и Великих Лук. Родился 9 июня 1681, умер 8 сентября 1736 года».

12. *Между с. 288 и 289*. Рисунок водяными красками конца XVIII — начала XIX в., изображающий Андрея Денисова. Происходит из Выговского общежительства. Собрание древнерусских рукописей ПД. Текст на рисунке гласит: «Поне же православная христианьска вера еже веровати во единого бога».

13. *Между с. 320 и 321*. Рисунок водяными красками (возможно, миниатюра для рукописной книги) конца XVIII — начала XIX в., изображающий Семена Денисова. Происходит из Выговского общежительства. Собрание древнерусских рукописей ПД. Текст на рисунке гласит: «Всякая предложенная вещь искушением удостоворяется».

СОДЕРЖАНИЕ

Истоки русской поэзии. *Вступительная статья А. М. Панченко* . 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЕВСТРАТИЙ

- Биографическая справка* . 37
1. «Единому богу в Троицы. . .» . 39

СЕМЕН ШАХОВСКОЙ

- Биографическая справка* . 41
2. (Послание князя С. И. Шаховского князю Д. М. Пожарскому) 43

ИВАН НАСЕДКА

- Биографическая справка* . 56
3. (Из «Изложения на люторы») 58

ИВАН ХВОРОСТИН

- Биографическая справка* . 60
4. Молитва Христу богу, иже во христианех многу неволю от царей и от правителей неразумных злобы приемлют многи, еще же и от еретик и чревогодных человек; таков есть глагол прискорбных, краестрочие имуще по буквам, на римские ереси 62

ИВАН КАТЫРЕВ-РОСТОВСКИЙ

<i>Биографическая справка . . .</i>	71
5. Начало виршем, мятежным вешем .	72

СПРАВЩИК САВВАТИЙ

<i>Биографическая справка . . .</i>	73
6. (Послание дьяку В. С. Прокофьеву)	75
7. (Послание Михаилу)	78
8. (Послание князю Алипию Никитичу) .	82

ТИМОФЕЙ АКУНДИНОВ

<i>Биографическая справка</i>	85
9. (Декларация московскому посольству) .	87

ИНОК АВРААМИЙ

<i>Биографическая справка . . .</i>	91
10. Стихи, или вирши к читателю .	93

МОНАХ ГЕРМАН

<i>Биографическая справка . . .</i>	96
11. «Ангелскую днесь вси радость...» . . .	97
12. «Господи! Возвах к тебе, услыши мя...» .	99
13. «Радуися, благодатная...»	100

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

<i>Биографическая справка . . .</i>	104
14. Диалог краткий	107
15. Приветство благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу о вселении его благополучном в дом, велиим иждивением, предивною хитростию, пречюдною красотою в селе Коломенском новосозданный	108
16. Молитва святого Иоасафа, в пустыню входяща	111

*Вертоград многоцветный,
пользы ради душевных православных христиан,
божним наставлением и пособием, а трудоположением
многогрешнаго во неромонисех Симеона Полоцкого
утяжеленный и насажденный в лето от создания мира 7186,
а от рождества же по плоти бога слова 1678,
совершился августа в день...*

17—18. Александр	
1. «Александр Макидонский елма услышаше...» . . .	115
2. «Александр Леонида в нравех подражаше...» . . .	115
19—21. Август	
1. «Октавиан Август в Риме кesarь бяше...» . . .	116
2. «Августа кesarя людие любяху...»	116
3. «Август преславный тогда царствовал...» . . .	116
22. Бдение	118
23. Безказние	119
24—25. (Из цикла «Беседа»)	
1. «Юже кто пишу во стомах впускает...»	119
2. «Беседуя со други, да ся не хвалиши...»	119
26. Благая мира прелщают	119
27. Благоденствие	120
28. Близость	120
29. (Из цикла «Блуд») («Аще блуда гонзнути желателно тебе...»)	120
30. (Из цикла «Блудник») («Краль Наварры Каруль всеблудно живяше...»)	120
31. (Из цикла «Богатство») («Еллином богатств бог бе, нареченный Плутон...»)	121
32. Богатый	121
33. Богатых обычай	122
34—37. (Из цикла «Гордость»)	
1. «Говор на воде вмале исчезает...»	122
2. «Яко же вино пиюща прелщает...»	122
3. «Гордии в небо очы возношают...»	122
4 «Пустынный некто чудотворец бяше...»	122
38—39. Гость	
1. «Гостя чредит радость...»	123
2. «Аще косвенно зриши...»	123
40. Диоген	123
41. Доволство	124
42. Должник безпечальный	124
43. Души цена	125
44. Ехидна	125
45—48. Евангелисты	
1. «Род Христов по плоти Матфеем писася...»	125
2. «Марко благовестник глас нам провещает...»	125
3. «Лука божественный имать тучна телца...»	126
4. «Орел выше всех птиц под небом летает...»	126
49. Жатва	126
50. Желание движется чим	126

51—54. Жен близость	
1. «Соль из воды родится, а егда сближится...»	127
2. «Железо каменеви егда приразится...»	127
3. «Честный муж честней да ся не сближает...»	127
4. «Хотяй чистоту свою сохранить...»	127
55. Живописание	128
56. Житие наше пара	128
57. Змий	129
58. Забвение	129
59. Земля	130
60. (Из цикла «Злато») («Краль Галлийский Бреун деву возлюбил есть...»)	130
61. Козли, иже зли	131
62. Конца зрети	131
63—67. Кошун	
1. «Кошунник некий князю глаголаше...»	132
2. «Два кошунника купно долго время жиста...»	132
3. «Светилник да светит, огнем ся снедает...»	133
4. «Иже кошуннодеем дары умножает...»	133
5. «Иже кошунства деет, тать любый бывает...»	133
68—74. (Из цикла «Монах»)	
1. «Иже мирская монах содевает...»	134
2. «Любый зрим быти и прочыя зрети...»	134
3. «Несть монах, хотяй часто целовати...»	134
4. «Пища, дар, хартия монаха прелшаает...»	134
5. «Око, прямо оку женскому не буди...»	134
6. «Огонь есть со сеном — инок со женами...»	134
7. «В кремень железо тогда ударяет...»	134
75. Мучительство	136
76—78. Мысль злая	
1. «Змий аще кого в ногу усекает...»	136
2. «Злыя мысли в начале тщися истребити...»	136
3. «Людин обрете змия умерщвленна...»	137
79. Мерность	137
80—81. Место	
1. «Гордость и смирение не местом ся деет...»	137
2. «Дионисий мучитель некогда ярыся...»	137
82. Незнание	138
83. Неудобная и неподобная	138
84—87. Нрав	
1. «Пси псами пса ядома притекше снедают...»	138
2. «Древо старое трудно пресаждати...»	138
3. «Древо младое удобно клонится...»	138
4. «Им же туком сосуд новый исполнится...»	139
88—89. Оружие	
1. «Егда на Голиафа Давид исхождаше...»	139
2. «Бог и естество зверем оружие дает...»	139

90. Паучина	140
91. Пиявица	140
92. Погибель	140
93. Покаяние Оригеново	141
94. Порок	142
95. (Из цикла «Пособие») («Плиний о слонех то нам пове- дает...»)	142
96—103. (Из цикла «Похоть»)	
1. «Похоть плоти не грех есть, но в ней ся сладити...»	143
2. «Похоть егда есть искра, тогда да гасиши...»	143
3. «Похоть псу есть подобна, гонима гонзает...»	143
4. «Похоть есть естественна, но зле похотети...»	143
5. «В начале похоть тщися обуздати...»	143
6. «Вражия стрела — похоть, лук — пресыщение...»	143
7. «Жупел огня есть пища, а вино — похоти...»	144
8. «Феотим некто очима боляше...»	144
104. Правда	144
105—106. (Из цикла «Праздник»)	
1. «Праздник подобает честно совершати...»	144
2. «Некто от благоверных обычай имяше...»	145
107. Преходят вся	146
108. Песнь о святом Феодоре Стратилате	146
109. Раб верный	148
110. (Из цикла «Разум») («Разум, без страха божия держи- мый...»)	148
111. Розга	150
112. (Из цикла «Скакание») («Сываритове в сласти всех себе предаша...»)	150
113—115. Сквернословие	
1. «Сквернословие да ся истребляет...»	150
2. «Устам, яже тело приемлют Христово...»	150
3. «От него же скверная словеса слышиши...»	150
116. Скорпий	151
117—118. Скупость	
1. «Григорий папа римский егда преставися...»	151
2. «Калифа вавилонск царь столп велий создал есть...»	151
119—122. Слава	
1. «Слава яко ветр скоро прелетает...»	152
2. «Кто ради славы серебро си дарует...»	152
3. «Уне есть мясо ясти, вино сладко пити...»	152
4. «Добро ли друга в людех прославляти?...»	152
123. Слепец	153
124—128. Смерть	
1. «Неправо есть смерть злу именовати...»	153
2. «Доспевшая яблока сама отпадают...»	153
3. «Ни мала радость воину бывает...»	153
4. «Красныя цветы человек терзает...»	153
5. «Известно человеком, яко смерть всех чае...»	153

129—131. С о в е с т ь	
1. «В белых древле одеждах в храм божий вхож- даху...»	155
2. «Здравому постеля есть упокоение...»	155
3. «Лучше есть совесть благу пред Богом стяжати...»	155
132. Соломон	155
133—136. С т и х и и ч е т ы р е	
1. «Четыре богом стихии созданны...»	156
2. «Во водах рыбы хладных преплавают...»	156
3. «Воздух над воды висит и землю...»	156
4. «Огнь воде ратник, с кремene сечется...»	156
137. С т о м а х	157
138. С у д с н а п р е ж д е	157
139. С у д и я	158
140—141. С ы т о с т ь	
1. «Ястреб сытый из руки аще испустится...»	158
2. «Никогда огнь во воде возпален бывает...»	158
142. С е д и н а	158
143. Т л е н и е	159
144—146. Т а л а н т	
1. «Талант в земли сокрыти, есть то благодати...»	159
2. «Таланты чювств телесных той в землю копают...»	159
3. «Всякий дар божий леть есть талант звати...»	160
147. Т р у д	160
148. Т е л о к р а с н о е	160
149—151. У ч е н и е	
1. «Долгим путем водит словом поучаяй...»	161
2. «Яко же любезни суть прекраснии цвети...»	161
3. «Не тако чювства услаждают цвети...»	161
152. Ф е б р а	161
153. Х в а л а с е б е с а м а г о и х у л а	162
154. Х у д о ж е с т в о	162
155. О т ч а я н и е	162
156—158. Ч е л о в е к	
1. «Граду леть человека есть уподобити...»	163
2. «Человек, яко же цвет, красен ся являет...»	163
3. «Мир малый человек есть, а конец познает...»	163
159. Ч е с т н а я	164
160. Ч т е н и е	165
161—164. Ю н о ш а	
1. «Юноша весма юнец сотворится...»	165
2. «Беседа в жены юны умягчает...»	165
3. «Новая лоза грозды обилнее родит...»	165
4. «Юных советы нездрави бывают...»	165
165—170. П о д п и с а н и е и к о н	
1. А л е к с и й — п о м о щ н и к	166
2. Ф е о д о р — д а р б о ж и й	166
3. И о а н н — б л а г о д а т ь г о с п о д н я	166
4. И р и н а — м и р н а я	166
5. С о ф и я — м у д р о с т ь	167
6. Е к а т е р и н а — н а д е ж д а , и с т и н н а	167

171. К благочестивому же читателю	167
172. Псалом 7 («Господи боже, на тя уповаю...»)	169
173. Псалом 28 («Сынове бога жива, господу несите...»)	170
174. Псалом 45 («Бог нам сила, прибежище...»)	171
175. Псалом 81 («Бог ста во сонме судей рассудити...»)	172
176. Псалом 100 («Милость ти и суд, боже, прославляю...»)	173

АРХИМАНДРИТ ТИХОН

<i>Биографическая справка</i>	174
177. (Стихотворное предисловие к «Латухинской Степенной книге»)	175

МАРДАРИЙ ХОНИКОВ

<i>Биографическая справка</i>	179
---	-----

Стихотворения к Библии Пискатора

178. К читателю	180
179—184. Песнь песней	
1. «Соломон царь сый зело богатейший...»	181
2. «Аз есмь цвет польный, — жених возглашает...»	181
3. «На ложи моем исках тя, любезне...»	181
4. «Се краснейшая моя, — нарицает...»	182
5. «Невесту жених ко обществу взывает...»	182
6. «Любезный мой мне, — невеста глашает...»	182

СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ

<i>Биографическая справка</i>	184
185. Епитафий	188
186. (Поздравление царевне Татьяне Михайловне) по случаю именин	190
187. Вручение благородной и христоролюбивой великой государыне, премудрой царевне, милосердной Софии Алексиевне, привилія на Академию в лето от создания мира 7193, а от воплощения бога слова 1685, месяца ианнуария в 21 день	191
188. Вирша в великую субботу	197
189. (Поздравление царевне Софье по случаю Пасхи)	201
190. (Подпись к портрету царевны Софьи)	201

КАРПОН ИСТОМИН

<i>Биографическая справка</i>	203
191. (Эпитафия царице Наталье Кирилловне)	205
192. (Домострой)	206
193. Стихи воспоминати смерть приветством	211
194. (Послание Димитрию Ростовскому) («Преосвященный господин митрополит. . .»)	212
195. (Послание Димитрию Ростовскому) («Отче честнейший Димитрие! . .»)	213
196. «Бел лист являет светлейши победы. . .»	213
197. О глаголании от людей, како в монастыре монахи живут	213
198. Стихи увещательныя от греховнаго льщения	214

АНДРЕЙ БЕЛОБОЦКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	216
199. Пентатеугум, или пять книг кратких творения Андрея Белобоцкого, о четырех вещах последных, о суете и жизни человека. Первая книга о смерти. Другая книга о страшном суде божиим. Третья книга о гегене и муках адских. Четвертая книга о вечней славе блаженных. Пятая книга о суете мира, нареченная «Сон жизни человеческия»	218

ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	250
200. (Кант Димитрию Солунскому)	253
201. (Напутствие Никите Демидову)	254

СТЕФАН ЯВОРСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	255
202. Emblemata et Symbola, quaedam de monumento P. M. illustrissimi et reverendissimi Patris Barlaami Jasinsky D. G. Archiepiscopi Kiiov., Halic. etc. ab illustr. et reverendissimo D. G. Metropolita Rezanensi et Muromensi Stephano Jaworski elaborata	257
203. Стихи на измену Мазепы, изданные от лица всея России	262
204. (Стихи саровским монахам)	264

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

<i>Биографическая справка</i>	266
205. Епипникион, сиест песнь победная о тоейжде преславной победе	269
206. Запорожец кающийся	273

207. «За Могилою Рябою...»	274
208. (К Петру Второму)	275
209. Плачет пастушок в долгом ненастьи	275
210. Феофан архиепископ Новгородский к автору «Сатиры»	276
211. «Прочь уступай, прочь...»	277
212. Ея императорскому величеству на пришествие в село подмосковное Владыкино	278
213. На день 25 февраля	279
214. О Ладожском канале	279
215. Новопредставшемуся иеродиакону Адаму Эпитафион	279
216. О Станиславе Лещинском, дважды от короны полской отверженном, по толку имени его и по приличию древней римской истории, когда римляне на войне с сабинами, устрашась, бежали с поля, а первый их король Ромулус молился Иовишу, дабы их в побеге том остановил; что когда зделалось, Иовиш от Ромула назван Статор, то есть Удержатель, или Остановник	280
217. К Луке и Варлааму Кадецким, когда питомцев денгами подарили	280
218. К темжде	281
219. Благодарение от служителей домовых за солод новомышленный домовому эконому Герасиму	281
220. К лихорадке в лихорадке	283
221. К Селию	283
222. К сложению лексиков	283
223. Речь господня к рабу малодушному	284
224. «Всяк себе в помощь Вышняго предавай...»	284
225. «О суетный человек, рабе неключимый...»	285
226. «Кто крепок на бога уповая...»	286

ПЕТР БУСЛАЕВ

<i>Биографическая справка</i>	287
---	-----

227. Умозрительство душевное, описанное стихами, о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой	288
--	-----

ВИРШИ ВЫГОЛЕКСИНСКИХ СТАРОБРАДЦЕВ

<i>Справка</i>	300
--------------------------	-----

228. «Увеселение есть юноши премудрость...»	301
229. Рифмы воспоминательны о киновиарсе Выгорецкого обществства Андрее Дионисиевиче, вкратце всего жития его	301
230. Стих плача, ему же краегранесие «Печаль сокрушает мя»	304
231. Плач о отце умершем, сочинен стихами, писан от многи скорби теплыми слезами	305

АНОНИМНАЯ ПОЭЗИЯ

232. Летопись История козанская	307
233. (Виршевой Домострой) Наказание от некоего отца к сыну своему, дабы он подвизался о добрых делах выну	309
234. О безмерном питии и о безмерном запойстве двоестроцием простообразно счинено	312
235. О смерти	316
236. «Царствие Росийское великодержавно...»	320
237. «Возлетел есть орел славы с Росийския страны...»	320
238. Лествица к небеси четвероположся, иже есть воспоминание четырех последних вещей, рифмами кратко описанное	322
239. «Возвеселися, Россие, правоверная страна!...»	348
240. «Орел ко солнцу ныне возлетает...»	349
241. «Кто идет с войском, лаврами венчанный...»	349
242. «Виват, Россия, именем преславна!...»	351
243. «Блажат тя людие, земная наша мати...»	352
244. (Прошение придворных певчих Журавля и Кружка, подан- ное Екатерине I)	353
245. «Виват, фундатор, в суде оратор...»	354
246. «Возрыдай днесь прегорко, Петрополе святой...»	355
247. «Радость моя паче меры, утеха драгая...»	355
Примечания	357
Словарь	401
К иллюстрациям	409

РУССКАЯ СИЛЛАБИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ
XVII—XVIII вв.

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1970,
424 стр. План вып. 1970, № 326.

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и

Е. А. Омеляненко

Сдано в набор 17/IV 1970 г. Подписано
в печать 28/VII 1970 г. М 47010. Бумага
84×108¹/₃₂, № 1. Печ. л. 13¹/₄+6 вкл. (22,88).
Уч.-изд. л. 20,71. Тираж 10 000 экз. Заказ
№ 726. Цена 98 коп.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главпо-
лиграфпрома Комитета по печати при Со-
вете Министров СССР, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
27	4-я сверху	«Фацеций»):	«Фацеций»),
52	1-я снизу	сподобищися	сподобищися
165	11-я сверху	в жены	с жены